

**МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Пироговская Мария Михайловна

**ОЛЬФАКТОРНЫЙ КОД И ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ
В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1860-1910-х ГОДОВ**

Специальность 07.00.07. — Этнография, этнология, антропология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель — проф., д. и. н. А. К. Байбурин

Санкт-Петербург

2015

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
0. 1. Проблематика и методология антропологии чувств.....	10
0. 2. Понятие «конфигурации чувств» и исследования Школы «Анналов».....	13
0. 3. Антропология чувств и исследования коммуникации.....	16
0. 4. Обоняние как социальный конструкт и «процесс цивилизации».....	18
0. 5. Исследованность русского материала и структура работы.....	29
ГЛАВА 1. ВОСПРИЯТИЕ ТЕОРИИ МИАЗМОВ И САНИТАРНЫЙ ДИСКУРС.....	37
1. 1. Теория миазмов в России.....	37
1. 2. Социополитические импликации представлений о «миазмах» и «контагии».....	46
1. 3. Средства борьбы с миазмами.....	54
1. 4. Понятие «общественного здоровья» и реструктуризация российского общества в последней трети XIX века.....	63
1. 5. Российский санитарный дискурс и топика «европейской чистоты» и «азиатского неряшества».....	76
ГЛАВА 2. ИНСТРУМЕНТЫ: ОЛЬФАКТОРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ САМОКОНТРОЛЯ.....	91
2. 1. Классификация запахов и становление русского ольфакторного словаря.....	91
2. 2. Медикализация быта: повседневные запахи как миазмы, симптомы и улики.....	110
2. 3. Эпидемии и санитарно-ольфакторная инспекция Российской империи (на примере Ветлянской чумы 1878-1879 годов).....	136
2. 4. Гигиенические выставки и санитарно-бактериологический синтез.....	170
ГЛАВА 3. НОРМЫ: ЧУВСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ И ОЛЬФАКТОРНЫЕ СОЦИОЛЕКТЫ.....	187
3. 1. Запахи в социальной перспективе.....	187
3. 2. Медикализация бедности и запах «другого».....	198
3. 3. Смешение запахов и ольфакторный нейтралитет.....	208
3. 4. Понятие «хорошего тона» и феминизация чувствительности.....	214
3. 5. Запах как эстетический жест.....	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	236
БИБЛИОГРАФИЯ.....	241
Словари и справочные издания.....	241
Газеты.....	241
Рукописные источники.....	242
Опубликованные источники.....	243
Исследования.....	269
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	290

ВВЕДЕНИЕ

В данном диссертационном исследовании рассматриваются процессы социального и символического конструирования ольфакторного кода и связанные с ними изменения режимов восприятия в русской городской культуре во второй половине XIX-начале XX века. Общей исследовательской рамкой является сочетание антропологии и истории, а точнее — социальной антропологии, медицинской антропологии, антропологии чувств (этим, несколько двусмысленным образом приходится русифицировать принятое для данной субдисциплины англоязычное название *anthropology of senses*) и таких направлений исторических исследований, как история медицины и гигиены, история науки и история повседневности (*Alltagsgeschichte*).

Междисциплинарность в данном случае обусловлена самим предметом исследования, который дает о себе знать не как целостный феномен, но через посредство многочисленных разнородных проявлений. Она — необходимое условие для того, чтобы понять, почему во второй половине XIX века представления и нормы, связанные с запахами, подверглись существенным изменениям, какие идеологические и социальные явления стояли за этими изменениями и на основании каких социальных норм различные запахи получали то или иное место в социальном воображении, наделялись теми или иными культурными смыслами. Лишь на основе синтеза исследовательских стратегий нескольких научных дисциплин, социальных и гуманитарных, можно надеяться приблизиться к ответу на вопрос, как социальное воображение перерабатывало чувственный и когнитивный опыт в области восприятия запахов. Каковы стратегии включения данных, принадлежащих, казалось бы, исключительно физиологической, биологической сфере, в социальные процессы? На каких эпистемологических основаниях держится оценка тех или иных запахов? Как влияют на их восприятие популяризация естественнонаучных открытий и прогресс в области медицины? Насколько быстро (или медленно) меняются социальные контуры восприятия запахов? Каким образом запахи включаются в социальные «ритуалы потребления» и каким образом используются для выстраивания социальных иерархий? Поиск ответов на эти вопросы приводит к тому, что за массой разнообразных данных обнаруживается некий единый язык, некая общая система ценностей и представлений. Описание этой системы — ольфакторного

кода, в свою очередь, позволяет увидеть в хорошо знакомых исторических фактах новые смыслы, до сей поры ускользавшие от более традиционного исследовательского взгляда.

Объектом данного исследования является русская городская культура; данные по усадебной и традиционной крестьянской культуре привлекаются лишь при необходимости сравнительного анализа (хотя едва ли стоит абсолютизировать дистанцию между ними, коль скоро речь идет о системе представлений, конструируемой медицинской наукой и по-разному, с разной скоростью усваивавшейся различными социальными группами).

Предметом исследования является ольфакторный код как социальный и символический конструкт, то есть нормы, предписания и представления, касающиеся запахов, и их изменения в рамках общей перестройки чувствительности, происходившей под влиянием естественных наук и общественной гигиены во второй половине XIX века. **Задача** исследования — проследить, как вырабатывались и изменялись представления о запахах в период между великими реформами Александра II и Первой мировой войной, какую роль играли запахи в социальном воображении. Это позволит выявить социальный и идеологический аспект ольфакторного кода, его взаимосвязи с культурной спецификой изучаемого периода, стоящую за ним систему ценностей и общую культурную значимость обоняния во второй половине XIX-начале XX века.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления российского материала второй половины XIX века в исследовательских перспективах, заданных такими социальными дисциплинами, как антропология чувств, медицинская антропология и историческая антропология. Исторический анализ представлений о запахах, специфика ольфакторного языка, конфигурация чувствительности в сложном городском обществе — новые, еще не изученные темы для российской исторической и антропологической науки. Исследуя роль запахов в социальном воображении 1860-х-1910-х годов, автор надеется внести свой вклад в обсуждение вопроса о специфике становления буржуазного общества в России.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на российском

материале предлагается описание ольфакторного кода (языка запахов как некоторой системы значений), который функционировал в российском обществе 1860-х-1910-х годов, и анализ факторов, повлиявших на формирование этого языка. В работе устанавливаются взаимосвязи между конфигурацией чувств и общественной рецепцией естественнонаучного и санитарно-гигиенического дискурсов, а также дается новая интерпретация ольфакторных мотивов в классической литературе и мемуарах, основанная на контекстном анализе представлений о запахах в соответствующий исторический период.

Основной **целью** диссертационного исследования является описание ольфакторного кода русской городской культуры второй половины XIX века и анализ факторов, так или иначе повлиявших на его формирование. Для достижения этой цели ставятся следующие **основные задачи**:

- 1) описать конфигурацию чувствительности, характерную для рассматриваемого периода, и указать место, занимаемое обонянием;
- 2) выявить предпосылки для сдвига в социальной репутации обоняния;
- 3) рассмотреть социальные импликации запахов.

Поскольку я исхожу из предположения, что вектор осмысления запахов в российском обществе XIX века задавала миазматическая теория патогенеза, меня будут интересовать возникшие на ее основе дискурсы и практики, документированные в официальных инструкциях и предписаниях, отчетах врачей-гигиенистов и ученых-химиков, описаниях санитарно-гигиенических выставок и рекламных брошюрах, санитарных жалобах обывателей и популярных руководствах по гигиене, красоте, домоводству. Реконструкция ольфакторных норм возможна в результате анализа как прямого санитарно-гигиенического дискурса, так и различных источников косвенного характера, сообщающих о точках ольфакторного «конфликта» при коммуникации людей разного пола, возраста и социального положения¹.

¹ В статье об ольфакторной коммуникации Д. Б. Захарьин отмечает слабую дифференциацию обоняния в культурном семиозисе и пишет о связанной с этим большей категоричности суждений, основанных на обонятельном восприятии предмета; «в результате запахов скорее, чем глаз, способен выступать в контексте конфликтных ситуаций как индикатор сбой коммуникации, в которой участвуют люди разных возрастов, полов и культур» (Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи в культуре: В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 283).

Исследование сосредоточено на социальных процессах второй половины XIX века, так или иначе влиявших на восприятие запахов, но **хронологические рамки** работы по необходимости расширены и захватывают более ранние периоды. Без экскурсов в XVIII век, время активного культурного импорта и усвоения европеизированного научного знания, изучение медиализации и сциентизации 1860-1910-х гг. было бы невозможно.

Избранная проблематика и антропологический подход подразумевают, в том числе, специфическое отношение к историческому **документу**: документ оказывается не только и не столько источником сведений о прошлом, сколько частью этого прошлого. Он не транслирует объективную информацию, а является субъективно окрашенной и идеологически ангажированной частью прошлого, т. е. представляет собой исторический артефакт.

Такой подход определяет и исследовательский метод, и специфику материалов, которыми я буду пользоваться по преимуществу. **Основным методом исследования** станет сравнительно-антропологический, который нацелен не на установление фактов, а на выявление представлений, стереотипов и норм, которые стоят за всем кажущимся многообразием данных и которые определяли поведение людей во время болезней и эпидемий, во время светских приемов и повседневных забот. **Методологической и теоретической базой исследования** являются работы, посвященные медицинской антропологии, социальной истории медицины, антропологии чувств и социологии науки (Science and Technology Studies). Это статьи и монографии Э. Акеркнехта, Д. С. Барнса, А. Бриггса, Ж. Кангилема, К. Классен, А. Корбена, Б. Латура, М. Фуко, Р. Дж. Эванса. При написании работы учтены исторические и антропологические изыскания Дж. Т. Александера, А. Э. Афанасьевой, Е. А. Вишленковой, К. А. Богданова, П. Болдуина, С. М. Громбаха, Д. Б. Захарьина, Л. Н. Карпова, А. Реннера, Х. Риндисбахера, Н. М. Фриден, Ш. Хенце, посвященные российской медицине. Основным **материалом** послужили специализированные и популярные издания по медицине (лечебники, сборники советов, санитарные отчеты, журналы и газеты), рекомендательная литература по домоводству, уходу за собой, хорошему тону, справочные издания и общественно-политическая пресса; кроме того, привлекалась художественная и мемуарная литература.

На защиту выносятся следующие **положения**:

- 1) во второй половине XIX века в русской городской культуре происходило изменение конфигурации чувств, т. е. социальные смыслы, приписываемые чувствам, активно менялись; в первую очередь это изменение коснулось обоняния;
- 2) социальная значимость обоняния была связана с ролью запахов в естественных науках и медицине; благодаря процессу медикализации и санитарно-гигиеническому дискурсу к запахам оказалось привлечено общественное внимание, а сами запахи начали описываться более детализированно;
- 3) основными инициаторами изменений были врачи-гигиенисты и общественные деятели, заинтересованные в европеизации российского жизненного уклада и создававшие новую публичную сферу, независимую от государства;
- 4) благодаря важности обоняния социальные отношения в обществе получили эксплицированное ольфакторное измерение; ольфакторные впечатления стали возможным основанием для социальных вердиктов и административных решений.

Апробация работы: рабочие гипотезы и промежуточные результаты исследования были представлены в докладах на следующих конференциях и семинарах: «Les cinq sens de la ville du Moyen Âge à nos jours» (Тур, Университет Франсуа Рабле, май 2011); «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, март 2014); «Cities in Europe, Cities in the World. 12th International Conference on Urban History» (Лиссабон, Европейская ассоциация городской истории, Университет Нова, сентябрь 2014); «Человек в меняющемся мире» (Лаборатория социально-антропологических исследований ТГУ, Томск, октябрь 2014 года); «14th International Congress for Eighteenth-Century Studies» (Университет Эразма, Роттердам, июль 2015); исследовательский семинар факультета антропологии ЕУСПб (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, ноябрь 2011; март 2012; ноябрь 2012; апрель 2013). По теме диссертации опубликовано 7 работ, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

Структура и объем работы: диссертация имеет объем в 296 страниц печатного текста и

состоит из Введения, трех глав, Заключения, Приложения, списка источников (457 наименований, в том числе 23 рукописных источника; а также списка использованных газет) и списка использованной научной литературы (286 наименований, в том числе 150 на иностранных языках).

Первая глава посвящена теории миазмов, посредством которой в России второй половины XVIII-XIX веке осмыслялись запахи, процессам реструктуризации российского общества, которые сделали возможной общественную дискуссию о вопросах общественного здоровья, и роли эпидемий в выработке специфического санитарно-гигиенического дискурса, привлекающего внимание общественности к ольфакторной и гигиенической сторонам повседневности. Мне представляется важным описать медицинские «координаты» воображаемого пространства представлений о запахах — идеи и репрезентации здоровья, болезни, гигиены и сопряженные с ними бытовые практики, которые наполняли смыслом переживание и осмысление запахов и ароматов. В третьем разделе первой главы рассматривается топика санитарно-гигиенического дискурса, увязывающая в противопоставленные друг другу комплексы «европейскость», «цивилизованность», «чистоту/очищение» — и «азиатскость», «отсталость» и «неряшество». Эти топосы, формировавшие контекст становления новой чувствительности, представляются ключевыми для общественной дискуссии о здоровье второй половины XIX века. Материалом для этой главы служат популярные руководства по медицине второй половины XVIII-XIX веков (лечебники М. Д. Чулкова, П. П. Сумарокова, В. Бухана, Ж. Гулена и А.-Л.-Б. Журдена, И.-Ф. Шрейбера, И.-Ф. Рюбеля, Ф. Ф. Рейса, О. К. Каменецкого и Я. О. Саполовича и др.), санитарные отчеты, публицистика и учебники гигиены (Ю. Ю. Гюбнера, Г. И. Архангельского, Г. Н. Минха, Н. И. Пирогова, Ф. Ф. Эрисмана, И. П. Скворцова, А. П. Доброславина, А. Ю. Щербакова, А. А. Антонова и др.), повременная пресса.

Вторая глава исследования посвящена инструментам, которые на протяжении XIX века способствовали рефлексии над работой человеческих чувств и постепенно меняли конфигурацию чувствительности, выдвигая обоняние как средство предохранения от опасности в социальное пространство. В первом разделе рассматриваются пути, которыми в Россию был импортирован органолептический анализ, и процесс становления русской

терминологии для описания различных ольфакторных оттенков. Медикализация повседневной жизни, развернувшаяся в середине XIX века, способствовала, во-первых, переходу терминологической лексики в научно-популярные издания (в рамках общего процесса насаждения «научно обоснованных» стандартов жизни), и, во-вторых, призывала читающую публику обращать на внимание на ольфакторные характеристики «обыденных вещей». В третьем разделе на примере Ветлянской чумы я попытаюсь показать влияние эпидемий на изменение чувствительности и описать, как на эпидемии реагировало государство, медицинское сообщество и различные социальные группы. Вопрос, изменился ли вектор реформирования чувствительности после открытий Л. Пастера, я рассматриваю в заключительном разделе, где исследуется специфический синтез санитарного (миазматического) и бактериологического (целлюлярного) знания на гигиенических выставках. Первые два раздела написаны на материале официальных и учебных фармакопей и фармакологий (для сравнения привлекаются русские травники), толковых и энциклопедических словарей, научно-популярных изданий по химии и технологии (А. И. Ходнева, А. М. Наумова, П. О. Смоленского, А. Н. Альмедингена и др.), а также кулинарных книг (от самых ранних компиляций Н. П. Осипова и В. П. Левшина до изданий Г. Летеби, И. Виля, И. А. Карвасовского) и руководств по ведению домашнего хозяйства (Е. И. Молоховец, М. Ределин, М. Клима). Третий раздел написан на основании анализа санитарно-гигиенической публицистики и прессы (ультраконсервативных «Московских ведомостей», консервативного «Нового времени» и «Современных известий», либерального «Голоса», демократического — в исследуемый период — «Петербургского листка», губернских газет и журналов), четвертый — по материалам российских гигиенических выставок — официальных положений и уставов, каталогов, рекламных объявлений, отзывов в специализированных (медицинских) и массовых изданиях.

В третьей главе речь идет о приложении миазматической теории патогенеза к социальной иерархии и о конструировании ольфакторно-гигиенических норм во второй половине XIX века. В ней рассматриваются стереотипы, связывающие физиологию, эмоциональную восприимчивость, социальное положение и моральный облик, и основанные на этих стереотипах правила «ольфакторной элегантности». Основным источником для этой части работы служат многочисленные учебники и сборники рекомендаций по хорошему тону, в

изобилии содержащие предписания относительно запахов; в качестве сравнительного материала привлекаются популярные труды по медицине, прежде всего переводные, поскольку именно они служили одним из основных источников изданий по этикету. Заключительный раздел описывает различные стратегии ольфакторного антиповедения на материале мемуарных свидетельств и художественной литературы, однако отнести данную работу к направлению «литература и медицина» нельзя. Меня будут интересовать не взаимоотношения науки и литературы, а общие процессы трансформации представлений и норм, касающихся запахов и ароматов. Художественные тексты рассматриваются как документы своего времени.

В **Заключении** сжато воспроизводится аргументация исследования и подводятся итоги работы.

0. 1. Проблематика и методология антропологии чувств

Ключевым для исследования заявленной проблематики является антропологическое понимание чувств и чувствительности как культурно обусловленных и исторически изменчивых феноменов. Возникшая во второй половине XX века антропология чувств (*anthropology of senses, anthropologie sensorielle*) исследует культурное значение «чувств как средств коммуникации и посредников нашего опыта и наших знаний о мире»². Своим формированием она была обязана сразу нескольким областям социального и гуманитарного знания³. Но прежде всего она была бы немыслима без того смещения исследовательского интереса с исторического события на социальные отношения и культурные представления, которое произошло на рубеже XIX и XX веков, без антропологического интереса к восприятию «другого» и без сомнения в неизменности и стабильности данных человеку природой сенсорных систем. По замечанию канадской исследовательницы К. Классен, ведущей специалистки в области антропологии чувств, «история и антропология чувств зиждутся на убеждении, что чувственное восприятие — явление столь же физическое, сколь

² Goody J. The Anthropology of the Senses and Sensations // La Ricerca Folklorica. 2002. No. 45: Antropologia delle sensazioni. P. 17.

³ В частности, в развитие антропологии чувств внесло вклад искусствоведение с его традицией исследований, посвященных разглядыванию и созерцанию (см., например: *Baxandall M. Painting and Experience in Fifteenth-Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style*. Oxford: Clarendon Press, 1972).

и культурное: чувственный аппарат, которым оснащено тело человека, моделируется тем обществом, в котором этот человек живет, и пять чувств, выделяемых более или менее строго в различных традициях, оказываются не только средствами восприятия физических явлений, но и способами передачи культурных ценностей»⁴.

С этой точки зрения любое общество, будучи «основано на консенсусе (т. е. — на «со-чувствовании»)», организовано как чувственное явление — постольку, поскольку чувствительность — явление социальное⁵. Русские слова «чувство» и «чувствительность» (как и английские *sense* и *sensibility*, французские *sensation* и *sensibilité*) многозначны и могут означать и нейрофизиологическое ощущение, и душевную эмоцию, и интеллектуальное отношение к нормам морали⁶. В рамках антропологического подхода чувства — и в узком, и в широком смысле — рассматриваются как проводники опыта и посредники в отношениях человека и общества, а чувственное восприятие — как исторически изменчивый и специфичный для той или иной культуры способ постижения и понимания мира, по необходимости включающий в себя определенные, обусловленные историческим контекстом социальные и культурные смыслы. Специфику этих способов постижения, их конфигурацию, символическую нагрузку тех или иных чувственных ощущений и впечатлений, стратегии и практики наделяния чувств социальным смыслом историку или антропологу и предстоит описывать, попутно держа в уме опасность этноцентризма, побуждающую принять роли, которые отводятся чувствам в культуре исследователя, как сугубо естественную данность.

Кросскультурные исследования демонстрируют, что при универсальном различении основных чувств, различные общества концептуализируют и группируют их по-своему, с различной степенью абстракции. В качестве примера можно назвать сравнительные

⁴ *Classen C.* Foundations for an Anthropology of the Senses // *International Social Science Journal*. 1997. Vol. 49. No. 153. P. 401-412.

⁵ Процитированная формулировка содержится в анонсе журнала *The Senses and Society* (www.nyu.edu/classes/bkg/web/SensesSociety.pdf). Сходные положения приведены в: *Howes D.* Charting the Sensorial Revolution // *The Senses and Society*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 113-128. См. также описания исследовательских проектов монреальской группы *CONSERT (Concordia Sensoria Research Team)*, которая занимается антропологическим анализом чувств и ощущений: <http://www.centreforsensorystudies.org>.

⁶ См. обсуждение исторического изучения чувствительности в: *Wickberg D.* What is the History of Sensibilities? On Cultural Histories, Old and New // *The American Historical Review*. 2007. Vol. 112. No. 3. P. 661-684.

антропологические описания языков чувств (*senses*) в различных традициях⁷. Тем не менее, по заключению антропологов, существенные различия в концептуализации чувств носят культурный, а не биологический характер, и располагаются в трех областях: место чувств в культурном универсуме, значение, придаваемое каждому из чувств, и оценка надежности чувственных данных⁸. Необходимо также отметить, что выделение в качестве стандартного набора пяти чувств и поиск их аналогов в различных «чужих» культурах, с неизбежным отсечением данных, не укладывающихся в матрицу «осязание — обоняние — вкус — слух — зрение», уже сами по себе могут рассматриваться как культурно-специфичная черта, характерная для западноевропейской культурной традиции, опирающейся на учение Аристотеля о душе и чувственном восприятии как одной из форм познания⁹. Одной из первых попыток систематизации обширного материала по этнографии чувств стала обзорная коллективная монография «Аромат: культурная история обоняния» (1994), где обоняние как символический и социальный язык описано «горизонтально», на основании этнографических данных, и «вертикально», диахронически — от классической древности до маркетинговых отчетов современных парфюмерных концернов¹⁰.

Можно сказать, что история и антропология чувств представляют собой не столько области

⁷ См., например: *Almagor U.* The Cycle and Stagnation of Smells: Pastoralists-Fishermen Relationships in an East African Society // *Res: Anthropology and Aesthetics*. 1987. Vol. 13. P. 106-121; *Classen C.* Sweet Colors, Fragrant Songs: Sensory Models of the Andes and the Amazon // *American Ethnologist*. 1990. Vol. 17. No. 4. P. 722-735; *Classen C.* Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures. London, NY: Routledge, 1993; *Dupire M.* Des goûts et des odeurs: classifications et universaux // *L'Homme*. 1987. Vol. 27. No. 104. P. 5-25; *Gell A.* Magic, Perfume, Dream // *Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism* / Ed. by I. Lewis. London, NY, San Francisco: New York Press, 1977. P. 25-38; *Gossen G.* Chamulas in the World of the Sun. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974; *Feld S.* Sound as a Symbolic System: The Kaluli Drum // *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses* / Ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 79-99; *Reichel-Dolmatoff G.* Desana Animal Categories, Food Restrictions and the Concept of Color Energies // *Journal of Latin American Lore*. 1978. Vol. 4. No. 2. P. 243-291; *Roubin L. A.* Le monde des odeurs: Dynamique et fonctions du champ odorant. Paris: Méridiens-Klincksieck, 1989; *Seeger A.* Nature and Society in Central Brazil: The Suya Indians of Mato Grosso. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981; *Stoller P.* The Taste of Ethnographic Things: The Senses in Anthropology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989; *Давлетшин А. И.* Как должна была пахнуть женщина? Еще один широко распространенный мифологический мотив // *Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня*. Сб. ст. в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С. 63-68. Из новейших исследований можно назвать книгу о парфюмерной традиции Йемена и ее роли в выстраивании культурной идентичности (*Jung D.* *Ethnography of Fragrance: The Perfumery Arts of Adan/Lahj*. Leiden, Boston: Brill, 2011).

⁸ *Goody J.* *The Anthropology of the Senses and Sensations*. P. 18.

⁹ *Аристотель.* Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 102-136; *Аристотель.* О душе // *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 394-422.

¹⁰ *Classen C., Howes D., Synnott A.* *Aroma: The Cultural History of Smell*. NY, London: Routledge, 1994. Далее я буду ссылаться на переиздание 2004 года.

знания, сколько подходы, позволяющие обнаружить новый материал или по-новому взглянуть на уже известный¹¹: например, поставить под вопрос абсолютность западноевропейской конфигурации чувств, показать ее относительность и историческую изменчивость. Сдвиги внутри этой конфигурации, переосмысление чувствительности зависят от множества факторов; семантика каждого из пяти чувств обнаруживает непосредственные связи с социальной динамикой. Каждое из чувств обладает своим весом в практиках символического обмена, определяет наличные формы коммуникации, проводит границы между возможным и непозволительным. Исследование чувствительности становится, таким образом, одним из ключей к пониманию того, как соотносятся социальные группы, репрезентации, процессы формирования субъективности и индивидуальности. История и антропология чувств — это своего рода ракурсы, или окна, сквозь которые можно по-новому взглянуть на классические объекты изучения и обнаружить прежде ускользавшие смыслы¹².

0. 2. Понятие «конфигурации чувств» и исследования Школы «Анналов»

Тот факт, что при исследовании чувств и чувствительности история и антропология (прежде всего историческая антропология) не только имеют дело с общим материалом, но и ставят одни и те же вопросы, можно считать результатом встречного движения двух направлений научного знания — исторических и социальных наук. Это движение началось в 1920-е годы в трудах историков французской Школы «Анналов» и немецких социологов повседневности (Г. Зиммель), поставивших вопросы о социальном измерении истории и историческом, диахроническом измерении социальной среды, и продолжается, несмотря на бурные методологические споры (а в какой-то степени и благодаря им), до сих пор. Позитивистскую историософию второй половины XIX века, нацеленную на анализ и описание «события», на выявление исторических законов, сменила «новая историческая наука», тяготеющая к преимущественному изучению синхронии, а не диахронии; эпохи, а не события; обыденного и повседневного опыта, а не катаклизмов; масс, а не элит¹³. Прямым результатом стало

¹¹ *Smith M. M. Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History.* Berkeley: University of California Press, 2007. P. 3-4; *Reinartz J. Past Scents: Historical Perspectives on Smell.* Chicago: University of Illinois Press, 2014. P. 3-4.

¹² *Smith M. M. Sensing the Past.* P. 5.

¹³ *Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов».* М.: Индрик, 1993. С. 33.

выдвижение на первый план социальной теории; под влиянием работ Э. Дюркгейма и М. Вебера произошло сближение истории с социальными дисциплинами — социологией, антропологией, экономикой. Именно социологическая школа Дюркгейма «задавала правила игры» и позволяла ставить вопросы на стыке истории и социологии, истории и психологии, истории культуры и этнологии¹⁴. Для «новой исторической науки» и, в частности, исторической антропологии М. Блока человек не является константой в историческом процессе — он изменчив, и вместе с эпохой изменяются его мировоззрение, его эмоциональный язык, его чувствительность, а вместе с ними и нормы поведения и прочие компоненты социальной системы¹⁵.

Изучая способы мировосприятия и процедуры мышления, которые не проблематизируются их носителями, но исподволь определяют их социальное поведение, историк имеет дело с представлениями и эмоциями, с различными режимами восприятия, субъективностью и чувствительностью в широком смысле слова. Во второй половине XX века к этой проблематике обратились представители разных социальных и гуманитарных наук, однако истоки культурной истории чувств, микроистории, «археологии знания» (М.Фуко), новой истории медицины — с точки зрения пациента, а не врача (Р. Портер) — и некоторых антропологических теорий (К. Леви-Стросс, К. Гирц) можно увидеть в работах старшего поколения Школы «Анналов», в свою очередь, инспирированных трудами по исторической психологии Ш. Блонделя и Л. Леви-Брюля. Следует отметить, что психология оказала влияние и на изучение чувств первыми антропологами, которые исходили из предположения о физиологическом различии сенсорного восприятия у «первобытных» и «развитых» народов и занимались чувствительностью в ее физиологическом аспекте¹⁶.

Поскольку социальная история в понимании «анналистов» — это прежде всего история людей, одним из центральных вопросов становится вопрос восприятия — того, как человек

¹⁴ Лазарев А. Робер Мандру и судьба исторической психологии Люсьена Февра // Мандру Р. Франция раннего Нового времени. 1500-1640. Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010. С. 11.

¹⁵ Блок М. Феодалное общество. М.: Издательство Сабашниковых, 2003. С. 136-137.

¹⁶ Goody J. The Anthropology of the Senses and Sensations. P. 17-28. Гуди приводит список вопросов, связанных с сенсорным восприятием, которые изучали участники Кембриджской антропологической экспедиции Хэддона-Риверса в Торресов пролив 1898 года (ibid. P. 17-18). Эти исследования выявили очень незначительные различия на уровне физиологии и существенные культурные (например, в номенклатуре цветов, в манере рисования и письма).

прошлого ощущал и осознавал окружающий мир. Даже явления чисто биологические не существуют как факторы исторического процесса до тех пор, пока не прошли сквозь специфическое для данного времени видение мира и не стали фактами человеческого сознания и социума. Проблема принципиальной возможности изучения чувствительности как таковой была впервые сформулирована в статье Л. Февра 1941 года «Чувствительность и история: как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого», в которой Февр предложил различать эмоцию как непосредственную физиологическую реакцию на какой-либо стимул и выражение эмоции — эмоцию в ее социальном измерении, подразумевающим отношения людей друг к другу¹⁷. Взятая в этом аспекте, эмоция оказывается «результатом целого ряда опытов совместного существования»¹⁸, общим конвенциональным языком для выражения индивидуальных переживаний и, более того, неким «общественным институтом»¹⁹. Исторически обусловленным Февр считал и чувственное восприятие: в книге «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле» (1942) он выдвинул тезис о «визуальной отсталости» (*retard de la vue*) социальных низов того времени, опиравшихся в первую очередь на слуховые, а не на зрительные впечатления²⁰.

Мысль Февра о связи конфигурации чувств с историческим контекстом получила развитие у представителей следующих поколений Школы «Анналов» (Ж. Ле Гоффа²¹, Р. Мандру²²). Для настоящей работы примечательна гипотеза Р. Мандру об иной, по сравнению с современными западноевропейскими данными, иерархии использования, социальной

¹⁷ Февр Л. Чувствительность и история: как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 109-125.

¹⁸ Там же. С. 111.

¹⁹ Там же. С. 112. Один из ранних призывов к изучению социальных эмоций содержится в рецензии ученика Февра Р. Мандру (*Mandrou R. Pour une histoire de la sensibilité // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1959. No. 3. P. 581-588*).

²⁰ *Febvre L. Le Problème de l'incroyance au XVIe: La religion de Rabelais. Paris: Albin Michel, 1942.* См. фрагмент об иерархии чувств в английском переводе: *Febvre L. The Problem of Unbelief in the Sixteenth Century: The Religion of Rabelais. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. P. 424-432.*

²¹ *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 393-439.*

²² *Мандру Р. Франция раннего Нового времени. С. 84-98.* В иерархии чувств XVI века, построенной на данных культурной истории, изящных искусств, литературы, фольклора и лингвистики, Мандру первое место отводит слуху, второе — осязанию, а третье — зрению, которому в раннее Новое время еще не приписывалась классифицирующая, организующая и свидетельская функция.

полезности и символическом смысле, которые приписывались чувствам в XVI веке²³.

0. 3. Антропология чувств и исследования коммуникации

Одновременно с Мандру, выпустившим свою книгу в 1961 году, — и независимо от него в силу своей принадлежности к другой научной традиции – проблемой исторической релятивизации чувствительности и изменчивости чувственной иерархии занимался канадский философ и теоретик коммуникации М. Маклюэн — и пришел к сходным выводам. В 1962 году в книге «Галактика Гутенберга» Маклюэн поставил вопрос о социальных и исторических аспектах чувствительности и ввел понятие «великого водораздела» (*great divide*), который отделил человека Средневековья, постигающего мир посредством всех органов чувств, от человека Нового времени, усваивающего информацию преимущественно с помощью зрения — благодаря книгопечатанию — изобретению Гутенберга²⁴. Как и Н. Элиас (чья работа о «процессе цивилизации» на тот момент еще не была переведена на английский и не попала в широкий научный оборот), Маклюэн отмечал в европейской истории усиление индивидуализма, но связывал его не с распространением манер, а с возрастающей ролью зрения, которое выдвинулось в социальное пространство благодаря развитию новых способов хранения и передачи информации и возникновению новых технологий²⁵. С точки зрения Маклюэна, конфигурация чувств в каждый исторический период тесно связана с социальной организацией, с иерархией способов познания, с медиа (в широком смысле), наукой и технологиями: все они способны выступать как факторы, взаимодействие которых дискредитирует информацию одних каналов восприятия и

²³ В частности, Мандру описывает сдвиг в пользу зрения: «Телескоп Галилея и первые микроскопы были инструментами научного прогресса, но с ними появилось и новое видение, более тренированное и дальнорукое. Они знаменуют начало стимуляции зрения, которая очевидным образом была тесно связана со взлетом науки Нового времени» (там же. С. 90).

²⁴ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2003.

²⁵ В отличие от рукописной культуры Средневековья, остававшейся уделом элит, книгопечатание создало огромные возможности для «завоевания словами пространства», т. е. для масштабного распространения визуального знания. В эту эпоху даже прикладное знание начинает переводиться в книжную форму. В частности, именно к ренессансному процессу перевода телесного ремесленного знания в визуальную форму учебника, т. е. к процессу конвертации *техне* в *эпистему*, Э. Цильзель возводил появление в западноевропейской культуре идеи научного прогресса (*Zilsel E. The Genesis of the Concept of Scientific Progress // Journal of the History of Ideas. 1945. Vol. 6. No. 3. P. 325-349*).

поддерживает данные других²⁶.

Близкие идеи о роли новых технологий (письменности) в трансформации способов познания высказывали У. Онг²⁷ и Э. Хэвлок²⁸. В частности, первый считал, что отсутствие письменности благоприятствует высокому статусу слуха и синтетическому характеру чувственного восприятия, а ее наличие — престижу зрения и развитию аналитического восприятия. С антропологической точки зрения это спорно: во-первых, одно и то же чувство может наделяться различными познавательными потенциалами в различных культурах²⁹; во-вторых, различные чувства могут образовывать сложные альянсы³⁰. Другой опасностью, которой не избежали социальные исследователи Нового времени, является склонность экстраполировать современные представления и оценки на близкий по времени материал, тогда как для обоснованных выводов важно держать в голове общую конфигурацию чувств в конкретный исторический период³¹. Наконец, теория «великого водораздела» претендовала на универсальность описания, хотя в действительности оперировала материалами по истории элит.

Подобные масштабные построения оказались весьма уязвимы для критики, поскольку оперировали преимущественно крупными временными отрезками и бинарными

²⁶ Рассуждая о «визуальности» западноевропейской цивилизации Нового времени, Маклюэн утверждает, что «цивилизованные люди в большинстве своем отличаются неразвитостью и грубостью чувственного восприятия, по сравнению со сверхчувствительностью представителей устных культур» (Маклюэн М. Галактика Гутенберга. С. 39-40). Маклюэн выдвигает гипотезу о четырех стадиях общественного развития, каждая из которых основывается на особой чувственной конфигурации: аудиальные дописьменные культуры использовали устные и синкретические формы коммуникации, изобретение письменности выдвигает на передний план зрение, однако окончательный триумф визуальности наступает лишь с книгопечатанием; наконец, «электронное общество» возвращается к синтезу, реабилитируя слух и осязание. Примечательно, что об усилении зрения и ослаблении «низших», «животных» чувств — вкуса, обоняния и осязания — по мере продвижения человека по эволюционной лестнице также писали Дарвин и Фрейд (Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. P. 88-92). Эти идеи перекликаются с концепцией немецкого натуралиста Л. Окена, одного из предтеч клеточной теории, который в начале XIX века не только предложил «сенсорную» классификацию живых существ, но и выстраивал иерархию человеческих рас в зависимости от насущной конфигурации чувств: от «осязающего» африканца к «созерцающему» европейцу (Gilman S. L. *Inscribing the Other*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1991. P. 19-20).

²⁷ Ong W. J. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London, NY: Methuen, 1982.

²⁸ Havelock E. A. *The Literate Revolution in Greece and its Cultural Consequences*. Princeton: Princeton University Press, 1981.

²⁹ Classen C. *Worlds of Sense*. P. 11, 131-134.

³⁰ Smith M. M. *Sensing the Past*. P. 12-13.

³¹ Corbin A. *Histoire et anthropologie sensorielle // Anthropologie et Sociétés*. 1990. Vol. 14. No. 2. P. 17.

оппозициями, с неизбежностью огрубляя данные³². Утверждение, что усиление какого-то одного чувства (зрения) должно неминуемо привести к ослаблению остальных (слух, обоняние), кажется слабо аргументированным и основанным на биологической модели культуры³³: сдвиг чувственной конфигурации едва ли происходит как отказ от одного чувства в пользу другого, скорее он заключается в ре-семантизации каждого из актуальных для культуры чувств. Кроме того, работы Маклюэна, Онга, Хэблока и др. создавались в рамках общих когнитивных исследований письменных и бесписьменных культур, и вопросы чувственного восприятия, конфигурации и символизации чувств в конкретных обществах рассматривались в них вне связи с социальным и историческим контекстом³⁴.

0. 4. Обоняние как социальный конструкт и «процесс цивилизации»

Более продуктивными для понимания символической и социальной роли чувств оказались историко-антропологические исследования дескриптивного, а не теоретического характера, в центре внимания которых оказывались особенности чувственного восприятия в тех или иных культурах, а также трансформации, которые чувственные конфигурации претерпевали в различные исторические периоды. Пионерской работой такого рода стала книга «Миазм и нарцисс: обоняние и социальное воображение в XVIII-XIX веках» (1982) французского историка А. Корбена, исследовавшего социальные репутации обоняния и запахов во Франции XIX века и выдвинувшего гипотезу о влиянии, которое медицинские теории второй половины XVIII-XIX веков оказали на представления о запахах³⁵. Именно с монографии Корбена, назвавшего себя «историком чувств» (*historien du sensible*), принято отсчитывать рождение истории и антропологии чувств как таковых³⁶. Неслучайно, представляя ее англоязычному читателю, британский историк медицины Р. Портер впервые воспользовался

³² Критический обзор теории «великого водораздела» приведен в: *Smith M. M. Sensing the Past*. P. 8-18.

³³ *Jenner M. S. R. Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture // Civil Histories: Essays Presented to Sir Keith Thomas*. Ed. by P. Burke, B. Harrison, P. Slack. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 138-143.

³⁴ См. также: *Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History*. 1963. Vol. 5. No. 3. P. 304-345.

³⁵ *Corbin A. Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles*. Paris: Aubier Montaigne, 1982; английский перевод: *Corbin A. The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988. По-русски отдельные главы были опубликованы в двухтомном сборнике «Ароматы и запахи в культуре» (М.: Новое литературное обозрение, 2003). Далее я буду ссылаться на англоязычное издание 1988 года.

³⁶ *Classen C. Foundations for an Anthropology of the Senses*. P. 406.

термином «культурная антропология чувств»³⁷.

Работа Корбена соединила подходы из истории медицины, микроистории и культурной антропологии, но, хотя термин «воображение» (буквально — «воображаемое», *l'imaginaire*) в подзаголовке книги отсылает к «анналистским» штудиям Ле Гоффа, Корбен отказался от истории чувств как истории ментальностей и предпочел говорить о чувствах как идеологических и социальных конструктах³⁸. Запах он понимает как эманацию материальной культуры (и, следовательно, неотделимую часть истории телесности) и как объект идеологизации — применительно к Европе XVIII-XIX веков речь идет об идеологизации научной и медицинской. В эпоху интенсивной «медикализации» повседневной жизни вокруг запахов, ароматов и связанных с ними гигиенических практик возникают разветвленные социальные мифологии³⁹.

С точки зрения Корбена, в Западной Европе процесс снижения толерантности к разнообразным — в первую очередь неприятным — запахам и изменение чувственной конфигурации неслучайным образом совпадают с процессом формирования буржуазного общества, когда меняются представления о времени и пространстве, личной и общественной гигиене, манерах и поведении, здоровье и болезни⁴⁰. В своей книге Корбен не упоминает ни М. Фуко, ни Н. Элиаса, однако его концепция явно перекликается с исследованиями, посвященными «процессу цивилизации». Элиас рассматривал изменения, происходившие в западноевропейском обществе при переходе от Средневековья к Новому времени, как создание «барьера стыдливости», приводящее к изменению социальных фигураций, и распространение поведенческого стандарта, принятого у высших слоев⁴¹; Фуко — как

³⁷ Porter R. Foreword // Corbin A. *The Foul and the Fragrant*. P. VII.

³⁸ Corbin A. *Histoire et anthropologie sensorielle*. P. 13-24.

³⁹ Процесс, который М. Фуко назвал «медикализацией западной культуры», начинается на рубеже XVIII и XIX веков, с изменением социальных функций и обязанностей медицины. Медицина приводит к тому, что человеческая жизнь как таковая начинает рассматриваться как медицинская проблема, то есть как проблема соотношения здоровья и болезни, а человеческое тело, сознание, повседневная жизнь становятся объектами пристального медицинского контроля и регулирования (*Лехциер В. Л.* Эффекты медикизации и апология патоса // *Топос*. 2006. №1 (12). С. 114-126; см. также сборник: *La médicalisation de la société française 1770-1830* / Sous la dir. de J.-P. Goubert. Waterloo, Ontario: Historical Reflections Press, 1982).

⁴⁰ Gay P. *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud*. 5 vols. Vol. 1. *Education of Senses*. New York, London: Norton, 1984-1998; Lowe D. M. *History of Bourgeois Perception*. Chicago: Chicago University Press, 1982.

⁴¹ Элиас Н. *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования*. М.-СПб.: Университетская книга, 2001.

усиление государственного и общественного контроля над человеческим телом и поведением, как насаждение дисциплины и самодисциплины⁴².

Изучая средневековое общество, Элиас обнаружил, что реформирование придворного этикета привело к постепенному сдвигу межличностных границ и формированию новой индивидуальной дистанции⁴³. По сравнению с обществом Нового времени средневековые люди были намного ближе друг к другу — они ели из одной посуды, спали в семейных постелях вместе с детьми, домочадцами и даже чужими людьми, не нуждались в уединении (что сказывалось, к примеру, на устройстве жилища) и более активно воспринимали мир посредством «низших чувств» — вкуса, обоняния и осязания. При этом общий уровень чувствительности, брезгливости, чувственной рефлексии оставался довольно низким; во всяком случае, к ним не привлекалось дискурсивное внимание. Постепенно, с развитием понятия «приватность» и изощрением манер, в жилищах стали появляться закрывающиеся комнаты, люди начали пользоваться столовыми приборами и постельным бельем, естественные нужды оказались вытеснены из публичной сферы в сугубо приватную, на смену экстравертному поведению пришло интравертное, и в определенных социальных средах коллективизм уступил место атомизации и индивидуализму. В индустриальную эпоху, по мере роста городов и оформления несословного буржуазного общества, социальные сети уплотнились еще больше. Соответственно, все решительнее прокламировались те запахи, которые выступали в качестве знаков чужого присутствия, и все прочнее утверждалась необходимость дезодорации — как тела, так и публичного пространства⁴⁴. По мере роста социального взаимодействия увеличивалась и степень самоконтроля, требуемая сначала от высших слоев общества, а затем просачивающаяся и к социальным низам. Человеческое тело со всеми его чувственными режимами оказывается одновременно и полем приложения поведенческих норм, и их хранилищем. К телу прежде всего и предъявляются требования

⁴² Фуко М. Рождение клиники: Археология врачебного взгляда. М.: Смысл, 1998; Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 1999.

⁴³ В этом смысле Элиас предвосхитил работы Э. Т. Холла, посвященные проксемике, — с той разницей, что Холл работал с синхронными данными различных культур, а Элиас исследовал приватную дистанцию в диахронии на западноевропейском материале (*Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Doubleday, 1966; Hall E. T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder&Jahr, 1983*).

⁴⁴ Французский историк Ж. Вигарелло описывает важную для Нового времени смену гигиенических практик, одним из результатов которой стала дезодорация, как переход от сухого очищения к влажному (*Vigarello G. Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France since the Middle Ages. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1988*).

самоконтроля и подавления спонтанности, которые поначалу ожидаются от элит, а затем постепенно насаждаются среди социальных низов.

Эту модель «процесса цивилизации», заключающуюся в постепенном умножении запретов, росте индивидуализма и увеличении дистанции между «Я» и «Другим», Корбен подвергает ревизии, исходя из перспективы и специфики исследуемого материала⁴⁵. Усиление самоконтроля, а также жесткий контроль над телесными запахами и эманациями оказываются следствиями научной революции Нового времени. Источник трансформаций, в результате которых в Европе XIX века по-новому складывается конфигурация чувств, обнаруживается в распространении философских и научных теорий Просвещения⁴⁶. В конце XVIII века благодаря элитам, увлеченным вопросами общественного здоровья, санитарии и дезодорации, медицинские концепты, связанные с обонянием, из научной сферы проникают в общественное сознание и влияют на представления о чистоте и грязи, здоровье и болезни. В эту эпоху складывается представление о «тонкости чувств», а натурфилософы в своем объяснении патогенеза переходят на позиции миазматической теории. Это способствует привлечению внимания к обонянию вообще и к запахам в частности. Ольфакторная толерантность резко снижается: если прежде общество мирилось с разнообразными дурными запахами как с неизбежным злом, то теперь оно начинает активно с ними бороться. Так научная мифология превращается в общественную идеологию и начинает формировать повседневную жизнь буржуазного общества, изменяя гигиенические привычки, отношение к среде обитания, социальные репутации. Под ее влиянием вырабатываются определяющие для буржуазного этоса понятия чистоты, умеренности, порядка, которые в позднее Новое время становятся базовыми принципами западноевропейского урбанизма.

Развивая построения Корбена, канадские антропологи ввели понятие «ольфакторного молчания». Речь идет о своеобразном императиве чистоты, дезодорированности, стерильности, который утверждается как нормативная точка отсчета в западноевропейской повседневности с конца XIX века⁴⁷. Сходной точки зрения придерживался социолог З.

⁴⁵ *Burke P.* What is Cultural History? Cambridge: Polity Press, 2008. P. 112-114.

⁴⁶ См. также: *Porter R.* The Rise of Physical Examination // *Medicine and the Five Senses* / Ed. by W. F. Bynum, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 179-197.

⁴⁷ *Classen C., Howes D., Synnott A.* Aroma: The Cultural History of Smell. P. 203.

Бауман, когда описывал Новое время как «тотальную войну против запахов», наименее дисциплилируемых явлений реальности. Цивилизация не готова их игнорировать, поскольку *a priori* стремится к упорядочиванию или искоренению неконтролируемого, животного начала, с которым исторически ассоциируются и запахи, и само чувство обоняния. Однако полностью контролировать запахи невозможно; эта невозможность вызывает беспокойство и фрустрацию⁴⁸.

Однако действительно ли война Нового времени с запахами является тотальной?

Западноевропейские материалы (да и русские тоже, как я надеюсь показать в своей работе), демонстрируют, что прокламировались и преследовались лишь запахи определенного типа, тогда как другие (запахи парфюмерии, гигиенических средств, пищевых отдушек и т. п.) приветствовались и все активнее распространялись в различных социальных слоях вместе со своими физическими носителями. Ужесточались правила, регулирующие появление запахов в определенных социальных ситуациях или контекстах и степень их возможной интенсивности, но едва ли возможно говорить о тотальной войне.

В XIX веке нетерпимость к запахам разложения, гниения, отходов соседствовала с терпимостью к запахам дезинфекционных средств, порой не менее едких, чем те миазмы, которые они были призваны обезвреживать. Дискредитация телесных запахов в конце XVIII века, а затем и сильно пахнущих парфюмерных средств в течение XIX века не привела к полному уничтожению душистых гигиенических товаров. Наоборот, начиная со второй половины XIX века, благодаря успехам органической химии (связанным с исследованиями нефти, открытием альдегидов и получением первых синтетических молекул), ароматизированные средства гигиены превратились в доступный и массовый товар; тем самым некоторые ароматы сделались буквально вездесущими⁴⁹. Ароматы животного происхождения (мускус, амбра, кастореум, цибетин) вышли из обихода в первой трети XIX века, чтобы в определенных кругах вернуться в моду на рубеже веков. Еще более

⁴⁸ *Bauman Z. The Sweet Scent of Decomposition // Forget Baudrillard? / Ed. by Ch. Rojek, B. S. Turner. London: Routledge, 1993. P. 24-25.* Именно неконтролируемость наделяет запахи способностью пугать, смущать и вызывать смех (*ibid.* P. 24).

⁴⁹ *Briot E. From Industry to Luxury: French Perfume in the Nineteenth Century // Business History Review. 2011. Vol. 85. No. 2. P. 273-294.* З. Бауман связывает понижение ольфакторной терпимости и повышение общей чувствительности к сенсорным впечатлениям во второй половине XX века с поиском истинной реальности в эпоху «исчезновения» смерти и смертности (*Bauman Z. The Sweet Scent of Decomposition. P. 27-44*).

примечательно, что в XX веке синтетическая версия мускуса (так называемый белый мускус) стала широко использоваться в качестве отдушки при производстве мыла, дезодорантов и стиральных порошков, по ассоциации приобретая статус «запаха чистоты»⁵⁰.

Гипотезу Корбена о резком снижении толерантности к сильным запахам на рубеже XVIII и XIX веков существенно скорректировали последующие исследования, посвященные отношению к запахам в раннее Новое время и в Средние века⁵¹. В средневековых материалах также обнаруживаются свидетельства ольфакторной бдительности и беспокойства по поводу неприятных запахов, закрепленного в институциональной форме городских указов и правительственных регламентов. Именно дурными запахами зачастую объяснялось возникновение болезней и эпидемий, именно запахи служили импульсами для личной предосторожности и муниципальных предупредительных мер, от очищения улиц и устройства чумных кладбищ до контроля за ремеслами, которые имели дело с различными вонючими субстанциями.

В связи с этим нередко возникает вопрос, что служит причиной подобного поведения: физическая брезгливость, индивидуальная чувствительность к тем или иным запахам, универсальное отвращение к грязи, нечистотам и отбросам. Ответ на него ищут представители разных естественных, социальных и гуманитарных дисциплин — этологии, физической антропологии, социальной антропологии, культурной истории. Как правило, предлагаемые ими ответы зависят от того, эссенциалистских (социобиологических) или социоконструктивистских позиций придерживается исследователь в разговоре о соотношении врожденных (биологических, выработанных эволюцией) и приобретенных (культурных) поведенческих черт. Сторонники эссенциализма возводят человеческое

⁵⁰ О мускусе: указано французским парфюмером Ж.-К. Эллена в личном общении. Об ассоциации между запахом и воспринимаемым качеством и назначением чистящих и гигиенических средств: *Pybus D. Buying Fragrance Ingredients and Selling Fragrance Compounds // The Chemistry of Fragrances: From Perfumer to Consumer / Ed. by Ch. Sell. Cambridge: The Royal Society of Chemistry Publishing, 2006. P. 299.*

⁵¹ *Cockayne E. Hubbub: Filth, Noise and Stench in England, 1600-1770. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2007; Ducos J. L'air corrompu dans les traités de peste // Air, miasmes et contagion: Les épidémies dans l'Antiquité et au Moyen Âge / Sous la dir. de S. Bazu-Tacchella, D. Quéruel, É. Samama. Langres: Dominique Guéniot, 2001. P. 87-104; Dobson M. J. Contours of Death and Disease in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Jenner M. S. R. Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture; Jørgensen D. The Medieval Sense of Smell, Stench and Sanitation // Les cinq sens de la ville: Du Moyen Âge à nos jours / Sous la dir. de R. Beck, U. Krampfl, E. Retaillaud-Bajac. Tours: Presses universitaires François-Rabelais, 2013. P. 301-313; Wheeler J. Stench in Sixteenth-Century Venice // The City and the Senses: Urban Culture since 1500 / Ed. by A. Cowan, J. Steward. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 25-38.*

поведение и политику в области запахов к биологическим основам и настаивают на универсальном характере отвращения, которое проявляется в преследовании, искоренении или избегании определенных ольфакторных сигналов⁵². В свою очередь, приверженцы социокультурного конструктивизма приводят многочисленные примеры несовпадения представлений о чистоте и грязи, приятном и отвратительном даже в близких друг к другу традиционных обществах, что свидетельствует о культурном, выученном, а не врожденном поведении⁵³. Кроме того, едва ли справедливо возводить поведенческие паттерны различных социальных групп в индустриальных и постиндустриальных обществах позднего Нового времени, с высоким уровнем урбанизации и высокими эпидемиологическими рисками, к биологическим истокам. Как показали исследования по истории европейской медицины и культурной истории тела, современные рутинные привычки и представления о чистоте, гигиене, грязи, болезнях — результат сложных общественных процессов XVIII-XIX веков⁵⁴. Наконец, есть те, кто придерживается компромиссной точки зрения, считая, что «бытовое восприятие запахов складывается из взаимодействия врожденных и культурно приобретенных привычек», а биологическое чувство обоняния «корректируется правилами социальной игры»⁵⁵, однако и они склонны подчеркивать высокую вариативность ольфакторной рецепции в различных культурах.

Другой важный вопрос, который возникает при чтении книги Корбена — и который стал отправной точкой для настоящего исследования, заключается в том, могут ли научные теории повлиять на представления, ценности, нормы и формы поведения сами по себе, или же для их усвоения широкой публикой необходимы еще какие-то факторы. Работы Б. Латура о

⁵² Д. Йоргенсен, приводя этот аргумент в своей статье о санитарной политике Средневековья (*Jørgensen D. The Medieval Sense of Smell, Stench and Sanitation. P. 301-313*), ссылается на работы специалистки по истории и антропологии инфекционных болезней В. Кертис, посвященные отвращению (см., например: *Curtis V. Don't Look, Don't Touch, Don't Eat: The Science Behind Revulsion. Oxford: Oxford University Press, 2013*).

⁵³ Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс, 2000 (оригинал: *Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. London: Routledge & Kegan Paul, 1970*).

⁵⁴ О реформировании телесных практик и воспитании чистоплотности и брезгливости в Европе Нового времени см., в частности: *Schoenwald R. L. Training Urban Man: A Hypothesis About the Sanitary Movement // The Victorian City: Images and Realities / Ed. by H. J. Dyos, M. Wolff. 2 vols. London, Boston: Routledge and Kegan Paul, 1973. Vol. 2. P. 669-692; Frykman J., Löfgren O. Culture Builders: A Historical Anthropology of Middle-Class Life. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987. P. 157-263; Vigarello G. Concepts of Cleanliness; Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.*

⁵⁵ *Classen C., Howes D., Synnott A. Aroma: The Cultural History of Smell; Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 56.*

создании сетей (*networks*) как «путепроводов» научного знания и Д. С. Барнса о смене естественнонаучной парадигмы и распространении нового бактериологического подхода во Франции конца XIX века продемонстрировали, что усвоение и популяризация тех или иных научных концепций требуют подготовленной почвы, работы адептов, союзников и сочувствующих и наличия определенных общественных институтов⁵⁶. Анализируемый мною российский материал показывает, что усвоение научных теорий и представлений городской публикой было бы крайне затруднительно без существования таких феноменов, как публичная сфера и общественное мнение. С их помощью происходило выдвигание обонания в социальное пространство, вырабатывались новые социальные нормы и внедрялись новые телесные привычки, привычки образованного городского среднего класса — при всех многочисленных оговорках, которые следует делать, применяя это понятие к Российской империи второй половины XIX века⁵⁷.

Я буду придерживаться того понимания «публичного» и «публичной сферы», которое предложил Ю. Хабермас в книге «Структурная трансформация публичной сферы» (1962). Понятие «публичного» связано с коллективными интересами, с понятием общественного блага, с общественно значимыми коммуникациями («рационально-критической дискуссией») частных лиц, в которых создаются и обсуждаются социокультурные нормы, практики и конвенции. Буржуазная публичная сфера, по Хабермасу, отделена от государства и представляет собой специфический институт, в функции которого входит оформление и выражение общих интересов индивидов⁵⁸. Без возникновения «общественности», без создания «общественного мнения» (принимающего разнообразные дискурсивные формы и существующего параллельно государственной власти), возможность усвоения сугубо специализированного медицинского знания широкими слоями населения представляется

⁵⁶ *Латур Б.* Пастер: война и мир микробов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015; *Barnes D. S.* The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs. Из новейших работ о влиянии информационных сетей на общественные представления о здоровье следует назвать книгу Э. Харди об инспекции припасов в Англии конца XIX века (*Hardy A.* Salmonella Infections, Networks of Knowledge, and Public Health in Britain, 1880-1975. Oxford: Oxford University Press, 2014).

⁵⁷ Одним из основных критериев, объединяющих различные социальные группы в «средний класс», П. Стернс называет общность ценностей и культурного опыта, проводником которых была прежде всего массовая пресса (*Stearns P.* The Middle Class: Toward a Precise Definition // *Comparative Studies in Society and History.* 1979. Vol. 21. P. 377-396).

⁵⁸ *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991. P. 89-140.

весьма сомнительной. Сфера общественной жизни немислима без критического осмысления (литературы, публицистики, массовой прессы) и автономного действия (коммерческого капитализма): буржуазия использовала эти факторы для противостояния государству и перераспределения власти.

Принципиальной характеристикой российского «процесса гигиенизации» с его призывами к чистоте и телесному самоконтролю и связанного с ним социального переосмысления чувств была их встроенность, с одной стороны, в либеральную дискуссию о прогрессе и ценности рационального научного знания и, с другой стороны, в процесс урбанизации и индустриализации. Эти аспекты выделялись как приметы (институциональные измерения) модернизации разными социальными теоретиками (М. Вебер, Н. Элиас, Э. Гидденс)⁵⁹. Многочисленные конфликты общества и государства, медиков и государства, медиков и общества в последней трети XIX века нельзя назвать исключительно российским явлением: в разной форме они были свойственны всем европейским государствам, в каждом из которых процесс модернизации имел свои особенности и приметы. Российская специфика заключалась в том, что эпидемии, служившие прямыми катализаторами социальной модернизации в Европе⁶⁰, в российских условиях действовали опосредованно. Структура самодержавной власти не позволяла делегировать эпидемический контроль и вопросы «народного здоровья» на локальный уровень, что усиливало недовольство врачей и способствовало росту напряженности в обществе, требовавшего реформ здравоохранения и разумного социального контроля⁶¹. И, как и в европейских странах, борьба с эпидемиями теми средствами, которыми российская медицина располагала в этот период, была малоэффективной: карантинистская стратегия не оправдывала себя, гигиеническая оказывалась несфокусированной и слишком затратной (об этом подробнее пойдет речь во втором разделе первой главы). Тем самым в обществе создавался некоторый «горизонт ожидания», не получавший удовлетворительного ответа со стороны власти, тогда как самая активная и образованная часть общества артикулировала необходимость реформ и считала

⁵⁹ *Хабермас Ю.* Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. №3. С. 37-60; *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

⁶⁰ *Briggs A.* Cholera and Society in the Nineteenth Century // *Past and Present*. 1961. No. 19. P. 85-86.

⁶¹ *Hutchinson J. F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1985. Vol. 40. No. 4. P. 422.

необходимостью гигиеническое перевоспитание других социальных групп. В этом отношении Россия развивалась параллельно общеевропейскому (и даже общемировому) движению медикализации и санитарного просвещения⁶². Все это позволяет говорить о предпосылках к модернизации, несмотря на противоречия, создаваемые системой государственной власти, запоздалую индустриализацию и медленное размывание сословной иерархии⁶³.

По моему предположению, в России усилия реформаторов-гигиенистов по созданию дезодорированного публичного пространства и привлечению внимания к ольфакторной стороне повседневной жизни были связаны не только с конструированием *homo hygienicus* и усвоением определенных теорий патогенеза (ошибочных, но исключительно эффективных с санитарной точки зрения). Деятельность врачей, журналистов, публичных фигур была нацелена на формирование нового социального порядка, подразумевающего общую ответственность за общее же благополучие. Именно в процессе коммуникации частных лиц (врачей, общественных деятелей, журналистов, домовладельцев, купцов, меценатов) — с помощью прессы, публичных лекций, научно-популярных изданий, рекомендательной литературы, санитарных конгрессов и гигиенических выставок в публичной сфере выработывались новые гигиенические стандарты, устанавливались социальные репутации тех или иных запахов и видоизменялась конфигурация чувствительности. Именно санитарно-гигиеническая пропаганда побуждала одних оценивать, как пахнут другие: аргумент о потенциальной опасности запахов придавал социальному неравенству новые измерения — ольфакторное и гигиеническое.

Данное исследование посвящено процессам трансформации ольфакторной чувствительности, взятой в ее социальном измерении, факторам, повлиявшим на эту трансформацию, и социальному осмыслению запахов в русской городской культуре второй половины XIX века. Я попытаюсь показать, какие факторы оказались определяющими для конструирования чувствительности к запахам (хотя в ряде случаев приходится говорить как о

⁶² Henze Ch. E. *Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823-1914*. Routledge: London, New York, 2011. P. 6-7.

⁶³ В ряде недавних работ по русской истории социальные процессы конца XIX-первой половины XX века рассматриваются в рамках единой модернизационной модели. См., например: *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / Ed. by D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Palgrave Macmillan: New York, 2000.

совокупности так называемых «низших чувств», так и о конфигурации «чувствилища» в целом). Меня будут интересовать как дискурсивные проявления ольфакторного беспокойства, так и ситуации, когда запахи служат инструментами социального разделения и производства социального неравенства, опосредуют социальное взаимодействие, будучи приписанными характеристиками тех или иных групп, знаками гендера, возраста, рода занятий, а также различные практики — институционализированные и частные, связанные с запахами. Также меня будет интересовать соотношение запахов с социальной иерархией в городской среде. События — например, крупные эпидемии или гигиенические выставки — будут важны постольку, поскольку они демонстрируют определенные идеологические установки и вызывают общественную реакцию: для культурной истории и антропологии обоняния события сами по себе важны гораздо меньше, чем их восприятие и дискурсивное оформление.

Во второй половине XIX века в российском обществе запахи оказываются объектом общественной рефлексии в самых разных аспектах. Основной перспективой для их обсуждения и осмысления была медицинская теория миазмов, объясняющая происхождение заразных болезней дурными испарениями и низким уровнем личной гигиены. Запахам, рассматриваемым с этой точки зрения, уделялось огромное внимание при обсуждении санитарно-гигиенических условий города (дискуссии о городских миазмах, свежем воздухе, канализации и очищении активно велись в общественно-политических изданиях)⁶⁴.

Позитивистская философия и процессы медиализации повседневности способствовали переосмыслению места естественных наук — медицины, эпидемиологии, патологоанатомии в системе общественных ценностей⁶⁵. Медицинский взгляд постепенно выходил за пределы узкопрофессиональной сферы⁶⁶, медицинские принципы описания симптомов (семиотики), включавшие описания запахов, с 1840-х годов активно использовались в литературе и публицистике. Физиология вышла за пределы медицины и стала осмысляться как

⁶⁴ Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860-1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 93-111.

⁶⁵ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII-XIX веков. М.: ОГИ, 2005.

⁶⁶ О литературной метафоре «анатомирования жизни» см.: Матич О. Б. «Рассечение трупов» и «срывание покровов» как культурные метафоры // Новое литературное обозрение. 1993. №6. С. 139-150.

предпосылка социальных и гуманитарных наук, а ее методы оказались усвоены европейской и русской культурой⁶⁷. Сначала физиологический очерк, а затем реалистический роман утверждают запах как знак своей художественной программы⁶⁸.

В последней трети XIX века, благодаря санитарно-гигиенической пропаганде и изменению структуры общества, происходила интенсивная нормативизация запахов — приличествующих тому или иному месту, времени, полу, возрасту, статусу. Ужесточение ольфакторных норм, постоянная публичная и художественная рефлексия по их поводу способствовали повышению семиотического статуса запахов и привлекали внимание к нарушениям, что, в частности, могло делать ольфакторный код объектом поведенческой игры и эстетизации⁶⁹. Медицинское и общественное внимание к запахам способствовало переводу ольфакторных характеристик в социальные категории — как имплицитно, в процессе непосредственного взаимодействия, так и эксплицитно, в текстах, посвященных санитарии и гигиене, в различных массовых изданиях по гигиене и домоводству, красоте и хорошему тону.

0. 5. Исследованность русского материала и структура работы

На русском материале исследования по истории, социологии и антропологии обоняния до сих пор крайне немногочисленны⁷⁰. Изучением ольфакторного кода занимались прежде всего

⁶⁷ Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2008. С. 13-14; Мертен С. Поэтика медицины: От физиологии к психологии в раннем русском реализме // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М.: Новое издательство, 2006. С. 103-122.

⁶⁸ Rindisbacher H. J. The Smell of Books: A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1992.

⁶⁹ В литературоведении принято видеть истоки этой игры во французской литературной традиции — золаистском натурализме и бодлеровском декадансе (Клеман М. К. Эмиль Золя в России // Литературное наследство. Т. 2. М.: Журнально-газетное объединение, 1932. С. 235-248; Павлова М. М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К.Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 82-89). Если влияние Бодлера на русского читателя запоздало лет на тридцать и до поры ограничивалось малочисленным кругом декадентов, то эстетика и практика «золаизма» в России были восприняты сразу и с большим энтузиазмом. В 1880-1900-е годы Золя массово переводили (порой русский перевод выходил раньше оригинала) и массово читали. Тем не менее объяснять декадентское внимание к запахам лишь литературными влияниями было бы неверно. Подробнее речь об этом пойдет в третьей главе работы.

⁷⁰ О степени освоенности русского материала свидетельствует, например, тот факт, что в специализированном двухтомнике «Ароматы и запахи в культуре» (2003, 2010) из одиннадцати статей раздела «Запахи в русской культуре» шесть представляют собой разной давности републикации — в том числе отрывки монографий и словарные статьи.

этнографы и фольклористы, внимание которых было сосредоточено на данных традиционной культуры, а основным аналитическим инструментом служил семиотический анализ. В качестве примера подобной этнографии запахов можно упомянуть статьи, написанные Г. И. Кабаковой для словаря «Славянские древности»⁷¹. Также исследовалась символическая роль запахов в оформлении различных представлений и стереотипов. Так, компаративное исследование славянских традиций, проведенное О. В. Беловой, продемонстрировало, что запахи могут выступать маркерами «дикости», «инакости», «потусторонности», «святости» или «греховности»⁷². Кроме того, способность различных запахов выступать мотивирующим признаком при номинации растений и веществ анализировалась в ряде работ по русской и восточнославянской этноботанике и этномедицине⁷³.

Исторический материал, дающий представления о социальном осмыслении запахов и их месте в русской городской культуре, исследован гораздо хуже. В дореволюционных и советских работах по истории медицины и гигиены, ольфакторная проблематика, как правило, вообще не рассматривалась. Теория миазмов как теория ошибочная почти не интересовала специалистов, которые выстраивали в своих работах триумфалистскую картину прогресса российской медицины, развивавшейся вопреки действиям или бездействию царского правительства. При этом под медициной понимались почти исключительно клиническая и университетская науки и одобренные ими методы, а под историей медицины — история великих врачей и крупных теорий, предвосхитивших современные положения⁷⁴. Медицинские концепции и практики, которые не укладывались в историю доказательной медицины, считались недостойными внимания заблуждениями и

⁷¹ Кабакова Г. И. Запахи в традиционной русской культуре // Живая старина. 1997. №1. С. 36-38; она же. Запахи // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. М.: Международные отношения, 1995-2012. Т. 2. М., 1999. С. 266-269; она же. Запахи смерти // Славяноведение. 2000. №6. С. 21-25.

⁷² Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). Дис. ... д. филол. н. М., 2006. С. 53-68.

⁷³ Сердюк А. М. Запахи как мотивационный признак названий растений в первичном и вторичном семиозисе // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 239-240; Брыкина Е. В. Карта ЛСЛ 130. Общее название душистой травы / Пробные карты лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования — 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 436-444; Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. С. 47-49.

⁷⁴ См., например: Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. М: Издательство АМН СССР, 1953; Вайндрах Г. М. Подвиги русских врачей. Из истории борьбы с заразными болезнями. М.: Издательство АН СССР, 1959.

предрассудками. Даже земская медицина, которая естественным образом вписывается в область социальной истории, не исследовалась в социокультурной перспективе или исследовалась очень мало⁷⁵. Это неудивительно — советская историография тяготела в первую очередь к «истории события», а повседневность изучалась преимущественно искусствоведами и историками костюма⁷⁶. Некоторые сдвиги в этой области наметились лишь в последние десятилетия, хотя в первую очередь специалистов продолжает интересовать крестьянская, или народная медицина. Недостаточно изучены и реакции российского общества на европеизацию медицины в XVIII веке или на бактериологический поворот в естественных науках 1880-1900-х годов: «пастеризация России», будь то перевод программы Пастера в термины мечниковской иммунологии⁷⁷, процесс создания и распространения пастеровских станций или интериоризация бактериологического знания, все еще ждет своего исследователя⁷⁸. Справедливости ради следует отметить, что и в западноевропейской и американской науке поворот к социальной истории медицины — истории медицины с точки зрения пациента — произошел достаточно поздно, в конце 1970-х

⁷⁵ Институциональная и санитарно-гигиеническая проблематика земской медицины обсуждается в следующих советских и российских работах: *Лотова Е. И.* Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1962; *Карпов Л. Н.* Земская санитарная организация в России. Л.: Медицина, 1964; *Страшун И. Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями (1907-1917 гг.). М.: Медицина, 1964. Не утратило своего значения и одно из первых описаний земской системы здравоохранения (*Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В.* Русская земская медицина: Обзор развития земской медицины в России вообще и отдельно в Московской губернии с кратким статистическим очерком страны и ее санитарного состояния. М.: Правление Общества русских врачей, Печатня С. П. Яковлева, 1899). О деятельности земских врачей в отдельных регионах см., например: *Кузьмин В. Ю.* Становление и развитие земской медицины во второй половине XIX-начале XX вв (по материалам Среднего Поволжья). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Самара, 1997; *Старенченко Ю. Л.* Деятельность земских учреждений Санкт-Петербургской губернии по созданию начал общественной медицины (1857-1880 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. н. СПб., 1997; *Истомина С. Ю.* Земское здравоохранение в Тамбовской губернии (1864-1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Тамбов, 2003; *Назаров В. В.* Деятельность земских учреждений в области здравоохранения в 60-е годы XIX-начале XX веков (по материалам Саратовской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Саратов, 2003; *Поляков П. В.* Медицинская интеллигенция Тульской губернии (1864-1900 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Тула, 2005; *Корсун В. П.* Развитие земской медицины и ветеринарии в конце XIX-начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Иваново, 2007; *Никитина А. В.* Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX-начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Уфа, 2009.

⁷⁶ См., например: *Кирсанова Р. М.* Аромат родного дома и запах счастья // Ароматы и запахи в культуре: В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 270-279.

⁷⁷ *Латур Б.* Пастер: война и мир микробов. С. 164-168.

⁷⁸ Пионерское исследование в этой области принадлежит западному историку медицины — Дж. Хатчинсону (*Hutchinson J. F.* *Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution*).

годов⁷⁹.

На этом фоне выделяются работы западных историков, посвященные социальной истории медицины в Российской империи XIX века и учитывающие общественную рецепцию миазматической теории. В частности, американский историк П. Болдуин на общеевропейском материале прослеживает связь теорий патогенеза с различными общественными реакциями и поведенческими паттернами во время холерных эпидемий⁸⁰. Противоположный, индуктивный вектор используется в недавней монографии Ш. Хенце: на примере санитарной истории исследовательница рассматривает такие вопросы, как влияние эпидемий на общественную модернизацию, распределение власти и ответственности, роль медицинской экспертизы в России XIX века, конфликт и контаминация миазматической, контагиозной и бактериологической теорий, реакция провинциального общества на кризисные ситуации и др.⁸¹. Важнейшее исследование о статусе врача и общественной роли медицины в пореформенный период принадлежит Н. М. Фриден; о функциях медицины в России XVIII-первой четверти XIX веков писал А. Реннер⁸². Из недавних работ российских исследователей следует назвать сборник материалов и статей «Медицина России в годы войны и мира» и публикации А. Э. Афанасьевой о медицинском контроле на окраинах Российской империи и Е. А. Вишленковой о профессионализации медицины в первой

⁷⁹ Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы. С. 8-9, 18-19; Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины. С. 41-72; Афанасьева А. Э. История медицины как междисциплинарное исследовательское поле // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. Сб. ст. / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 421-423.

⁸⁰ Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830-1930. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁸¹ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia.

⁸² Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton: Princeton University Press, 1981; eadem. The Politics of Zemstvo Medicine // The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government. Ed. by T. Emmons, W. S. Vucinich. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1982. P. 315-342; Renner A. Progress through Power? Medical Practitioners in Eighteenth-century Russia as an Imperial Elite // Acta Slavica Japonica. 2009. Vol. 27. P. 29-54.

половине XIX века⁸³. Об осмыслении гигиены как «знания-веры», влиявшей на повседневные практики горожан в последние десятилетия XIX века, писала О. Ю. Малинова-Тзиафета в работах о дачном пространстве вокруг Петербурга⁸⁴.

Одной из первых в России собственно антропологических работ, посвященных роли запахов в российском обществе, стала статья Д. Б. Захарьина об ольфакторной коммуникации, телесном запахе и границах социального дискурса в русской культуре XVII-XIX века⁸⁵; эта статья вошла в немецкоязычную монографию того же автора о коммуникативном взаимодействии⁸⁶. Захарьин прослеживает динамику изменений ольфакторных стандартов в русской культуре XVII-начала XX века, подчеркивая важный вклад культурного импорта в формирование социальных смыслов, приписывавшихся запахам. Заимствуя европейскую придворную культуру, русское придворное общество заимствует и связанные с запахами манеры и правила, которые постепенно утрачивают иерархический и узко-сословный характер и начинают унифицироваться. Захарьин предполагает, что усвоение просветительской и сентиментальной философии приводит к осмыслению запахов как символов психического состояния: в русской литературе XIX века эмоции и аффекты последовательно увязываются с описаниями растительных или природных ароматов, тогда как запахи еды, тела, животных оказываются несовместимы с высокими переживаниями, но используются в сатире, превращаясь тем самым в знак не-подлинной действительности⁸⁷.

⁸³ Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования / Под ред. Л. А. Булгаковой. СПб.: Нестор-История, 2011; *Афанасьева А. Э.* «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 113-150; *Afanasyeva A.* Quarantines and Copper Amulets: the Struggle against Cholera in the Kazakh Steppe in the Nineteenth Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 489-512; *Вишленкова Е. А., Гатина З. С.* «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // *Российская история*. 2015. № 3. С. 154-169; *Вишленкова Е. А.* Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России 1830-1840-х годов // *Диалог со временем*. 2015. № 50. С. 170-200; *Вишленкова Е. А., Ильина К. А.* Об ученых степенях, и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // *Новое литературное обозрение*. 2013. Т. 122. № 4. С. 84-107; *Вишленкова Е. А.* Рождение профессии: социальная история российской медицины XIX века. Доклад, прочитанный на совместном семинаре ИГИТИ имени А. В. Полетаева и Школы исторических наук НИУ ВШЭ, 2 сентября 2015 года. Режим доступа: <http://igiti.hse.ru/news/157558280.html>.

⁸⁴ *Малинова-Тзиафета О. Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860-1914). С. 64-156.

⁸⁵ *Захарьин Д.* Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // *Россия / Russia*. 1999. №3 (11). С. 57-70; далее я ссылаюсь на републикацию работы в: *Ароматы и запахи в культуре*. Т. 2. С. 280-308.

⁸⁶ *Zakharine D.* Von Angesicht zu Angesicht. Der Wandel direkter Kommunikation in der ost- und westeuropäischen Neuzeit. Konstanz: UVK Verlag, 2005.

⁸⁷ *Захарьин Д.* Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 65-66.

С последним утверждением Захарьина нельзя полностью согласиться: привлечение «низких запахов» (неприятных, неприличных, не узаконенных в публичном или светском дискурсе) в комических, иронических или сатирических целях — лишь один из вариантов их использования. В реалистической традиции эти же запахи сигнализируют об эстетических и этических установках автора, об ориентации на естественнонаучную, медицинскую точность описания. Влиянию медицинского дискурса XVIII-XIX веков на русскую литературу посвящено исследование К. А. Богданова, принадлежащее области «литература и медицина» (*literature and medicine*): исследователь подробно анализирует метафору «анатомирования жизни» и дает очерк патографической поэтики, характерной для ряда авторов XIX века⁸⁸. Кроме того, связям русской литературы и медицины посвящен сборник «Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика», основанный на материалах конференции 2003 года⁸⁹.

Символику запахов в некоторых произведениях русских и немецких писателей 1840-1880-х годов исследует Х. Риндисбахер⁹⁰. Также принципы символизации запахов в русской литературе изучались применительно к «усадебному тексту», лирике Серебряного века и ряду поэтических идиолектов⁹¹. Здесь же стоит упомянуть работу Е. А. Жирицкой об ольфакторной репрессии русских элит после революции: в ее статье анализируются многочисленные литературные и мемуарные свидетельства ольфакторного шока, которым для аристократии и интеллигенции стал переворот 1917 года (в многочисленных выдержках и примерах обращает на себя внимание ностальгическая модальность ольфакторных воспоминаний, к сожалению, оставленная без анализа; кроме того, автор не всегда рефлексивирует над соотношением между практиками и дискурсивными стратегиями в области

⁸⁸ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели.

⁸⁹ Русская литература и медицина.

⁹⁰ Rindisbacher H. J. The Smell of Books.

⁹¹ Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 356-364; Фарина Е. Запах // Фарина Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 333-342; Козубовская Г. П. Середина века: Миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2008; Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX — начала XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010; она же. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха. Автореф. дис. ... д. филол. наук. Екатеринбург, 2011.

чувств)⁹². Ольфакторная коммуникация исследуется также в работах И. А. Манкевич о поэтике «обыкновенного»⁹³. На уровне теоретического осмысления — что такое ольфакторная коммуникация? какое место она занимает среди прочих повседневных взаимодействий? — Манкевич следует за Э. Т. Холлом (имя которого остается неназванным; судя по списку литературы, Манкевич знакома с его понятием «коммуникативной дистанции» в чьем-то пересказе) и Д. Захарьиным (хотя опирается, по всей видимости, исключительно на его статью из «Ароматов и запахов в культуре»), однако собственно выбор и анализ текстов, литературных и мемуарных, оставляет читателя скорее в недоумении. Например, к ольфакторной коммуникации автор относит «сырой, холодный воздух» у Лермонтова и пушкинское *mot* про запах розы и запах селедки; собственно ольфакторные примеры часто остаются вообще без какого бы то ни было комментария⁹⁴.

Попытку диахронической реконструкции звуковой и ольфакторной карты Петербурга XIX века и ее рецепции горожанами делает историк В. В. Лапин в книге «Петербург: запахи и звуки»⁹⁵. Монография Лапина представляет собой своего рода сенсорную топографию, хотя терминами «ольфакторная карта» (*olfactory map*), «ольфакторный ландшафт» (*smellscape*) или «звуковой ландшафт» (*soundscape*), которые связаны с такими направлениями, как антропология чувств, культурная география, социальный дизайн и исследования города (*urban studies*)⁹⁶, автор не пользуется. В современных сенсорных топографиях указания на принципы отбора респондентов и поиска материала встречаются нерегулярно, но отчасти

⁹² Жирицкая Е. Легкое дыхание: Запах как культурная репрессия в российском обществе 1917-1930-х гг. // Ароматы и запахи в культуре. Т. 2. С.167-270.

⁹³ Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. СПб.: Алетейя, 2011; *она же*. «Русский дух»: репрезентация повседневности в ольфакторных текстах русской культуры. СПб.: Алетейя, 2013; *она же*. Повседневный Пушкин. Поэтика обыкновенного в житнетворчестве русского гения. Костюм. Застолье. Ароматы и запахи. СПб.: Алетейя, 2013.

⁹⁴ *Она же*. «Русский дух»: репрезентация повседневности в ольфакторных текстах русской культуры. С. 45.

⁹⁵ Лапин В. В. Петербург: запахи и звуки. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

⁹⁶ Термин *soundscape* предложил канадский композитор Р. М. Шафер для описания совокупности различных звуков, природных, техногенных, антропогенных, образующих акустическую среду и воспринимаемых индивидом (*Schafer R. M. The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. Rochester: Inner Traditions/Bear & Co., 1993. P. 10*). Термин *smellscape* впервые был введен в статье Д. Гейда 1984 года о культурном ландшафте Мадагаскара (*Gade D. W. Redolence and Land Use on Nosy Be, Madagascar // Journal of Cultural Geography. 1984. Vol. 4. No. 2. P. 29-40*). См. также: *Porteous J. D. Smellscape // Progress in Physical Geography. 1985. Vol. 9. No. 3. P. 356-378*; *Henshaw V. Urban Smellscapes: Understanding and Designing City Smell Environments. London, New York: Routledge, 2013*.

этот недостаток компенсируется видеозаписями и фотоотчетами⁹⁷. Однако в случае исторической реконструкции невнимание к социальному бэкграунду «информантов» — мемуаристов, писателей, журналистов, на свидетельства которых опирается автор, может ввести в заблуждение и послужить основой для выводов о социальной унификации чувствительности, тогда как едва ли Петербург звучал и пахнул одинаково для художника-миriskusника А. Н. Бенуа, придворной аристократии или люмпенизированных обитателей Вяземской лавры⁹⁸. Сходное сенсорное описание советского перестроечного и постсоветского материала на основе автоэтнографии пытался сделать швейцарский журналист К. Нейдхардт, однако его работа не вышла за жанровые пределы публицистического очерка⁹⁹.

⁹⁷ См., например: <http://sensorymaps.com>; <https://smellandthecity.wordpress.com>.

⁹⁸ Об ощущении городского пространства и практиках его освоения см.: *Serpo M. de*. Изобретение повседневности. Т. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 185-210.

⁹⁹ *Neidhart Ch.* Russia's Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition. Oxford: Rowman&Littlefield Publishers, 2003. См. подробную рецензию А. Н. Леонтьевой (*Leontieva A. N.* Review: Russia's Carnival: The Smells, Sights, and Sounds of Transition by Christoph Neidhart // *The Slavic and East European Journal*. 2003. Vol. 47. No. 4. P. 719-721).

ГЛАВА 1. ВОСПРИЯТИЕ ТЕОРИИ МИАЗМОВ И САНИТАРНЫЙ ДИСКУРС

1. 1. Теория миазмов в России

Материалы к социальной истории обоняния в России второй половины XIX века на первый взгляд кажутся очень разнородными и не укладывающимися в единую парадигму: запахи городской среды и светского салона, вопросы здоровой атмосферы и очищения выгребных ям, лечение ароматическими веществами, восприятие косметических средств и пищи с острым запахом, запах тела — своего собственного, социально близкого и социально чуждого, ассоциация запахов с гендером, возрастом, социальной принадлежностью и т. д. Тем не менее, в большинстве случаев это множество данных осмыслялось и описывалось в связи с так называемой теорией миазмов. Этим термином принято называть специфическую модель патогенеза, созданную в середине XVIII столетия для объяснения эпидемических болезней и распространившуюся на прочие болезненные проявления. Эта объяснительная модель оказалась ошибочной и была опровергнута экспериментальной бактериологией Л. Пастера и Р. Коха (а критические замечания и альтернативные теории появились гораздо раньше), однако за столетие успела оказать огромное влияние на западноевропейскую культуру повседневности в целом и на формирование режимов чувствительности в частности¹⁰⁰. Поэтому, прежде чем обратиться к интересующему нас периоду 1860-1910-х годов, следует кратко описать особенности миазматической теории и подробнее остановиться на том времени, когда она активно усваивалась в России, — конце XVIII-первой трети XIX веков.

В основу миазматической теории легли как положения врачей античности¹⁰¹, так и теории брожения, выдвинутые в XVI и XVII веках Дж. Фракасторо (на основе гипотезы М. Фичино) и Г.-Э. Шталем. В середине XVIII века работы английского ботаника и физиолога С. Гейлса, изучавшего жизнедеятельность растений и животных, изменили взгляд ученых на воздух: его перестали считать первоэлементом и увидели в нем смесь различных газов. Приборы Гейлса,

¹⁰⁰ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 11-56 et passim; 229-232.

¹⁰¹ В первую очередь, сформулированные в сочинениях Гиппократов «О ветрах» и «О воздухах, водах и местностях» (*Гиппократ. Избранные книги*. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. С. 264-273, 279-305).

позволявшие улавливать летучие вещества, вызвали к жизни такую область науки, как пневматическая химия (химия газов), которой предстояло исследовать влияние различных видов атмосферы, испарений и запахов на живые организмы¹⁰². Также укоренению и популяризации миазматической теории способствовала философия сенсуализма (от Дж. Локка и Д. Гартли до аббата де Кондильяка), форсировавшая переход от механической модели познания к медицинской, основанной на опыте и рефлексии, и превратившая человеческие чувства и ощущения в инструмент научного анализа¹⁰³. В европейской медицине наблюдение и описание симптоматики на основе чувственного впечатления восходило еще к школе Гиппократов¹⁰⁴; в Средние века и в эпоху Ренессанса наблюдение и эксперимент с различной периодичностью выходили на передний план, но никогда кардинально не меняли метод медицины. Нововведениями XVIII столетия был переход к непосредственному наблюдению и возрождению эксперимента и, уже на рубеже XVIII и XIX веков, к созданию экспериментальной медицины, которая была тесно связана с философией сенсуализма и интересом не к анонимным физическим и химическим реакциям, а к личному опыту и переживанию, характерным для европейского романтизма¹⁰⁵.

К концу XVIII века в западноевропейской науке было предпринято множество попыток классифицировать различные газы и образцы атмосферы, изучить их действие на живые организмы и выработать терминологию. Важнейшую роль в этих опытах играло обоняние; оно же становилось незаменимым инструментом при медицинском освидетельствовании природных и антропогенных источников миазмов.

В русский язык слово *миазм* (вариант — *миазма*, мн. ч. *миазмы*) проникло в конце 1780-х

¹⁰² Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 11-16.

¹⁰³ Salomon-Bayet C. L'institution de la science et l'expérience du vivant: Méthode et expérience à l'Académie royale des sciences, 1666–1793. Paris: Flammarion, 1978; Gaukroger S. The Collapse of Mechanism and the Rise of Sensibility: Science and the Shaping of Modernity, 1680-1760. Oxford: Clarendon Press, 2010. P. 389-410; Fichman M. French Stahlism and Chemical Studies of Air // *Ambix*. 1971. Vol. 18. P. 94-122.

¹⁰⁴ Гиппократу приписывается введение в практику детального описания симптомов, доступных зрению, слуху (выслушивание, выстукивание), осязанию (ощупывание). С помощью вкуса и обоняния в эпоху Гиппократов определяли свойства различных телесных соков, они же служили опорой при диагностировании и прогнозировании чахотки (см.: Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. М.: Госиздат, 1925. С. 58-61). Впоследствии подобное описание внешности тяжелобольного на основе чувственных данных получило название *facies Hippocratica*, «маска Гиппократов».

¹⁰⁵ Riese W. The Impact of Romanticism on the Experimental Method // *Studies in Romanticism*. 1962. Vol. 2. No. 1. P. 12-22.

годов (распределение употребительности слова «миазм-» по годам на материале Национального корпуса русского языка приведено в Приложении в Табл. 1).¹⁰⁶ До этого понятие осязательного запаха, как отвратительного, так и нейтрального, выражалось с помощью слова *вонь* (см. Табл. 2 в Приложении). В сходных контекстах также использовалось слово *зловоние*, пик употребительности которого приходится на 1770-1780-е годы (см. Табл. 3 в Приложении). Первые случаи употребления слова *миазм* зафиксированы в компилятивных или переводных изданиях по медицине конца XVIII века¹⁰⁷, но вплоть до 1840-х годов его использование было ограничено сферой специальной медицинской литературы. Расширение узуса началось в 1840-х годах с ростом популярности такого жанра, как физиологический очерк, и распространением особого патографического модуса в художественной литературе и публицистике¹⁰⁸. Следующий резкий рост частотности пришелся на 1860-1870-е годы в связи со становлением земской медицины и инициированным ею подъемом санитарно-гигиенической пропаганды. Одновременно с середины XIX века идет рост употребительности слов *запах* и *аромат* — последнее переживает резкий взлет популярности в 1880-1890-х годах (см. Табл. 4 и 5 в Приложении)¹⁰⁹.

Миазмы — сильные неприятные запахи, содержащие заразные начала, — привлекали внимание к низинам и болотам (считалось, что болотный воздух насыщен болезнетворными подземными газами и продуктами разложения растительности в стоячей воде)¹¹⁰,

¹⁰⁶ Словарь русского языка XVIII века. Л.-СПб.: Наука, 1984—. Вып. 12. СПб., 2001. С. 175-176.

¹⁰⁷ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Вып. 1-7. М.: Типография Пономарева, 1789-1805. Вып. 1. М., 1789. С. 799; Бухан В. [Бьюкен У.]. Полный и всеобщий домашний лечебник. В 5 Т. М.: Университетская типография, 1790-1792. Т. 1. С. 267.

¹⁰⁸ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели.

¹⁰⁹ Вероятно, первый пик употребительности слова *аромат* в 1760-1770-х годах возникает благодаря переводам. В XVIII веке использование этого слова в неперечисленном значении (благоухание, приятный запах) было маркировано как поэтизм. В предметном значении (благовонные вещества, духи) это слово использовалось чаще и встречалось как в богословских сочинениях, так и в натурфилософских трудах, руководствах по медицине, ботанике и камеральным наукам (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984. С. 94).

¹¹⁰ Пекен Х. Домашний лечебник. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1765. С. 150; Перро К. Сокращенный Витрувий. М.: Университетская типография, 1789. С. 53.

скотобойням и кладбищам¹¹¹, больницам и тюрьмам, отхожим местам и прачечным¹¹². Каждый дом имел свои миазмы, складывавшиеся из запаха здания (особенно вредным считался запах нового строения) и телесных эманаций его обитателей¹¹³. Самые радикальные из приверженцев миазматической теории бичевали театры и светские рауты, где «воздух заражен дымом 600 свечей и дыханием 3000 человек, из коих, по крайней мере, три части больных»¹¹⁴. Довольно быстро эти взгляды были экстраполированы на любые неприятные или слишком выраженные запахи, и даже в остром аромате некоторых приправ¹¹⁵ видели возможную причину нарушения равновесия жизненных соков, а следовательно — слабости, болезни и смерти¹¹⁶. Полвека спустя Э. Чедвик, один из самых известных британских гигиенистов, сформулировал мысль о связи запаха и патогенеза следующим образом: «Любой запах, при условии, что он силен, вызывает немедленное острое расстройство организма, и, следовательно, мы можем заключить, что любой запах вреден, поскольку угнетает организм и делает его подверженным влиянию других болезнетворных причин»¹¹⁷.

В русском языке эти представления отразились в устойчивых выражениях *заражать*/

¹¹¹ Попытки запретить захоронения покойников в черте города предпринимались с петровского времени, но действенным оказался лишь правительственный указ 1782 года, обязанный своим появлением московской чумной эпидемии 1770-1771 годов.

¹¹² *Гун О.* Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 году. В 2 Ч. СПб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1803. Ч. 1. С. 19-21, 47, 166-167; Ч. 2. С. 179. Французский материал соответствующего периода подробно описан в: *Corbin A.* The Foul and the Fragrant. P. 57-61.

¹¹³ В 1787 году Вольное экономическое общество даже объявило конкурс исследований по вопросу «Действительно ли вредны новые каменные здания и какие тому причины».

¹¹⁴ *Вицман А.* О болезнях богатых и светских людей. СПб.: Типография Первого Кадетского корпуса, 1805. С. 6. См. также: *Клаттанов П. А.* Краткое наставление народу о том, как предохранять себя от прилипчивых болезней, наиболее от чумы. В 3 Ч. М.: Синодальная типография, 1827. С. 7; *Щеглов Н. П.* Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. СПб.: Издано иждивением Вольного экономического общества, 1830. С. 10.

¹¹⁵ *Бахерахт А. Г., Венечанский С. А.* Собрание разных полезных лекарств на разные болезни с рецептами. СПб.: Сенатская типография, 1779. С. 58.

¹¹⁶ «Пища, взаимствуемая от некоторых растений и приправ, вкусом весьма острых, такожды и от животных, выключив токмо одно млеко, внутренней тела человеческого теплотой согреваема будучи, напоследок в гниль превращается» (*Шрейбер И.-Ф.* Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних. В 2 Ч. Ч. 1. СПб.: Типография Морского кадетского шляхетского корпуса, 1781. С. 10-11). Ж. Вигарелло указывает, что в конце XVIII века в косметике перестали употребляться пахучие металлы и окиси из-за приписываемого им «флогистического действия»: флогистон сравнивался с дурнопахнущими испарениями гнили, испражнений, чеснока (*Вигарелло Ж.* Искусство привлекательности: История телесной красоты от Ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 143).

¹¹⁷ *Parliamentary Papers.* 1846. Vol. 10. P. 651 (цит. по: *Halliday S.* Great Stink of London: Sir Joseph Bazalgette and the Cleansing of the Victorian Metropolis. Stroud: Sutton Publishing, 2001. P. 127-128). См. также: *Oesterlen F.* Die Seuchen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung. Tübingen: Laupp, 1873.

отравлять [атмосферу] зловонием/смадом/миазмами, заражать воздух [запахом/миазмами], пропитывать зловонием/миазмами, которые с 1860-х годов в избытке встречаются на страницах популярных газет и журналов, в медицинской публицистике и беллетристике¹¹⁸. В заразных болезнях людей и животных врачи винили различные виды дурных эманаций. Например, в ветеринарии было в ходу понятие «конюшенной миазмы», появлявшейся в грязных стойлах и вызывавшей у лошадей септический дифтерит¹¹⁹; в медицинских топографиях Петербурга описывалась эндемичная для столицы «болотная миазма» — *miasma paludum*¹²⁰. «Бойный дух» — запах боен, ощущавшийся за несколько верст, — считался виновником различных болезненных состояний¹²¹. Популярная в 1860-х годах реклама гигиенических и квазигиgienических средств обещала избавить горожан «от опасности задохнуться от всякого рода зловония, умереть от угара, заболеть от сырости и погибнуть от миазм, производящих холеру, тиф и другие ужасные болезни»¹²².

Важно подчеркнуть, что для читающей публики второй половины XIX столетия эти выражения имели отнюдь не метафорический, а буквальный смысл: неприятный запах считался прямой угрозой здоровью, поэтому все, кто обладал активной жизненной позицией, считали своим долгом жаловаться на такие запахи и требовать их ликвидации. В свою очередь, городские власти считали нужным прислушиваться к таким жалобам и регулярно инспектировали места, привлекавшие ольфакторное и санитарное внимание, хотя добиться

¹¹⁸ См., например: *Гюбнер Ю. Ю.* Корреспонденция из Феодосии // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №1. С. 21-22; *Гюбнер Ю. Ю.* Корреспонденция из Феодосии (окончание) // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №2. С. 33-35; *В. Ф.* Петербургские задворки // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №2. С. 30; Вывоз нечистот из Москвы // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №33. С. 74; Московские бойни // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №39. С. 216; *Цылов Н. Н.* О выборе дачных местностей // *Здоровье*. 1883. №16. С. 3-4.

¹¹⁹ *Равич И. И.* Руководство к изучению патологии и терапии инфекционных и заразительных болезней домашних животных и ветеринарной полиции. СПб.: Типография Я. Троя, 1873. С. 47, 57.

¹²⁰ *Гаевский С. Ф.* Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. СПб.: Типография К. Крайя, 1834. С. 67. Во второй половине XIX века петербургский топоним «город на болоте» был переосмыслен как «город на костях»: «Со дня основания Петербурга и до настоящего времени там похоронено два миллиона трупов, которые превосходно гниют и производят такую *aria cattiva* [дурной воздух — *М. П.*], по сравнению с которой всякие климатические невзгоды — ничто» (*Португалов В. О.* Вопросы общественной гигиены. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1873. С. 256-257). Ср. также стихотворение Я. П. Полонского «Миазм» (1868).

¹²¹ Московские бойни. С. 216.

¹²² Приведено в: *Гюбнер Ю. Ю.* Всероссийская мануфактурная выставка 1870 года в общественно-гигиеническом отношении // *Архив судебной медицины и общественной гигиены*. 1871. Кн. 1. Отд. III. С. 151.

их очищения и дезодорации было весьма непросто или вовсе невозможно¹²³. Наличие или отсутствие миазмов определяло престиж и стоимость квартир, домов, дачных местностей¹²⁴. Наиболее опасными считались жилые помещения, куда проникали запахи выгребных и помойных ям, кухонный чад с черных лестниц, дым и гнилостные испарения¹²⁵, а также «углы», где подолгу застаивался воздух и отсутствовала естественная вентиляция¹²⁶.

До определенного времени новые достижения химии и эпидемиологии использовались для подтверждения миазматической теории. Формула Г.-Э. Штала «всякое гниение есть не что иное, как завершившееся брожение» («*nihil aliud est putrefactio quem perfecta fermentatio*»)¹²⁷ использовалась для описания патогенеза и в 1780-х, и в 1840-х годах, когда на основе работ Штала была построена «зимотическая теория» немецкого химика Ю. Либиха и его школы¹²⁸. В 1860-х ее переосмыслил ученик Либиха мюнхенский эпидемиолог и химик М. фон Петтенкофер, пытавшийся объяснить этиологию холеры почвенными миазмами. В России наиболее влиятельным адептом и популяризатором идей Петтенкофера был врач Ф. Ф. Эрисман, с 1882 года возглавлявший кафедру гигиены Московского университета; тех же взглядов придерживались врачи Н. И. Пирогов, И. И. Моллесон, Е. И. Осипов, И. П. Скворцов и др. Наблюдения и открытия, заставлявшие подозревать другие причины

¹²³ Например, в 1877 году газета «Голос» опубликовала репортаж об осмотре гласными петербургской думы свалки, от смрада которой посетителям сделалось дурно (Внутреннее обозрение // Здоровье. 1878. Т. 4. №81. С. 71). В 1878 году петербургский журнал «Дело» выступил с требованием очистить от грязи Гутуевский остров, где «свиной завод и горы мусора и навоза заражают воздух как на острове, так и в его окрестностях» (Картинки общественной жизни // Дело. 1878. №2. С. 464-465).

¹²⁴ См., например: Симаковский В. К. Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб.: Типография В. В. Комарова, 1881. См. также серию публикаций Н. Н. Цылова: Цылов Н. Н. О выборе дачных местностей // Здоровье. 1883. №16. С. 3-5; там же. 1883. №18. С. 4-7; там же. 1883. №19. С. 5-7; там же. 1883. №22. С. 5-8; там же. 1883. №23. С. 5-6; там же. 1883. №24. С. 5-7; там же. №25. С. 4-5.

¹²⁵ Андреев П. П. Домоведение. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1893. С. 14-19.

¹²⁶ Сдача внаем углов, когда в комнате делалась выгородка с помощью занавески или ширмы, была широко распространена в Петербурге. Передние углы у окон считались более удобными из-за дневного света и хоть какой-то вентиляции и стоили дороже задних углов около печи (Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома: очерки из истории быта. М., СПб.: Центрполиграф, 2012. С. 319). Углы и подвалы продолжали беспокоить врачей вплоть до Первой мировой войны. По санитарным отчетам 1900-х годов, на одного обитателя углов приходилось около одной кубической сажени воздуха (Кашкадамов В. П. Санитарное состояние города Санкт-Петербурга. СПб.: Санкт-Петербургская городская типография, 1909. С. 31-36).

¹²⁷ Stahl G. E. Zymotechnia fundamentalis theoria generalis. Halle: Typis&sumptibus Christoph. Salfeldii, 1697. P. 179.

¹²⁸ Равич И. И. Современное учение о заразе и миазме. СПб.: Типография Я. Трея, 1872. С. 2.

патогенеза, до поры оставались на периферии¹²⁹.

К концу XVIII века миазматическая теория распространилась на всем западноевропейском культурном пространстве, чтобы, с различными уточнениями и значительными колебаниями, просуществовать вплоть до бактериологической революции Пастера и Коха¹³⁰. Но и пастеровская революция была скорее эволюцией¹³¹: в Европе и Америке новая теория патогенеза завоевывала признание очень медленно, в виду первоначального недостатка данных сосуществуя или комбинируясь с предыдущей моделью и порой подвергаясь резкой критике гигиенистов и практикующих врачей¹³². Например, в лечении холеры бактериологический подход восторжествовал над миазматическим лишь через десять лет после открытия холерного вибриона — благодаря исследованиям Коха во время гамбургской эпидемии 1892 года¹³³. В Великобритании, санитарно-гигиеническая политика которой считалась образцовой, многие врачи и общественные деятели оставались приверженцами миазматической теории вплоть до 1900-х годов. В частности, знаменитая медсестра Ф. Найтингейл выступала против прокладки канализационных труб под домами, утверждая, что запах из них может подняться в жилище и заразить обитателей скарлатиной, корью и оспой¹³⁴. Постепенными процессами усвоения нового знания были и в России: например, в 1903 году русские врачи все еще пользовались миазматической теорией при исследовании и лечении малярии, хотя со времени обнаружения переносчика болезни — малярийного комара

¹²⁹ *Wilson C.* The Invisible World: Early Modern Philosophy and the Invention of the Microscope. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 140-141. Во второй половине XVIII века в европейской науке широко обсуждалась теория самопроизвольного зарождения. Ее противники, опиравшиеся на работы А. Левенгука, чрезвычайно близко подошли к пастеровскому пониманию бактерий. К. Линней в двенадцатом издании «Системы природы» включил в условный вид *Chaos infusorium* и «наливочных анималькулей» (т. е. простейших), и сперматозоиды, и, под вопросом, возбудителей некоторых болезней (*Linnaeus C.* Systema naturae. Ed. XII. Holmiae, 1767. P. 1324-1327). О наблюдениях русских ученых XVIII века см.: *Соболь С. Л.* История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 139-141, 241-298.

¹³⁰ *Corbin A.* The Foul and the Fragrant. P. 22-34 et passim.

¹³¹ *Ламур Б.* Пастер: война и мир микробов. С.175-192.

¹³² *Barnes D. S.* The Great Stink of Paris and the Nineteenth century Struggle against Filth and Germs; *Hutchinson J. F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution. P. 421; *Stevenson L. G.* Science down the Drain: On the Hostility of Certain Sanitarians to Animal Experimentation, Bacteriology and Immunology // Bulletin of the History of Medicine. 1955. Vol. 29. No 1. P. 1-26; *Richmond Ph. A.* American Attitudes toward the Germ Theory of Disease (1860-1880) // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1955. No. 9. P. 428-454.

¹³³ *Evans R. J.* Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830-1910. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 490-497, 502-507.

¹³⁴ *Nightingale F.* Notes on Nursing. London: Harrison, 1859. P. 16; приведено в: *Halliday S.* Great Stink of London. P. 125-127.

— прошло более двадцати лет¹³⁵. Приверженцы санитарного подхода во главе с влиятельным гигиенистом Ф. Ф. Эрисманом упорно критиковали пастеровцев, а члены Русского общества врачей имени Н. И. Пирогова приняли дисциплинарный статус бактериологии спустя пятнадцать лет после того, как результаты экспериментов Пастера стали известны в России¹³⁶.

Еще в XVIII веке миазматическая теория была успешно интегрирована в общую физиологическую теорию, которая восходила к античному учению о гуморах¹³⁷. Нарушение баланса жизненных соков, в котором гуморальная теория видела причину болезней, стали объяснять в том числе влиянием «атмосферы» — качеством вдыхаемого воздуха и действием различных газов¹³⁸. С этой точки зрения здоровье обеспечивалось гармонией внутреннего воздуха, заключенного в тканях, и внешнего, атмосферного¹³⁹. И тот, и другой могли с легкостью «испортиться», что приводило к расстройству здоровья. Причины болезней видели, во-первых, в «возбуждающих, раздражающих и случайных незапных переменах воздуха *constitutis aeris*»¹⁴⁰, и, во-вторых, в *ванорах, мепитических парах и миазмах* — дурных испарениях, вызванных брожением или разложением, и вообще в любых слишком сильных запахах¹⁴¹. Например, русские исследователи Сибири объясняли возникновение цинги «чрезвычайно густым и нездоровым воздухом» полярной ночи — плотным,

¹³⁵ Фавр В. В. Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении. Харьков: Печатня С. П. Яковлева, 1903. С. 122.

¹³⁶ Hutchinson J. F. Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution. P. 421, 427-429.

¹³⁷ Гуморы определяли темперамент не только людей, но и других живых существ, например, лошадей и собак. Преобладающие гуморы проявляли себя во внешнем облике и поведении, влияли на интеллектуальные способности и склонность к тем или иным занятиям.

¹³⁸ Американский историк медицины Ч. Розенберг, анализируя популярный лечебник второй половины XVIII века, писал о модели «всестороннего равновесия», в котором участвуют не только гуморы, но и внешние влияния, и которое определяется соразмерностью усвоения, переработки и выделения (*Rosenberg Ch. E. Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. Cambridge, New York, Oakleigh: Cambridge University Press, 1992. P. 46.*

¹³⁹ Богданович П. И. Правила для соблюдения здоровья. СПб.: Типография П. И. Богдановича (?), 1788. С. 2-8.

¹⁴⁰ Краткое показание болезней, нередко случающихся <sic!>, и врачевание оных. ОР РНБ. Q. VI. 7. Кон. XVIII-первая четверть XIX в. Л. 3. Ср. параллель во французском источнике: «On a depuis longtemps observé que ces maladies sont le plus souvent causées par *les changements subits de la température de l'air* (курсив мой. — М. П.)» (*Malouin P.-J. Histoire des maladies épidémiques de 17..., observées à Paris en même temps que les différentes températures de l'air // Histoire de l'Académie des Sciences, 1749. P. 113-141; цит. по: Rofort M.-F. Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle // Bulletin de l'Association de géographes français. 65e année. 1988. No. 5. P. 359).*

¹⁴¹ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Вып. 1. С. 230-236.

переменчивым и производившим непривычные ощущения вкуса и запаха¹⁴². Дурной воздух действовал на нервы и расслаблял ткани организма¹⁴³; от противных запахов могла приключиться ипохондрия¹⁴⁴.

Опасные для здоровых, миазмы и vapors были убийственны для заболевших, поэтому лечебники рекомендовали в помещениях, где содержатся больные, «не печь хлеб, не варить кашу, ничего не заквашивать, не держать живности, <...> дабы елико возможно избегать порчи воздуха»¹⁴⁵. Исключительно вредными считались телесные эманации и «надышанный», т. е. уже побывавший в легких воздух. Ср. в анонимном «Отрывке из путешествия в *** И*** Т***» (1772), долгое время приписывавшемся Радищеву: «Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкий запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оныя. Пришед ко своей коляске, упал я без чувства в оную. Приключившейся мне обморок был не продолжителен; я опомнился, спрашивал холодной воды: извозчик мой ее принес из колодезя; но я не мог пить ее по причине худого запаха»¹⁴⁶.

Вдыхая миазмы или поглощая их через кожные капилляры («сосудцы»), человек принимал в себя некое болезнетворное начало, из которого затем развивались гнилокровие и различные эпидемические болезни — от горячек и лихорадок до чумы¹⁴⁷. Разную подверженность повальным болезням и разницу в их протекании объясняли особенностями конституции и темперамента больных. Прочитую вновь анонимный рукописный справочник, принадлежавший, по всей видимости, провинциальному лекарю: «Миазма ветром нанесенная и насилия случайно наводят болезни, а многокровие располагает к оным... Эпидемия: где ветром нанесенная, поражая людей повально, всегда острою, скоро

¹⁴² *Геденштром М. М.* Путешествие Геденштрома по Ледовитому морю и островам оною, лежащим от устья Лены к востоку // *Сибирский вестник*. Ч. 17-19. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1822. Цит. по: *Визе В. Ю.* Моря российской Арктики. В 2 т. Т. 2. М.: Paulsen; Европейские издания, 2008. С. 42.

¹⁴³ *Сумароков П. П.* Источник здравия. М.: Университетская типография, 1800. С. 11.

¹⁴⁴ *Чулков М. Д.* Сельский лечебник. Вып. 1. С. 1115-1116.

¹⁴⁵ Лечебник, употребляемый 1813 года <sic!> в Вологодской губернии по случаю прилипчивых болезней от провод пленных французов; дополнение к наставлению, каким образом поступать должно с больными, где нет лекарей, объясняющее причины болезней и средства предохранительные. ОР РНБ. Ф. VI. 10. Л. 5.

¹⁴⁶ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. В 3 т. М.-Л., 1938-1954. Т. 2. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 348-349.

¹⁴⁷ *Рюбель И.-Ф.* Полный и всеобщий лечебник. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1791. С. 261-262; *Виен И.* Лоймология. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1786.

проходящую болезнью. Сильно или легко, по силе тлетворности в воздухе и по расположению к тому телу»¹⁴⁸. Для определения «силы тлетворности» — т. е. состояния, способствующего гниению и разложению, следовало внимательно наблюдать за погодой, переменами климата и реакциями организма, отмечая все непривычные запахи и ощущения и пытаясь соединить метеорологические данные с заболеваемостью¹⁴⁹.

1. 2. Социополитические импликации представлений о «миазмах» и «контагии»

Главным предметом врачебных споров был вопрос передачи и распространения эпидемических болезней. Миазматическая теория видела причину заболевания в сопряжении факторов климата и среды, а также в индивидуальной подверженности заболеванию, возникающей при несбалансированной работе внутренних органов, при нарушении равновесия между человеческим организмом и окружающей средой. Наряду с этим существовало представление о «контагии» — некоей заразе непроясненной природы, непостижимой чувствами и передающейся через прямой контакт с больным — например, через прикосновение, личные вещи, посуду, а также воздух¹⁵⁰. В этом пункте контагиозная теория патогенеза примыкала к миазматической¹⁵¹: в качестве меры предосторожности следовало избегать зараженных местностей и уклоняться от любого контакта с больными.

Ключевое расхождение двух моделей патогенеза было в вопросе об этиологии болезни¹⁵².

Миазматическая теория видела причину заразы в испарениях, контагиозная — в неопределенных «семенах контагия», микроскопических «червячках», «анималькулях» и

¹⁴⁸ Краткое показание болезней. Л. 6.

¹⁴⁹ См.: *Rofort M.-F.* Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle. P. 357-366; *Collart M.* Climat et Maladies: les Tables Nîmoises du Docteur Razoux. Доклад, прочитанный на XIV международном конгрессе по исследованию XVIII века 27 июля 2015 года, Университет Эразма, Роттердам. Режим доступа: <https://isecs2015.files.wordpress.com/2014/10/150726-isecs2015-1-abstracts-monday1.pdf>.

¹⁵⁰ Краткое предохранительное познание для избавления от заразительной болезни. 1771. РГИА. Ф. 950. Оп. 1. №439.

¹⁵¹ О воздушных путях распространения «контагия» писал еще Дж. Фракасторо в трактате 1546 года: «...Некоторые же контагии распространяются не только через соприкосновение или посредством одного лишь очага, но еще и на расстоянии» (*Фракасторо Дж.* О контагии, контагиозных болезнях и лечении. М.: Издательство АН СССР, 1951. С. 15; также С. 24-30). Примечательно, что левенгуковское открытие микроорганизмов современники пытались поместить и в контагиозную, и в миазматическую перспективу (*Dobell C.* Antony van Leeuwenhoek and his "little Animals". London, Amsterdam: John Bale, Sons and Danielsson, 1932. P. 378; указано в: *Заблудовский П. Е.* Учение о заразных болезнях и книга Фракасторо // *Фракасторо Дж.* О контагии, контагиозных болезнях и лечении. С. 226-227).

¹⁵² *Wilson C.* The Invisible World. P. 140-175.

т. п.; в этом случае главным камнем преткновения становилась проблема самопроизвольного зарождения. Врачебные споры вокруг понятия *contagium vivum/contagium animatum* восходят к XVII веку, эпохе изобретения и внедрения микроскопа. Именно тогда для объяснения этиологии чумы была применена концепция «одушевленного возбудителя», сформулированная еще в античности; однако в отсутствие экспериментальной медицины «контагионисты» не могли привести никаких решающих доказательств¹⁵³.

Многие врачи-практики на деле придерживались комбинированных взглядов, хотя в целом сходились во мнении, что зловонные — и, следовательно, зараженные вода и воздух опасны¹⁵⁴. Сложность вопроса об этиологии эпидемических болезней приводила к фантазмагорическим теориям и построениям. Известно, что в 1830 году, пытаясь собрать материалы о холере и возможных способах ее лечения, Медицинский совет, высший в Российской империи орган гражданской медицинской администрации, пригласил всех желающих присылать свои наблюдения. Среди присланной корреспонденции было «Розыскание о Индостанской смертоносной заразе, известной под названием холеры морбус» писателя и переводчика Н. И. Страхова¹⁵⁵. Содержание этого текста (рукопись не сохранилась), известное по разгромному отзыву члена Медицинского совета, лейб-медика С. Ф. Гаевского, представляет интерес как свидетельство медицинских воззрений и представлений образованного человека первой трети XIX века¹⁵⁶. Автор, черпавший свои сведения об эпидемических болезнях из различного достоинства медицинских справочников, компилятивных лечебников и официальных руководств и брошюр, изданных Министерством внутренних дел, хаотически смешивал различные теории патогенеза, болезни (холеру и желтую лихорадку Страхов считал одним и тем же заболеванием) и методы лечения. Главной причиной повальных и заразительных болезней Страхов называл «невидимых воздушных

¹⁵³ Например, русский врач Д. С. Самойлович пытался доказать контагиозную природу чумы и с помощью микроскопических исследований искал «семена заразы» в чумных бубонах (*Самойлович Д. С.* Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного. СПб.: Типография П. И. Богдановича, 1792). По мнению С. Л. Соболя, неудача Самойловича была связана с недостаточной мощностью микроскопической техники того времени (*Соболь С. Л.* История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. С. 398). Однако нельзя сбрасывать со счетов и влияние господствующей теории патогенеза, побуждавшей развигать не микроскоп, а эвдиометр.

¹⁵⁴ О распыленности и непоследовательности медицинских теорий на практике см.: *Jordanova L.* The Social Construction of Medical Knowledge // *Social History of Medicine*. 1995. Vol. 8. No. 3. P. 374.

¹⁵⁵ Благодарю А. А. Костина, обратившего мое внимание на этот материал.

¹⁵⁶ *Гаевский С. Ф.* О сочинении Страхова о холере. РГИА. Ф. 1294. Оп. 5 (1832). №142. Л. 2-6 об.

насекомых», увязывая их с влиянием атмосферы и качеством воздуха¹⁵⁷.

Теоретическая неуверенность влияла на распространенные представления о болезнях, меры предосторожности и лечебную практику. Например, во время холерной эпидемии 1829-1831 годов многие русские медики были уверены в миазматической природе холеры; первоначальные подозрения о контагиозном характере болезни, основанные на британских отчетах из Индии, были пересмотрены в соответствии с теорией миазмов¹⁵⁸. В своем донесении из Москвы английский врач Уокер сообщал, что родственники больных или умерших от холеры носят их одежду, принимают после них ванны, спят в их постели и дотрагиваются до трупов, и доктора это не запрещают¹⁵⁹. Зато в неприятных запахах видели проявление болезнетворного начала, а различные эпидемические болезни назывались общим термином «поветрие».

С конца 1860-х годов, по мере накопления противоречивых фактов, способствовавших развитию бактериологии, в медицине начался «контагиозный поворот» — миазматическую теорию стали корректировать контагиозной¹⁶⁰. Природа одних болезней объявлялась исключительно миазматической, других — контагиозной (в число таковых, к примеру, вошли сифилис, сап, сибирская язва, корь, оспа, скарлатина, дифтерит), третьих — смешанной (холера, брюшной тиф, дизентерия, чума)¹⁶¹. Определяющую роль в переосмыслении

¹⁵⁷ Там же. Л. 3-3 об.

¹⁵⁸ *Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia*. P. 15; см. также: *Соломон О.* Замечания о холере, поразившей Астрахань в июле 1830 года. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1830. С. 22.

¹⁵⁹ *Walker. Report on the Cholera in Russia, addressed to the British Government // Hawkins B. F. History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia*. London: John Murray, 1831. P. 248-249.

¹⁶⁰ *Ackerknecht E. H. Anticontagionism Between 1821 and 1867 // Bulletin of the History of Medicine*. 1948. No. 22. P. 562-593; *Bourdelaïs P. La construction de la notion de contagion: entre médecine et société // Communications*. 1998. No. 66. P. 21-39. О контагиозности болезней скота см.: *Равич И. И.* Курс учения о повальных и заразительных болезнях домашних животных. СПб.: Типография Я. Троя, 1866-1869. С. 216-217.

¹⁶¹ *Пащутин В. В.* Понятие о миазматических и контагиозных началах. Место, занимаемое чумой в ряду других заразных болезней // Сборник статей о чуме. В 2 вып. Вып. 1. Казань: Типография Казанского Университета, 1879. С. 90-91. Более дробная классификация (миазматические: чисто миазматические и переносно-миазматические; контагиозные: чисто прилипчивые, летуче-прилипчивые и случайные травматические) приведена в: *Антонов А. А.* Общедоступная гигиена. СПб.: Издательство А. С. Суворина, 1889. С. 159-160. В немецкой традиции противостояние двух подходов — миазматического и контагиозного — выразилось в противостоянии двух научных школ — мюнхенской физико-химической школы М. фон Петтенкофера и берлинской медико-бактериологической школы Р. Коха (*Schubert U. Vorgeschichte der Internationale Hygiene-Ausstellung, Dresden 1911 // Internationale Hygiene-Ausstellung Dresden 1911 und die Rolle Karl August Lingners. Materialien der Arbeitstagung, 19-29 November 1986. Deutsches Hygiene-Museum in der DDR. Dresden, 1986. S. 14-16*).

патогенеза сыграли лишь работы Р. Коха, открывшего в 1882 году туберкулезную палочку, а в 1883-м — холерный вибрион и к середине 1890-х годов предоставившего доказательства того, что возбудителем болезни является конкретный микроорганизм, а факторы среды и предрасположенности к болезни лишь способствуют его распространению.

Различные взгляды на этиологию эпидемических болезней служили обоснованием и для различных контрэпидемических мер — практических импликаций той или иной концепции патогенеза, тесно связанных с экономическими, социальными и геополитическими условиями. Представление о контагии обуславливало превентивные и репрессивные меры, целью которых было разорвать цепь передачи болезни и установить контроль за ее носителями, настоящими или возможными: карантин, санитарные кордоны, изоляция больных в лазарете или холерном бараке (вплоть до полного социального исключения), принудительная вакцинация, осмотр проституток, дезинфекция (в том числе вскрытие и окуривание корреспонденции) и уничтожение считавшихся зараженными вещей и жилищ¹⁶². В свою очередь, представлением о миазмах, порожденных дурной средой обитания, страхом перед гниющими отбросами, стоячей водой и разлагающимися органическими остатками обосновывалась необходимость профилактических мер, направленных на улучшение и исправление природных и антропогенных факторов болезни: от осушения болот до устройства вентиляции, пропаганды вакцинации, борьбы со скученностью и контроля за качеством продуктов питания¹⁶³. Неслучайно именно с возрождением миазматической теории в версии немецкого химика и эпидемиолога М. фон Петтенкофера в середине XIX века был связан подъем санитарно-гигиенического движения в Западной Европе¹⁶⁴.

Историк медицины Д. Кернс, суммируя принципиальные отличия двух подходов,

¹⁶² Основатель экспериментальной гигиены М. фон Петтенкофер неслучайно сравнивал карантин с цензурой, имея в виду сходную степень репрессивности: «Карантин и кордоны, подобно цензуре, пытались осуществить безнадежную задачу — не пропустить бациллу заразы или инакомыслия, которые, стоит им проскользнуть, неизбежно начнут расти и размножаться» (*Pettenkofer M. von. Über Cholera mit Berücksichtigung der jüngsten Choleraepidemie in Hamburg. München, 1892; цит. по: Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 31-32.*)

¹⁶³ *П-ов В. Причины болезней // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 1. Отд. III. С. 1-23; Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 33-85; там же. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 84-143.*

¹⁶⁴ *Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 21-23; Oris M. Hygiène publique et médicalisation dans une cité industrielle: Seraing au XIXe et au début du XXe siècle // Revue belge de philologie et d'histoire. 1995. T. 73. No. 4. P. 986.*

«карантинистского» и «санитарно-локалистского», заключает: первый подход контролировал людей как носителей болезни, которую следовало изолировать, тем самым прекратив ее распространение, второй же — среду обитания, являясь тем самым эффективной адаптивной стратегией по отношению к тяготам и неудобствам города нового, индустриального типа¹⁶⁵. В первом случае в фокусе внимания была сама болезнь, а человек обезличивался, редуцировался до своей физической оболочки, способной воспринимать и передавать заразное начало. Во втором случае человек рассматривался как жертва неблагоприятных условий, которые вызвали к необходимости и масштабных социальных реформ, и воспитания новой гигиенической сознательности. Усилия карантинистов по внедрению гигиенически приемлемого и общественно безопасного поведения были внеположны индивиду, усилия гигиенистов — направлены на интериоризацию санитарно-гигиенических навыков.

В деятельности гигиенистов также необходимо отметить нравственный аспект: в попытке распространить буржуазные стандарты личной гигиены и «приличного» поведения гигиенисты рассматривали как причину телесной и моральной порчи и бедность социальных низов, и излишнее богатство аристократии¹⁶⁶. Примечательно, что в России и в Европе первые попытки учеников и приверженцев Пастера привлечь общественное внимание к бактериологической модели встретили резкий отпор гигиенистов. Адепты уже укоренившейся научно-практической парадигмы не только защищались от вторжения новой модели, но и обвиняли своих противников в пренебрежении к человеку, в нежелании менять ужасные социальные условия и бороться с бедностью и нравственным упадком¹⁶⁷.

Какой из этих двух подходов превалировал в России? Были ли врачи, пациенты, чиновники настроены скорее на последовательный поиск и истребление миазмов — что должно было

¹⁶⁵ *Kearns G.* Private Property and Public Health Reform in England, 1830-1870 // *Social Science and Medicine*. 1988. Vol. 26. No. 1. P. 188.

¹⁶⁶ *Hamlin Ch.* Public Health and Social Justice in the Age of Chadwick: Britain, 1800-1854. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 201-213.

¹⁶⁷ *Hutchinson J. F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution. P. 429-430. Для усвоения пастерианства гигиенисты должны были интерпретировать его в привычных им терминах (о «переводе» пастеровской бактериологии различными заинтересованными в ней группами см.: *Латур Б.* Пастер: война и мир микробов). Тем не менее, видеть в гигиенистах безусловных адептов пастерианства, как это делает Латур в упомянутой книге, едва ли оправданно.

повышать их ольфакторную бдительность и в повседневной жизни, а не только во время эпидемий? Или же основные контрэпидемические меры применялись строго в кризисных ситуациях и сводились к карантинам и санитарным кордонам? В очерке, посвященном социальной истории холеры, А. Бриггс отмечает, что в России люди консервативных взглядов (особенно военные) были склонны поддерживать кордоны и карантин, а либералы («реформаторы») — скорее нет¹⁶⁸. Изучая меры, принимаемые различными европейскими государствами во время эпидемий XIX века, швейцарский историк медицины Э. Акеркнехт предположил, что, поскольку каждая из эпидемий оказывалась для социальной и политической системы своеобразной проверкой на эффективность, то тип политической системы во многом определял и выбор соответствующих контрэпидемических мер. Практики, которые так или иначе ограничивали автономию индивида в пользу государственных или общественных интересов, были в ходу у консервативных, абсолютистских или самодержавных режимов, тогда как политические системы, где права и свободы личности считались ценностью, предпочитали менее жесткие меры, которые не затрагивали ни свободу перемещения, ни свободу торговли¹⁶⁹. Гипотеза Акеркнехта развивала мысль его учителя, историка Г. Сигериста, писавшего, что в Новое время в странах с автократической формой правления (Франция, Пруссия, Австрия, Россия) администрирование общественного здоровья и борьба с эпидемиями были централизованными и патерналистскими, основанными на медико-полицейском контроле, тогда как более либеральные режимы (парламентская Великобритания) предпочитали делегировать полномочия на уровень местной власти и действовать воспитанием и убеждением¹⁷⁰.

Проанализировав гипотезу Сигериста-Акеркнехта на большом сравнительном материале, американский историк П. Болдуин пришел к выводу, что картина была куда более дробной и эклектичной — и во времени, и в пространстве¹⁷¹. Конкретный набор контрэпидемических практик в каждом государстве определялся своим специфическим набором факторов в определенный исторический период, от физической невозможности воплотить рациональные

¹⁶⁸ Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century. P. 82-83.

¹⁶⁹ Ackerknecht E. H. Anticontagionism Between 1821 and 1867. P. 562-593.

¹⁷⁰ Sigerist H. E. Civilization and Disease. Ithaca: Cornell University Press, 1944. P. 91-92.

¹⁷¹ Baldwin P. Contagion and the State in Europe.

меры предосторожности из-за нехватки обученного персонала, лекарств, средств до степени усвоенности актуального медицинского знания, экономических интересов и географического положения — так, например, самые жесткие меры предпринимали правительства тех стран, которые первыми сталкивались с эпидемиями¹⁷². Удаленность от источника заразы и путей ее распространения давала на превентивные меры то время, которого не было у государств, находящихся на линии «эпидемиологического фронта»¹⁷³. Это значит, что при анализе российских санитарных практик и санитарного дискурса — и связанных с ними представлений о допустимых и недопустимых запахах — необходимо принимать во внимание и географическое положение Российской империи, оказывавшейся своеобразной буферной зоной между Западом и Востоком, между Европой и Азией, ее геополитические притязания и их дискурсивное оформление¹⁷⁴.

Более того, одна и та же эпидемия могла вызывать различные реакции у практикующих врачей, представителей государственного аппарата и обывателей. В статье об организации медицинской помощи во Внутренней Орде А. Афанасьева описывает противоречивые действия российских чиновников: в 1830 году, во время вспышки холеры, Медицинский совет (совещательный орган при Министерстве внутренних дел) требовал ввести в Оренбургской губернии карантин для торговых караванов с юга, тогда как Министерство финансов высказывалось против «стеснительных мер во вред торговле»¹⁷⁵. Анализируя поведение российских властей во время первых холерных эпидемий, Ш. Хенце также указывает на отсутствие единомыслия и важность экономических и социальных, а не медицинских резонансов при принятии тех или иных мер, а также влияние внешнеполитической обстановки (волнений в Польше, революций в Европе)¹⁷⁶. Более того, реакции самих врачей,

¹⁷² Ibid. P. 120-121.

¹⁷³ Ibid. P. 211. Например, на парижской санитарной конференции 1851 года Великобритания, где уже функционировала, пусть и с переменным успехом, созданная Э. Чедвиком система санитарного контроля, противостояла средиземноморским странам, исповадовавшим строгий карантинизм (ibid. P. 212-213).

¹⁷⁴ Впервые в России карантин западноевропейского типа были применены в 1738 году, во время чумной эпидемии в армии, воевавшей с турками. Тогда же впервые возникла мысль об устройстве карантинных на государственных границах. С 1756 года в качестве инструкции использовалось итальянское «Известие о венецианском карантине» (Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб.: Типография Я. Третья, 1883. С. 614-621). Полемизируя с Чистовичем, Л. Ф. Змеев приводит более ранние сведения о репрессивных санитарных мерах, относящиеся к XVI веку, однако не уточняет их специфику (Змеев Л. Ф. Наши первые карантинные не там, где их искали. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888).

¹⁷⁵ Афанасьева А. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов». С. 141-142.

¹⁷⁶ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 16-18, 21-22.

находившихся на государственной службе, отличались от гуманистического и либерального медицинского этоса, сложившегося в Европе во второй половине XIX века.

Характер государственной власти оказывал существенное влияние на эпидемиологическую обстановку в различных европейских странах лишь с середины XIX века, но это влияние носило не прямой, а опосредованный характер (это не противоречит выводам Болдуина, но уточняет их). В России введение в 1866 году мягкого Карантинного устава и европеизированный отказ от принудительных мер, благоприятствовавший торговле, сочетались с централизованной властью и сильным государственным регулированием медицинской помощи, которая к 1860-м годам окончательно перестала отвечать нуждам населения. В свою очередь, санитарно-локалистский подход к эпидемиям, возникший под влиянием «почвенной теории Петтенкофера», основывался на тонком знании местных условий — географических, климатических, социальных. Лишь вооружившись этими знаниями, следовало браться за масштабное очищение и модернизацию среды обитания.

В Российской империи выполнимой оказывалась лишь часть санитарно-локалистской программы: медико-топографическое и санитарное описание конкретных населенных пунктов. С практическими мерами возникали сложности. Огромная территория империи требовала делегирования полномочий властям на местах и организации местных систем здравоохранения, что противоречило самой структуре самодержавного государства¹⁷⁷.

Описывая санитарные нужды России в программной статье 1874 года, С. П. Ловцов, первый редактор «Архива судебной медицины и общественной гигиены» и ученик основателя целлюлярной теории Р. Вирхова, писал: «В России врачи вообще лишены права на санитарный надзор, и последний возложен на местную полицию (городскую, уездную и сельскую) и администрацию; врачи действуют только по приказанию администрации или на основании сообщений местной полиции; сами же, по своей инициативе они не имеют права принимать участие в попечении об общественном здоровье, такой порядок дела оказывается крайне неблагоприятным преимущественно во время эпидемий, когда от непосредственного и быстрого действия местных врачей ... зависит если не полное прекращение эпидемии, то,

¹⁷⁷ Ibid. P. 21, 23, 44-45.

по крайней мере, ослабление ее силы и развития»¹⁷⁸. Система земской медицины в таких условиях могла сделать очень мало и до введения стационарной медицинской помощи была практически бесполезна. Кроме того, здравоохранительная политика Российской империи порой входила в решительное противоречие с представлениями медицинского сообщества о том, как именно следует бороться с «повальными и заразительными болезнями». Но, если до середины XIX века медицинская автономия отсутствовала, а возможности врачей по трансляции научного знания широким слоям населения были ограничены (чтобы не сказать ничтожны), то после Крымской войны и, особенно, с началом Великих реформ ситуация начала меняться.

1. 3. Средства борьбы с миазмами

Со второй половины XVIII века в Европе и в России врачебное внимание сосредотачивается на погоде, климате, качестве воздуха и его ольфакторных нюансах, свидетельствующих о состоянии окружающей среды. В частности, эта информация обязательно присутствовала в так называемых медицинских топографиях — описаниях местности, содержащих сведения по физической географии, эпидемиологии, ботанике, этнографии¹⁷⁹. Российская инструкция «О должностях Врачебной управы медицинских чинов» предписывала уездным врачам регулярно собирать подобные сведения и присылать их в столицу: таким образом надеялись наладить систему эпидемиологического мониторинга империи. Всего с 1797 по 1861 год губернскими врачебными управами Российской империи было составлено более 150 топографий¹⁸⁰; то, что они могли быть поданы и защищены в качестве диссертаций,

¹⁷⁸ Ловцов С. П. Об устройстве санитарной части в России // Здоровье. 1874. Т. 1. №4. С. 67. В качестве теоретического обоснования Ловцов использует сочинение кн. А. И. Васильчикова «О самоуправлении» (Васильчиков А. И. О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. В 3 Т. СПб.: Типография В. В. Платца, 1872).

¹⁷⁹ Об эпидемиологическом измерении ландшафта в XVII-XVIII веках на британском материале см.: Dobson M. *Contours of Death and Disease in Early Modern England*. P. 287-367. О сопоставлении метеорологических и медицинских данных и формировании «метеорологической медицины» во Франции см.: Rofort M.-F. *Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle*. P. 363-365; Mousy H. *Les topographies médicales françaises des années 1770 aux années 1880: essai d'interprétation d'un genre médical*. Thèse de doctorat en Histoire, Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 2003.

¹⁸⁰ Петров Б. Д. Медико-топографические описания в России (до 1861 г.) // Советское здравоохранение. 1960. №1. С. 48.

стимулировало провинциальных лекарей делать описания подробно и тщательно¹⁸¹. Кроме того, медико-топографические (или «топо-медицинские») описания составлялись и по специальной программе для медицинской полиции и включали характеристики публичных мест и жилищ с точки зрения их безопасности или опасности для здоровья. Их составители также исходили из представлений о болезнетворности миазмов и регулярно фиксировали наличие испарений и туманов, направление ветра и характер ощущаемых запахов¹⁸².

Представления об опасности миазмов влияли на медицинскую и повседневную практику, от профилактики до контрэпидемических мер. Наиболее действенным средством считалось проветривание, которое следовало применять в больницах и тюрьмах — во избежание горячки, на заводах, в особняках. Бытовало даже такое понятие, как «выветривание заразы»¹⁸³. Однако долгое время — чуть ли не до конца XIX века — в частной жизни этот способ улучшения воздуха оставался если не чисто теоретическим, то редко употребляемым: в течение ста лет врачи, рекомендуя антимиазматическое проветривание комнат, сетовали на повсеместную боязнь свежего воздуха и сквозняков, которая приводила к тому, что все окна и двери тщательно закрывались. В городе это объяснялось еще и тем, что наружный воздух ощущался как более испорченный, чем воздух квартир: например, в Петербурге окна жилых, непарадных помещений обычно выходили во двор, где находились помойные и выгребные ямы¹⁸⁴.

Страхи усиливались еще больше, когда речь заходила о содержимых дома тяжелобольных и детях. Последние, к тому же, до середины XIX века обладали довольно низким статусом

¹⁸¹ Вишленкова Е. А., Гатина З. С. «Изложить предмет сциентифически». С. 154-169; Вишленкова Е. А. Рождение профессии. Е. А. Вишленкова отмечает, что лучшие рукописи отбирались для публикации в «Военно-медицинском журнале» (с 1823 года) и «Журнале Министерства внутренних дел» (с 1829 года) — таким образом локальная информация обобщалась и усваивалась столичными врачами, а специализированная медицинская терминология в описании социальных проблем попадала в бюрократический обиход.

¹⁸² Петров Б. Д. Медико-топографические описания в России (до 1861 г.). С. 50. См., например: Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге.

¹⁸³ Бухан В. [Бьюкен У.]. Полный и всеобщий домашний лечебник. С. 331. Ср. также, например, рекомендации при лечении оспы: «Есть ли не проветривают и рубашек не переменяют чаще, чрез что больной беспрестанно должен вонючие от себя испарения опять в себя глотать, и тем самым вновь заражаться <...> [следует] держать их на свежем воздухе <...> днем же носить их по возвышенным местам или по саду, где много благоуханных цветов» (Майер И.-Ф. Искусный эконом. Ч. 1-2. М.: Университетская типография, 1819. С. 83).

¹⁸⁴ Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 254; Соловьев Н. И. Москва и Петербург в санитарном отношении // Русский вестник. 1871. Март. С. 170-171.

даже в дворянских семьях: их селили на непрестижных верхних этажах, в мансардах, на антресолях, вместе с приживалками и женской прислугой (при этом спуск детей вниз, в более просторные комнаты с высокими потолками, означал приближение к родителям и переход из малоценной фазы детства в фазу юношества или девичества)¹⁸⁵. Помещения небольшого размера, которые отводились под детские, было легче отапливать и, в случае необходимости, окуривать¹⁸⁶. Жалобы врачей и других носителей европеизированного научного и педагогического знания (например, иностранных гувернеров и гувернанток) на ужасающую духоту в детских встречаются вплоть до 1880-х годов. В мемуарах С. В. Ковалевской рассказывается: «Гувернантка, француженка, не может войти в нашу детскую без того, чтобы не поднести брезгливо платка к носу. — Да отворяйте вы, няня, форточку! — умоляет она няню на ломаном русском языке. Няня воспринимает это замечание за личную обиду. — Вот еще выдумала, басурманка! Стану я отворять форточку, чтобы господских детей перепростудить! — бормочет она по ее уходе»¹⁸⁷. Сходные воспоминания — о детстве в небогатой дворянской семье — мы находим у Е. Н. Водовозовой: «Форточек, даже в зажиточных помещичьих домах, не существовало, и спертый воздух комнат зимой очищался только топкой печей. <...> Духота в детских была невыразимая: всех маленьких детей старались поместить обыкновенно в одной-двух комнатах, и тут же вместе с ними на лежанке, сундуках или просто на полу, подкинув под себя что попало из своего хлама, спали мамки, няньки, горничные»¹⁸⁸. Из миазматической теории патогенеза было усвоено в первую очередь недоверие к атмосферным влияниям: даже врачи могли запрещать менять воздух в комнатах тех, кто был слаб здоровьем¹⁸⁹.

Другим важным способом борьбы с миазмами было окуривание — как помещений, так и

¹⁸⁵ Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII-середины XIX веков. СПб.: Алетейя, 2010. С. 119-120.

¹⁸⁶ О воспитании // Прибавление к «Московским ведомостям». 1783. №40. С. 153-154. В течение XVIII-первой половины XIX века в вопросах комфорта за точку отсчета принимались интересы родителей; «подобная фамильная иерархизация воспроизводилась на всех уровнях российского высшего общества, вплоть до императорской семьи» (Белова А. В. «Четыре возраста женщины». С. 120).

¹⁸⁷ Ковалевская С. В. Воспоминания. М.: Аст-Пресс, 2005. С. 5. См. также: Харузина В. Н. Прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 202.

¹⁸⁸ Водовозова Е. Н. На заре жизни. В 2 Т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 123-124.

¹⁸⁹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2 Т. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. С. 73.

частей тела и больных органов¹⁹⁰. От некоторых болезней врачи советовали применять «накуренные», т. е. пропитанные дымом, бинты и пластыри¹⁹¹. При контакте с теми, кто страдал «прилипчивыми» (заразными) болезнями, рекомендовалось держать во рту душистые коренья, разговаривать отвернувшись, чтобы не вдохнуть заразу, и окуривать себя¹⁹². Во время эпидемий следовало регулярно окуривать жилище, ледники, погреба, конюшни и прочие службы¹⁹³. В наставлении, изданном в 1771 году, в разгар московской чумы, рекомендовалось устраивать во дворах и перед дверями костры из хвойных дров или облитых дегтем щепок, чтобы все входящие пропитывались их дымом¹⁹⁴. Эти практики были известны в России несколько столетий. К 1860-м годам арсенал ходовых курительных средств включал и старинные, широко распространенные средства вроде уксуса, серы, пороха, ладана, камфарного спирта, рубленой еловой хвои, можжевельниковой древесины¹⁹⁵, и химические препараты — различные кислоты, железный купорос, с 1820-х годов — хлорную известь¹⁹⁶, с 1850-х годов — ждановскую жидкость. Помимо традиционных форм — свеч, пирамидок-«монашенок», курительной бумаги, использовались новые «приборы и снаряды»,

¹⁹⁰ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Вып. 1. С. 1512; Аллец П.-О. Новый Альберт. М.: Университетская типография Любия, Гария и Попова, 1804. С. 52; Рейс Ф. Ф. Краткое наставление, как употреблять средство, надежно предохраняющее от прилипчивости горячки, моровой язвы и от всех заразительных болезней, случающихся между людьми и скотом. М.: Университетская типография, 1807. См. также: О составе и употреблении элексира <sic!> в болезни эпидемической холеры употребляемого. ОР РНБ. Q. VI. 18. Л. 2.

¹⁹¹ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Вып. 1. С. 699. В народной медицине еще в 1870-е годы сифилис и некоторые другие болезни лечили окуриванием киноварью — эта практика носила название «сиденье на парах» (Капустин М. Я. Очерки земской медицины // Здоровье. 1875. Т. 1. №8. С. 164).

¹⁹² Богданович П. И. Правила для соблюдения здоровья. С. 7-8. Сходные меры предосторожности описаны, например, в пушкинском «Путешествии в Арзрум», где речь идет о кавказской чуме 1829 года: «...На другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность стать по ветру (курсив мой. — М.П.)» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 6. Л., 1978. С. 475). Их устойчивость демонстрирует и знаменитый эпизод из «Отцов и детей», в котором описывается визит Одинцовой к умирающему Базарову: «— Не подходите ко мне: ведь моя болезнь заразительная. <...> Базаров умолк и стал ощупывать рукой свой стакан. Анна Сергеевна подала ему напиток, не снимая перчаток и боязливо дыша» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. М.: Наука, 1978-1986. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 182-183).

¹⁹³ Чистович Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб.: Типография Я. Трея, 1870. С. 8.

¹⁹⁴ Краткое предохранительное познание для избавления от заразительной болезни. 1771. РГИА. Ф. 950. Оп. 1. №439. Л. 6-6 об.; также: Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. С. 25.

¹⁹⁵ Начиная с петровского времени, рекомендации «мыть и чистить и курить можжевельником» содержатся как в официальных инструкциях (Материалы для истории Гангутской операции. Грамоты, указы и письма Петра Великого 1713-1714 гг. Вып. 1. Ч. 2. Пг.: Архив Морского министерства, 1914. С. 131), так и в рукописных лечебниках ([Гурчин Д.] Аптека домовая большая. 1708 г. ОР РНБ. Q. VI. 45; О пользе употребления можжевельника. Не ранее 1758 г. РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. №117). О пользе еловой хвои и уксуса писал П. С. Паллас (Паллас П. С. Описание и изображение российских произрастений. СПб.: Императорская типография, 1786. Ч. 1. С. 27).

¹⁹⁶ Гаевский С. Ф. О сочинении Страхова о холере. Л. 5-5 об.

например, паровые курильницы, уничтожающие спертый воздух в общественных местах и нейтрализующие запахи кухни во время званых ужинов¹⁹⁷.

Сложные случаи и эпидемии (например, холера 1829-1831 годов) подрывали уверенность врачей и пациентов в старых средствах и заставляли их испытывать новые. М. Я. Мудров, профессор патологии и терапии Московского университета, советовал комнаты, где лежат холерные больные, окуривать парами минеральных кислот (например, «составом Гютона-Морво, приготовленным из марганца, соли, воды и серной кислоты») и опрыскивать раствором хлорной извести, которую производила московская фабрика Д. А. Карцова¹⁹⁸. Как правило, новые средства вписывались в уже привычную модель использования, что могло приводить к немалому ущербу для здоровья. Например, Н. И. Страхов (см. выше) советовал окуривать больных порохом, серным эфиром и парами серной кислоты (а также описывал устаревшие средства вроде жженого свиного кала или порошка из гусяного языка)¹⁹⁹.

Некоторые средства и методы отбрасывались как противоречащие общепринятой практике или актуальному законодательству. Французский источник в обзоре сведений о московской холере 1830 года приводит письмо вышеупомянутого химика Д. А. Карцова, члена Императорского общества испытателей природы, где тот сообщает о своем антихолерном изобретении — снаряде для окуривания человеческого тела горячим паром (несмотря на одобрение Медицинского совета, в разрешении на производство и продажу Карцову было отказано и распространения снаряд не получил)²⁰⁰ — и о запрете на продажу дезинфицирующих аппаратов французского химика Гитона де Морво²⁰¹. С распространением бактериологии курениям начала приписываться дезинфицирующая функция: например,

¹⁹⁷ Андреевский П. В. Новейший химик-парфюмер. СПб.: Типография Ю. Штауфа, 1867. С. 53.

¹⁹⁸ Мудров М. Я. Краткое наставление о холере и способ, как предохранять себя от оной, как излечивать ее и как останавливать распространение оной. М.: Университетская типография, 1831. В британском отчете о холерной эпидемии 1829-1831 годов указывается, что в Петербурге, Москве и провинциальных городах использовались как традиционные курения винным уксусом и можжевельником, так и новые курения хлорной известью, но ни те, ни другие не помогали, а лишь усугубляли смрад и портили воздух (*Hawkins B. F. History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia*. P. 20-24). Там же упомянуто письмо Карцова первооткрывателю хлорной извести А. Лабарраку: Карцов утверждал, что благодаря хлорной извести спас своих родных и домочадцев, но московские власти отказались перенимать его опыт.

¹⁹⁹ Гаевский С. Ф. О сочинении Страхова о холере. Л. 5-5 об.

²⁰⁰ Дело по прошению артиллерии подпоручика Карцова о выдаче ему привилегии на переносную паровую ванну. 1831-1832 гг. РГИА. Ф. 1285. Оп. 4. №86.

²⁰¹ Choléra morbus // Archives générales de médecine. 1831. Vol. 25. P. 570-571.

считалось, что табачный дым убивает бактерии²⁰².

В русском быту, городском и деревенском, курения активно и регулярно использовались до конца XIX века. Состоятельные люди покупали их в аптеках, парфюмерных и мелочных лавках; те, кто победнее, готовили курительные смеси сами или жгли легкодоступные снадобья — можжевеловые щепки, мяту, домашний уксус²⁰³. В «Детстве» Л. Н. Толстого описывается, как мальчик мечтает вслух, сидя на ночном горшке, после чего ключница дезодорирует комнату «очаковым куреньем»²⁰⁴; в «Анне Карениной» (1878) духами и уксусом Кити исправляет воздух в номере умирающего²⁰⁵. Московский купец Н. П. Вишняков, оставивший мемуары о своем детстве, которое пришлось на середину XIX века, писал: «Если замечали, что в комнатах нехорош воздух, то прибегали не к обновлению его посредством притока наружного воздуха, а к вящей его порче посредством курения «смолкой», уксусом, «монашенками» (курительными пирамидками из толченого древесного угля с ароматическими смолами, мятой или духами амбре), лишь бы заглушить дурной запах. Для сей цели носили по комнатам раскаленный в печи кирпич, опрыскивая его требуемой специей»²⁰⁶. В конце 1870-х годов, знакомя читателей с профилактикой чумы, агрохимик А. Н. Энгельгардт утверждал, что «...всякое окуривание дымом полезно, и чем естественнее, необходимее совершается это окуривание, тем лучше. Лесные пожары, пожары торфяников, выжигание сухих степных трав, ляд, кубышей и проч., курные избы, освещение лучиной, сушение хлеба, всякое курение и копчение, наконец, курение табаку должны быть признаны самыми действительными дезинфекционными средствами <...> Также не следует запрещать курить в больницах, тюрьмах и учебных заведениях»²⁰⁷.

²⁰² *Богданов К. А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 293.

²⁰³ О пользе употребления можжевелника. Не ранее 1758 г. РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. №117. Л. 1 об.; *Завадская В.* Литовская хозяйка. Вильно: Издательство О. Завадского, 1884. С. 33-35, 54-55; *Юрьев, Владимирский.* Правила светской жизни и этикета. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1889. С. 316. Косвенное свидетельство о масштабах использования дают рецепты домашнего изготовления курительных средств. По приводившимся пропорциям, из одной партии получалось около 280 свечек, каждой хватало на 15-20 минут (*Осипов Н. П.* Любопытный домоводец. СПб.: Типография Крылова с товарищи, 1792. С. 5-6).

²⁰⁴ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 22 Т. М.: Художественная литература, 1978-1985. Т. 1. С. 46-47.

²⁰⁵ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. Т. 9. С. 70.

²⁰⁶ *Вишняков Н. П.* Из купеческой жизни // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М.: Правда, 1989. С. 282.

²⁰⁷ Со ссылкой на «Смоленский вестник» приведено в: Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. Т. ССXLIII. №3-4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 130.

Официальные инструкции по очищению общественных зданий и публичных мест также рекомендовали прибегать к окуриванию вплоть до начала XX века²⁰⁸. Один из первых русских гигиенистов В. О. Португалов, инспектировавший в 1875 году тюрьмы Вятской губернии, с возмущением писал: «Когда я опустилсЯ внутрь этой баржи [для перевозки арестантов], мне все казалось, что я задохнусь, до того там было душно, сперто, удушливо, смрадно, несмотря на то, что в это время большая часть арестантов была на палубе. <...> И всему этому хотят помочь тем, что предписывают производить окуриванья из настоя мяты в пивном укусе! Так гласит инструкция»²⁰⁹. Такая же инструкция — по поддержанию здоровой атмосферы и созданию приятного и полезного аромата — существовала и для императорских покоев. Граф А. А. Игнатъев, описывая прием в Зимнем дворце 26 января 1904 года, упоминает, как «придворные лакеи в расшитых золотом красных фраках еще проходили по лестнице, убранной мягким пушистым ковром, и лили из бутылок на раскаленные чугунные совки придворные духи, распространявшие какой-то специальный, присущий дворцу аромат»²¹⁰.

Наряду с «дезодорирующими» окуриваниями существовало представление о «выталкивании» вредоносного начала из организма с помощью резкого или неприятного запаха — цитрусовых, пряностей, ароматических смол, репчатого лука, нашатыря или скипидара (подробнее о приписывании запахам лекарственной силы речь пойдет во второй главе исследования)²¹¹. Этим объяснялось лечение удушья и обморока «смородом [смрадом — М. П.] от жженных рябчиковых или куриных перьев»²¹², истерии и болезней матки —

²⁰⁸ Медицинский отчет Санкт-Петербургской городской временной больницы 1880 года для горячечных / Под ред. Ю. Т. Чудновского. СПб.: [Б. и.], 1881. С. 55-56.

²⁰⁹ Португалов В. О. Наши калькуттские пещеры // Здоровье. 1875. Т. 1. №30. С. 654.

²¹⁰ Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Военное издательство, 1988. С. 137.

²¹¹ «Во время морового поветрия или других каких прилипчивых болезней, ежели навешать в комнатах поболее луковиц, то зараза ими втягивается и воздух в покоях чрез то очищается» (Сумароков П. П. Источник здравия. С. 119). Также рекомендовалось носить при себе лимон, утыканный гвоздичными почками, — экономичный вариант помандера (аксессуар в виде металлической сферы, наполненной пряностями и ароматическими веществами), который использовался для личной профилактики эпидемических болезней (там же. С. 115).

²¹² Пекен Х. Домашний лечебник. С. 310.

«духом бобровой струи»²¹³, чахотки — навозными испарениями²¹⁴. Наконец, верой в целительную силу определенных запахов было обусловлено широкое бытовое использование пряностей и ароматических веществ в составе лекарственных и профилактических средств — водок, настоек, саше, амулетов²¹⁵. Их также следовало употреблять обдуманно, в соответствии с конституцией или темпераментов, чтобы не расстроить здоровье неподходящим ароматом. Например, мытье головы отваром благовонных трав рекомендовалось людям «сырого сложения» [флегматикам — *М. П.*]; но считалось, что «людям сухого и горячего сложения таковой взвар вреден, по причине пронизательного его запаху, который легко может в них произвести волнения в крови и боль в голове»²¹⁶. В обусловленных гуморально-патологической теорией представлениях о теле, которые стояли за подобными рекомендациями, плоть мыслилась как система, приведенная в равновесие самой природой, но подверженная вредным влияниям из-за своего незамкнутого характера: опасные миазмы могли проникнуть в тело сквозь кожные поры, ноздри и телесные отверстия.

Импортные и отечественные готовые одеколоны и духи, которые широко употреблялись в эротических, косметических, гигиенических, «противоядных и противогнильных» целях одновременно, могли позволить себе только очень состоятельные люди²¹⁷. Представители элиты приобретали духи в огромных количествах. Сохранившиеся в документах Канцелярии по придворной части данные о закупках французской парфюмерии для императора Александра I позволяют сделать вывод о регулярном и значительном расходовании одеколона

²¹³ Там же. Об уравнивающей и отвлекающей силе, приписывавшейся запахам в фармакопеях XVIII века см.: *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 306-307. Рекомендации лечить пахучими веществами такие заболевания, как ипохондрия, истерия, меланхолия или безумие, также основывались на представлениях о дисбалансе гуморов и возможности вернуть их в равновесие с помощью приписываемой запахам лекарственной силы (*Шрейбер И.-Ф.* Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних. Ч. 2. С. 78; Руководство к врачебной науке. Кон. XVIII-начало XIX века. ОР РНБ. Q. VI. 19. Л. 179 об.).

²¹⁴ *Аллец П.-О.* Новый Альберт. С. 94-97. Рационализируясь в соответствии с новейшими разысканиями, этот способ сохраняется и в более поздних изданиях, см., например: *Матвеевский М. А.* Правила лечения гнойной чахотки легких навозными испарениями и другими домашними средствами. СПб.: Типография Вингебера, 1849. Именно так в начале XIX века пытались лечить жену князя И. М. Долгорукова (*Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. М.: Наука, 1997. С. 32).

²¹⁵ В конце XIX века эти практики переосмыслились с учетом бактериологических открытий. Например, совет класть в белье надушенные подушечки-саше мотивировался способностью духов предохранять белье от микробов (*Похитонова М.* Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. СПб.: Г. Гоппе, 1893. С. 199).

²¹⁶ *Богданович П. И.* Правила для соблюдения здоровья. С. 41.

²¹⁷ *Кирсанова Р. М.* Аромат родного дома и запах счастья. С. 274.

и туалетной воды (так, партия духов, приобретенных в мае 1819 года, состояла из 1380 склянок; объем других партий варьировался от 12 до 216 склянок)²¹⁸. Об этом же, в частности, свидетельствует запись П. А. Вяземского о блестящем придворном, флигель-адъютанте Александра I графе В. И. Апраксине: «Кроме двух страстей, музыки и рисования, имел он еще две: духи и ордена. У него была точно лавка склянок духов, орденских лент и крестов, которыми он был пожалован»²¹⁹. В аристократической среде употребление духов функционировало в том числе (если не в первую очередь) как ритуал роскоши, поддерживающий социальные иерархии²²⁰. Сам факт выбора — по присланным из-за границы образцам, заказа и покупки импортных духов, недоступных подавляющему большинству населения, подтверждал принадлежность к высшему сословию и свидетельствовал о разделении ценностей и телесных практик этого сословия.

Представление о репертуаре парфюмированных средств, употреблявшихся в богатом дворянском обиходе начала XIX века, дает рассказ Е. Н. Водовозовой о старике-крестном: «Как только мы открывали двери его дома, нас охватывали несказанно чудные ароматы духов, которыми пропитаны были мебель и каждый уголок его комнат. <...> У него была непобедимая страсть к духам. Зная ее, каждая из его дочерей присылала ему из столицы к именинам и к Новому году какой-нибудь душистый подарок: то роскошный ящик с флаконами духов, то с гранеными бутылочками одеколона, изящную коробку с разнообразными мылами, сверточки с душистыми курительными свечками и ароматическими бумажками, прелестные саше <...> Когда его спрашивали, давно ли он имеет такое пристрастие к духам, он отвечал, что всегда любил духи, но в большом количестве начал употреблять их на старости лет, когда совсем перестал пить вино, так что теперь только духи и нюхательный табак оживляют его»²²¹. Из приведенной цитаты очевидно, что парфюмерным ароматам приписывался тонизирующий эффект: заглушая или ликвидируя

²¹⁸ О сдаче 4 ящиков, привезенных из Руана в Зимний дворец. 1816 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 1. №132. Л. 1; О заплата фабриканту Рибану за духи для Государя Императора и сведения о вещах, делаемых фабрикантом Валлером. 1816 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 1. №43. Л. 3; О доставлении в комнату Государя Императора ящика с духами, привезенного из Руана. 1818 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 2. №528. Л. 1; О духах, выписываемых из Парижа для Государя Императора. 1823 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 6. №348а. Л. 3; О благовонных водах, привезенных для Его Величества из Руана на французском корабле. 1825 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 8. №359. Л. 2.

²¹⁹ *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. 1813-1877. М.: Захаров, 2003. С. 542.

²²⁰ *Douglas M., Isherwood B.* The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption. London, New York: Routledge, 2002. P. 38-40.

²²¹ *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. Т. 1. С. 252-253.

неприятные запахи, ароматические средства оказывали влияние и на баланс гуморов, и на тонус «фибр» — внутренних волокон. Небогатые дворяне и мещане прибегали к самодельным средствам, рецепты которых публиковались в различных хозяйственных изданиях, журналах, брошюрах Вольного экономического общества и широко переписывались. Ингредиенты для домашних гигиеническо-косметических произведений закупались в государственных и вольных аптеках, на материальных складах и в мелочных лавках²²². Эта практика сохранилась до конца XIX века: несмотря на порицания врачей, старые рецепты самодельного приготовления помад, туалетных вод и саше встречаются в хозяйственных изданиях 1890-х-1900-х годов²²³.

1. 4. Понятие «общественного здоровья» и реструктуризация российского общества в последней трети XIX века

С середины XIX века, благодаря прессе, профессионализации медицины и популяризации естественнонаучного знания, «миазмы» и «контагий» не только составляли предмет беспрестанных споров медиков, но и начали вызывать пристальный интерес всех образованных людей. Не последнюю роль в привлечении внимания к этим, казалось бы, сугубо специальным проблемам сыграли связь гигиены с идеями прогресса и цивилизации и общий процесс медиализации повседневности, усиливавший «рационализацию поведения человека по отношению к собственному телу»²²⁴. Истолкованные в терминах прогресса и общественного блага, санитария и гигиена превращались в дело общественной значимости, более того — конституировали целую санитарно-гигиеническую утопию, основанную на идеях социальной гармонии.

Однако комплекс идей, лежавших в основании этой утопии, не был новым изобретением.

Рекомендации российских врачей-гигиенистов второй половины XIX века относительно сна,

²²² См., например, перечень аптечных товаров в: Устав для фармацевтов, материалистов и купцов; для аптек, складов и лавок с аптечными материалами и красками. В 3 Ч. Варшава: Б. Москва, 1839.

²²³ Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 211. Это отличало российский рынок косметики от европейского: в России развитие косметической индустрии началось в конце николаевского времени, тогда как во Франции кустарное производство косметических и гигиенических товаров уступает место ремесленному в конце XVIII века (*Вигарелло Ж.* Искусство привлекательности. С. 144-145).

²²⁴ *Frevert U.* Krankheit als politisches Problem 1770-1880: Soziale Unterschichten in Preussen zwischen medizinischer Polizei und staatlicher Sozialversicherung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1984. S. 15 f. Цит. по: Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы. С. 21.

диеты, режима дня, условий труда и отдыха, телесной и общественной гигиены, профилактики болезней и эпидемий чуть ли не дословно повторяли предписания медиков последней трети XVIII века, которые можно обнаружить в многочисленных переводных и оригинальных справочниках, официальных предписаниях и медицинских топографиях²²⁵. Сходными были и трактовка различных испарений и эманаций в «миазматическом» ключе, и попытки оценивать качества и свойства воздуха, и представление о болезнетворности слишком резких запахов, раздражающих «фибры», мозг и желудок и нарушающих равновесие соков в организме.

В 1790-х годах вышел русский перевод книги шотландского врача У. Бьюкена (В. Бухана), которую можно рассматривать как свод наиболее актуальных на тот момент представлений о гигиене. Предвосхищая труды гигиенистов второй половины XIX века, Бьюкен рекомендовал для поддержания здоровья ежедневную перемену белья, проветривание комнат, смену деятельности для предупреждения болезней, возникающих от однообразных занятий, как физических, так и умственных (то, что врачи 1860-1880-х годов назовут «гигиеной труда» и «гигиеной умственной деятельности»), легкую пищу нейтрального вкуса и запаха²²⁶. К болезнетворным факторам он причислял атмосферу любого большого города, застоявшийся жилой воздух, воздух, уже бывший в легких, телесные испарения вполне здоровых людей, трупный запах разлагающегося тела²²⁷. Во время эпидемий Бьюкен советовал избегать собраний и контактов с заболевшими и запрещал прощание с умершими, считая его «средством распространить заразу»²²⁸.

²²⁵ О тематике русской медицинской литературы XVIII века см. в: *Громбах С. М.* Русская медицинская литература XVIII века. С. 74-91; *Голицына О. Ю.* Медицина в культуре России XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Волгоград, 2009. С. 18-20.

²²⁶ *Бухан В. [Бьюкен У.]* Полный и всеобщий домашний лечебник. Т. 1. С. 132-132, 145-192, 255-268, 315-318, 330-336. О популярности лечебника Бьюкена свидетельствовал С. Т. Аксаков: «по Бухану» его мать лечилась сама и лечила сына (*Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука. Л.: Лениздат, 1984. С. 14-15, 56).

²²⁷ Те же рекомендации содержатся в других изданиях этого времени, как составленных переводчиками-компиляторами, так и принадлежащих перу профессиональных медиков: *Вицман А.* Правила для желающих наслаждаться долголетней жизнью. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1799. С. 16-26; *Каменецкий О. К., Саполович Я. О.* Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами. В 2 Ч. М.: Синодальная типография, 1805.

²²⁸ *Бухан В. [Бьюкен У.]* Полный и всеобщий домашний лечебник. Т. 1. С. 324. Этот совет сопровождается следующим примечанием неизвестного переводчика: «(1) не целовать покойников, умерших от лихорадки высыпной; 2) никоим образом не вскрывать тех кадаверов, от коих выходит вонь гниющей мертвечины, потому что эта вонь может здорового человека заразить гнилой лихорадкой» (там же). Близкие рекомендации содержатся в рукописных источниках 1770-х годов. См.: Краткое предохранительное познание для избавления от заразительной болезни. 1771 г. РГИА. Ф. 950. Оп. 1. №439. Л. 5.

Особое внимание Бьюкен уделял публичной гигиене, которая понималась и как безопасное для здоровья состояние городского пространства, и как забота о здоровье ближайшего окружения²²⁹. Следить за чистотой лишь собственного тела и собственной одежды оказывалось недостаточным для сохранения здоровья. Все усилия могли пойти насмарку из-за небрежности ближнего, его гигиенической несознательности: «Кто бы мог переменять белье каждый день, переменяет его чрез два дни; кто бы чрез два дни, тот чрез четыре или пять; наконец, кто бы два раза в неделю, тот только однажды. Худой запах есть зато уделом первых; худой запах, завалы, лихорадки суть уделом вторых; заразительный или противный и отвратительный запах, завалы, лихорадки, кожные болезни, гад и проч. суть уделом последних. <...> Не довольно мне самому быть чистым; нечистота моего соседа может повредить и мое здоровье, так как вредит его собственное. Ежели неопрятные люди не могут быть изгнаны, как наносящие существенный ущерб обществу, то надобно по крайней мере бегать их как заразительных»²³⁰.

Представления о гигиене, здоровье и болезни, чувствительности и брезгливости, идеи сопряженности здоровья и социальной ответственности, которые шотландский врач и его коллеги пытались привить своим читателям, практически не отличались от гигиенической повестки второй половины XIX века²³¹. Почему в России они стали предметом общественной дискуссии лишь через семьдесят лет? По всей видимости, потому, что в конце XVIII века в России общественной рефлексии — то есть размышления общества над вопросом, в достаточной мере важным для каждой из социальных страт, и выработки общественного мнения по его поводу — еще не было, как не существовало и площадок для такого публичного обсуждения. Среди санитарно-гигиенических проблем, волновавших врачей XVIII века, выделяется рекомендация «бегать как заразительных» людей неопрятных, плохо следящих за собой — через семьдесят лет она единственная окажется устаревшей и

²²⁹ См. также: *Бахерахт А. Г., Венечанский С. А.* Собрание разных полезных лекарств. С. 54-56.

²³⁰ *Бухан В. [Бьюкен У.]* Полный и всеобщий домашний лечебник. Т. 1. С. 315-316. Из более ранних рекомендаций см., например: *Друковцов С. В.* Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1773. С. 45.

²³¹ Идентичные рекомендации изложены в: *Гулен Ж., Журден А.-Л.-Б.* Дамский врач. В 3 Ч. М.: Типография А. Решетникова, 1793; *Клапитанов П. А.* Краткое наставление народу; *Дрейер А.* Космосоматика. М.: Университетская типография, 1840. С. 53-55, 68, 73-75, 80; *Скворцов И. П.* Общепонятная гигиена. СПб.: К. Риккер, 1881; *Антонов А. А.* Общедоступная гигиена.

недостаточной. Для российской общественной медицины второй половины XIX века такой подход, выводящий потенциально опасных членов общества из-под публичного контроля, оказывается недопустимым: урбанизация, рост плотности населения, эпидемии и общий процесс медикализации повседневности провоцировали медиков и общественных деятелей на пропаганду тотального («беспредельного») санитарно-гигиенического контроля²³². Но эта рекомендация оставалась актуальной для российского общества, пересматривающего свои представления о допустимом и недопустимом, личном и публичном.

Любая болезнь — это в том числе и исторический артефакт: каждая эпоха создает свои представления о болезни и здоровье, норме и отклонениях, лечении и профилактике, серьезности и значимости тех или иных состояний в зависимости от доминирующей научной парадигмы, от принятых в обществе медицинских представлений²³³. Любая интерпретация болезни и здоровья содержит имплицитный набор правил и поведенческих норм²³⁴, и в этом смысле представляет собой социальный конструкт (или же, если пользоваться более мягким вариантом конструкционизма, предложенным американским историком медицины Ч. Розенбергом, определенное концептуальное объяснение)²³⁵. Во второй половине XVIII века в Западной Европе естественные науки и моральная философия стали рассматривать здоровье, телесное и нравственное, в терминах равновесия; болезни, прежде трактовавшиеся как наказание свыше, были дифференцированы с точки зрения вызвавшей их причины. В эпидемиях стали видеть результат природного дисбаланса, и жертвы массовых («повальных») болезней более не подвергались моральному осуждению, тогда как болезни неэпидемические считались следствием небрежности, неумеренности или распущенности, ответственность за которые полностью возлагалась на самого больного²³⁶.

²³² *Португалов В. О.* Вопросы общественной гигиены. С. 76-114.

²³³ *Портер Р.* Взгляд пациента. С. 55-56, 70-71; *Фуко М.* Рождение клиники. Об изменчивости границ между нормой и патологией см.: *Canguilhem G.* Essai sur quelques problèmes concernant le normal et le pathologique. Paris: Les Belles Lettres, 1950.

²³⁴ *Conrad P., Schneider J. W.* Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness. St. Louis: Mosby, 1980; *Framing Disease: Studies in Cultural History.* Ed. by Ch. E. Rosenberg, J. L. Golden. New Brunswick: Rutgers University Press, 1992.

²³⁵ *Jordanova L.* The Social Construction of Medical Knowledge; *Rosenberg Ch. E.* Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. P. 308-310.

²³⁶ *Labisch A.* The Social Construction of Health: From Early Modern Times to the Beginnings of the Industrialization // *The Social Construction of Illness: Illness and Medical Knowledge in Past and Present.* Ed. by J. Lachmund, G. Stollberg. Stuttgart: Steiner, 1992. P. 92-94.

Тогда же, во второй половине XVIII века, в ряде европейских стран были выработаны понятия «общественного здоровья» (*santé publique, public health*) и «общественной гигиены» (*hygiène publique, public hygiene*), неразрывно связанные с созданием публичного пространства, общего для представителей разных слоев, и формированием буржуазного среднего класса. К концу XVIII века «общественное здоровье» достигло фазы институционализации. В 1775 году была учреждена французская королевская комиссия по изучению эпидемий и эпизоотий (год спустя она превратилась в Королевское медицинское общество), в 1790 году был издан первый закон, регулирующий «общественное здоровье» (*salubrité publique*), в 1794 году на медицинском факультете Сорбонны была учреждена кафедра гигиены, в 1802 году появился Совет по охране народного здоровья департамента Сены, с 1848 года функционировал Комитет общественной гигиены при Министерстве земледелия, торговли и публичных работ. Основные процессы по регулированию общественного здоровья и общественной гигиены были запущены в 1840-е годы, в результате влияния немецких гигиенистов, утверждавших важность локального санитарного контроля для борьбы с эпидемиями и обосновавших необходимость масштабного очищения окружающей среды²³⁷. В Великобритании Высший комитет общественного здоровья и его местные представительства (*local boards of health*) были созданы специальным актом в 1848 году, в рамках борьбы с поразившей всю Европу холерной эпидемией, и просуществовали вплоть до 1894 года²³⁸. В разных европейских странах общественная медицина принимала свои формы, в зависимости от порождавших ее импульсов и сопутствующих социополитических факторов²³⁹, однако всюду она в той или иной степени включала представление об «общественном здоровье», пусть и всякий раз специфическое.

В Российской империи ситуация была несколько иной. Можно предположить, что основной причиной того, что процессы осмысления и институционализации общественного здоровья

²³⁷ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 23; Evans R. J. Death in Hamburg. P. 237-243; Snowden F. Naples in the Time of Cholera, 1884-1911. Cambridge: Cambridge University Press. P. 195, 436.

²³⁸ Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century. P. 84.

²³⁹ Левум М. М. Становление общественной медицины в России. М.: Медицина, 1974. С. 9-11.

запоздали на несколько десятилетий по сравнению с Западной Европой (в первую очередь Францией и Великобританией), было более долгое сохранение традиционной сословно-иерархической структуры общества и сильная зависимость врачей от государства. Публичное обсуждение «народного здоровья» неслучайно совпало с общественным кризисом 1850-1860-х годов: распространение идеи прогресса, тесно связанное с такими понятиями, как «публичное пространство», «комфорт», «гигиена», требовало как представлений об экономической рациональности производства, так и определенного уровня солидарности в обществе²⁴⁰. В прежней, жесткой сословной структуре, где различные социальные группы были отделены друг от друга, возможности для внесословной дискуссии были невелики.

Функциональный аналог французского Комитета общественной гигиены был создан в России только в 1877 году. До этого вопросы общественной гигиены никак специально не выделялись и сначала входили в компетенцию Министерства полиции, а затем — Медицинского департамента, административного органа, учрежденного в 1803 году при Министерстве внутренних дел²⁴¹. Научными вопросами, относящимися к общественному здоровью, ведал созданный тогда же Медицинский совет при Министерстве внутренних дел, но его полномочия были исключительно консультативными. В 1852 году появились локальные комитеты общественного здоровья — такой была административная реакция на холеру 1848 года, однако их деятельность ограничивалась рассылкой медицинских брошюр Министерства внутренних дел²⁴². В столице учреждались временные санитарные комитеты и комиссии, которые либо не имели достаточных полномочий, либо распускались по прошествии эпидемий²⁴³.

Советские историки медицины возводили создание общественного здравоохранения в России к просветительской деятельности Вольного экономического общества, которое с 1765

²⁴⁰ *Zilsel E.* The Genesis of the Concept of Scientific Progress. P. 325-349.

²⁴¹ В XVIII веке эпидемический контроль входил в обязанности Медицинской канцелярии, а затем Медицинской коллегии, но подразумевал лишь организацию экстренных мер, карантинных и кордонов, а не профилактику. Некоторые превентивные меры развивались в области военной медицины.

²⁴² *Андреевский И. Е.* Исторический очерк организации санитарного дела в Санкт-Петербурге // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №7. С. 126; *Левит М. М.* Становление общественной медицины в России. С. 99-115.

²⁴³ *Андреевский И. Е.* Исторический очерк организации санитарного дела в Санкт-Петербурге. С. 127.

года пропагандировало оспопрививание и личную гигиену²⁴⁴. Однако такая точка зрения кажется недостаточно обоснованной: на институционализированные формы медицинской помощи публикации Вольного экономического общества влияли незначительно. Внимание к общественной медицине и связанной с ней общественной гигиене возникает прежде всего благодаря Великим реформам и социальным изменениям 1860-х годов. Поскольку базовой объяснительной моделью патогенеза и для врачей, и для чиновников, и для образованного городского населения оставалась миазматическая теория (в обновленной версии М. фон Петтенкофера или же в более ранних и эклектичных вариантах), актуализация медицинских и санитарно-гигиенических вопросов подразумевала и рост внимания к ольфакторной стороне повседневности.

Во второй половине XIX столетия восприятие запахов оказалось увязано с множеством острых социальных проблем, возникших в процессе изменения российского общества — и российского города²⁴⁵. В это время, во многом благодаря работам М. фон Петтенкофера, санитария и гигиена начали трактоваться в самом широком ключе — как проявления общего социального порядка или, наоборот, социального хаоса. Таким образом, на повышение ольфакторной сознательности оказал влияние целый ряд факторов. Важнейшим было изменение самой структуры российского общества, которое в результате реформ Александра II постепенно утрачивало прежнюю сословно-иерархическую структуру и трансформировалось из традиционного сословного в современное классовое общество²⁴⁶.

Формы общественной жизни, необходимые для создания единого публичного пространства, в России вырабатывались гораздо медленнее, чем в Западной Европе. Медленнее формировалась и публичная сфера, отличная от аристократического придворного общества²⁴⁷. Специфически российское понятие «общественность», включавшее различные социальные группы, расположенные по всей социальной вертикали между царем и народом,

²⁴⁴ Левит М. М. Становление общественной медицины в России. С. 12.

²⁴⁵ Малинова-Тэиафета О. Ю. Из города на дачу. С. 13-17, 64-69.

²⁴⁶ Blum J. The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton: Princeton University Press, 1978. P. 419, 440-445; Freeze G. L. The *Soslovie* (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review. 1986. Vol. 91. No. 1. P. 11-36.

²⁴⁷ Волков В. В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи. Дис. канд. соц. н. Кембридж, 1995.

не объединенные экономическими интересами и имеющие различные политические взгляды, складывается достаточно поздно, во второй половине XIX века²⁴⁸. Лишь с появлением разночинцев, «выпавших» из жесткого сословного разделения, а затем — с реструктуризацией общества в результате «великих реформ» 1860-х годов вопросы об общественном благе и общественном здоровье начинают дискутироваться в поле, которое не принадлежит ни государству, ни аристократии²⁴⁹. Анализируя процесс оформления политической публичной сферы буржуазии, В. В. Волков отмечает: «Первая публика, которая включала в себя как «двор», так и «город», была прямой предшественницей политической публики. Но чтобы разговор превратился в критику, а *bons mots* — в аргументы, то есть, чтобы эстетика аристократического общения превратилась в критическую рациональность дискуссии, должно было сначала быть выполнено определенное условие: власть слова должна была оторваться от власти социального статуса. Более того, то, что произошло с коммуникацией, также должно было произойти в сфере публичного поведения, то есть структура цивилизованного поведения должна была отделиться от торжества статуса; эта сфера должна была стать социально нейтральной»²⁵⁰.

Симптоматично, что и первые в России публичные дискуссии об общественном здоровье начинаются лишь в 1860-х годах²⁵¹: до этого отсутствовали и площадки, на которых такие дискуссии могли бы развернуться, и те, кто мог бы такие дискуссии инициировать, а медицине отводились функции обслуживающие и научно-теоретические, но не экспертные. Реструктуризация сопровождалась возникновением публичности нового, буржуазного типа и созданием площадок для публичных дискуссий в виде повременной прессы (общей и специализированной), съездов врачей и открытых лекций²⁵². В эту эпоху появляются общественные деятели, убежденные в своей правоте и готовые инициировать дискуссии об

²⁴⁸ Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Identity in late-Imperial Russia. Ed. by E. Clowes, S. Cassow, J. West J. Princeton: Princeton University Press, 1991.

²⁴⁹ В своей книге о русском дворянстве С. Беккер отмечает, что земские управы и земские собрания, возникшие в результате земской реформы 1864 года, представляли собой межсословный орган управления, который формировался на имущественных, а не на сословных критериях. Они и стали одним из факторов, двигавших сословное российское общество к буржуазной классовой системе (Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 10).

²⁵⁰ Волков В. В. Формы общественной жизни. С. 50.

²⁵¹ Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина. С. 124-125.

²⁵² Волков В. В. Формы общественной жизни. С. 50.

общественном благе и социальной справедливости, — и аудитория, заинтересованная в подобных дискуссиях. С 1860-х годов менялась и читающая публика. Урбанизация спровоцировала резкий рост грамотности: необразованная, но грамотная городская аудитория прирастала за счет низших социальных групп. Ее нужды обслуживала так называемая «малая пресса» (газеты «Петербургский листок», «Московский листок», «Новости дня», журнал «Развлечение» и т. п.)²⁵³.

Создание медицинской статистики сделало возможным факторный анализ данных о рождаемости, заболеваемости и смертности — основных показателей санитарного благополучия населения. В 1848 году было опубликовано одно из первых крупных статистических исследований — «Статистические очерки России» К. А. Арсеньева. В 1860-1870-е годы сбор статистических данных стал одним из основных методов эпидемиологии и превентивной медицины: современники называли статистику «порохом, компасом и типографским станком XIX века»²⁵⁴. В 1865 году профессор Военно-Медицинской академии Я. А. Чистович выступил с докладом «О собирании материалов для медицинской географии и статистики России». На основе составленной им программы (опубликованной в Протоколах Петербургского общества врачей) в последующие годы и велся сбор данных²⁵⁵. Эта работа вменялась в обязанность земским врачам. Сам концепт «народного здоровья», который возник в России в эту эпоху, отражал характерный для второй половины XIX века счетно-механический подход к населению и основывался в первую очередь на статистике. В ежегодных рапортах Медицинского департамента указывалось: «Для отчета о состоянии народного здоровья за годовой период времени необходимы сведения: о числе родившихся и мертворожденных, всех заболевших и умерших, о причинах заболеваемости и смертности, о числе безумных и умалишившихся, сифилитиков, всех неизлечимых, содержимых на общественный счет, слепых и т. д., т. е. обо всем, что может привести в известность сумму времени, проведенного всеми членами населения в здоровье и

²⁵³ *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 17-20, 33-34.

²⁵⁴ *Д. М.* Петербург — европейский ли город? // Дело. 1877. №1. С. 67.

²⁵⁵ *Петров Б. Д.* Медико-топографические описания в России. С. 47. Общий статистический очерк Российской империи и ее санитарного состояния опубликован в: *Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В.* Русская земская медицина. Подробное исследование смертности в городе и деревне было сделано в 1911 году (*Новосельский С. А.* О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1911).

болезни»²⁵⁶.

Начало 1860-х годов К. А. Тимирязев называл временем «пробуждения естествознания», которое стало для современников специфической идеологической программой²⁵⁷. Формирование института земской медицины, создание обществ врачей (всего с 1856 по 1877 год было учреждено 73 общества, включая Русское общество охранения народного здоровья²⁵⁸) и регулярные съезды естествоиспытателей, городских и земских врачей привели к изменению социальной роли врача. Во второй половине XIX века число докторов в России значительно возросло. В 1863 году по ведомству Министерства внутренних дел числилось 2135 врачей (еще несколько десятков служили по ведомству Министерства государственных имуществ), что было немногим больше, чем в 1800-х годах; в 1892 году их насчитывалось уже 12 521 (в том числе 409 женщин-врачей)²⁵⁹. Представители медицинской профессии постепенно объединялись в сообщество и получали все больше прав, пользуясь для этого противоречиями и нестыковками в новых и старых законах²⁶⁰, эпидемиями и страхом перед ними, разнонаправленной поддержкой либеральной прессы, военных и чиновников. Среди факторов, способствовавших превращению врачебного сословия в профессиональное объединение, историки медицины называют образование медицинских факультетов в университетах, систему рецензирования медицинских диссертаций и русификацию диссертаций и письменных экзаменов в первой половине XIX века²⁶¹. Однако русские врачи, большинство которых происходило из низких социальных слоев, были обязаны своим образованием казенному кошту и поэтому находились в сильной зависимости от государства. Частная медицинская практика, нацеленная на поддержку интересов и нужд индивида, в первой половине XIX века была крайне затруднена и невыгодна большинству врачей,

²⁵⁶ Отчет Медицинского департамента за 1877 год. СПб.: [Б. и.], 1878. С. 3.

²⁵⁷ *Богданов К. А.* «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века: (анти)эстетика как мораль // *Ароматы и запахи в культуре*. Т. 2. С. 111-112.

²⁵⁸ Отчет Медицинского департамента за 1877 год. С. 155-157; *Нейдинг И. И.* Медицинские общества в России. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1897. С. III-VI.

²⁵⁹ *Левит М. М.* Становление общественной медицины в России. С. 52-53. Однако территориальное распределение было крайне неравномерным: в европейской России (за вычетом Великого княжества Финляндского) — 11 760 человек, в Сибири — 220, в среднеазиатских владениях — 74 (*Осинов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В.* Русская земская медицина. С. 57).

²⁶⁰ *Becker E. M.* Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts // *Law and History Review*. 1999. Vol. 17. No. 1. P. 1-26.

²⁶¹ *Вишленкова Е. А.* Рождение профессии.

автономия университетов отсутствовала. Как отмечает А. Реннер, до определенного времени русские врачи были не проводниками медиализации, а чиновниками на государственной службе: они не выражали интересы своего профессионального сообщества, а обслуживали бюрократические потребности империи²⁶².

В этом отношении русская медицина значительно отличалась от западноевропейской, где независимая профессиональная сеть возникла гораздо раньше, в результате бурных обсуждений и юридических реформ в начале XIX века²⁶³. В Европе раньше произошло и повышение статуса врача, и оформление медицины как социальной дисциплины, что, в свою очередь, раньше запустило процесс медиализации понятия «здоровье» и конструирования *homo hygienicus*, приспособившего свое поведение к требованиям и достижениям медицинской науки²⁶⁴. Немецкий историк медицины А. Лабиш приводит знаменитую фразу Р. Вирхова — «Медицина — это социальная наука, а политика — не что иное, как медицина в крупном масштабе»²⁶⁵. К середине столетия в Европе вера во всемогущество гигиены способствовала сакрализации врачебного дела и превращению медика в жреца²⁶⁶. В России же подобная масштабная социализация медицины, приобретение ею новых прав и полномочий начались только в 1870-1880-е годы. В 1873 году гигиенист В. О. Португалов замечал, что в эпоху эпидемий миссия врача состоит не только и не столько в лечении («прописывании пилюль»), сколько в руководстве и внедрении научно обоснованных бытовых стандартов («как надо жить»), но публика, даже образованная, далеко не всегда готова его слушать²⁶⁷.

Изменение статуса российских врачей произошло благодаря земской реформе, которая заложила основы новой медицинской инфраструктуры, и эпидемиям, которые год за годом демонстрировали необходимость квалифицированной медицинской помощи и организации

²⁶² Renner A. Progress through Power? P. 37-41.

²⁶³ Becker E. M. Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts. P. 25-26; Dhombres J., Dhombres N. Naissance d'un pouvoir: sciences et savants en France, 1793-1824. Paris: Payot, 1989.

²⁶⁴ Labisch A. The Social Construction of Health. P. 94-96.

²⁶⁵ Ibid.

²⁶⁶ Cabanès J.-L. Le corps et la maladie dans les récits réalistes (1856-1893). 2 vols. Vol. 1. Paris: Klincksieck, 1991. P. 73.

²⁶⁷ Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. С. 76-77.

превентивных мер в противовес экстренным мерам, которые худо-бедно обеспечивало государство²⁶⁸. Другим важным фактором стала просветительская деятельность медицинских обществ, неустанно подчеркивавших социальную роль врача и важность его экспертного знания²⁶⁹. Одной из своих основных задач участники обществ считали разработку и продвижение публичной гигиены²⁷⁰. Площадками для обсуждения общемедицинских, эпидемиологических и санитарно-гигиенических вопросов служили разнообразные издания: повременная пресса, сборники рекомендаций, учебники, медицинская периодика, протоколы съездов врачей (они имелись у большинства медицинских обществ)²⁷¹.

После проигранной Крымской кампании, когда от болезней солдат погибло больше, чем в боях, в Российской империи началось становление военно-санитарного дела²⁷². Разработка в 1850-1870-е годы таких областей медицины, как полевая хирургия и военная санитария, вызывала повышенное внимание общества²⁷³. Сводки о санитарном состоянии армии, репортажи и письма с театра военных действий, публицистика авторитетных врачей, прежде всего Н. И. Пирогова, формировали новый взгляд на войну и санитарные меры. Пирогов, опираясь на опыт Крымской кампании²⁷⁴ и франко-прусской войны²⁷⁵, рассматривал войну как «травматическую эпидемию», перенося акцент с собственно медицинского

²⁶⁸ *Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 97-108.*

²⁶⁹ *Frieden N. M. The Russian Cholera Epidemic, 1892-1893, and Medical Professionalization // Journal of Social History. 1977. Vol. 10. No. 4. P. 540-542; eadem. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. P. 103-104 et passim. Впечатления современника отражены в статье: Осипов Е. А. Городские взгляды на земскую медицину. М.: Университетская типография, 1874. С. 1.*

²⁷⁰ *Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 32-37. Идеологом санитарно-гигиенического направления в российской медицине было Казанское общество врачей, тесно связанное с кафедрой гигиены медицинского факультета Казанского университета — одной из первых в России (Капустин М. Я. Краткий обзор 25-летней деятельности общества // Двадцатипятилетие (1868-1895) Общества врачей при Императорском Казанском университете. Казань: [Б. и.], 1897. С. 8).*

²⁷¹ *Левит М. М. Становление общественной медицины в России. С. 76-98; Нейдинг И. И. Медицинские общества в России. С. 76-83.*

²⁷² *Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 24-25.*

²⁷³ Во Франции также огромную роль для институционализации гигиены сыграла проигранная франко-прусская война; см.: *Taithe B. Defeated Flesh: Medicine, Welfare, and Warfare in the Making of Modern France. Manchester: Manchester University Press, 1999.*

²⁷⁴ *Пирогов Н. И. Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и кавказской экспедиции. Дрезден: Типография Э. Блохмана и сына, 1866.*

²⁷⁵ *Пирогов Н. И. Отчет о посещении военно-санитарных учреждений в Германии, Лотарингии и Эльзасе в 1870 году. СПб.: Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинах, 1871.*

вмешательства на предупреждающие меры и санитарную администрацию²⁷⁶. Эти постулаты гигиенисты 1870-1880-х годов будут распространять на практики мирного времени, призывая использовать накопленный на войне опыт в борьбе с эпидемиями и социальными проблемами²⁷⁷. Тем самым повседневная жизнь превращалась в театр военных действий: врагом были грязь, антисанитария, дурные запахи. Эта санитарная война требовала от обывателя быть настороже, подобно тому, как собственно война требовала от солдата напряжения всех чувств.

Рост городов и уплотнение городской инфраструктуры вызвали интерес как к городскому управлению, так и к «физиологии» города. В частности, одним из следствий роста городов оказалось резкое увеличение количества лошадей и других тягловых животных, которые вносили ощутимый вклад в городской ольфакторный ландшафт²⁷⁸. Современниками индустриализация и урбанизация воспринимались как главные причины роста эпидемий и ухудшения городской атмосферы. В эту эпоху, по мере развития индустриальных городов Западной Европы, начинает муссироваться мысль о загрязнении и загрязненности окружающей среды. Грязь, пыль, испорченный воздух, ядовитые промышленные отходы и испарения в городе индустриального типа меняют масштаб и становятся невыносимыми, испытывая, проверяя и видоизменяя чувствительность различных социальных групп²⁷⁹. По сравнению с Западной Европой в России индустриализация запоздала: промышленный бум начался лишь в 1880-х годах, и промышленные города европейского типа в России отсутствовали. Тем не менее в столицах и крупных губернских городах количество предприятий росло с середины XIX века, их приходилось вписывать в уже существующую инфраструктуру, что увеличивало уровень загрязнения, ухудшало качество воздуха и

²⁷⁶ Пирогов Н. И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877-1878 годов. В 2 Ч. Ч. 2. СПб.: Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинах, 1879. С. 40.

²⁷⁷ Скворцов И. П. Взгляды Н. И. Пирогова на гигиену и военно-санитарное дело. Казань: Типография Казанского Университета, 1881.

²⁷⁸ Латин В. В. Петербург: запахи и звуки. С. 154-155. Подробнее о роли лошади в западноевропейском городе индустриальной эпохи см.: *Thompson F. M. L. Victorian England: The Horse-Drawn Society*. London: University of London Press, 1970; *Макшейн К., Тарр Д. А. Роль лошади в американском городе XIX века // Человек и природа: экологическая история / Под ред. Д. А. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. А. Лайус*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 285-324.

²⁷⁹ *Evans R. J. Death in Hamburg*. P. 110-111.

вызывало раздраженную реакцию медиков и обывателей²⁸⁰. С другой стороны, риторика санитарного дискурса была заимствована российскими врачами у их западноевропейских коллег. Понятия и топосы, которыми пользовались гигиенисты в попытке привлечь общественное внимание к необходимости превентивных санитарных мер, были в большинстве своем взяты из немецких, французских, английских источников и перенесены на российскую почву.

1. 5. Российский санитарный дискурс и топика «европейской чистоты» и «азиатского неряшества»

С 1860-х годов актуальные вопросы общественного здоровья начали широко обсуждаться не только в специализированных изданиях. Новости медицины в форме научных рефератов, протоколов и корреспонденций публиковались в серьезной медицинской периодике, подхватывались крупными газетами, а затем облекались в форму фельетонов, сценок и заметок изданиями попроще²⁸¹. Губернские и уездные газеты заимствовали материалы по санитарии и гигиене из различных либеральных изданий («Отечественные записки», «Современник», «Дело», «Голос»), где вопросам общественной медицины, ассоциировавшейся с прогрессом, уделялось большое внимание²⁸². Существовало и обратное движение — медицинские газеты и журналы («Военно-медицинский журнал», «Архив судебной медицины и общественной гигиены», «Здоровье», «Московская медицинская газета», «Врач» и др.) перепечатывали новости из уездных листков и столичных массовых газет, если те могли послужить иллюстрациями вопиющих санитарных безобразий, и

²⁸⁰ Вопрос о чистоте воздуха считался приоритетным большинством гигиенистов, поскольку «без воздуха нет и не может быть жизни» (*Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 34*).

²⁸¹ Например, в 1877 году «Одесский вестник» опубликовал конспект заседания Общества одесских врачей и реферат работы М. фон Петтенкофера о связи холеры с устройством канализации (*Одесский вестник. 1877, 10 марта. №53. С. 3*). В 1864 году газета «Петербургский листок» сообщала о удушливом воздухе и недостатке садов в Петербурге, клеймила нерадивых ассенизаторов, по вине которых «известного рода ящики по-прежнему ночью заражают воздух по улицам», и писала, как распознать ядовитую ржаную муку — по запаху селедки после реакции с едким калием (*Петербургский листок. 1864, 29 марта, 24 мая, 5 декабря*).

²⁸² *Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 48-49; Лотова Е. И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. С. 9*. Например, материал «Голоса» о состоянии санитарного дела в России был перепечатан в «Новороссийском телеграфе» (*Новороссийский телеграф. 1880, 27 мая (8 июня). №1579. С. 2*).

активно их комментировали²⁸³. Научная и научно-популярная периодика предоставляла массовой прессе доступ к теории, новостям, изобретениям и открытиям; «малые» издания давали «полевой» материал и пищу для анализа. Таким образом, печатные органы самого разного типа транслировали разным группам читателей санитарный дискурс, осмысливший и репрезентировавший повседневную жизнь с санитарно-гигиенической точки зрения.

Далеко неслучайно, что формирование санитарного дискурса, в центре которого оказывался социально-гигиенический аспект человеческого общежития, в России пришлось на 1860-1870-е годы, когда ведущие позиции в медицине завоевывала общественная гигиена и создавался институт земской медицины. В это же время слово эмансипировалось от статуса и пресса начала оказывать огромное влияние на все структуры общественной жизни, а публичное взаимодействие стало осуществляться не только в ситуации «лицом к лицу», но и в сфере имперсональной коммуникации, опосредованной медиа, поверх границ, навязываемых временем, пространством, социальным статусом и обстановкой (в том числе специфическим и социально обусловленным ритмом разговора)²⁸⁴. Немаловажно и то, что первыми площадками, откуда санитарный дискурс транслировался широкой публике, стали либеральные издания.

Немецкий историк Х. Риндисбахер, рассуждая об ольфакторном коде в немецкой литературе XIX века, отмечает, что как только разговор или текст о запахах принимает формы общественного научного дискурса о здоровье и гигиене, начинают предприниматься усилия по истреблению запахов как индикаторов нездоровых условий повседневной жизни²⁸⁵. Но не оказывается ли, что в европейской культуре XIX века любой общественный разговор о запахах прямо или косвенно связан с вопросами здоровья, телесности и гигиены? Во всяком случае, в имперской России публичное обсуждение запахов происходило по преимуществу в двух контекстах — медицинском («миазматическом») и социально-педагогическом (светском,

²⁸³ Разные известия // Здоровье. 1874. Т. 1. №4. С. 82; Заметки и известия // Здоровье. 1875. Т. 1. №28. С. 605-606; Л. Заметки и известия // Здоровье. 1876. Т. 2. №32. С. 128. Подобная практика была регулярной для большинства медицинских изданий.

²⁸⁴ Первым роль прессы в трансформации локального мнения в мнение общественное исследовал французский социолог и криминалист Г. Тард (*Tard G.* Общественное мнение и толпа. М.: Издательство Товарищества типографии А. И. Мамонтова, 1902. С. 63-67, 92).

²⁸⁵ *Rindisbacher H. J.* The Smell of Books. P. 28.

связанном с представлениями об управлении телом и самоконтроле). Спорадическое истребление или вытеснение неприятных запахов началось задолго до подъема санитарно-гигиенической пропаганды в 1860-1870-х годах, а оформление санитарного дискурса не привело автоматически к масштабному очищению окружающей среды. Тем не менее, важным было то, что санитарный дискурс постоянно привлекал общественное внимание к «скученности», «нездоровости», «неряшеству», «санитарным безобразиям», «зловонию», «миазмам» и т. п.

Чистота и грязь в российском санитарном дискурсе устойчиво ассоциировались с цивилизованностью и варварством, которые, в свою очередь, отождествлялись с Европой и Азией. Подобные антитетические построения (*европейская цивилизация vs. азиатское неряшество*) встречаются не только в протоколах врачебных съездов и медицинских отчетах о состоянии общественных мест. «Азиатское неряшество» (варианты — «восточная грязь», «азиатская нечистоплотность», «татарское неряшество» и т. д.) в противовес «чистой» и «цивилизованной» Европе упоминалось журналистами, общественными деятелями, обсуждавшими необходимость борьбы с эпидемиями и санитарных реформ, обитателями доходных домов, приславших в газеты жалобы на «санитарные безобразия», и беллетристами²⁸⁶. Наряду с буквальным употреблением было широко распространено и переносное: европейской чистоте и прогрессу приписывалось духовное и нравственное значение, азиатской грязи — отсталость, дикость, аморальность²⁸⁷.

Противопоставление Европы и Азии как чистоты и грязи, цивилизованности и дикости, как правило, эксплицитно или имплицитно включало еще и Россию: именно России

²⁸⁶ *Мизантропов Н.* Калейдоскоп: литературные и общественные заметки // Дело. 1879. №3. С. 138. Популярный писатель и критик Боборыкин так описывает московский рынок начала 1880-х годов: «Внизу, в подпольном этаже, разместились подвалы и лавки — больше к Ильинке, где съезжать в переулочек и подниматься нестерпимо тяжело для лошадей, а двум возам нельзя почти разъехаться с товаром. <...> Насупротив железный и москательный товар валяется в пыли и темноте. Весь этот угол дает свежему человеку чувство рядской тесноты и скученности, чего-то татарского по своему неудобству, неряшеству, погоне за грошовой выгодой (курсив мой. — М. П.)» (*Боборыкин П. Д.* Сочинения. В 3 т. М.: Художественная литература, 1993. Т. 2. С. 49).

²⁸⁷ *Ходнев Л.* Власть человека над болезнями. М.: Ф. К. Иогансон, 1877. С. 111-128. Ср. реплику Пети Трофимова в «Вишневом саде» (1904): «Все серьезные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота. <...> Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974-1983. Т. 13. М., 1978. С. 223).

предлагалось определиться и либо пойти вслед за Европой по пути прогресса, либо вместе с Азией погрязнуть в неряшестве и болезнях²⁸⁸. Движение в первом случае и неподвижность, стагнация во втором коррелировали с той системой ценностей и представлений, которую транслировал публике либеральный санитарно-гигиенический дискурс, трактовавший цивилизованность как синтез духовного роста и материального благосостояния, образованности и промышленного развития, заботы о себе и заботы об общественном благе²⁸⁹. В успехах общественной гигиены, прикладной химии и эпидемиологии, регламентирующей и реформирующей рутинные практики, общественные деятели пореформенного периода видели залог приближения к идеальному, рационально устроенному человеческому общежитию, к престижной европейской модели повседневного существования. Этот идеал был немислим без социального прогресса, который русские общественные деятели наблюдали на Западе. Основными примерами для подражания и сравнения служили Англия и Франция, считавшиеся передовыми с точки зрения практической гигиены, и Германия, где эпидемиология и санитария имели сильную научную базу²⁹⁰.

В свою очередь, антисанитария, болезненность, грязь трактовалась как типично азиатские черты еще и потому, что наиболее опасные болезни — чума, желтая лихорадка и, в первую очередь, холера считались азиатскими болезнями. В европейской нозологической номенклатуре второй половины XIX века чума именовалась «индийской» (*Pestis indica*), а холера — «азиатской» (*Cholera asiatica*). Со времени первой холерной пандемии (1817-1824) в Индии, на Ближнем Востоке и в Прикаспии, западноевропейские врачи почти единодушно

²⁸⁸ В брошюре, адресованной русской армии перед турецким походом 1877 года, профессор химии В. В. Марковников предостерегающе писал: «Здесь явится новый вредный гигиенический элемент, с которым не приходится бороться западным армиям, — это известная *восточная нечистоплотность, в значительной степени свойственная и нам самим* (курсив мой. — М. П.). Восточный город и в обыкновенном своем виде, с валяющимися по улицам умершими животными и другими нечистотами похож на осажденную западную крепость» (Марковников В. В. Несколько слов о санитарных мерах в военное время. М.: Университетская типография, 1877. С. 8).

²⁸⁹ О связи понятия «цивилизация» с формированием третьего сословия и его рецепции в России XIX века см.: Велижев М. Б. Цивилизация и средний класс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 249-293.

²⁹⁰ Постоянное сравнение себя с соседями было характерно и для европейских стран. Например, в Германии общественные деятели жаловались на неудовлетворительную гигиеническую обстановку и призывали срочно перенимать французский опыт (Reichardt E. Health, 'Race' and Empire: Popular-Scientific Spectacles and National Identity in Imperial Germany, 1871-1914. Morrisville, NC: Lulu.com, 2008. P. 59-60).

называли Азию родиной заразы. Несмотря на то, что пути и способы распространения холеры были предметом горячих споров эпидемиологов вплоть до конца XIX века, Азия устойчиво ассоциировалась с повальными и заразительными болезнями.

Представления о географической привязке тех или иных эпидемических болезней существовали и в XVIII веке, когда медики начали целенаправленно исследовать свойства местности и климата в их отношении к болезненности населения. Теория гуморов приписывала ветрам и испарениям определенные вредные или целительные свойства. Например, в компилятивном «Сельском лечебнике» Чулкова рекомендовалось опасаться ветров — но вовсе не с востока, а с запада: «Восточный ветер, набравшись частей бальсамических и душистых в Азии, сжимает жилы, доставляет похвальное обращение и делает тело легким, дух веселым и беглым <...> вест, обременяясь водными парами, закладывает скважины на теле, причиняет простуды, насморки и делает дух слабым и ленивым»²⁹¹. Ветер, дующий из Азии, считался укрепляющим и подсушивающим — т. е. холерическим — средством, тогда как дующий с запада «вест» расслаблял тело и делал его влажным, увеличивая в организме количество флегмы. Азиатский образ жизни и гигиенические привычки в первых русскоязычных лечебниках получали высокую оценку²⁹². Лишь в процессе приобретений новых земель в конце XVIII-начале XIX века, с распространением подробных медико-топографических описаний и формированием специфического колониального дискурса, эпидемиологическая репутация Востока начала меняться.

Эпидемии рассматривались как прямое следствие азиатского образа жизни — неряшливости, лени, косности, фатализма (противопоставленных деятельному европейскому рационализму), что давало колониальным властям — например, британской администрации в Индии — предлог для самых жестких карантинных мер²⁹³. С точки зрения европейцев, возможность ослабления карантинных мер и переход к системе предохранительной санитарии на Западе во

²⁹¹ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Вып. 1. С. 375.

²⁹² Рост Х. Деревенский врачевник. М.: Университетская типография, 1793. С. XXXII-XXXIII.

²⁹³ Hamlin Ch. Cholera: The Biography. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 19-96; Arnold D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth Century India. Berkeley, London: University of California Press, 1993. P. 169-170, 183-189.

многим зависели от того, сможет ли Европа возвести надежный барьер на пути распространения азиатской заразы и навязать Востоку свои правила — правила куда более жесткие, чем она сама готова была терпеть²⁹⁴. Азия подчинялась болезням как фатуму, Европа же должна была сопротивляться и побеждать — в том числе на чужой, азиатской территории²⁹⁵. Тем не менее, в российской медицине столь однозначное утверждение азиатского происхождения холеры и ассоциация ее с азиатским образом жизни прослеживаются лишь со второй половины XIX века; до этого азиатские владения — например, Казахская степь, — рассматривались как нуждающиеся в защите от возможных переносчиков заразы — русских казаков²⁹⁶.

Комплексное противопоставление Запада и Востока не было изобретением позднеимперской эпохи, но именно во второй половине XIX века оно получает санитарно-гигиеническое измерение: престижная европейская модель жизнеустройства описывается в терминах «очищения» и «дезодорации», непрестижная азиатская — «неряшества» и «вони». Соответственно, теперь линия разрыва осмыслялась и конструировалась на уровне санитарии, медицины, телесности. Необходимо отметить, что в России XIX века Запад и Европа, рассматриваемые как некое целое, оказывались тем «значимым Другим», по сравнению с которым осознавалась и выстраивалась русская идентичность²⁹⁷. С середины XIX века ключевым понятием для осмысления западной цивилизации становится «прогресс», который функционирует как шибболет и для славянофилов, и для западников. Славянофилы, а затем почвенники писали о «европейничании» — выморочной и пустой попытке подражать Европе и европейскому прогрессу²⁹⁸, о «гнилом Западе» и «гибели Запада»²⁹⁹, а западники, в свою очередь, — об «азиатизме» и «азиатчине», которые тормозят

²⁹⁴ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 226-227.

²⁹⁵ Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century. P. 86.

²⁹⁶ Afanasyeva A. Quarantines and Copper Amulets. P. 491, 497-498.

²⁹⁷ Малинова О. Ю. Образы «Запада» и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX века // Космополис. 2005. № 2 (12). С. 38-59.

²⁹⁸ Например, в прозе Ф. М. Достоевского у глагола «европействовать» — 6 вхождений, у существительного «европейничание» — 7 (Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Ф. М. Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. Режим доступа: http://cfl.ru/dost_cd0/dostoevski.htm).

²⁹⁹ О топосе «гибель Запада» в русской литературе см.: Долинин А. А. Гибель Запада: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис», 2010. С. 26-76.

движение вперед³⁰⁰.

По замечанию американского историка Д. Брауэра, из российской политической перспективы пореформенного периода Запад виделся источником моделей политического и социального действия. Пример западных муниципальных свобод и санитарно-гигиенических нововведений сам по себе усиливал значимость муниципальной активности для русских либералов и общественных деятелей³⁰¹. Соответственно, европейские урбанистические и санитарные модели также воспринимались как воплощение либеральных ценностей — с ними соотносились планировки российских городов, условия повседневного существования³⁰². На одном полюсе помещались идеализированные образы урегулированного, рационально обустроенного, очищенного от миазмов европейского пространства³⁰³. На другом полюсе находились грязь, скученность, смешанные запахи и средневековая городская инфраструктура, соединенные с невежеством масс, фатализмом образованных горожан и бесхозяйственностью властей³⁰⁴. Запутанная планировка городов, кварталов, рынков и даже кладбищ (!) считалась не только «средневековой», но и «азиатской» и, следовательно, опасной для здоровья, поскольку препятствовала нормальной

³⁰⁰ Слово «азиатчина» (варианты — «азиатщина», «азиятщина») впервые зафиксировано в Словаре Академии Наук в 1891 году со следующим толкованием: «противоположные европейским обычаям, т.е. грубые; отсутствие цивилизации» (в том же 1891 году Чехов употребляет его в повести «Дуэль»). Вероятно, оно возникло в результате морфологической русификации слова «азиатизм», заимствованного из французского языка (*asiatisme*) еще в эпоху первых ожесточенных споров славянофилов и западников. Ср. в письме В. Г. Белинского (1842): «Москва гниет в патриархальности, пиэтизме и азиатизме. Там мысль — грех, а предание — спасенье. Там все Шевыревы» (Из неизданной переписки Белинского с К. С. Аксаковым, В. П. Боткиным, А. И. Герценом, А. П. Ефремовым и М. Н. Катковым // Литературное наследство. Т. 56. М.: Издательство АН СССР, 1950. С. 75); также у Шевырева (1862): «Есть у нас русских две крайности — квас и шампанское, азиатизм и французизм, из которых последний едва ли не вреднее для русского» (Мнения русских людей о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых / Сост. К. А. Скальковский. М., 2001. С. 29. Цит. по: *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010). Впервые в словаре — Словаре иностранных слов А. Д. Михельсона — слово «азиатизм» фиксируется только в 1865 году.

³⁰¹ *Brower D. R.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850-1900. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 95.

³⁰² *Ibid.* P. 7.

³⁰³ Ср. реминисценции санитарной урбанистической утопии в «Преступлении и наказании» (1866): «Проходя мимо Юсупова сада, он [Раскольников — М. П.] даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь. Тут заинтересовало его вдруг: почему именно во всех больших городах человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно склонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч. В 15 т. Л.: Наука, 1989-1996. Т. 5. Л., 1989. С. 73).

³⁰⁴ Временные меры ассенизации Петербурга // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №39. С. 211.

вентиляции — в кривых улицах воздух застаивался и мог причинить вред прохожим³⁰⁵.

Впрочем, существовала и противоположная точка зрения: так, медицинский обозреватель «Русского вестника» Н. И. Соловьев считал «нерегулярная кольцевая планировка Москвы» способствует тому, что «воздух дробится и равномерно прогревается», тогда как «прямые улицы Санкт-Петербурга образуют ущелья неодинакового нагрева, где образуются неприятные сквозняки»³⁰⁶. Врачи-гигиенисты считали своей задачей противостоять и «народным суевериям», и равнодушию чиновников: так борьба за народное здоровье превращалась в борьбу за прогресс и европеизацию России³⁰⁷.

В российских публичных дискуссиях о прогрессе и самоуправлении понятия «прогресс», «цивилизованность», «гигиеничность», «здоровье» и «чистота» увязывались в некоторое целое, уже существующее или планируемое в европейских городах. «В тех странах, где цивилизация сделала самые большие успехи, замечается и самое сильное уменьшение смертности», — заключал гигиенист и эпидемиолог Г. И. Архангельский в обзорной статье 1869 года³⁰⁸. В последующее десятилетие этот взгляд стал общепризнанным. Правда, в отчетах русских врачей, которые ездили в Германию, Францию, Великобританию и Бельгию стажироваться в лабораториях и изучать действующую санитарную организацию крупных городов, указывалось, что не все так гладко: даже в Европе успешные нововведения соседствовали с запущенностью, хаосом и антисанитарией. Тем не менее существенного влияния на публичную медицинскую и медикализованную риторику эти отчеты не оказывали. Те же медики, которые в одних публикациях критически отзывались об амстердамской пневматической канализации, гамбургских мостовых, лондонских госпиталях

³⁰⁵ Губнер Ю. Ю. Современное состояние вопроса о кладбищах // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 4. Отд. III. С. 76.

³⁰⁶ Соловьев Н. И. Москва и Петербург в санитарном отношении. С. 168-169.

³⁰⁷ Так же, в оппозиции невежественным низам и равнодушным политикам, мыслили себя и европейские врачи (см.: *Oris M.* Hygiène publique et médicalisation dans une cité industrielle. P. 997).

³⁰⁸ Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 39.

или берлинских скотобойнях³⁰⁹, в других (или в тех же самых!) призывали городские управы российских городов как можно скорее последовать примеру Европы³¹⁰. Ф. Ф. Эрисман писал в разгар холеры 1870-1871 годов: «Пора нам бросить постыдное равнодушие к общественным делам; оно — одна из главных причин того, что мы так ужасно отстали от западной Европы в деле цивилизации и экономическом отношении»³¹¹.

К западноевропейским урбанистическим моделям и апеллировали российские общественные лидеры и бюрократы, стремясь освободить пространство российских городов от «азиатчины», т. е. организовать городское пространство таким образом, чтобы можно было контролировать миазмы и снижать уровень заболеваемости и смертности³¹². «Петербург — европейский ли город?» — риторически вопрошал обозреватель литературно-политического журнала «Дело», описывая чудовищное санитарное состояние столицы³¹³. Для исправления ситуации следовало сначала выявить источники заразы, а затем позаботиться о чистоте воздуха и питьевой воды, о регулярном очищении городских улиц и дворов, об устройстве канализации³¹⁴. Врачи-гигиенисты, либеральные журналисты и чиновники, вроде начальника полицейского управления Владимирской губернии или Харьковского генерал-губернатора, публично сокрушавшихся о жалком санитарном состоянии вверенных им территорий,

³⁰⁹ *Бертенсон И. В.* Барачные лазареты в военное и мирное время. СПб.: Общество попечения о раненых и больных воинах, 1871; *Скворцов И. П.* Обзор способов удаления из населенных мест нечистот // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №15. С. 313-316; там же. 1875. Т. 1. №16. С. 331-336; там же. 1875. Т. 1. №17. С. 347-353; *он же*. Санитарный быт западноевропейских городов и Международная гигиеническая выставка в Брюсселе. Краткий отчет по заграничной поездке // *Известия Императорского Казанского университета за 1877 год*. Казань: [Б. и.], 1877. С. 96-154; *Эрисман Ф. Ф.* Курс гигиены. В 3 т. М.: Типография А. А. Карцева, 1887-1888. Т. 2. М., 1887. С. 274.

³¹⁰ *Эрисман Ф. Ф.* Подвальные жилища в Петербурге // *Архив судебной медицины и общественной гигиены*. 1871. Кн. 3. Отд. III. С. 37-85; там же. Кн. 4. Отд. III. С. 1-56; *Ловцов С. П.* Об устройстве санитарной части в России // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №4. С. 65-72; там же. 1874. Т. 1. №5. С. 85-90; *Андреевский И. Е.* Санитарное дело в Англии // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №4. С. 73-76; там же. 1874. Т. 1. №5. С. 94-96; там же. 1874. Т. 1. №6. С. 110-113; *Смоленский П. О.* Письма из-за границы. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1882; *Кашкадамов В. П.* Санитарная организация в Англии. СПб.: [Б. и.], 1905.

³¹¹ *Эрисман Ф. Ф.* Подвальные жилища в Петербурге // *Архив судебной медицины и общественной гигиены*. 1871. Кн. 4. Отд. III. С. 56.

³¹² Примечательно, что в Средней Азии российские власти официально присваивали городской статус только тем областным и уездным центрам, где существовали русские кварталы с европеизированной планировкой и инфраструктурой (Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 201). Сомнения в статусе многих российских городов открыто высказывали врачи, чиновники и журналисты, обвинявшие городские управы в неумении «вести толком хозяйство на буржуазный манер» (*Картинки общественной жизни* // *Дело*. 1878. № 2. С. 463).

³¹³ *Д. М.* Петербург — европейский ли город? // *Дело*. 1877. № 1. С. 53.

³¹⁴ Устройство сливной канализации было одним из самых больных вопросов оздоровления столицы: с 1868 по 1917 год было предложено 48 проектов, но ни один из них не был реализован (*Юхнева Е. Д.* Петербургские доходные дома. С. 248).

демонстрировали объединяющее влияние научной санитарно-гигиенической пропаганды³¹⁵.

Примеры нарушения современных гигиенических стандартов, которые приводились в либеральной прессе, официальном отчете и специализированных медицинских изданиях, практически идентичны. Все они апеллировали к пяти чувствам: каждое оказывалось задето и оскорблено теми или иными санитарными безобразиями. Все они конституировали феномен «невыносимого», «неприемлемого», «отвратительного», «нецивилизованного», воспринимаемого зрением, слухом, осязанием, вкусом, но в первую очередь — обонянием³¹⁶. На него ответственность за здоровье и безопасность индивида и возлагалась в первую очередь, и чем более «впечатлительным» оно было, тем надежнее его обладатель был защищен от опасности: «Легко может случиться, что химический анализ совсем не обнаружит вредной и зловонной примеси в воздухе, меж тем как страдающее обоняние все-таки заставит освежить зараженный воздух. Без сомнения, органы обоняния у нервных индивидов представляют великое разнообразие относительно впечатлительности, но в сумме, для целого общества имеется всегда такой средний нос, который защищается без помощи науки и иногда даже вопреки ей»³¹⁷. Само по себе нежелание мириться с невыносимым для обоняния уже сигнализировало о существовании или, по крайней мере, проектировании новой, дезодорированной урбанистической модели, которая предполагала и новую конфигурацию чувств. Ближайшей общественной задачей становилась выработка такого «среднего носа», интериоризация определенной нормы обонятельной впечатлительности для каждого члена общества.

³¹⁵ Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 125-127.

³¹⁶ Мизантропов Н. Калейдоскоп: литературные и общественные заметки // Дело. 1879. №3. С. 138; Т. К. Санитарное положение Воронежа // Здоровье. 1875. Т. 1. №18. С. 361-362; Вывоз нечистот из Москвы // Здоровье. 1876. Т. 2. №33. С. 74-75.

³¹⁷ Гюбнер Ю. Ю. Современное состояние вопроса о кладбищах // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 101. Периодика последней трети XIX века, медицинская и не только, устанавливала связь между тонким обонянием, заботой о здоровье и эпидемиями. Например, в заметке о парижской великой вонии 1880 года — с июля по октябрь парижане страдали от небывало сильных миазмов, наполнявших воздух столицы, — журналист писал о высокой смертности и ядовитом невыносимом смраде, иронически отмечая: «Те, кто останется жив, выиграют в том отношении, что у них необыкновенно разовьется чувство обоняния» (Ж. Политическая и общественная хроника // Дело. 1880. №10. С. 167). Даже модные журналы и сопутствующие издания напоминали, что «лишь при развитом чувстве обоняния возможно ощущать в атмосфере малейшие примеси, не только приятные, доставляющие нам действительное удовольствие, но также и вредные, для избавления от которых они должны быть сначала обнаружены, так как оборонять себя можно только от явной опасности» (Похитонова М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. С. 200).

В санитарно-гигиеническом дискурсе «дурнопахнущее», перекодированное в «невыносимое» (оскорбляющее чувствительность) и «нецивилизованное» (противоречащее прогрессу), часто выражалось с помощью понятия «азиатчина». В качестве аргументов использовались статистические данные: в 1876 году среди 63 губерний Российской империи с населением 80 млн человек самая низкая смертность наблюдалась в западных губерниях, самая высокая — в центральной и юго-восточной России³¹⁸ (статистики по азиатской части империи, особенно по районам кочевий, практически не было)³¹⁹. В рамках санитарного дискурса пространство Российской империи представало своеобразным силовым полем, где границы «европейского» (чистого) и «азиатского» (грязного) постоянно смещались в зависимости от политической ситуации и эпидемиологической обстановки, а также — в зависимости от взглядов и убеждений автора (врача-гигиениста, военного, чиновника). Ближе всех к европейскому стандарту гигиены и чистоты находились западные области, за значимым исключением еврейских местечек и цыганских таборов, а дальше всех — южные окраины. В целом же общий вектор чистоты/грязи приблизительно совпадал с вектором распространения эпидемических болезней, и прежде всего — холеры. Пограничное географическое положение России превращало ее в воображаемую буферную зону между «опасным» Востоком и «чистым» Западом, а каждая из эпидемий подтверждала необходимость санитарных реформ и укрепляла риторiku санитарного дискурса³²⁰. С этой точки зрения наибольшую тревогу вызывало положение южных портовых городов и прежде всего Астрахани, прозванной

³¹⁸ Самая низкая смертность была зафиксирована в Курляндской (2,02%), Сувалкской (2,03%), Эстляндской (2,16%), Седлецкой губерниях (2,18%), самая высокая — в Пензенской (4,30%), Московской (4,37%), Владимирской (4,41%), Нижегородской (4,46%), Самарской (4,58%), Вятской (4,59%), Пермской (5,07%), Оренбургской (5,16%) (Отчет Медицинского департамента за 1877 год. С. 3-4). В столице империи основной прирост населения осуществлялся за счет мигрантов. По подсчетам Г. И. Архангельского, опубликованным в 1869 году, за 100 лет в Петербурге умерло на 143 928 человек больше, чем родилось (*Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 33-85*).

³¹⁹ Примечательно, что статистические данные, накопленные в течение последующих десятилетий, опровергали эту картину. Так, коэффициент общей смертности по разным частям Российской империи за 1886-1895 годы варьировался от 1, 6% в азиатских владениях (при цифре в 3,5% в холерные годы) и 1,8-2,0% в остзейских губерниях (без изменений в холерные годы) до 3,1-3,8% в европейской России и 3,1-4,4% в Сибири (*Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина. С. 32*).

³²⁰ В русской литературе чуть ли не первым, кто поставил под вопрос романтический ориенталистский миф, был Пушкин — сначала в письмах брату из Бахчисарая, а затем в «Путешествии в Арзрум» (которое было написано в 1835-м, после первых холерных эпидемий 1830-х годов): «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь... Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 6. Л., 1978. С. 470*). То же отмечено в «Военном антиквари» А. А. Бестужева-Марлинского (1829). Двадцать лет спустя те же топоры — азиатская грязь, свинство, отвратительные привычки — встречаются у А. Ф. Писемского в «Путевых очерках» (1857) о поездке в Астрахань и на Каспий.

«воротами в Азию». Дороги и водные пути, которые соединяли северо-западную часть империи с юго-востоком, рассматривались как перегоны, по которым в европейскую Россию из азиатской поступала зараза. Когда в 1878 году в Астраханской губернии была обнаружена чума, многие были склонны искать ее причину в Персии и Турции³²¹. Не меньшее беспокойство вызывали железные дороги, соединявшие юг и север, восток и запад империи: так, холерная пандемия 1892 года охватила всю европейскую Россию благодаря новой железнодорожной ветке, протянутой с Кавказа до Варшавы³²². В свою очередь, врачи-гигиенисты подчеркивали тот факт, что в России сочетание европейских коммуникаций с азиатскими гигиеническими привычками создавало новые пути распространения болезни.

Такой взгляд оказался весьма устойчивым. Почти сорок лет спустя, в думской речи 1911 года, посвященной проблеме канализации, П. А. Столыпин, ссылаясь на депутата-кадета А. И. Шингарева (врача и земского деятеля), обильно использовал топику, характерную для санитарного дискурса: «Россия ежегодно наводняется эпидемиями и болезнями из Азии. Есть целый ряд городов, которые становятся рассадниками, узлами инфекции, откуда они разносятся по всей России. Окиньте мысленным взором все наше Поволжье, сначала Астрахань — ворота, через которые к нам приходит и холера, и чума, Астрахань с ее известным водопроводом, вбирающим воду на берегу Волги, представляющим из себя клоаку, наполненную миазмами. Далее Царицын с его оврагами, очагами заразы, из которых самый знаменитый — Кавказ [район портовых трущоб — *М. П.*], на высоком берегу которого сосредоточено скопление всех отбросов — гнездо заразы, в внизу, внизу живут люди, которые дышат миазмами от нечистот, сбрасываемых сверху. <...> Дальше идет Саратов с его не менее знаменитым Глебучевым и Белошинским оврагами, по которым я немало походил и о которых мог бы много порассказать. А Самара, нарядная Самара, с ее известной Веденева ямой, ямой, которая теперь уже не яма, а бугор, с которого жидкие нечистоты по оврагу стекают в реку Самару. Казань имеет тоже свои достопримечательности в центре города: ров Булак и озеро Кабан, в которое точно так же сваливаются все казанские нечистоты»³²³. В

³²¹ *Мизантропов Н.* Калейдоскоп: литературные и общественные заметки // Дело. 1879. №3. С. 129.

³²² *Henze Ch. E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 38.

³²³ *Столыпин П. А.* Речь о необходимости издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы, произнесенная в Государственной Думе 11 января 1911 года // *Столыпин П. А.* Избранное: Речи. Записки. Письма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 367.

описании Столыпина, бывшего саратовского губернатора, слушатели безошибочно узнавали эпидемиологическую карту южной России — какой она представляла в отчетах санитарных комиссий, путевых заметках гигиенистов и очерках этнографов³²⁴.

Другим фактором, подпитывавшим топос «азиатского неряшества» (и связанные с ним мотивы «отсталости», «дикости», «грязи» и «варварства») в российском санитарном дискурсе, стало присоединение Центральной Азии, которое началось с 1860-х годов³²⁵. Азия была не только источником заразы, но и направлением активной колонизации в эпоху, когда санитария, гигиена, прогресс образовывали нерасторжимое единство в публичных дискуссиях. Я не буду подробно останавливаться на механизмах взаимодействия санитарного и колониального дискурсов — это задача отдельного исследования. Отмечу лишь, что с помощью понятия «европейский прогресс» Российская империя легитимизировала свои притязания на чужие земли и оправдывала сам факт колонизации (и одновременно оказывалась по отношению к Азии той самой Европой, вызывавшей сильнейший рессантимент в России 1870-1890-х годов)³²⁶. Необходимость присоединения Азии обосновывалась в том числе борьбой с болезнями и невежеством, стремлением распространить «западное», «цивилизованное» пространство на прилегающие земли³²⁷. Санитарно-гигиеническими терминами выражалась и «инаковость» восточных народов — калмыков, казахов, текинцев, персов, турок, и далее — первобытных народов Сибири и

³²⁴ *Доброславин А. П.* О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. Из отчета графу Лорис-Меликову, временному генерал-губернатору Астраханской, Саратовской и Самарской губерний, в 1879 году // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 3. СПб.: Типография М. М. М. Стасюлевича, 1880. С. 119-155; *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Вып. 1-4. Саратов: Типография Губернского земства, 1898-1902.

³²⁵ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 63, 65.

³²⁶ Например, взятие русскими войсками под командованием генерала Скобелева текинского оазиса Геок-Тепе в январе 1881 года инспирировало следующий пассаж в «Дневнике писателя» Достоевского: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч. Т. 14. С. 509).

³²⁷ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 132.

Севера и остальных «других» в империи (подробнее об этом пойдет речь в третьей главе)³²⁸.

В свою очередь, процессы медиализации и популяризации санитарно-гигиенического знания укрепляли ассоциации между прогрессом и общественным здоровьем, способствуя дальнейшей поляризации «европейского» и «азиатского» не только в геополитическом поле, но и в сфере представлений о цивилизованности, чистоте, порядке и гигиене. Смысловый объем топоса позволял обнаруживать «азиатчину» — грязь, дурные санитарные условия, невежество и упадок нравов — повсюду. Антитезу западноевропейской цивилизации как культуре образованного городского населения российские врачи видели и в недостаточно европеизированном русском городе, и в традиционной крестьянской культуре, и в еврейских местечках, и в культуре «первобытных народов». Конструировалась своего рода шкала, на которой города с регулярной планировкой были ближе к цивилизованному идеалу, чем с нерегулярной, оседлые народы — ближе, чем кочевые и т. д. Выбор более европеизированного варианта для врачей и публицистов означал и выбор в пользу цивилизации, отказаться от которой впоследствии было равносильно добровольному возвращению в варварское состояние³²⁹.

Примечательно, однако, что в российском санитарном дискурсе практически отсутствовал национальный компонент, существенный для санитарных движений Западной Европы³³⁰. Задачей российских гигиенистов было воспитать человека цивилизованного, *homo hygienicus*, в отличие, например, от французских врачей, стремившихся превратить крестьянина или фабричного рабочего в настоящего француза. Российская специфика объясняется, скорее всего, престижем западноевропейских урбанистических моделей и ассоциацией

³²⁸ [Сообщение санитарного врача Туркестанской области] // Здоровье. Т. 2. 1876. №37. С. 162; [Извлечение из газеты «Сибирь»] // Здоровье. Т. 3, 1877. №60. С. 131; Семенов Д. Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т. VI. Туркестанский край. М.: Книжный магазин наследников братьев Салаевых, 1887. С. 26-27. Из более ранних примеров колониального дискурса см.: Серебренников А. Г. Туркестанский край: Сб. материалов для истории его завоевания. В 22 т. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1912-1915. Т. 20. Ч. 2. Ташкент, 1914. С. 48. О различных мотивировках и колебаниях в оценке кочевников в имперском медицинском дискурсе 1830-1890-х годов см.: Афанасьева А. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов». С. 113-150).

³²⁹ Харузин А. Н. Степные очерки. М.: Типография А. А. Левенсон, 1888. С. 70-71; Стабровский И. С. К вопросу о санитарном состоянии Астраханских рыбных промыслов // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1889. Т. 4. Кн. 3. С. 133.

³³⁰ Gilbert P. K. Cholera and Nation: Doctoring the Social Body in Victorian England. Albany: State University of New York Press, 2008. P. 50-66, 135-154.

общественной гигиены с европейской цивилизацией в целом, а также тем, что с петровского времени медицина была государственным проектом и играла важную роль в интеграции субъектов империи и управлении территориями³³¹.

³³¹ *Renner A. Progress through Power? P. 32-33.*

ГЛАВА 2. ИНСТРУМЕНТЫ: ОЛЬФАКТОРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ САМОКОНТРОЛЯ

2. 1. Классификация запахов и становление русского ольфакторного словаря³³²

Чтобы установить пути воспитания чувствительности, по-новому формулируемой во второй половине XIX века, предстоит не только определить обусловившие ее факторы, но и выявить инструменты, с помощью которых она внедрялась в общественное сознание. В этой связи представляется важным проследить этапы становления самого ольфакторного словаря — то есть того лексического репертуара, которым русская культура располагала для описания запахов к середине XIX века. В первую очередь меня будут интересовать прилагательные, с помощью которых обозначались различные виды запахов: разработанность словаря свидетельствует о выявлении нюансов запахов (или, по крайней мере, о стремлении к этому), освоенность этого словаря обществом — о важности и актуальности ольфакторного знания.

Основным источником специальной ольфакторной лексики служила медицинская и фармакологическая литература. В 1802 году в московской Сенатской типографии была напечатана «Российская фармакопея» — первая государственная роспись простых и составных лекарственных средств и рецептов на русском языке³³³. Как и в предшествующей латиноязычной версии³³⁴, описания простых веществ в ней были сделаны на основе органолептических характеристик, образуя тем самым своеобразную матрицу, в которой субъективные ощущения приводились в соответствие с разветвленной системой терминов. Принципиальными новшествами были, во-первых, русификация этой матрицы и, во-вторых, приведение к некоторому промежуточному итогу синонимического разнообразия терминов, использовавшихся к тому времени для описания запахов в сфере медицины.

Все предыдущие официальные фармакопеи, выпуск которых начался в России лишь после екатерининской реформы Медицинской канцелярии и преобразования ее в Медицинскую

³³² Расширенная версия данного раздела была опубликована в виде статьи: *Пироговская М. М.* От *materia medica* до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря // Новое литературное обозрение. 2013. №123. С. 144-164.

³³³ *Карпинский Н. К.* Российская фармакопея. В 2 Ч. М.: [Б. и.], 1802.

³³⁴ *Pharmacopoea Rossica.* Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1798. Это издание также редактировал Н. К. Карпинский, преподаватель петербургского Медико-хирургического училища.

коллегию³³⁵, были латинскими или двуязычными (латинско-русскими) и представляли собой лапидарные перечни лекарственных средств³³⁶. Принцип полноценного описания, которое включало латинское и русское название вещества, место его произрастания или происхождения, органолептические характеристики, лечебные свойства, способы и виды применения и дозировку, установился лишь в издании 1798 года; там же множество тонких вкусовых и ольфакторных нюансов и градаций было выражено латинскими терминами³³⁷. По сути дела, фармакопея официально фиксировала уже принятый в медицине стандарт органолептического описания, способствуя тем самым его дальнейшему усвоению и распространению.

Особенно примечательной русификация терминологии в «Российской фармакопее» 1802 года представляется в отношении ольфакторных ощущений, обыкновенно вербализуемых с большим трудом³³⁸. В первой части «Российской фармакопеи», именованной «Врачебное веществословие» и посвященной описанию простых лекарственных средств (т. е. сырья растительного, животного и минерального происхождения), фигурирует 81 уникальная характеристика запахов — с точки зрения наличия/отсутствия запаха, степени его интенсивности в свежем и высушенном растении, физического воздействия, субъективной оценки и, наконец, сходства (см. Таб. 6 в Приложении).

Для столь детального описания запахов была необходима рефлексия над тонкими ольфакторными различиями, интенсивно совершавшаяся на протяжении второй половины XVIII века и тесно связанная с социокультурными изменениями. По сравнению с русской

³³⁵ Одной из задач новой коллегии было «завести и учредить Диспенсаторию российскую постоянную и по всей России одну» (Инструкция Коллегии Медицинской. СПб.: Сенатская типография, 1763. С. 5). За изданием государственной фармакопеи последовало постановление Сената 1783 года, предписывавшее аптекарям строго следовать рецептуре; в 1789 года появился первый Аптекарский устав, который обязывал всех аптекарей «иметь правилом Российскую диспенсаторию Pharmacopoea Rossica, по оной материалы запасать и лекарства составлять» (Оценка лекарствам. Устав аптекарский. Устав повивальным бабкам. Устав о должной плате медицинским чинам. СПб.: Императорская типография, 1789. Б. п.).

³³⁶ *Pharmacopoea castrensis*. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1765, 1779; *Pharmacopoea Rossica*. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1778, 1782, 1798; *Bacheracht H. Pharmacopoea navalis Rossica*. Petropoli: S. n., 1784.

³³⁷ Например, на шкале «приятный-неприятный» располагались следующие ольфакторные характеристики: *gratissimus, suavissimus, suavis, gratus, non ingratus, fatuus, ingratus, magis ingratus, ingrattissimus, deterrimus*.

³³⁸ *Eggen T. Odor, Sensation and Memory*. P. XI-XII, 85. Еще Платон в диалоге «Тимей» отмечал, что запахи можно разделить на приятные и неприятные, но невозможно дать им названия, поскольку они не состоят из конечного числа простых форм (*Платон. Собр. соч.* В 4 т. М.: Мысль, 1990-1994. Т. 3. М., 1994. С. 472-473).

культурой допетровского времени, письменные источники которой содержат достаточно ограниченный репертуар ольфакторных характеристик (о нем пойдет речь далее), материалы второй половины XVIII века демонстрируют существенное расширение набора средств, с помощью которых описывались и характеризовались запахи.

Сам выпуск государственной фармакопеи по-русски был, по всей видимости, связан с общей тенденцией к русификации, наметившейся в преподавании естественных наук вообще и медицины в частности в последней трети XVIII века. До этого времени администрирование медицинского дела в России находилось в руках иностранных специалистов; первые русские доктора медицины с дипломами, выданными в России, появляются лишь в конце 1760-х³³⁹. С 1760-х гг. преподавание ряда дисциплин в медицинских школах начинает вестись на русском, а не только на латинском и немецком, а медицинская терминология начинает систематически переводиться на русский язык³⁴⁰. Однако основными учебниками долгое время оставались книги на иностранных языках — написанные живущими в России иностранными врачами или западноевропейские издания, которые закупались для русских госпитальных школ и публичных медицинских библиотек³⁴¹. Лишь в 1795 году Медицинская коллегия приняла новые правила для медико-хирургических училищ, постановив вести в них преподавание преимущественно по-русски, отобрать для этого учебники и «онные навсегда с иностранных на российский язык переводить и печатать»³⁴².

Благодаря постепенной русификации преподавания в медицине и смежных с ней естественных науках в последние десятилетия XVIII века начинают складываться русские терминологические системы³⁴³. Параллельно происходит мощный процесс де-терминизации

³³⁹ До этого общей практикой было получение диплома в одном из европейских университетов (Лейденском или Страсбургском) с последующей переэкзаменовкой в России.

³⁴⁰ Сам процесс перевода был непростым: медики жаловались на отсутствие русской анатомической номенклатуры и в 1760-е годы (*Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. С. 116-117), и двадцать лет спустя (*Чистович Я. А.* Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. С. 198).

³⁴¹ *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. С. 278.

³⁴² Цит. по: *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. С. 379.

³⁴³ Позднее формирование русской медицинской терминологии объясняется, видимо, и преобладанием среди врачей иностранцев, и устойчивой репутацией латинского как профессионального языка медицины (поэтому в первой половине XVIII века большинство учеников направлялось в госпитальные школы из Славяно-Греко-Латинской Академии).

— «расширение сферы употребления термина путем вовлечения его в неспециальные жанры устной и письменной речи»³⁴⁴. По всей видимости, таким был и путь ольфакторных характеристик, которые постепенно втягивались из специальных сфер словаря в более общие контексты. Какими же были эти специальные сферы? В XVIII веке ольфакторные характеристики были сосредоточены в нескольких областях естественнонаучного знания — ботанике, фармакологии («врачебном вещевословии»), химии и минералогии — в составе органолептических описаний.

Исторически органолептическое описание — то есть критическое описание доступных человеческим чувствам свойств того или иного растения или вещества животного или минерального происхождения — восходит к трудам Теофраста и Диоскорида, а как естественнонаучный стандарт складывается в работах медиков, ботаников, химиков и фармацевтов конца XVII-начала XVIII веков. На его актуализацию повлияли переосмысление медицинских систем античности в эпоху позднего Ренессанса, становление ботаники как отдельной дисциплины в западноевропейской системе науки и поворот от рациональной механистической модели познания, предложенной Декартом, к теориям сенсуалистов. Гуморально-патологическая теория Гиппократов, на которую до поры опирались европейские медики, классифицировала в соответствии с преобладанием тех или иных жизненных соков типы конституции, темпераменты, болезни и, соответственно, лекарства. А поскольку вкус и запах лекарственных средств, включавших в том числе еду и напитки, прямо увязывались с их лекарственной силой (*vehiculum*), вкусы и запахи также подразделялись на сухие, горячие, холодные и влажные; были возможны и комбинации³⁴⁵. Острые и сладкие запахи считались сухими и горячими, гнилые и неприятные — влажными и холодными³⁴⁶.

Благодаря гуморальной теории традиция органолептических описаний упрочивается в античном медицинском дискурсе. Первые прикладные описания запахов обнаруживаются у

³⁴⁴ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. С. 274-277.

³⁴⁵ Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. P. 48.

³⁴⁶ Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. С. 120-121. Аристотель указывал, что названия запахов обычно производятся от названий пахучих веществ, а чтобы быть воспринятыми, запахам необходим посредник (вода или воздух), тогда как вкус — чувство непосредственное и может быть трактован как форма осязания.

Теофраста³⁴⁷, а затем — у Диоскорида: указания на органолептические свойства (вид, цвет, запах, текстура) и физические характеристики (горючесть, вид дыма и пепла, вес, растворимость) должны были помочь врачу не только лучше понять особенности и сферу применения того или иного средства, но и в случае необходимости отличить подлинное лекарство от подделки³⁴⁸. В западноевропейской традиции новое прочтение трудов Диоскорида началось в конце XV-XVI веках, с последующим переводом на новые европейские языки³⁴⁹. Эта волна публикаций, с одной стороны, послужила импульсом к возрождению занятий «врачебным веществословием» в европейских университетах³⁵⁰, а с другой, стала первым шагом к формированию ботаники как академической дисциплины³⁵¹. К той же эпохе относится основание первого в Европе ботанического сада, возникновение такого жанра, как гербарий, и популяризация прогулок (получивших название *herbationes*) по природным и рукотворным ландшафтам с целью изучения растений вживую³⁵². Так в западноевропейской ботанической традиции установился принцип описания, включающий ольфакторные характеристики сырья (корней, цветов, растертых или высушенных листьев) и различных производных (масел, настоев, порошков), помогающие специалисту установить связь между органолептическими свойствами лекарственного средства и производимым им лечебным эффектом³⁵³.

³⁴⁷ *Феофраст*. Исследование о растениях. М.: Издательство АН СССР, 1951. С. 202-209, 273-310. Также известно, что Теофраст, следуя теории гуморов, указывал признаки «горячих» растений — маслянистая листва, малое количество сока, острый вкус, ароматный запах, пищеварительное действие (*Сергеенко М. Е.* Феофраст и его ботанические сочинения // *Феофраст*. Исследование о растениях. С. 347-349).

³⁴⁸ *Stieb E. W.* Drug Adulteration and Its Detection, in the Writings of Theophrastus, Dioscorides and Pliny // *Journal mondial de pharmacie*. 1958. P. 117-134.

³⁴⁹ *Nutton V.* Greek Science in the Sixteenth-Century Renaissance // *Renaissance and Revolution: Humanists, Scholars, Craftsmen and Natural Philosophers in Early Modern Europe*. Ed. by J. V. Field, F. A. J. L. James. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 23-25.

³⁵⁰ *Findlen P.* Possessing Nature: Museums, Collecting, and Scientific Culture in Early Modern Italy. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1994. P. 248-254.

³⁵¹ *Руссо Ж.-Ж.* Руссовы письма о ботанике. М.: Типография П. Бекетова, 1810. С. 9.

³⁵² *Bauhin C.* Catalogus plantarum circa Basileam sponte nascentium. Basilea: typis Johan. Jacobi Genathii, 1622. Карманный формат превращал этот справочник по флоре окрестностей Базеля в своеобразный гибрид путеводителя и эфрасиса. См. также: *Tournefort J. P.* Histoire des plantes qui naissent aux environs de Paris, avec leur usage dans la médecine. 2e éd. 2 T. Paris: S. n., 1725 (первое издание вышло в 1698 году).

³⁵³ Ср., например: «листья этого растения горьки и вонючи», «*Chamaemelum foetidum* [эклипта распростертая] пахнет минеральной смолой», «его корни волокнисты, белы, немного едки и ароматичны», «его корни очень горьки, а их запах напоминает запах большой валерианы», «*Tanacetum vulgare* [пижма обыкновенная] едка, ароматична, горька... содержит летучую соль, каковая ароматична, масляниста и содержит много серы» (*Tournefort J. P.* Histoire des plantes. Т. 2. P. 13, 28, 62, 134, 214).

Допетровская Русь познакомилась с полными трудами Диоскорида в XVII веке³⁵⁴, до этого греческие авторы были известны лишь в отрывках и разнообразных компиляциях³⁵⁵.

Польская компиляция на основе новоевропейских изданий Диоскорида — «Травник» Ш. Сиреньского (Сирениуса)³⁵⁶ — была переведена на русский язык в XVII веке, тогда же, в эпоху интенсивного польского влияния, были сделаны переводы и других медицинских и хозяйственных книг³⁵⁷. Примечательно, что тогда же из польского в русский пришло не только множество медицинских терминов и названий лекарственных растений латинского происхождения³⁵⁸, но и лексемы «запах», «пах» и «пахнуть»³⁵⁹. Однако для выражения соответствующего понятия еще долго использовалась старая лексема «дух», которая нагружалась новыми значениями³⁶⁰; она же служила основой для образования лексических сочетаний «иметь дух», «быть (духом/обонянием) каковым-либо». Кроме того, в ходу были близкие синонимы «воня», «ухание» и «обоняние» (в значении «запах»)³⁶¹.

Ольфакторные характеристики, использовавшиеся во время волны медицинских переводов в XVI-XVII веках, в полной мере отражали гуморально-патологическую теорию гиппократиков и учение Галена о трех стадиях действия лекарственного средства³⁶². Так

³⁵⁴ *Исаченко Т. М.* Из истории Государевой аптеки (неизвестные автографы Холмогорского архиепископа Афанасия) / VII Иоанновские чтения, 1-5 ноября 2005 года. Архангельск-Северодвинск-Новодвинск-Сийский монастырь. Режим доступа: <http://siya.aonb.ru/index.php?num=1852>.

³⁵⁵ *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI-XVII вв.: Источники для изучения истории русской медицины. М.: Медгиз, 1960. С. 19-39.

³⁵⁶ *Syreński S.* Zielnik Herbarzem z języka Łacinskiego zowią. Kraków: S. n., 1613.

³⁵⁷ *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI-XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 90-91, 95-96, 117-119.

³⁵⁸ *Leeming H.* Polish and Polish-Latin Medical Terms in Pre-Petrine Russian // *The Slavonic and East European Review*. 1963. Vol. 42. No. 98. P. 95-96, 99-100, 106. Некоторые названия растений и лекарственных веществ, уже вошедшие в язык через посредство переводов священных и научных книг с греческого, вошли в русский заново — как польско-латинские заимствования (*ibid.*, P. 94).

³⁵⁹ Слово «запах» впервые зафиксировано в «Книге, глаголемой Назиратель», переведенной с польского перевода 1549 года в конце XVI века (Словарь русского языка XI-XVII веков. М.: Наука, 1975—. Вып. 5. М., 1978. С. 260); слово «пах» в значении «запах» — в документе 1558 года (там же. Вып. 14. С. 175); слово «пахнути» — в документе 1653 года (там же. Вып. 14. С. 176). Ср. также прилагательное «запахучий» (зафиксировано в документе 1660 года; там же. Вып. 5. С. 260).

³⁶⁰ «Дух» в значении «испарения» впервые встречается в «Житье и хоженье Данила Русьския земли игумена» (1106-1107 гг.) по списку 1496 года, в значении «запах» — в Домострое по списку XVI века, в значении «спирт» — в медицинских документах 1645 года (там же. Вып. 4. С. 379-380).

³⁶¹ Там же. Вып. 12. С. 125.

³⁶² Галеновского деления на основные (теплота, холод, сухость, влажность), комбинированные и специфические свойства (рвотное, слабительное, крепительное, мочегонное и т.п.) фармакология придерживалась до конца XVIII века (*Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К.* История медицины. С. 130-133).

называемый Уваровский список «Прохладного вертограда» №2192 открывается следующим уведомлением: «Сия книга, глаголемая Травник, изложена бысть врачевания ради людского <...> что описуемое в книзе сей какво есть подобием или какую в себе силу содержит, теплотную ли или холодительную или волгостну или сушительную или смягчительную или твердительную и что живительно или вредительно или духом благовонно или дух тягостен имат»³⁶³. В этой перспективе запах представлялся вещественным: он и составлял одно из лекарственных свойств препарата.

Характеристики, с помощью которых описывались запахи, распадаются на три группы. К первой принадлежат указания на ощущаемые свойства: «благовонный», «велми благоуханный», «тяжкий», «тягостный», «горький», «смердящий», «бридостный» (т. е. терпкий, едкий; номинация вкусового ощущения переносится на обонятельное)³⁶⁴, «сладостный», «сладкий», «приторонный» (т. е. приторный)³⁶⁵. Как правило, они тесно связаны с лекарственными свойствами того или иного вещества³⁶⁶. Запах, наряду с внешним видом, служил важнейшим признаком для распознавания лекарственного вещества от похожего, но бесполезного, или же суррогата³⁶⁷. Ко второй группе можно отнести характеристики-идентификаторы, описывающие гипотетически незнакомый запах через гипотетически знакомый, менее известное через более известное: «имеет дух аки синомон, а то есть корица», «духом благовонна подобно фиалкову корени», «дух имеет подобно инбирю», «духом она (гума серапинова, т. е. смола растения *Ferula scowitziana* Dc. — М.П.) тяжела, подобно асафетидове траве»³⁶⁸. К этой же группе примыкали еще немногочисленные употребления прилагательных, образованных от названия того или иного лекарственного вещества, в сочетании со словом «дух»: «терпентинный», «коришный», «яблочный»,

³⁶³ Приведено по: *Змеев Л. Ф.* Русские врачевники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1895. С. 23.

³⁶⁴ Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 1. С. 334. Ср. в словаре Даля: «бридить (пск., тверск.) — бредить, бередить, вередить, беспокоить, зудить; бридкой (пск.) — резвый, резкий, пронзительный».

³⁶⁵ Все примеры взяты из «врачевского вертограда» XVII века: Травник. ОР РНБ, Ф. VI. 9-1, 2.

³⁶⁶ Ср., например: «для благовония своего ливан [ладан — М. П.] есть крепительно, а естеством он истребителен и вязателен», «они (мускатные орехи) для благовония своего вся внутренняя обвеселяют и укрепляют», «галган [галангал — М. П.], прият в брашне, дух дыхательной явит благовонен и многу вредительную мокрость из тела изгонит для горячества своего кое имеет в себе» (там же).

³⁶⁷ Травник Симона Сирениуса. ОР РНБ, Ф. VI. 5-1. Л. 88 об.

³⁶⁸ Травник. ОР РНБ, Ф. VI. 9-1, 2.

«кипарисный», «купоросный», «свороборинный», «розмариновый». В зависимости от контекста такие словосочетания могли обозначать как запах, так и спиртовую вытяжку из данного сырья. Ольфакторные характеристики могли служить идентификатором при распознавании растения или другого лекарственного сырья и мотивировать область и способ применения лекарственного средства — в виде курения, настоя или отвара, пластыря и т.д.³⁶⁹. Благодаря установке на воспроизведение источника, ольфакторный словарь этой эпохи фиксируют народные травники³⁷⁰.

Следующая волна переводов естественнонаучных текстов, содержащих органолептические описания, началась в петровское время: травники и зельники XVI-XVII веков стали восприниматься как устаревшие, неадекватные общей ориентации на новую европейскую науку. В эту же эпоху происходило разделение ботаники и прикладных естественнонаучных дисциплин. Эти процессы также оказали влияние на пополнение и модификацию ольфакторного словаря.

Окончательное выделение ботаники из корпуса медицинских наук и рождение систематики в конце XVII века было вызвано кризисом номенклатурных практик и необходимостью в теоретическом осмыслении нового ботанического разнообразия, возникшего в результате

³⁶⁹ Взаимосвязь запаха растения и способа применения существует и в народной традиции, ср., например: «Трава воронежская растет на камени вышиною в пядень и пониже зелени <...>, а дух от нея, что от ладану рослого [искаж. «росного» — *М. П.*]. Окуривать ею рожениц в бане, навязывая на крест, и она родит без болезни. А как родица младенец, и ты его окурь той травой и навязки ему на шею, то не прикоснеца падучая болезнь, уроки. Тое ж травую добро окуривать и скот, всяким ловящим держать ее пригодно и ходить с нею на ловлю рыбы и, и зверей и птиц ловить, и окуривать ею мережи, всякия ловящие снасти от уроку и от лихого прикладу» (Травник. БАН 33.14.11. Л. 21 об.-22). Сходство с ладаном объясняет апотропеические свойства растения и определяет сферу и способ применения — в виде курений. См. также: *Ипполитова А. Б.* Русские рукописные травники XVII-XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008. С. 315-316, 319. В славянской народной ботанике оберегом от различных болезней и нечистой силы считались растения с сильным запахом, как приятным, так и неприятным (*Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. С. 49).

³⁷⁰ Благодарю А. Б. Ипполитову за возможность ознакомиться с собранными ею материалами народных травников XVIII-XIX веков. Ср.: «Есть трава болодной былец, растет подле великих рек, висока, что крапива, цвет на ней, что бел походил, а корень хохлат, черен, красноват, тяжек дух» (Травник. РГБ Долг. 111. Л. 1 об.-2.); «Трава броанарес, а растет она по горам, а цвет у нея вишневы, а розцветет зело прекрасно, а дух благоуханен велми» (Травник. ОР РНБ. Q. VI. 33. Л. 15 об.); «Тропка. А растет она по бояракам и по соснягам и по бруснишникам, а вышиною в че[ть] аршина, по одной стволине, а наверху цвет лазорев и прекрасен. <...> А дух от цвету яко от ладону капучего, а корень его растет в землю неглубоко розсыпью в мелких корнях» (Травник. ГИМ. Увар. 705. Л. 9.); «Трава вострая глава растет по болотам зыбучим и по топким местам об одной стволине <...> А потому ея познать: дух от нея, яко от лимона или от соснового соку» (Травник. ОР РНБ. F.VI.19. Л. 293-293 об.); «Есть трава васильки, естеством горяча и благовонна»; «Трава именуется мариина <...>, дух благовонен, что черемховой цвет» (Травник. ИРЛИ. Оп. 23. № 121. Л. 63); «Трава илец растет по niskим местам и по боеракам <...>. А потому ея познати, что от неи дух, как от смародиннаго листу, а корень тверд, яко жимолость древо» (Травник. БАН. 45. 8. 175. Л. 1 об.).

географических открытий³⁷¹. Первые систематики пытались для выделения видов принимать в расчет все возможные признаки, включая запах растения³⁷². К. Линней также первоначально включал в систематическое описание такой признак, как запах, выделив следующие типы: *ambrosiacus* (амброзический), *aromaticus* (ароматический), *fragrans* (благовонный, душистый), *spirans* (благоуханный), *orgasticus* (возбуждающий)³⁷³, *hircosus* (козлиный, воняющий козлом), *nauseosus* (нретьельный, тошнотворный), *nidorosus* (пригарный, издающий запах жареного мяса, чадящий), *virosus* (оглушающий, ядовитый), *teter* (отвратительный)³⁷⁴. Они использовались и для номинации (входя в ботаническое название растения), и для словарного описания (тот или иной запах с достаточной регулярностью упоминается в глоссах словарей по ботанике и натуральной истории). Тем не менее, Линней отмечал неустойчивость такого признака, как запах, высказывал сомнение в том, что на нем можно основывать различение видов³⁷⁵ и в дальнейшем отказался от него³⁷⁶. К концу XVIII века систематическая ботаника вышла из сферы так называемых камеральных наук, одновременно освободившись и от органолептических описаний: для нужд систематики наблюдаемое («объективное») оказывалось методически востребовано, а воспринимаемое («субъективное») — нет. Анализируя открытие нового «поля внимательности», которое происходило в европейской естественной истории в XVII-XVIII веках, М. Фуко отмечал модификацию чувственного познания, внесение в него негативных

³⁷¹ За столетие, прошедшее со времени публикации трактата Диоскорида, количество описанных видов выросло на порядок: от 600 у Диоскорида (что примерно соответствует числу видов, распознаваемых в бесписьменных культурах) до 6000 (Куприянов А. В. Развитие принципов систематики в XVII-XVIII веках. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2005. С. 8).

³⁷² *Tournefort J. P. Institutiones rei herbariae. 2 T. T. 1. Parisiis: E Typographia Regia, 1700. P. 63.*

³⁷³ Наделение какого-либо запаха возбуждающим эффектом объяснимо и гуморальной, и миазматической теориями: болезни рассматриваются как расстройство баланса соков, вызванное в том числе вдыхаемым воздухом и качеством атмосферы. Термин *orgasmos*, от которого образовано прилагательное *orgasticus*, был заимствован из схолий к Гиппократу и первоначально обозначал любое, а не только сексуальное, возбуждение органов или тканей. Характер возбуждения мог определяться по-разному: теория гуморов считала возбуждение результатом переполненности «горячими» жизненными соками — кровью или желчью, виталисты приписывали его избытку жизненной силы, Ламарк считал причиной возбуждения теплоту и электрический ток (*Lamarck J.-B.-P.-A. Philosophia zoologiae. 2 T. T. 2. Paris: Dentu, 1809. P. 6, 37*).

³⁷⁴ *Linnaeus C. Systema naturae per regna tria naturae. T. 2. P. 20.* В скобках выделены курсивом русскоязычные термины, приведенные в издании: *Линней К. Философия ботаники. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1800. С. 147.*

³⁷⁵ *Линней К. Философия ботаники. С. 148.*

³⁷⁶ Этот подход приняли все последователи Линнея, отказавшись от ольфакторных признаков в научных, учебных и популярных изданиях по ботанике (см.: *Теряев А. М. Начальные основания ботанической философии. СПб.: Императорская академия наук, 1809. С. 64, 145; Петров Я. В. Начальные основания ботаники для преподаваний. СПб.: Императорская типография, 1815. С. 234; Вилльденов К.-Л. Ботаника. М.: Театральная типография, 1819. С. 283-284; Горянинов П. Начальные основания ботаники. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1827. С. 266).*

условий и ограничений: из наблюдения исключались неопределенные и переменчивые данные вкуса и запаха, не допускавшие «качественного анализа различных элементов, который был бы повсеместно приемлемым», данные осязания ограничивались «обозначением некоторых вполне очевидных противоположностей (как, например, гладкого и шершавого)». Основным, если не почти исключительным инструментом научного наблюдения становилось зрение, которое должно было выхватывать прежде всего объем и структуру³⁷⁷.

Однако подобная реконфигурация чувств с предпочтением зрения как основного источника информации была актуальна лишь для теоретического естествознания. В прикладных областях и прежде всего в медицине неустанно подчеркивалась важность чувственных данных, включая данные «низших чувств» — обоняния и осязания. Издания по *materia medica* сохраняли стандарт органолептического описания и распространяли его в смежные области³⁷⁸ — не в последнюю очередь благодаря миазматической теории патогенеза и отсутствию четких границ между пищей и лекарством, парфюмерией и средствами гигиены.

Профессионально-медицинский взгляд на флору подразумевал высокую степень ольфакторной сознательности и знание лекарственного эффекта различных запахов: «Запах благовонный растений означает силу крепительную, ободряющую, раздражающую; чесночный — мочегонительную и потовую; пронизательный и летучий — побудительную к похоти; неприятный — рвотную, слабительную или проносную; вонючий — усыпительную; отвратительный — ядовитую»³⁷⁹. Также русских студентов-медиков учили не только отличить одно растение от другого по вкусу и запаху (поскольку в виде сухого или влажного

³⁷⁷ Ср.: «Поле зрения, в котором наблюдение может проявить свои возможности, является лишь остатком этих исключений: это зрительное восприятие, освобожденное от всех иных привнесений органов чувств и, кроме того, выдержанное в серых тонах» (Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. С. 162).

³⁷⁸ В справочниках по парфюмерному делу приводились не только «ольфакторные профили» тех или иных ароматических веществ, но и способы распознавания подделок (см., например: *Gacon-Dufour M.-A.-J. Manuel du parfumeur*. Paris: Roret, 1825. P. 34-35, 56, 60).

³⁷⁹ *Максимович-Амбодик Н. М.* Первоначальные основания ботаники. В 2 Ч. СПб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1796. С. 220. Ср. также в переводном руководстве по садовому делу: «И так рассудить можно, что кои [растения — М.П.] не имеют никакого запаха, в тех господствует стужа и влажность, напротив того, кои чувствительные от себя испущают обоняние, те больше в себе огня и земли имеют, ибо в простых телах, не имеющих смешения, нет никакого запаха» (Городской и деревенский садовник. В 4 Ч. М.: Типография Московского университета, 1779. С. 227).

сырья другие признаки часто оказывались недоступны восприятию), но и артикулировать эти отличия³⁸⁰. Кроме того, поскольку запах составлял одно из главных лекарственных свойств сырья, по его характеру, наличию или отсутствию можно было судить о качестве препарата³⁸¹.

Теоретическое изучение «медицинской материи» обязательно сопровождалась практикой: учебная инструкция для русских госпитальных школ специально оговаривала преподавание ботаники в период с Пасхи до середины июля, когда растения можно было наблюдать в природе и в аптекарских огородах, а на занятия в аудитории предписывалось отпускать лекарственные вещества из госпитальной аптеки³⁸². Первоначально с языком органолептического описания студенты-медики знакомились по западноевропейским изданиям; к 1780-м годам появляются и переводные учебники. В иллюстрированном «Врачебном веществословии» Н. М. Максимовича-Амбодика перечень лекарственных растений взят из первого издания *Pharmacopoea Rossica* и дополнен подробными сведениями о видовых особенностях, габитусе, месте обитания, целительных свойствах и способах использования, цвете, вкусе и запахе³⁸³. Вся эта информация в фармакопее 1778 года отсутствовала и была, очевидно, заимствована из других специальных изданий и справочников, включая «Энциклопедию» Дидро-д'Аламбера. Постепенно число русскоязычных изданий по медицинской ботанике возрастало — как за счет переводов, так и за счет оригинальных изданий — они появились уже в XIX веке³⁸⁴. Кроме того, в

³⁸⁰ Как показывают современные исследования памяти, это способствовало лучшему запоминанию запахов (Eggen T. Odor, Sensation and Memory. P. 86). См. также: Craik F. I. M., Lockhart R. S. Levels of Processing: A Framework for Memory Research // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1972. Vol. 11. No. 6. P. 671-684.

³⁸¹ Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник. Т. 5. С. 18, 46.

³⁸² Инструкция, данная младшим докторам генеральных госпиталей, утвержденная правительствующим Сенатом 5 февраля 1754 года. Цит. по: Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. С. 278. Об ассортименте растений, выращиваемых в российских аптекарских огородах, и изготавливавшихся из них препаратах см.: Сокольский И. Н., Цицилин А. Н. Аптекарский огород госпиталя // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения отечеству. В 2 т. Т. 1. Кн. 1. М.: Эко-Пресс, 2010. С. 123-126.

³⁸³ Максимович-Амбодик Н. М. Врачебное веществословие. В 4 ч. СПб.: Типография Морского кадетского шляхетского корпуса, 1783-1789.

³⁸⁴ Двигубский И. Изображения растений, преимущественно российских, употребляемых в лекарства, и таких, которые наружным видом с ними сходны и часто за них принимаются, но лекарственных сил не имеют. В 4 ч. М.: Университетская типография, 1828-1834; Гринберг Л. Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон на лат., нем. и рус. яз. В 4 ч. Берлин: Г. Реймер, 1840-1841.

екатерининское время начали активно переводиться и издаваться медицинские справочники и брошюры по самолечению³⁸⁵.

Одновременно органолептическое описание нашло применение в такой области, как хозяйственная, или экономическая ботаника, которая входила в корпус камеральных наук и обслуживала нужды сельского хозяйства, парфюмерного и красильного дела, кулинарии и т. п. В России экономическая ботаника была важным направлением деятельности Вольного Экономического общества, учрежденного в 1765 году и нацеленного на собирание сведений о Российской империи³⁸⁶; кроме того, Общество переводило и печатало брошюры по различным узкоспециальным вопросам³⁸⁷. Во второй половине XVIII века самым существенным изданием Общества в этой области стало « Описание и изображение российских произрастений» П. С. Палласа, в 1786 году переведенное на русский язык. К нему же планировалось присовокупить « роспись целительным, в пищу употребляемым, кормовым, кожевенным и красильным растениям»³⁸⁸. Принцип описания у Палласа повторял, с одной стороны, стандарт руководств по врачебному веществословию, с другой — наследовал ботаническим путеводителям рубежа XVII и XVIII веков³⁸⁹: каждая статья содержит латинское, русское и локальные названия растения или вещества, место и время произрастания, структурные внешние признаки, вид и способ употребления с указанием на вид, вкус и запах производных³⁹⁰. Хозяйственная ботаника конвертировала лекарственное значение растительного сырья в экономическое; в ее рамках запах утрачивал непосредственную связь с медициной и становился дифференцирующим признаком. Как и

³⁸⁵ К 1800 году их было выпущено больше сотни (*Renner A. Progress through Power?* P. 50). С. М. Громбах приводит для екатерининского времени цифру в 203 книги (учитывались только первые издания строго медицинской тематики) (*Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века.* С. 26).

³⁸⁶ *Ходнев А. И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1865. С. 52-70. См., например: *Суков Г.-А.* Экономическая ботаника. СПб.: Императорская Академия наук, 1804; *Щеглов Н. П.* Хозяйственная ботаника. В 2 Ч. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1828. Из ранних примеров включения органолептических описаний в топографию см.: *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2 Т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1755.

³⁸⁷ Например: *Меер К.* Испытание свойств чая и кофе, также и тех прозябений, которые вместо чая и кофе можно с пользою употреблять. СПб.: Императорская типография, 1787.

³⁸⁸ *Паллас П. С.* Описание и изображение российских произрастений. С. VI.

³⁸⁹ В этом он близок другим имперским ботаническим проектам. Ср., например, труды французского врача и ботаника П. Бюйяра: *Bulliard J.-F.-P.* Flora Parisiensis. 6 Т. Paris: Didot le Jeune, 1776-1780; *idem.* Herbar de la France. 9 Т. Paris: Didot le Jeune, 1780-1793.

³⁹⁰ *Паллас П. С.* Описание и изображение российских произрастений. С. 176.

медико-ботанические издания, прикладные ботаники и специализированные словари с конца XVIII века стали выходить регулярно; количество разнообразных ольфакторных характеристик в них увеличивалось с каждым изданием (см. Табл. 7 в Приложении)³⁹¹.

Сходный процесс шел в области химии и минералогии, которые также унаследовали от античности принцип органолептического описания — в том числе потому, что химические вещества и минералы сами принадлежали сфере медицинского вещевословия³⁹². До конца XVII века химия и минералогия составляли часть общего естественнонаучного знания; затем благодаря миазматической теории патогенеза в середине XVIII века начала складываться пневматическая химия, а благодаря камеральным наукам — минералогия и геология, однако в России их границы оставались зыбкими вплоть до 1820-х годов³⁹³. В ломоносовскую эпоху стандарт описания химических веществ и минералов включал обязательные указания на запах: естествоиспытателю следовало учиться делать выводы «из употребления чувств» (*de usu sensuum*)³⁹⁴. Ломоносов включил в программу курса по физической химии 1752 года лекцию о качествах (*qualitates*) различных веществ, данных в непосредственном ощущении: сцеплении (*cohaesio*), упругости (*vis elastica*), цвете (*color*), вкусе (*sapor*), запахе (*odor*), притяжении (*attractiones*) и лечебной силе (*vires medicatae*)³⁹⁵.³⁹⁶ Как и в случае с ботаникой,

³⁹¹ Либошиц О. Я. Флора Санкт-Петербургская и Московская. В 4 ч. СПб.: Морская типография, 1818.

³⁹² Harris N. E. The Idea of Lapidary Medicine: Its Circulation and Practical Applications in Medieval and Early Modern England, 1000-1750. PhD dissertation, Rutgers University. New Brunswick, 2009.

³⁹³ Bensaude-Vincent B. A. Geographical History of the 18th century Chemistry // Lavoisier in European Context: Negotiating a New Language for Chemistry. Ed. by B. Bensaude-Vincent, F. Abbri. Canton, Mass.: Science History Publications, 1995. P. 7-9. Одной из причин тому могла быть поздняя русификация новой химической номенклатуры (Crosland M. P. Historical Studies in the Language of Chemistry. London: Heinemann, 1962. P. 169-178; Leicester H. M. The Spread of the Theory of Lavoisier in Russia // Chymia. 1959. Vol. 5. P. 138-144).

³⁹⁴ Ср. детальное описание доступных чувствам физических свойств у Тредиаковского: «Ее [физики — М. П.] качества естественные и поражающие око, как то свет, цвет, очертание, темное и прозрачное, слух, как-то голос и звон, вкушение, как-то сладость, горесть, сольность, пряность, кислоть, пресность и безвкусность, обоняние, как-то запах добровонный и зловонный, осязание, как-то знойное, хладное, теплое, простылое, тяжелое, легкое, жестокое, мягкое, текущее, мокрое, сухое, гибкое, кропкое, густое, жидкое, масляное, клейкое, плотное, редкое, дебелие, тонкое и упругое» (Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского. В 2 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1752. Т. 2. С. 265).

³⁹⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950-1983. Т. 2. М.-Л., 1951. С. 456-457, 462-463.

³⁹⁶ См. ольфакторные характеристики в курсах Ломоносова по горному делу и прикладной химии (там же. Т. 5. С. 378, 382, 387, 438, 458, 552, 553, 610).

извлечения из трактатов и учебников по химии и минералогии широко использовались в хозяйственных изданиях разного типа, топографиях и путевых заметках³⁹⁷.

В ботанической поэме, написанной в конце XVIII века, естествоиспытатель М. М. Тереховский отмечал пользу, которую разнообразие растений приносят «для разных наших нужд, для разных и хотений, / Для пищи, питания, одежды, теплоты, / Судов, домов, дворов, лекарства, красоты, / Для обоняния их благовоном духа, / Для поправления всеобщего воздуха»³⁹⁸. В данном случае «благовономный» и «полезный» выступают как синонимы: то, что хорошо пахнет, мыслится как приносящее пользу здоровью. Это аффективное измерение ольфакторный словарь получает во второй половине XVIII века, когда запахи начинают регулярно характеризоваться по шкале «приятный-неприятный» (от «весьма приятный» до «отвратительный», через «не неприятный» и т. п.). При этом аффективные характеристики запахов осмысляются в духе миазматической теории: «приятный», «хороший» по значению сближаются с «полезный», «неприятный», «дурной», «нехороший», «противный», «отвратительный» — с «вредный». Например, в ботаническом словаре Мейера указывалось: «запах сей травы такой же, как у дурмана, из чего заключать должно, что надлежит ее почитать вредною»³⁹⁹.

С середины XVIII века непосредственному чувственному впечатлению начинают придавать все большее значение. Требование принимать в расчет субъективные впечатления вкуса и запаха стало характерной особенностью пособий по фармацевтике. Например, учебник фармакологии И.-Ф.-Х. Пихлера предписывал врачам щадить чувства пациентов и «не пренебрегать запаха и вкуса; например, вместо отвара горьких растений можно давать горькие вытяжки в пилюлях, также и испускающие тяжелой запах, как-то бобровую струю, канфару, галбан [гальбанум, смола растения *Ferula gummosa* — М. П.], предписывать лучше

³⁹⁷ Ср. отсылку к публикации в «Трудах ВЭО» в радищевском «Описании моего владения» (*Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 189).

³⁹⁸ *Тереховский М. М.* Польза, которую растения смертным приносят. СПб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1796. [Б. п.].

³⁹⁹ *Мейер А. К.* Ботанический подробный словарь. М.: Типография Н. Новикова, 1781-1783. Т.1. М., 1781. С. 345. Ср. также: «Неприятные видом и противный нашему обонянию запах испускающие [растения — М. П.] подозрительны, да и о прочих полезных нам или вредных много из сего вообще заключается» (*Вениаминов П. Д.* Слово о свойствах и пользе растений. М.: Типография Московского университета, 1767. С. 11).

в пилюлях»⁴⁰⁰. Отвары, которые принимались вместо питья или в больших количествах, теперь следовало готовить так, чтобы они были «не очень неприятного вкуса»; сильнодействующие лекарства и «вещи, имеющие запах или вкус противной», давать в виде пилюль в сладковатой или безвкусной оболочке⁴⁰¹. И если прежде острый и сильный запах сигнализировал о лекарственной ценности вещества, а с неприятным запахом мирились, а то и вовсе не замечали, ныне они стали вызывать беспокойство, как способные слишком сильным ароматом расстраивать внутреннее равновесие. Представление о миазмах, создающих угрозу здоровью, транслируется научными и популярными изданиями и, в конечном счете, сказывается на изменении отношения к запахам, степени их отрефлексированности и, таким образом, становится первым шагом к изменению терпимости.

Из всего вышесказанного может создаться впечатление, что становление ольфакторного словаря шло по одному пути, посредством специализированной научной и медицинской литературы, а ольфакторная лексика принадлежала исключительно к сфере медицины. Это не так: в России XVIII век — эпоха переводческого бума, когда на русский язык переводятся западноевропейские издания самых разных жанров, принадлежащие к разным сферам⁴⁰². Последняя треть XVIII века — это еще и расцвет книгоиздания, когда к продукции государственных типографий добавляется вклад вольных (с 1783 года); всего с 1770 по 1800 год книг выходит в четыре раза больше (около 7600 наименований), чем за предыдущие тридцать лет⁴⁰³. Основными потребителями изданий гражданской печати (книг и журналов)

⁴⁰⁰ Пихлер И.-Ф.-Х. Наставление сочинять рецепты. М.: Типография Пономарева, 1796. С. 24.

⁴⁰¹ Там же. С. 143, 49-50. Фразеологизмы «подсластить пилюлю» и «позолотить пилюлю» впервые появились во французском языке на основании реальных врачебных практик — обсыпания лекарственных «катышков» порошком солодкового корня, сахаром или сусальным золотом. В русский язык кальки с французского в прямом значении проникают во второй половине XVIII века, ср.: «Врачи всегда горькие пилюли или покрывают сладким соком, или обводят их золотою шелухою, чтоб неприметно было их противное взору и вкусу составление...» (Парнасский щепетильник. СПб: Типография Морского кадетского корпуса, 1770. С. 55). На рубеже веков зафиксированы первые переносные употребления (Письмо Г. Р. Державина И. И. Дмитриеву, 21 ноября 1805 года // *Державин Г. Р. Сочинения*. В 7 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868-1878. Т. VI. С. 187). Приятный вкус и аромат пилюль специально оговаривается в рецептурных книжках и фармацевтических руководствах вплоть до 1870-х годов, ср.: *Ковен*. Пилюли из растительных веществ приятного вкуса слабительные и очистительные. Paris: V. Couru, 1873.

⁴⁰² *Баренбаум И. Е.* Французская переводная книга в России в XVIII веке. М.: Наука, 2006. С. 8-9. К 1770-м годам доля переводов с французского составляла 55, 1%.

⁴⁰³ *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 56.

были дворяне — наиболее образованная и состоятельная часть общества; за ними шли купцы, разночинная интеллигенция и духовенство⁴⁰⁴.

Во второй половине XVIII века естественные науки переживали терминологическую мультипликацию: необходимость создания с нуля новых терминологических систем и переводческий бум (переводами занимались университеты, Академия наук и госпитальные школы) приводили к возникновению синонимических рядов, включавших и старые слова, и новообразования различного типа⁴⁰⁵. Сходной была ситуация и с ольфакторными характеристиками: лексика, использовавшаяся для описания запахов в XVI-XVII веках (*благонный, благоуханный, тяжелый, сладкий, горький* и т.п.), соседствовала с новообразованиями (*запахистый, пахучий*), морфологическими и семантическими кальками (*épiscé – пряный, пряноватый; odorant, odoratus – душистый; pénétrant – пронзительный, пронизательный; aigre – острый, резкий, едкий; narcotique – дурмящий, одуряющий*), прямыми заимствованиями (*ambré — амб/бровый; ambrosiaque, ambrosiacus – амб/вроз/сический; aromatique — ароматический, ароматный; balsamique — бал(ь)з/самический, бал(ь)з/самный; narcotisch, narcotique — наркотический*)⁴⁰⁶. К рядам дублетов стоит прибавить описательные характеристики, как правило, калькированные с французского (*l'odeur approche de celle de la violette → похожий на запах фиалки → фиалковый*).

Все это разнообразие доходило до читателей как через специализированную литературу, так и через популярные источники. Описания запахов обнаруживаются в хозяйственных изданиях разного типа — сборники общих рекомендаций, «ручные книжки» по различным областям домоводства и сельского хозяйства и поваренные книги XVIII-первой половины

⁴⁰⁴ Самарин А. Ю. Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). Дис. ... д. филол. наук. М., 2002. С. 416-418.

⁴⁰⁵ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 308-309; Хомякова Е. Ю. Русская химическая терминология XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 11-15; Итунина А. Л. Формирование ботанической терминологии в языке русской науки XVIII-первой четверти XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1999; Сикорская Л. Н. Синонимические средства выражения в сфере русской ботанической терминологии конца XVIII-первой половины XIX века // Лексическая и синтаксическая синонимия. Смоленск: СГПИ, 1989. С. 33-43; Сорокин Ю. С. Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения (Термин *растение* и его синонимы) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 3. С. 218-225; Романов Н. А. Русская анатомическая терминология XVIII века. Смоленск: САУ, 1997.

⁴⁰⁶ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 340-381. Также см. материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII века, хранящиеся в Словарном отделе ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге.

XIX веков – постольку, поскольку все они в той или иной степени обращались к медицинским трактатам и лексиконам в поисках информации о сохранении здоровья. Внимание к качеству атмосферы и разнообразным запахам окружающей среды, обусловленное миазматической теорией⁴⁰⁷, создавало предпосылки для новых номинаций и новых запретов, а органолептические описания становились все более разработанными и выходили за пределы собственно *materia medica*.

В эту эпоху органолептические описания встречаются в источниках различных типов. В-первых, это собственно научные сочинения по медицине, ботанике, диететике, предназначенные как специалистам, так и интересующимся. Вторую группу составляют издания научно-популярные и общеобразовательные, к которым можно отнести переводы отдельных статей из «Энциклопедии», словари и справочники по камеральным наукам, различные компендиумы, «ручные книжки» и т. п., рассчитанные на любого образованного читателя⁴⁰⁸. Один из самых ранних источников в этой группе — «Примечания к «Санкт-Петербургским Ведомостям»» (1728-1742), первый русский журнал, где печатались статьи по естественной истории и точным наукам⁴⁰⁹. Кроме того, множество статей о растениях, лекарственных веществах и парфюмерном сырье, содержащих развернутые органолептические описания, содержится в шеститомном «Словаре Академии российской»⁴¹⁰. Специализация медицинской и ботанической лексики размывалась благодаря

⁴⁰⁷ Комов И. М. О земледелии. М.: Типография Пономарева, 1788. С.125.

⁴⁰⁸ Большинство из них представляло собой переводы с французского. Например, в основу семитомного «Словаря коммерческого» В. А. Левшина (1787-1792) легли статьи из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера и «Всеобщий словарь торговли» Ж. Савари де Брюлона (1723), впервые переведенный еще С. Волчковым и изданный в сокращенном виде в 1747 году (Экстракт Савариева лексикона о коммерции. СПб.: Типография Академии наук, 1747). «Словарь ручной натуральной истории» Левшина (1788) — это перевод энциклопедии Ш.-А.-Ж. Леклерка де Монлино (1762); левшинское «Всеобщее и полное домоводство» (1795) представляет собой сокращенный и перекомпонованный перевод книги по сельскому хозяйству Л. Лиже и П.-Ш.-Л. Бенье; новиковский «Магазин натуральной истории, физики и химии» (1788-1790) состоял из переводов сразу трех французских словарей.

⁴⁰⁹ Ср.: «Вкус [ванили — М. П.] есть ароматичный, а запах так сильный, как у Мосхуса» (Примечания к «Ведомостям». СПб.: Типография Академии наук, 1733. С. 5); «Сие масло [нефть — М. П.] имеет сильной и такой пронизательной запах, что за полмили ево обонять можно» (там же. СПб.: Типография Академии наук, 1739. С. 216).

⁴¹⁰ Словарь Академии Российской. В 6 Ч. СПб.: Императорская Академия наук, 1789-1794. Ср., например: «Алой <...> употребляемый же оных сок, полупрозрачный, лоснящийся, с пятнышками и прожилками золотоцветными, тяжелого запаха и весьма горького вкуса, называется у нас турецким словом Сабур» (Т. 1. Стб. 23); «Иссоп <...> запах имеет пахучий, не неприятный, на вкус горячит, отзывается аромом несколько на канфору сдающуюся, употребляется как укрепляющее внутренности и мокроты разделяющее средство» (Т. 3. Стб. 316-317); «Можжевельник <...> молодые побежки имеют запах приятный, бальзамический; вкус также бальзамический, слегка горьковатый, ягодной мякоти запах ароматический, довольно приятный; вкус сладкий и сходный с запахом» (Т. 4. Стб. 216-217).

взаимной диффузии естественных и камеральных дисциплин и взаимодействию различных научных и литературных жанров. Слова постепенно утрачивали свой терминологический статус и осваивались неспециалистами.

Отдельную группу составляли поэтические и прозаические тексты, переводные и оригинальные, которые способствовали усвоению широкой публикой языка научного описания, новых научных концепций и новых поведенческих кодов. Включение научного описания в художественный текст могло ограничиваться одним-двумя эпитетами или быть более развернутым — как, например, в руссоистских текстах Карамзина. Трансплантацию специфической ольфакторной лексики на литературную почву поддерживала мода на европейское поведение и европейские формы взаимодействия⁴¹¹. Следующий шаг был сделан под влиянием просветительского воспитания, которое вместе с чувствительностью открывало российскому дворянству любованию пейзажем, природу и тонкие запахи⁴¹². С помощью сентиментальной литературы и сентиментальных кодов поведения диапазон ольфакторных нюансов, накопленный естественными и камеральными науками к последней трети XVIII века, становится доступен читающей публике. Приведу отрывок из карамзинской «Деревни», где используются элементы ботанического дискурса: «...Срываю — и каждую травку, каждой цветочек бережно завертываю в особливую бумажку. Возвратясь в свою комнату, разбираю, кладу их на солнце, и не будучи многоученым ботаником, на каждое растение пишу краткие примечания... Например: «Сии белые цветочки с желтою оттенкою, на гладком, темнозеленом, сочном стебле, приятны для глаз, но еще приятнее для обоняния. Когда сокроется дневное светило и вечерний мрак сгустится в пространстве воздуха, поди в темную рощу: там нервы твои затрепещут от небесного благоухания, и ты в сладостном упоении чувств воскликнешь: Ангел на крылах ночи спустился в рощу! Нет! Сие благоухание изливается из колокольчиков, которые белеются в густой траве, и по стыдливости называются красотою ночи»⁴¹³.

⁴¹¹ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 297-298.

⁴¹² Белова А. В. «Четыре возраста женщины». С. 420-421.

⁴¹³ Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. М.: Типография С. Селивановского, 1803. В 7 т. Т. 7. С. 176-177.

Популяризации органолептического описания — и различению ольфакторных оттенков, которые сентиментальная эстетика требовала уметь называть, также способствовала практика ботанических прогулок («гербаризирования»), ставших под руссоистским влиянием видом модного досуга⁴¹⁴. В «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня» поэт, переводчик, архитектор и знаток изящного Н. А. Львов описывает светско-ботаническую прогулку в компании графа А. А. Мусина-Пушкина и И. В. Бебера: «Граф, лежа почти, нашел тут свой любимый *цедум* [Sedum, т. е. очиток — М. П.] и, несмотря на усталость, чуть было не вскочил с радости. Знаете ли, сударыня! вы этот *цедум*? Маленькое, тучное и пресмыкающееся творение без виду, без духу и без цвету почти, травка каракалястая»⁴¹⁵. В последние десятилетия XVIII века в обычай вошли короткие прогулки по саду перед утренним кофе, а одной из садоводческих практик стало создание дорожек с душистыми травами — бедренцем, водяной мятой и тимьяном, которые испускали аромат под ногами гуляющих⁴¹⁶. Лужок с пахучими травами становится непременным элементом модного «натурального» сада — т. е. пейзажного. Проект такого сада, с «ковром из душистого дерну» тот же Львов разработал для графа А. А. Безбородко в 1797-1799 годах⁴¹⁷.

Исследователи русской усадебной литературы отмечают, что в эту эпоху, на рубеже XVIII и XIX веков, начинается конкретизация садовых растений и их запахов⁴¹⁸. То, что прежде называлось обобщенным словом «ароматы», «дух», «благовония», под влиянием рокайльной и сентименталистской эстетики получает имена (роза, жасмин, ландыш, тюльпан, резеда,

⁴¹⁴ Во Франции публикация в 1782 году «Писем о ботанике» произвела моду на ботанику и садовое дело в высшем обществе: парижане посещали лекции о ботанике в Королевском саду, придворные ездили в Тюильри и на Елисейские поля собирать гербарий, «ни одна элегантная дама не показывалась без лупы, пинцета и ножа» (*Шарафадина К. И.* Игра «во вкусе грососо» в мадригале Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814) // *Русская литература.* 2001. №4. С. 128). В популярнейшем романе «Поль и Виржини» ученика и последователя Руссо Б. де Сен-Пьера, первый перевод которого на русский язык вышел в 1793 году, героиня соединяет язык ботанического описания с галантным языком цветов (там же. С. 128-129).

⁴¹⁵ *Львов Н. А.* Избр. соч. СПб.: Пушкинский дом, РХГИ, Акрополь, 1994. С. 185.

⁴¹⁶ *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982. С. 20, 285; также: *Corbin A.* The Foul and the Fragrant. P. 79-81.

⁴¹⁷ *Львов Н. А.* Избр. соч. С. 319.

⁴¹⁸ *Дмитриева Е. Е., Кушцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа. С. 358; *Шарафадина К. И.* Игра «во вкусе грососо». С. 137.

сирень, фиалка, лилия, василек, анемон) и описывается⁴¹⁹. Вероятно, светское увлечение ботаникой оказывало влияние и на детализацию галантного языка цветов, в котором цвет, форма и запах растения образовывали своеобразные синтаксические единицы. Русская культура изучала этот язык при посредстве французского любовного романа и легкой поэзии⁴²⁰, благодаря которым новая эстетика входила в быт русского образованного общества.

Тем не менее, в эту эпоху художественная литература усваивает еще незначительную часть ольфакторного словаря: для более детального и пристального описания запахов потребуется глубинная медиализация и, в частности, опыт физиологических очерков с их интересом к быту и опытом анатомирования повседневности. «Медицински детализованные картины болезни, смерти и посмертного разложения», характерные для антисентименталистской «неистойовой словесности» первой трети XIX века, будут усвоены в 1840—1850-е годы писателями русской натуральной школы⁴²¹. Литературное внимание к запахам, их символическая нагрузка, соединяющая патологоанатомию и «негативную» эстетику реализма, использующего медицинский дискурс для конструирования «правды жизни», подробно разобраны в работах Х. Риндисбахера, О. Матич и К. А. Богданова⁴²². Без внимания исследователей, однако, осталась сфера бытовая и повседневная, которая, тем не менее, также апеллировала к научному знанию о запахах и каждодневно примеряла миазматическую теорию к человеческому опыту.

2. 2. Медиализация быта: повседневные запахи как миазмы, симптомы и улики

Во второй половине XIX века все более существенную роль в формировании и внедрении представлений о норме, о здоровье и гигиене стало играть научное сообщество — врачи,

⁴¹⁹ Ср.: «В окно твое влетает/ Цветов приятный дух;/ Террас пред ним дерновый/ Узорный полукруг;/ Там ландыши перловы,/ Там розовы кусты,/ Тюльпан, нарцисс душистый/ И тубероза — чистой/ Эмблема красоты/ С роскошным анемоном» (Жуковский В. А. Собр. соч. В 4 т. М.- Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959-1960. Т. 1. 1959. С. 121).

⁴²⁰ Шарафадина К. И. Игра «во вкусе гососо». С. 133-138.

⁴²¹ Богданов К. А. «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века. С. 101-108. Близкие приемы можно обнаружить, например, в очерках Ф. В. Булгарина (*Булгарин Ф. В. Очерки русских нравов*. СПб.: Типография Э. Праца, 1843. С. 31-46).

⁴²² Матич О. Б. «Рассечение трупов» и «срывание покровов» как культурные метафоры; Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели; Rindisbacher H. J. The Smell of Books.

химики, биологи, которые начали активно претендовать на роль экспертов во всех сферах частной и общественной жизни. По сравнению с концом XVIII-первой половиной XIX века общий социальный контекст ольфакторного беспокойства изменился. Во-первых, оно оказалось вписано в мощную тенденцию конструирования санитарно-гигиенической утопии и, в ее рамках, нового *homo hygienicus*, которая выражалась в том числе медикализации повседневности. Во-вторых, в эту эпоху начала изменяться структура российского общества: из прежних сословий постепенно возникала «общественность», объединяемая прежде всего с помощью печатных средств информации⁴²³. Медицинская литература и беллетристика вырабатывали новый специфический словарь и новую грамматику ольфакторного беспокойства и отвращения, которые конституировали публичный санитарно-гигиенический дискурс и артикулировали требования к общественному пространству и человеческому телу⁴²⁴. В этот словарь входили топоры «очищения», «человечности», «цивилизованности», «умеренности», «нейтральности», «самоконтроля» — и «миазмов», «зловония», «духоты», «неряшества», «нечистот», «дикости» и т. д.

Под давлением медиков, ученых-гигиенистов и публицистов и со стороны государства, и со стороны частных лиц предпринимались все новые и новые попытки контролировать запахи внешней, публичной среды. Далеко не все они увенчались успехом, однако был важен сам факт постоянного привлечения внимания к проблемам санитарии и гигиены и постоянного давления на общество — риторическими и законодательными средствами. На этом пропагандисты гигиенического образа жизни не останавливались. Реформированию и медицинскому контролю ныне подлежала и частная жизнь; ее ольфакторные характеристики — запахи еды и напитков, одежды, утвари, различных хозяйственных предметов и товаров, жилища, человеческого тела также оказались предметом общественной и научной рефлексии. Из среды обитания следовало удалить все то, что могло оказать вредное влияние на здоровье; поскольку господствующей теорией патогенеза была теория миазмов, все дурные запахи вызывали беспокойство и трактовались как непосредственное руководство к действию⁴²⁵.

⁴²³ Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 92-95.

⁴²⁴ Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth century Struggle against Filth and Germs. P. 92-93.

⁴²⁵ Hannaway C. Environment and Miasmata // Companion Encyclopedia of the History of Medicine. Ed. by W. F. Bynum, R. Porter. London: Routledge, 1993. P. 292-308.

Поскольку страх перед «повальными и заразительными болезнями» был велик и опасность виделась всюду, предпринимались попытки упорядочить ольфакторный материал и формализовать критерии оценки. Для описания качества «жилого воздуха» такой критерий уже существовал: процент содержания углекислоты в воздухе на кубометр или кубическую сажень пространства. Впервые кубическую норму предложил А.-Л. Лавуазье еще в 1786 году; к середине XIX века, после открытий А. фон Гумбольдта и Ж.-Л. Гей-Люссака (1810-е годы — подсчет содержания кислорода в воздухе) и опытов Ж.-Б. Дюма и Ж.-Б. Буссенго (1840-е — подсчет количества углекислоты) его расчеты были уточнены в работах французских гигиенистов Ф. Леблана, Э. Пекле и Ж.-Б. Монфалькона. Они установили, что для нормального функционирования человеческий организм должен располагать 6-10 кубометрами воздуха в час⁴²⁶.

Отступления от нормы и, соответственно, порча воздуха переводились на повседневный язык понятием «скученность», которое имело выраженную социальную окраску⁴²⁷. С низшими классами ассоциировались телесные испарения, спертый, надышанный воздух (углекислый газ), запахи сырости, плесени и дешевого серого мыла⁴²⁸. Впрочем, состоятельные люди также не были защищены от испорченного воздуха: они жили в непроветривавшихся домах и квартирах, посещали театры, церкви и балы⁴²⁹. Российская переводная брошюра того периода советовала «во время езды в закрытых экипажах предупредить вредоносное на здоровье и красоту тела влияние, которое оказывают собственные испарения или испарина и дыхание сопутствующих»⁴³⁰. Не обошли вниманием и животных: с опорой на данные Монфалькона и О. Полиньера определялись кубические нормы для содержания конюшен и коровников.

⁴²⁶ *Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 171.*

⁴²⁷ *Антонов А. А. Общедоступная гигиена. С. 97.*

⁴²⁸ «В тех жилых покоях, в которых тесно помещаются люди, как, например: в квартирах бедных людей, с так называемыми углами, в казармах каких-нибудь женатых сторожей, в ремесленных заведениях, в арестантских и тому подобных помещениях, воздух в осеннее и зимнее время, когда нельзя отворять более окна, скоро портится и неблагоприятно действует на здоровье и силы этого бедного класса людей. <...> [Гнилость воздуха] сопровождается почти всегда отделением так называемого болотного газа (*carbure tetrahydrique*), имеющего хоя и слабый, но весьма неприятный запах, ощутительный в таких покоях, когда придешь с чистого воздуха» (Домашнее сокровище. СПб.: Типография Главного штаба по военно-учебным заведениям, 1857. С. 79-80, 85).

⁴²⁹ О преждевременном увядании женской красоты. М.: Типография Б. Бахметева, 1859. С. 32-33.

⁴³⁰ *Дрейер А. Космосоматика. С. 80.*

К 1870-м годам, из-за общей обеспокоенности проблемами порчи воздуха, анализ «атмосферы» общественных и частных зданий быстро сделался нормой как при санитарных проверках, так и при проектировании. Адепты гигиенической модели писали в газеты о случаях порчи воздуха в публичных учреждениях⁴³¹. Земские и военные врачи вычисляли «воздушные» нормы для больниц и лазаретов, заводов и мастерских, гимназий, школ и военных училищ⁴³², проводили измерения в гимназиях и театрах⁴³³. Уловить неуловимое — качество воздуха — становилось возможным с помощью научного анализа: тем самым расплывчатые субъективные ощущения переводились в объективные данные. Так, в диссертации, посвященной санитарной обстановке Полоцкой военной гимназии, врач И. П. Зубковский приводил таблицы проб воздуха в различных гимназических помещениях, где наряду с объективными характеристиками (содержание углекислоты, атмосферные условия, наличие источников тепла и света) наличествовала графа с субъективными данными — описаниями запахов. Однако автор тут же отмечал: «Субъективное чувство — обоняние, говорят, есть первый руководитель при обсуждении качеств воздуха и несоразмерности проветривания какого-либо помещения относительно числа живущих в нем. Доктор Шауман еще в 1867 году обратил внимание на то, что для определения количеств воздуха и степени его порчи можно пользоваться нашими чувствами. <...> Полагаться на субъективное чувство — обоняние — вовсе не следует, потому что воздух, не имеющий никакого запаха и по обонянию кажущийся почти совершенно хорошим, отнюдь не несомненно хорош и действительно вполне соответствует требованиям гигиены. Опыты показали, что и такой воздух может быть вреден. Кроме того, субъективное чувство не у всех развито одинаково. Человек настолько сживается с дурным воздухом, что не чувствует большей степени его

⁴³¹ *Вербицкий В.* О проветривании зданий // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №40. С. 241-242.

⁴³² Например, врачи подсчитывали, сколько угольной кислоты содержится в воздухе после четырехчасовой защиты диссертации в зале университета, где сидит 300 человек (*Радаков А. Н.* Влияние на здоровье нечистого воздуха. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1876). См. также: *Зубковский И. П.* Опыт исследований по вопросам санитарного состояния и гигиенической обстановки военно-учебных заведений. Санитарное состояние Полоцкой военной гимназии и гигиеническая ее обстановка. Дис. д. мед. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1879; *Смоленский П. О.* Об угольной кислоте почвенного воздуха. Материалы для гигиены Красносельского лагеря. Дис. д. мед. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880; *Смоленский П. О.* Исследования воздуха одного караульного домика близ Санкт-Петербурга / Сообщено в Русском Обществе охранения народного здравия. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1882.

⁴³³ *Гюбнер Ю. Ю.* Воздух в Мариинском театре во время спектакля // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №5. С. 97-98; *Медицинский отчет Санкт-Петербургской городской временной больницы 1880 года для горячечных*. С. 20-26; *Верекундов С. П.* Санитарное состояние Киева в 1887-1889 гг. по отчетам Киевской городской санитарной комиссии. СПб.: Типография Э. Арнольда, 1890. С. 1-2.

порчи, так что даже переходя в несколько лучшую, но само по себе едва сносную атмосферу, он признает ее за гораздо более доброкачественную, нежели она есть на самом деле»⁴³⁴.

Обоняние было жизненно важно для оценки качества воздуха, но оно же превращалось в ненадежный и даже опасный инструмент, если было скомпрометировано силой привычки.

Тем самым обитатели трущоб и подвалов, фабричные рабочие и прочие представители социальных низов объявлялись некомпетентными в вопросе оценки запахов: обоняние оказывалось не только субъективным, но и социально маркированным чувством⁴³⁵.

Предполагая, что «сживаться с дурным воздухом» свойственно скорее представителям социальных низов, гигиенисты были склонны доверять образованному человеку, выросшему и воспитанному в сносных гигиенических условиях. Но это отнюдь не означало, что «чистая публика» могла перестать беспокоиться — напротив, именно ей предстояло использовать субъективное чувство обоняния, по умолчанию настроенное на некую европеизированную норму, для общественного блага⁴³⁶.

С прочими бытовыми запахами дело обстояло намного сложнее: для того, чтобы установить, вредны они или нет, никакого внятного критерия не существовало. Еще начиная с 1750-х годов в западноевропейской натурфилософии (медицине, физиологии, химии) предпринималось множество попыток классифицировать запахи — в первую очередь те, которые считались болезнетворными, измерить их силу и установить причинно-следственные связи между теми или иными запахами и различными болезнями. Однако само разнообразие наблюдаемых феноменов затрудняло выработку хоть сколько-нибудь надежных классификационных критериев. С уверенностью отнести запах к вредным (неприятным) или полезным (приятным) можно было далеко не всегда, а необходимость в описании оставалась. Более удобным и понятным способом описания оказывалась квалификация (через подобие

⁴³⁴ *Зубковский И. П.* Опыт исследований по вопросам санитарного состояния. С. 334-335, 350-354.

⁴³⁵ В конце века в качестве аргумента приводилась медико-полицейская статистика, согласно которой во многих квартирах рабочих приходилось по 1/4 кубической сажени воздуха на человека — опасный минимум, после которого шло удушье (*Юхнева Е. Д.* Петербургские доходные дома. С. 123).

⁴³⁶ В начале 1900-х годов это знание становится более или менее всеобщим для образованного человека — благодаря прессе, популярным брошюрам и гимназическому образованию. В дневниковой прозе М. И. Цветаевой, посвященной ее европейскому детству, есть фрагмент об умирающем немце в туберкулезном санатории в Нерви, которого они с сестрой регулярно навещали: «Подошли, положили цветы, поцеловали («Только не целуйте! На каждый кубический миллиметр воздуха — миллиарды миазмов», — так нас учили все, не считаясь с тем, что в восемь лет еще не знают ни кубов, ни миллиметров, ни миллиардов, ни миазмов — ничего, кроме поцелуя и воздуха!)» (*Цветаева М. И.* Собр. соч. в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 544).

или смежность), восходящая к ботаническим и фармакологическим описаниям.

Популярным источником, в которых содержались подобные указания на характер запахов, были хозяйственные издания и поваренные книги конца XVIII-первой трети XIX века⁴³⁷.

Заключенные в них практические рекомендации, разумеется, касались не только запахов, но все они опирались на определенные представления о здоровом и нездоровом, опасном и безопасном и были мотивированы миазматической теорией. Примечательно, что указания на запахи в рекомендательной литературе встречались прежде всего в советах по исправлению тех или иных недостатков хозяйственных припасов, в том числе — ольфакторных.

Примечательный запах служил предупреждением о порче продукта. Однако, приняв такой сигнал, продукт следовало не выбросить, а исправить. Чтобы сделать испорченную пищу вновь пригодной для употребления, следовало удалить неприятный запах или замаскировать его с помощью других, ассоциирующихся с безопасностью и здоровьем. Для этих целей применялся целый арсенал средств: старинные средства вроде пряностей и курений соседствовали с очисткой древесным углем и парами различных кислот; в 1820-х годах к ним добавились хлорная известь и самородная щелочь, в 1850-х в широкое употребление вошла салициловая кислота⁴³⁸.

Порча не просто давала о себе знать посредством запаха, она заключалась в самом запахе, поскольку изначально содержалась в «атмосфере» — спертom воздухе и зловредных

⁴³⁷ Одним из источников, откуда составители хозяйственных книг черпали информацию, были научные трактаты и словари. Например, параграф, посвященный шоколаду, в поваренной книге Навроцкого был целиком заимствован из «Натурального и экономического словаря»: «...Шоколад весьма приятного вкуса, греет и крепит желудок, возбуждает на похоть, чахоточным людям он не бесполезен, кои многожелчны, пить его не советуется. За лучший шоколад обыкновенно почитается который не очень сладок, и не горек, не очень же много пряных зелий в себе имеет, хорошо, а не гнило пахнет, тверд и сух» (*Навроцкий И. А.* Новая полная поваренная книга, состоящая из 710 правил. М.: Типография Академии наук, 1786. С. 30).

⁴³⁸ Средства, убивающие запах и консервирующие органические вещества, в XIX веке использовались повсеместно. Хлорную известь использовали для «поправления» испортившихся яств и напитков, а также для реставрации «естественного вкуса и запаха» консервов, приготовленных по методу Аппера (*Щеглов Н. П.* Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. С. 25-27). Также противогнилые вещества использовались для бальзамирования трупов и ликвидации трупного запаха. Изобретатель хлорной извести, французский химик А. Лабаррак дезодорировал тело Людовика XVIII; во время июльской революции 1830 года раствором хлорной извести опрыскивали трупы погибших парижан (*Corbin A.* The Foul and the Fragrant. P. 120-121). С помощью салициловой кислоты не только сберегали рябчиков от порчи, но и бальзамировали трупы, чтобы избежать тлетворного духа. В 1870 году была опубликована работа профессора Петербургской медико-хирургической академии Д. И. Выводцева «О бальзамировании вообще и о новейшем способе бальзамирования трупов без вскрытия полостей, посредством салициловой кислоты и тимола»; в 1881 году тот же Выводцев бальзамировал тело Н. И. Пирогова для последующей демонстрации публике (*Богданов К. А.* Преждевременные похороны: филантропы, беллетристы, визионеры // Русская литература и медицина. С. 73-74).

испарениях, природных и человеческих. Борьба с миазматическими началами, заключенными в атмосфере, следовало, препятствуя соседству ценных продуктов с опасными запахами и эманациями. Например, считалось, что вина и соленья портятся от соседства с сильнопахнущими продуктами и веществами и их следует держать отдельно, очистив помещение для них курениями «розмарином и можжевельником, также благовонными травами или какими-нибудь другими куревами»⁴³⁹. Рецепты курений также помещались в поваренных и хозяйственных книгах⁴⁴⁰.

Чтобы продукты хранились долго, следовало перекрыть к ним доступ воздуха. Для этого рекомендовалось покрыть их воздухо непроницаемой пленкой — медовым или сахарным сиропом, пчелиным воском, яичным белком, рыбным клеем, гуммиарабиком, жиром и даже цементом — или зарыть в песок, золу, зерно, молотый кофе и т.д.⁴⁴¹. «Поваренный календарь» 1808 года советовал натирать мясо сахаром: «От сего получает оное приятный вкус и отнюдь не подвергается тому, что происходит с ним от соли; поелику в сахаре нет той едкой остроты, какова в соли; также содержит он в себе маслянистую тучность, которая мясо покрывает как бы бальсамом и затыкает поры, чрез что воздух не допускается в мясо входить и соли в нем приводить в брожение... В числе новых открытий способствует к сему намерению дефлогистизированная соляная кислота [хлор, открытый в 1774 году, — *М. П.*]; ежели оной напитать воздух в бочке, то мясо в оной пролежит очень долго без повреждения...»⁴⁴². Тот же совет повторялся в руководстве 1837 года⁴⁴³.

Если, несмотря на все предосторожности, припасы все-таки портились, вполне достаточной мерой почиталось проветривание — т. е. опять-таки удаление дурного запаха с помощью потока свежего воздуха: «Мясо с дурным запахом и вкусом поправлять. Когда оно наполовину сварится, тогда надобно вынуть из котла вон, и дать лежать на воздухе целый

⁴³⁹ *Осипов Н. П.* Новый и полный российский хозяйственный винокур, пивовар, медовар, водочный мастер, квасник, уксусник и погребщик. В 2 Ч. Ч. 2. М.: Типография А. Решетникова, 1796. С. 200-202.

⁴⁴⁰ Данная практика также сохранялась вплоть до конца XIX века. Рецепты различных курений из купленных в аптеке или на материальном складе ингредиентов приводятся в: *Симоненко П. Ф.* Образцовая кухня. М.: И. Д. Сытин и К^о, 1892. С. 615-621.

⁴⁴¹ Сбережение от порчи хлеба, рыб, мяс, плодов и вообще всяких домашних съестных припасов. М.: Типография И. Смирнова, 1837.

⁴⁴² Поваренный календарь. В 6 Ч. Ч. 2. СПб.: Типография И. Глазунова, 1808. С. 288-289.

⁴⁴³ Сбережение от порчи. С. 13-14.

час; а потом положить опять в котел, и доварить уже совершенно. Чрез сие пропадет у него весь дурной вкус и запах»⁴⁴⁴. Другой стратегией была ароматизация, замещающая дурные или подозрительные запахи приятными ароматами пряностей — гвоздики, корицы, имбиря, галангала (калгана), мускатного цвета, цитварного семени, корня флорентийского ириса (в XVIII-XIX веках известном как «фиалковый корень») и других. В «Новейшей и полной поваренной книге» Н. М. Яценкова, представляющей собой вольный перевод двух книг Менона, приведен следующий способ «как отнять запах плесени у вина: надобно сделать из пшеничного теста как палку, испечь ее до половины в печи; а вынувши, наткать ее гвоздишными головками, и опять посадить в печь до тех пор, как она хорошенько испечется; потом опусти ее в бочку так, чтоб она не дотрогивалась до вина, или можно и совсем бросить ее в бочку; от чего и пропадет худой запах»⁴⁴⁵. В данном случае запах плесени удаляется благодаря абсорбирующим свойствам теста и замещается сильным ароматом гвоздики, которая, наряду с другими специями, входила в состав разнообразных ароматических саше, оздоравливающих уксусов и настоек, отдушек для курительной бумаги, теста для курительных свечей, пирамидок («монашенков»), палочек и курительной воды (для получения желаемого эффекта ароматизированной водой брызгали на раскаленный кирпич или сковороду) и широко использовалась для исправления и освежения воздуха в комнатах и погребах.

В рамках этой компромиссной стратегии существовала и косметическая реставрация «тронувшейся» провизии с помощью определенных кулинарных технологий. Ср., например: «Оленей, серн, диких коз и т. д., когда они свежие, не должно класть или опускать в воду, но только обмывать и потом уже употреблять; если они немного повреждены и издают дурной запах, то не нужно бросать их, но только вынимать кости, снимать кожу, шпиговать и готовить потом как следует»⁴⁴⁶. В данном примере речь идет о дичи, которая в принципе

⁴⁴⁴ Осипов Н. П. Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха. СПб.: Типография Ф. Мейера, 1794. С. 128.

⁴⁴⁵ Яценков Н. М. Новейшая и полная поваренная книга. В 2 Ч. (с прибавлением Ч. 3). М.: Университетская типография В. Огорокова, 1790-1791. Ч. 3. С. 111. В оригинальном тексте Менона обнаружить данный совет не удалось, однако сходные рекомендации — как улучшить (*améliorer*) или исправить (*réparer, corriger*) запах вина — можно найти в близких по времени французских изданиях (см., например: *Plaigne Chevalier de. L'art d'améliorer et de conserver les vins*. Paris: Lamu, 1781). Ср. также: «Как отвращать, если когда вино будет пахнуть подбивкою»; «Истреблять в вине дурной запах»; «Отнять у вина запах и вкус плесени» (Осипов Н. П. Новый и полный российский хозяйственный винокур. Ч. 2. С. 18, 66-67, 80-81).

⁴⁴⁶ Поваренная книга, содержащая в себе 1039 наставлений, в 15 отделениях, составленная Обществом опытных хозяек. М.: П. А. Ерофеев, 1847. С. 11.

употреблялась в пищу ферментированной, после определенной выдержки: для нее выраженный запах был нормой. Соответствует ли ощущаемый запах этой норме и как поступать в сомнительных случаях (проветривать, вываривать или ароматизировать мясо), решал специалист — повар или эконом. Отдельные издания — например, компилятивный «Источник здравия» П. П. Сумарокова или «Поваренный календарь» 1808 года — приводили сроки, в течение которых следует выдерживать дичь разного размера, и сроки, в течение которых она может храниться в летнее и зимнее время⁴⁴⁷. Однако на практике понятие «срока годности» было субъективным и определялось конкретными условиями хранения, навыками того или иного специалиста или соображениями экономии⁴⁴⁸. Печатная информация не замещала личный опыт, а служила своеобразным приложением к нему, дополняя уже существующий навык⁴⁴⁹.

Предохранительные меры, основанные на этих представлениях, оставались в ходу до тех пор, пока объяснительной моделью патогенеза была теория миазмов. Несмотря на все более частые сообщения химиков о том, что дезодорацию нельзя считать надежной предохранительной мерой⁴⁵⁰, обыватели, как и большинство медиков, по-прежнему ассоциировали ликвидацию дурного запаха с устранением источника заразы. В 1885 году (со времени открытий Пастера прошло больше 10 лет), в докладе об истории дезинфекции на IV Съезде санитарных врачей Санкт-Петербургской губернии доктор С. В. Шидловский отмечал: «Вопросы дезинфекции, так легко разрешавшиеся еще в недавнее время полного отождествления дезинфекции с дезодорацией, ныне составляют едва ли не самый запутанный и шаткий отдел в ряду мер, рекомендуемых гигиеной для борьбы с заразными

⁴⁴⁷ Сумароков П. П. Источник здравия. С. 140-141.

⁴⁴⁸ Мемуарные свидетельства позволяют предполагать, что во многих помещичьих хозяйствах испорченная провизия выбрасывалась не сразу: сначала ее исправляли, чтобы употребить для господ, затем скармливали детям, прислуге и бродягам. Е. Н. Водовозова вспоминала, как дети в ее семье неделями и месяцами «ежедневно после обеда ели паточное и медовое варенье, прокисшее до такой степени, что от него шел по комнате запах кислоты. То же самое было и относительно всех других домашних заготовлений: все, что покрывалось уже плесенью, особенно если это было съестное, отдавали дворовым, менее испорченное и сладкое получали мы, дети» (Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 127-128; также С. 211).

⁴⁴⁹ В этом случае рецепт или хозяйственный совет — будь то приготовление жаркого, сбережение рыбы, лечение лошадей или домашнее производство чернил — представляет собой памятку, а не инструкцию. Не случайно все эти сведения могли свободно объединяться в одном издании.

⁴⁵⁰ Первые советы отказаться от окуриваний благовонными веществами, которые «нисколько не уменьшают вредоносного влияния болезненных истечений», но «могут только на короткое время маскировать и делать не ощутительными дурной запах», относятся к 1830-м годам (Щеглов Н. П. Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. С. 9).

болезнями. Воззрения, принимавшие, что зловонный воздух является постоянным спутником заразных веществ, что сам по себе он может оказывать специфически вредное действие на здоровье, являясь причиной инфекционных болезней, и что, следовательно, уничтожение зловония равносильно уничтожению заразы, не только делали применение дезинфекционных средств легким, но и давали самый простой и общедоступный критерий действительности употребленного средства. Считалось, что вещество, способное быстро и вполне уничтожить зловоние, было и наилучшим дезинфицирующим»⁴⁵¹.

Подобной точки зрения придерживались и составители кулинарных книг. А поскольку поваренные и хозяйственные книги были нацелены на воспроизведение уже опробованных схем, а не на внедрение новых, в изданиях 1850-1880-х годов сохранялись приемы и технологии XVIII века⁴⁵². Например, в «Семейной общепонятной поваренной книге» Г. Степанова, работавшего поваром в русских аристократических домах, приводится рекомендация сорокалетней давности⁴⁵³, которая, в свою очередь, будет практически дословно повторена в одной из книг 1870-х годов. Точно так же совет Е. И. Молоховец по

⁴⁵¹ Шидловский С. В. Дезинфекционные меры на случай появления холеры // Протоколы IV санитарного съезда земских врачей Санкт-Петербургской губернии 3-13 апреля 1885 года. Приложение 2 к протоколу 13 апреля. СПб.: Санкт-Петербургская губернская земская управа, 1885. С. 311.

⁴⁵² Высокой инерцией была отмечена и практика использования лекарств. По свидетельству Я. А. Боткина, в 1860-х годах аптекарей и студентов-медиков Московского университета еще учили готовить архаический «уксус сорока разбойников» (Боткин Я. А. Заметки и воспоминания врача. Симферополь: Электротипография М. М. Эйдлина, 1909. С. 47). Врачи жаловались, что в провинциальных аптеках современные средства и препараты убираются в дальние комнаты, а устаревшие стоят на видном месте, поскольку пользуются покупательским спросом. Например, в 1868 году в государственных и вольных аптеках продавались заячье сало, гальмейный камень (*lapis calaminaris*, кремнистая цинковая руда), кровавик (гематит), алкорнок (древесина тропического дерева *Alchornea*), стоноги (препарат из многоножек — представителя наземных членистоногих), смиргель (корунд, алмазный шпат), мыловка (разновидность глины, которая употреблялась для мытья и валянья шерсти), горная смола (*asphaltum*, битум), копал (душистая ископаемая смола), бобки (бобы тонка, использовавшиеся для ароматизации табака и домашних настоек), кармин, различные духи и помады (Из отчета медицинского инспектора Радомской губернии д-ра Револинского об осмотре аптек в 1868 г. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 1. Отд. V. С. 28-31). В воспоминаниях Ал. П. Чехова о детстве в Таганроге упоминаются фантазмагорические снадобья из отцовской лавки — семибратняя кровь, сорократравник, всеисцеляющий пластырь и «гнездо»: «В состав этого удивительного лекарства входило многое множество каких-то трав, порошков и минералов. Антон Павлович уже в зрелые годы пробовал записать по памяти состав этого «гнезда» и вспомнил, между прочим, что туда входили: нефть, металлическая ртуть (живое серебро), азотная кислота (острая водка), семибратняя кровь, стрихнин (кучелаба), сулема, какой-то декокт в виде длинных серых палочек и целая уйма всякой дряни. Все это настаивалось на водке и давалось внутрь столовыми ложками» (Чехов Ал. П. Из детских лет А. П. Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1960. С. 36-37).

⁴⁵³ «Если впоследствии будет усмотрено, что рыба станет замыливать или припахивать, то, выбрав ее из рассола, перемой в хорошей колодезной воде, а кадку выпари и выжги соломой, чтобы запаху никакого в ней не было...» (Степанов Г. Семейная общепонятная поваренная, кондитерская и хозяйственная книга. В 5 Ч. Ч. 4. М.: Типография Ведомства московской городской полиции, 1857. С. 40).

исправлению испортившейся рыбы⁴⁵⁴ почти без изменений транслируется в более поздних изданиях⁴⁵⁵. После уничтожения запаха рыба считалась совершенно безопасной для употребления — несмотря на то, что, начиная с 1850-х годов, газеты пестрели сообщениями об отравлениях свежей и соленой рыбой; пики отравлений приходились на пост и жаркие летние месяцы⁴⁵⁶.

Несмотря на это, под влиянием санитарно-гигиенической пропаганды в 1860-е годы восприятие и осмысление запахов постепенно начало изменяться — по мере популяризации научного подхода к повседневной жизни. Эта эпоха отмечена двумя тенденциями. Во-первых, открытия в химии и эпидемиологии (в том числе обнаружение новых доводов в пользу контагиозной природы многих болезней и открытие микроскопических возбудителей) привели к тому, что дезодорация или одоризация с помощью положительного ольфакторного агента стали считаться недостаточными. Было мало удалить дурной запах, чтобы исправить испорченную пищу или сделать безопасным зараженный предмет: теперь требовалось глубинное очищение всей опасной субстанции или объекта от заразного начала. В первую очередь это означало выбор все более серьезных средств и сложных техник (вплоть до обработки жилищ парами сулемы), справиться с которыми мог только человек, прошедший специальное обучение. Так на смену дезодорации пришла дезинфекция⁴⁵⁷. В 1880-е годы, в эпоху так называемого «санитарно-бактериологического синтеза» (термин Д. Барнса) пастеровских открытий и программы гигиенистов по оздоровлению городов дезинфекция стала основным способом борьбы с заразой. Примечательно, что как раз в 1880-е годы врачи открыто стали претендовать на экспертную функцию: инерция миазматической теории была высока и неприятные запахи по-прежнему вызывали сильную обеспокоенность общественности. Однако в свете новых бактериологических знаний о происхождении заразы уверенности в том, что все, что дурно пахнет, сигнализирует об опасности, уже не было (парадоксальным образом это знание, усвоенное публикой к рубежу веков, только усиливало страх и беспокойство). Подтвердить или развеять опасения, а также обнаружить

⁴⁵⁴ *Молоховец Е. И.* Подарок молодым хозяйкам. Курск: Типография Губернского правления, 1861. №2637.

⁴⁵⁵ *Павловская С.* Скоромный и постный стол. СПб.: [Б. и.], 1876. С. XI.

⁴⁵⁶ *Здекауэр Н. Ф.* О рыбном яде // Журнал Русского Общества охранения народного здравия. 1892. №1. С. 1-16. Эта статья представляет собой публикацию доклада, прочитанного в 1863 году в петербургском Обществе естествоиспытателей и за 30 лет «не утратившего научного интереса».

⁴⁵⁷ *Смоленский П. О.* Краткие заметки о дезинфекции. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1889. С. 2.

болезнетворные микробы там, где они не выдают свое присутствие отвратительным запахом, мог только эксперт, работающий в лаборатории⁴⁵⁸.

Второй тенденцией, сформировавшейся в 1860-е годы, стало снижение ольфакторной толерантности. Новая санитарно-гигиеническая сознательность способствовала «проявлению» целого ряда прежде незаметных или терпимых запахов (например, запаха конюшни⁴⁵⁹), выведению их в сферу рефлексии. Соответственно, следовало определить статус большинства запахов, с которыми человек сталкивался в повседневной жизни, отнеся их к полезным, приемлемым, нейтральным или вредным. Во-вторых, предполагая, что такой подход может также служить задаче предотвращения опасностей и болезней, ученые — химики, физики, врачи — предприняли попытку научного описания быта, и прежде всего — пищи и ее приготовления⁴⁶⁰. Для начала следовало скрупулезно исследовать и описать химические процессы, происходящие в быту, и в первую очередь — на кухне, и убедиться, что съестные припасы используются с максимальной пользой для здоровья⁴⁶¹. «Кухню можно принимать за настоящую химическую лабораторию, — писал в 1859 году немецкий ученый О. Уле в брошюре, посвященной прикладной химии, — кухарка должна быть химиком и, <...> хотя и бессознательно, она всегда была им и до сих пор... Химик может как приносить пользу, так и отравлять; а химик в кухне, не отдавая себе отчета в том, что он делает и что совершается на его глазах с веществами, может совершенно бессознательно и произвольно

⁴⁵⁸ Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth century Struggle against Filth and Germs. P. 37-47; Латур Б. Пастер: Война и мир микробов. С. 104-108. В 1885 году в Париже открылся Пастеровский институт, занимавшийся прививками против бешенства, бактериологической экспертизой и научными консультациями частных лиц. Вторая в мире пастеровская станция была открыта в 1886 году в Одессе, в результате договоренности И. И. Мечникова и Н. Ф. Гамалеи с Пастером. Еще 4 станции были открыты в Российской империи в течение 1886 года — в Варшаве, Самаре, Петербурге и Москве (Большая медицинская энциклопедия. В 29 Т. М.: Советская энциклопедия, 1974-1988. Режим доступа: http://big_medicine.academic.ru).

⁴⁵⁹ Ср., например: Смоленский П. О. Письма из-за границы. С. 19, 22.

⁴⁶⁰ Так, в 1858 году по-русски была издана фундаментальная «Химия повседневной жизни» шотландского химика Д. Ф. Джонстона (*Джонстон Д. Ф.* Химические сведения о различных предметах из вседневной жизни. В 2 Ч. СПб.: Торговый дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1858).

⁴⁶¹ В изданиях рубежа 1880-1890-х годов эта тенденция была доведена до предела. Ср., например, следующее описание варки варенья: «При настаивании фруктов в сиропе происходит диффузия, т. е. вода, находящаяся в мякоти, замещается сахаром, освобождается и смешивается с сиропом, вследствие чего последний оказывается каждый раз при сливании на второй день более жидким, чем был накануне» (*Карвасовский И. А.* Кулинарная гигиена и практический повар. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1891. С. 34).

приготовить отраву»⁴⁶². Кроме того, нужно было выработать критерии, по которым любой, даже неподготовленный человек, мог судить о качестве припасов, т. е. обладать знаниями, максимально приближенными к экспертным⁴⁶³. Просто тонкое обоняние могло помочь далеко не всегда, необходимо было и ориентироваться в оттенках, уметь сопоставлять их. В прессе приводились случаи, когда представители власти полагались на свое чувство обоняния и принимали медицински необоснованные или неверные решения, отправляя на уничтожение товары, запах которых им не нравился, но был присущ тому или иному продукту или веществу *per se*⁴⁶⁴.

Интенции ученого-химика, врача-гигиениста и составителя поваренной книги стали сближаться: и санитарные правила, и учебник гигиены, и поваренная книга, и руководство по ведению домашнего хозяйства стремились теперь к передаче и массовому распространению «объективного» научного знания, способного оградить человека от ошибок и опасностей, заключенных в повседневности. Когда в 1883 году под редакцией известного врача-гигиениста А. П. Доброславина начала издаваться еженедельная газета «Здоровье», она ставила своей целью «дать... советы и указания, выработанные современною наукой, — как правильно построить дом, расположить комнатную обстановку, готовить кушанье, ухаживать за больными, очищать воду и воздух»⁴⁶⁵.

Соответственно, кухня теперь делилась на привычную, чреватую болезнями и нарушениями здоровья, и новую, «гигиеническую», чья безопасность заверена и подтверждена современной наукой⁴⁶⁶. Очерки о пищеварении и научные сведения о питательности

⁴⁶² Уле О. Химия кухни. Ч. 1-3. СПб.: Ковалевский, 1865-1867. С. 137. Первосточник (*Ule O. Die Chemie der Küche // Die Natur. Zeitung zur Verbreitung naturwissenschaftlicher Kenntnis und Naturanschauung für Leser aller Stände. Herausgegeben von Dr. Otto Ule und Dr. Karl Müller. Band 4. Halle, 1855*), впервые опубликованный в 1855 году, был переведен на несколько языков и выдержал ряд переизданий вплоть до 1923 года.

⁴⁶³ Автор одной из первых книг о фальсификатах А. М. Наумов писал о необходимости научить «потребителей приобретать товары» и о недопустимости торговли испорченными продуктами по бросовым ценам (*Наумов А. М. Экономическое значение примесей, вводимых в различного рода съестные припасы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. С. 20-23*).

⁴⁶⁴ Новороссийский телеграф. 1880, 17 (29) июля. №1626. С. 3.

⁴⁶⁵ Цит. по рекламному анонсу в: *Смоленский П. О. О задачах и деятельности санитарных обществ Англии и Франции, в особенности по популяризации гигиены. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1883*.

⁴⁶⁶ Ср., например, следующие издания: *Летеби Г. Вопросы питания. СПб.: Типография К. Сорванова и К^о, 1872; Виль И. Диететическая поваренная книга для здоровых и больных. Саратов: Д. Д. Котюхов, 1882; Виль И. Как и из чего готовить кушанья для больных и здоровых: Гигиеническая домашняя кухня. СПб.: Н. Н. Цылов, 1883; Карвасовский И. А. Кулинарная гигиена и практический повар.*

продуктов стали публиковаться в массовых изданиях — например, в десятикопеечных брошюрах по кулинарии, издававшихся Обществом распространения полезных книг⁴⁶⁷. Общество распространения полезных знаний и Русское общество охранения народного здоровья учредили кулинарные курсы для образованных женщин; научные основы домоводства, товароведения и кулинарии попали в программу гимназий и женских курсов⁴⁶⁸. Домашней хозяйке, «попечению которой вверены маленькие дети и взрослые члены семьи, заботливость которой распространяется на пищу, одежду, белье, обувь семьи, на кухню, погреб, устройство самой квартиры, отопление и освещение ее и, наконец, на уход за больными в семействе»⁴⁶⁹, отныне предписывалось владеть основами естественнонаучного знания. На III съезде Общества русских врачей профессор гигиены А. П. Доброславин даже выступил с докладом о женском образовании, в котором заявил, что «гигиена должна сделаться достоянием и специальностью хозяек дома»⁴⁷⁰. В конце 1890-х годов об этом прямо писала в своем двухтомном труде «Дом и хозяйство» М. Ределин, редактор популярной «Рижской газеты для хозяек»⁴⁷¹: научный подход к быту стал массовым. Вместе с ним в повседневную сферу был перенесен и важнейший исследовательский метод прикладной химии — органолептический анализ, задачей которого была мобилизация человеческих чувств для службы науке, а инструментами служили зрение, вкус, обоняние, осязание, слух.

Аргументами в пользу такого подхода к вопросам питания была декларируемая «потребность в научном контроле доброкачественности съестных припасов, напитков и всей вообще обстановки человека»⁴⁷², а также настоящий взрыв фальсификации товаров, подстегиваемый урбанизацией⁴⁷³. Европейские правительства пытались ужесточить законы,

⁴⁶⁷ Поваренное руководство: Роспись обедов на 7 дней. В 27 вып. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1893-1894.

⁴⁶⁸ *Лотова Е. И.* Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. С. 88-89. См., например, учебник домоводства П. П. Андреева, преподавателя гимназии приюта принца Ольденбургского: *Андреев П. П.* Домоведение.

⁴⁶⁹ *Клима М.* Азбука домоводства и домашней гигиены для самообразования и женских учебных заведений. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1883. С. 1.

⁴⁷⁰ Очерк III съезда Общества русских врачей // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1889. Т. 2. №2. С. 82.

⁴⁷¹ *Ределин М.* Дом и хозяйство. В 2 Т. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1895. Т. 1. С. 63.

⁴⁷² *Смоленский П. О.* Простейшие и общедоступные способы исследования и оценки доброкачественности съестных припасов, напитков, воздуха, воды, жилищ и проч. СПб.: Типография Э. Арнольда, 1892. С. IV.

⁴⁷³ *Burnett J.* Plenty and Want: A Social History of Diet in England from 1815 to the Present Day. Harmondsworth: Penguin, 1968. P. 102.

запрещающие подделку продуктов питания и товаров общественного потребления: так, в 1875 году в Великобритании парламент подписал закон о подделке продуктов и лекарств (Food and Drugs Act), в 1879 в Гамбурге был принят закон о контроле качества. Но специалистов, способных осуществить такой контроль, катастрофически не хватало, и эта задача возлагалась в первую очередь на полицейских, прошедших обучение в химической лаборатории⁴⁷⁴.

В России законов, которые могли бы противодействовать торговле испорченными припасами и суррогатами низкого качества, катастрофически не хватало. В 1861 году Министерство внутренних дел, в состав которого входил Медицинский департамент, выпустило инструкцию по составлению актов освидетельствования съестных припасов и напитков, однако она не могла воспрепятствовать подделке. Муниципальные постановления на поверку оказывались недостаточными или малоэффективными, а уездные и городские полицейские, которым вменялось в обязанность контролировать торговцев, не справлялись со своими обязанностями (в некоторых городах их было попросту слишком мало: например, в Харькове в середине XIX века имелось всего 50 полицейских на 50 000 жителей)⁴⁷⁵. Учрежденный в 1867 году по инициативе обер-полицмейстера Ф. Ф. Трепова резерв петербургской полиции должен был учить городских и околоточных надзирателей лишь первой помощи и самообороне; основы санитарии и гигиены вошли в программу в 1897 году и только для классных чинов (общие требования к низшим полицейским чинам 1880-х годов сравнимы с требованиями западноевропейской полиции 1840-х годов)⁴⁷⁶. В свою очередь, земские врачи не могли осуществлять медико-полицейские меры без соответствующих решений полицейского управления⁴⁷⁷.

Временные санитарные комиссии создавались в периоды эпидемий и не могли заниматься освидетельствованием всей провизии (постоянные санитарные комиссии были учреждены только в 1880-х годах). До 1876 года животных, идущих на убой, не осматривали;

⁴⁷⁴ *Evans R. J.* Death in Hamburg. P. 166-174.

⁴⁷⁵ *Brower D. R.* The Russian City between Tradition and Modernity. P. 15.

⁴⁷⁶ *Невский С. А., Сычев Е. А., Аганесов Д. Е.* Из истории кадровой работы в полиции в Российской империи в конце XIX-начале XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №2. С. 369-376.

⁴⁷⁷ *Арутюнов Ю. А.* Земская медицина в Московской губернии во второй половине XIX-начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2000. С. 50.

выборочному анализу подвергалось лишь само мясо. В докладе 1882 года, обосновывая необходимость ветеринарного контроля, врач М. А. Игнатъев писал: «Свидетельствование мясных продуктов, правда, совершалось на рынках и в лавках, но оно состояло исключительно в подозрении чего-то вредного, а что такое вредное и как возможно было констатировать в этом случае больное или зараженное мясо — сказать трудно. Не представляется возможности определить при освидетельствовании мяса, было ли оно от здоровых или от больных животных. В этом случае можно только сказать, что мясо испортилось, пахнет, ослизло от времени»⁴⁷⁸. Попытки сформулировать врачебно-санитарные правила для рыбных промыслов начали предприниматься в 1870-е годы, но дело затянулось до 1886-го. При этом медики остались недовольны результатом — официальные рекомендации были слишком общими, тогда как для каждого товара требовались свои правила и, соответственно, свои методы исследования (так были сделаны первые шаги к формированию технологических стандартов)⁴⁷⁹.

Из отчета Медицинского департамента за 1877 год мы узнаем, что только в некоторых губернских городах были предприняты попытки организовать всеобщий санитарный контроль и надзор за рынками. Автор одного из отчетов писал: в Херсонской губернии «приложению медико-полицейских мер к жизни препятствуют, с одной стороны, невежество и отчасти бедность населения, порождающая в оном такой склад антигигиенических привычек, который лишь с большими усилиями может быть изменен к лучшему и победить ту апатию, с которой население относится к санитарным мерам; с другой стороны, неправильный образ торговли, основанной на одном общем, развитом особенно между мелкими промышленниками обмане, в различных уловках, чтобы продать гнилой товар, накормить испорченной пищей и т. п. Врачи, заваленные работой, не имеют возможности вовремя собрать нужные им сведения»⁴⁸⁰. Это неудивительно: по состоянию на 1877 год в Херсонской губернии имелся всего один земский врач на 150-350 тысяч жителей (на

⁴⁷⁸ *Игнатъев М. А.* Об убое скота в городских скотобойнях и приспособлениях на них для освидетельствования как состояния здоровья скота, так и доброкачественности мяса // Третий санитарный съезд земских врачей Санкт-Петербургской губернии. 20-29 августа 1882 года. Вып. 2. СПб.: [Б. и.], 1884. С. 76-77.

⁴⁷⁹ *Стабровский И. С.* К вопросу о санитарном состоянии Астраханских рыбных промыслов. С. 125-148.

⁴⁸⁰ Отчет Медицинского департамента за 1877 год. С. 57.

огромном пространстве 800 тысяч-1 млн 700 тысяч десятин)⁴⁸¹. Кроме того, лекарства и препараты, продававшиеся в аптеках, широко подделывались, что часто сводило к нулю работу врачей⁴⁸².

Не лучшим было санитарное состояние рынков в Петербурге и Москве, которые давали обильный материал врачам-гигиенистам, журналистам и литераторам. В заметке, опубликованной в журнале «Здоровье», анонимный автор сравнивал деятельность торговой полиции в Мюнхене и в Петербурге: в 1875 году в 200-тысячном Мюнхене составили 39 816 санитарных протоколов, а в Петербурге, где населения было в три раза больше, — всего 674⁴⁸³. Однако требования большей строгости к торговцам разбивались об экономические барьеры, недостаток персонала и коррупцию⁴⁸⁴.

Зачастую единственным средством борьбы оказывались санитарные отчеты врачей и публикации в прессе, при этом невозможно провести границу между официальным медицинским дискурсом и приемами натуралистской прозы. Приведу в качестве примера цитату из очерка В. А. Гиляровского «Чрево Москвы», где авторский текст перемежается выписками из протокола, составленного после санитарного осмотра лавок Охотного ряда в середине 1880-х годов: «О лавках можно сказать, что они только по наружному виду кажутся еще сносными, а помещения, закрытые от глаз покупателя, ужасны. Все так называемые «палатки» обращены в курятники, в которых содержится и режется живая птица. Начиная с лестниц, ведущих в палатки, полы и клетки содержатся крайне небрежно, помет не вывозится, всюду запекающаяся кровь, которою пропитаны стены лавок, не окрашенных, как

⁴⁸¹ Эта ситуация была экстремальной. До земской реформы, в 1862 году, среднее соотношение врачей и пациентов в европейской части России было 1:7000 в городских районах и 1:33 000 в сельских (*Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. P. 78-79*). Впрочем, в некоторых губерниях, судя по отчетам главного врача Министерства государственных имуществ, это соотношение достигало 1:100 000 (РГИА. Ф. 1297. Оп. 99. №49. Л. 90; приведено в: *Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 5*). В 1881 году на 80 000 жителей Сквирского уезда Киевской губернии приходился один уездный врач и десяток фельдшеров (*Слюнин Н. Разные известия // Здоровье. 1882. Т. 9. №171. С. 283*).

⁴⁸² *Л-ъ М. Темные стороны «латинской кухни» // Дело. 1877. №11. С. 428-442.*

⁴⁸³ *Торговая полиция у нас и за границей // Здоровье. 1877. Т. 3. №59. С. 107.* В том же 1875 году в Москве было составлено 513 медико-полицейских актов, из них 247 за неопрятное содержание мест приготовления съестных припасов, 135 — за продажу и хранение недоброкачественных продуктов, 106 — за обмер и недовес (*Из Москвы // Здоровье. 1877. Т. 3. №60. С. 123-124*).

⁴⁸⁴ Попытки полицейских действовать соответственно медико-полицейскому уставу не только требовали от них компетенции, которой те не могли обладать, но и вызывали жалобы и докладные записки со стороны торговцев — «о том, что полиция подрывает торговлю, промышленность и кредит» (*Торговая полиция у нас и за границей. С. 107*).

бы следовало по санитарным условиям, масляною краскою; по углам на полу всюду набросан сор, перья, рогожа, мочала... колоды для рубки мяса избиты и содержатся неопрятно, туши вешаются на ржавые железные невылуженные крючья, служащие при лавках одеты в засаленное платье и грязные передники, а ножи в неопрятном виде лежат в привешанных к поясу мясников грязных, окровавленных ножнах, которые, по-видимому, никогда не чистятся... В сараях при некоторых лавках стоят чаны, в которых вымачиваются снятые с убитых животных кожи, издающие невыносимый смрад». Осмотрев лавки, комиссия отправилась на Монетный двор. Посредине его — сорная яма, заваленная грудой животных и растительных гниющих отбросов, и несколько деревянных срубов, служащих вместо помойных ям и предназначенных для выливания помоев и отбросов со всего Охотного ряда. В них густой массой, почти в уровень с поверхностью земли, стоят зловонные нечистоты, между которыми виднеются плавающие внутренности и кровь, Все эти нечистоты проведены без разрешения управы в городскую трубу и без фильтра стекают по ней в Москву-реку»⁴⁸⁵.

Фальсификация и естественная порча товаров массового потребления, в первую очередь — животного происхождения и ферментированных, были предметом многочисленных исследований⁴⁸⁶. Среди гигиенистов и химиков большим авторитетом пользовались работы французского врача А. Тардьё, автора «Словаря общественной гигиены» (*Dictionnaire d'hygiène publique et de salubrité*, 1862). Отталкиваясь от конкретных казусов, Тардьё изучал действие на здоровье испорченных и поддельных продуктов питания — солонины, крепленых вин, муки с примесями и заодно демонстрировал принципы, на которых должна основываться медицинская экспертиза припасов: сначала органолептический анализ, т. е критическое описание вкуса, вида/цвета, запаха и текстуры исследуемого продукта, затем собственно химическое исследование⁴⁸⁷.

⁴⁸⁵ Гиляровский В. А. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1989. С. 158-159.

⁴⁸⁶ Визнер Ю. Техническая микроскопия для врачей. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1871; Драгендорф Г. Л. Судебно-химическое открытие ядов в пищевых веществах, воздухе, остатках пищи, частях тела и т. д. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1875; Лэви Ф. В. Учение о пище в физиологическом и терапевтическом отношениях. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1876.

⁴⁸⁷ Tardieu A. Etude médico-légale sur les maladies produites accidentellement ou involontairement par imprudence, négligence ou transmission contagieuse. Paris: J.-B. Baillière et fils, 1879. Того же принципа исследования — от органолептического анализа к химическому и микроскопическому — придерживался и английский врач Дж. Белл (см.: Bell J. The Analysis and Adulteration of Foods. London: Chapman and Hall, 1881).

Другим важным новшеством, которое, впрочем, медленно приживалось на практике, была возможность оперировать результатами подобной экспертизы в суде. Юридические реформы 1864 года, дополняя и переформулируя положения старого Устава уголовного судопроизводства (а кое-где и противореча им), инициировали переосмысление статуса медицинской экспертизы. В последующие десятилетия врачам постепенно удалось добиться юридического признания и оформления их профессиональных навыков. Это, в свою очередь, повышало авторитет медицины как объективного научного знания и меняло характер взаимоотношений между государством и медицинским сообществом⁴⁸⁸. Случаи порчи или подделки провизии, лекарств и прочих товаров отныне вписывались в компетенцию как публичной гигиены, так и судебной медицины, поскольку их употребление и использование могло привести — а порой и приводило — к серьезному ущербу для здоровья и даже смерти⁴⁸⁹. При этом государство явно не справлялось с организацией масштабного санитарного контроля. Пытаясь сделать свои выводы и наблюдения общественным достоянием, медики включали материалы о фальсификации и рекомендации по распознаванию примесей и подделок в популярные книги о гигиене.

Порой для воплощения этих рекомендаций требовался настоящий химический арсенал (в одном из руководств приведен перечень из 56 реактивов) и навыки опытного лаборанта. Вот какие манипуляции предлагалось совершить «каждой образованной хозяйке дома» для проверки молока: «Если имеют причину думать, что в молоке находятся металлические примеси, то исследование его можно произвести следующим образом. Берут около 8 лотов молока в фарфоровую чашку, выпаривают его досуха и остаток кипятят со смесью 4 лотов перегнанной воды и 1 лота химически чистой соляной кислоты; жидкость фильтруют и с оставшимся на фильтре нерастворимым остатком поступают, как и с первым, то есть обрабатывают его еще раз водою и соляною кислотой, и жидкость процеживают. Обе жидкости выпаривают почти досуха, сливают вместе и разбавляют водою. После этого

⁴⁸⁸ *Becker E. M.* Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts. P. 5-7, 18-23. В этой же статье Э. Беккер отмечает, что русские врачи стремились повысить свой профессиональный статус с помощью судебно-медицинской экспертизы в рамках судопроизводства, а не посредством принятия на себя все больших административных обязанностей. Тем самым в России второй половины XIX века профессионализация медицины оказывалась связанной с либеральными идеалами законности (*ibid.* P. 26).

⁴⁸⁹ *Беллин Э. Ф.* Очерк условий деятельности нашей судебно-медицинской экспертизы, причины неудовлетворительности ее и меры к устранению их // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Т. 2. №2. С. 1-24.

пропускают через профильтрованный снова раствор струю сернистого водорода, пока жидкость получит запах этого газа, и если по прошествии нескольких часов не образуется никакого остатка, то в молоке не находится вредных металлов, кроме цинка, присутствие которого нельзя открыть этим способом»⁴⁹⁰.

Впрочем, со временем советы существенно упростились, и для их практического применения было достаточно базового набора бытовой химии. Куда важнее было требование, чтобы читатель подобных советов, появлявшихся не только в специализированных изданиях, но и в популярных газетах⁴⁹¹, умел управлять своим вниманием и позаботился о том, чтобы его органы чувств сохраняли свежесть восприятия и не подвергались вредному, «отупляющему» влиянию раздражителей⁴⁹². В первую очередь эта рекомендация касалась обоняния и вкуса. «Продолжительного действия острых запахов, а также курения и нюхания табаку» надлежало избегать и профессионалам — поварам и кухаркам: считалось, что несоблюдение ольфакторной гигиены может извратить восприятие и, следовательно, лишить человека возможности различать жизненно важные оттенки запахов⁴⁹³.

Справочные издания и учебники по гигиене давали примеры базового органолептического анализа, доступного каждому⁴⁹⁴. От публики, в свою очередь, требовалось овладеть языком научного описания и научиться соотносить его с субъективными ощущениями, предоставленными зрением, вкусом, обонянием, осязанием и даже слухом (например, доброкачественность хлеба предлагалось определять в том числе по звуку, который хлеб издавал при постукивании⁴⁹⁵). В руководстве Ределин давался следующий совет: «Чтобы

⁴⁹⁰ Ходнев А. И. Химическая часть товароведения. Напитки и съестные припасы. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1859. С. 123-124.

⁴⁹¹ Ср., в частности: Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1871, 22 апреля. №88; там же. 1871, 23 апреля. №89; там же. 1871, 24 апреля. №90; там же. 1871, 25 апреля. №91.

⁴⁹² Например, член Русского технического общества, химик А. Н. Альмединген в своей популярной брошюре об определении фальсификатов писал: «Я старался дать описание только таких способов, которые могли бы быть применимы дома, без всякой лаборатории. <...> Быть самым повнимательнее к тому, что ест и пьет семья, полезнее, чем рассчитывать на внешнюю палку. А чтобы эту внимательность проявить на деле, надо самому взяться за определение подделок» (Альмединген А. Н. Домашний определитель подделок питательных, вкусовых, а также и других веществ. СПб.: Ф. Павленков, 1891. С. 7).

⁴⁹³ Карвасовский И. А. Кулинарная гигиена и практический повар. С. 11-12, 131, 142-143.

⁴⁹⁴ Андреев П. П. Домоведение.

⁴⁹⁵ [Советы, рецепты и указания] // Здоровье. 1884. №24. С. 301-302; Смоленский П. О. Простейшие и общедоступные способы. С. 107.

определить, чист ли уксус, наливают несколько полных ложек и выпаривают на горячей плите. При выпаривании нюхают пары: если запах остается чистым уксусным, то в жидкости нет ни соляной, ни азотной, ни серной кислоты... Азотная дает удушливые пары, соляная — неприятно кислые, а серная — дурно пахнущие гарью»⁴⁹⁶. При должной тренировке органов чувств даже дилетант мог, благодаря органолептическому анализу, уловить характеристики, прежде отмечаемые лишь специалистом (и, к слову, не предусматриваемые целеполаганием научного исследования), и научиться отличать дорогой качественный продукт от дешевого, а настоящий — от эрзаца⁴⁹⁷.

Тем самым пространство кухни (дома, рынка, улицы) превращалось в своеобразную лабораторию, а частный опыт транспонировался в пространство научного взгляда. Например, в монографии П. О. Смоленского «Общедоступные гигиенические способы исследования» (выдержавшей четыре переиздания, не считая публикации отрывков в журнале «Современная медицина и гигиена») не только приводятся подробные рекомендации, как по запаху отличить хорошее мясо от испорченного⁴⁹⁸, но и опубликованы таблицы с указаниями на цвет, текстуру и ольфакторные характеристики всех основных сортов мяса⁴⁹⁹. Основой таблиц Смоленского послужили работы французского врача Байе⁵⁰⁰, однако сам факт их переноса и адаптации на русской почве весьма примечателен. Призывы обращать пристальное внимание на сенсорные характеристики продукта (цвет, вкус, запах, текстуру) — касались и молока, и масла, и хлеба, и птицы, и вина, и бакалеи, и непищевых товаров — например, керосина. Даже грудное молоко могло рассматриваться с точки зрения соответствия его органолептических характеристик некоей сконструированной наукой норме: со второй трети XIX века в медицинских справочниках встречаются советы, как проверять качество молока кормилицы при приеме на работу⁵⁰¹.

⁴⁹⁶ *Ределин М.* Дом и хозяйство. Т. 1. С. 324.

⁴⁹⁷ *Ходнев А. И.* Химическая часть товароведения. С. 12-13.

⁴⁹⁸ *Смоленский П. О.* Простейшие и общедоступные способы. С. 32.

⁴⁹⁹ Там же. С. 38-39.

⁵⁰⁰ *Байе К.-С.* Осмотр мяса. Харьков: Типография И. В. Попова, 1882.

⁵⁰¹ *Аммон Ф.-А.* Первые обязанности матери и первое попечение о новорожденных. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861.

Сильные (хотя не обязательно неприятные) запахи свидетельствовали об опасности тройкого рода: во-первых, они могли сигнализировать о непосредственной порче продукта, во-вторых, такие продукты могли нарушить равновесие в организме, став причиной жара, плохого пищеварения, нервного раздражения, вялости и т. п., в-третьих, резкий запах был свойствен суррогатам⁵⁰². В кулинарии все отчетливее звучало требование нейтральных вкусов и запахов, имевшее медицинскую подоплеку, и все большее число людей начинало к нему прислушиваться⁵⁰³. В автобиографических заметках В. Ф. Ходасевича, чье детство пришлось на конец 1880-х годов, можно найти характерный пример подобной гастрономической идиосинкразии: «Когда я родился, отцу шел пятьдесят второй год, а матери — сорок второй. В семье очутился я Венямином, поскребышем, любимцем. Надо мною тряслись, меня баловали — всё вместе довольно плохо отразилось на моем здоровье, на характере, даже на некоторых привычках. Боясь, как бы не заболел у меня животик, Бог весть до какого времени кормили меня кашкою да куриными котлетками. Рыба считалась чуть ли не ядом, зелень — средством расстраивать желудок, а фрукты — баловством. В конце концов у меня выработался некий *вкусовой инфантилизм* (курсив авт. — М.П.), т.е. я и по сию пору ем только то, что дают младенцам. От рыбы заболеваю, не знаю вкуса икры, устриц, омаров: не пробовал никогда»⁵⁰⁴.

В руководствах по гигиене и домашнему хозяйству, которые вышли в свет в начале 1880-х, опасными признавалось множество сильнопахнущих продуктов: соленая рыба «с душком», подвергнутая ферментации дичь, зрелые сыры (немногим позже тот же Смоленский писал о сырной плесени, что «санитарное значение всех этих недостатков сыра еще мало выяснено»⁵⁰⁵), деликатесы вроде гусиной печенки⁵⁰⁶, а также крепкий алкоголь, пряности и приправы, включая горчицу и лук⁵⁰⁷. Поскольку специалисты настаивали на необходимости отличать дезодорацию от дезинфекции, специи начали восприниматься особенно

⁵⁰² *Альмединген А. Н.* Домашний определитель подделок. С. 86.

⁵⁰³ Так, Молоховец в своей поваренной книге рекомендует «специи употреблять надо в малом количестве, так как они не должны заглушать натурального вкуса кушанья» (*Молоховец Е. И.* Подарок молодым хозяйкам). См. также: *Карвасовский И. А.* Кулинарная гигиена и практический повар. С. 131, 142-143.

⁵⁰⁴ *Ходасевич В. Ф.* Избранная проза. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Серебряный век, 1980. С. 12.

⁵⁰⁵ *Смоленский П. О.* Простейшие и общедоступные способы. С. 78.

⁵⁰⁶ *Завадская В.* Литовская хозяйка. С. 189.

⁵⁰⁷ *Скворцов И. П.* Общепонятная гигиена. С. 211.

настороженно — ведь с их помощью было нетрудно замаскировать запах испортившейся или протухшей снеди⁵⁰⁸. Все эти запреты, основанные на старинном синтезе гуморальной и миазматической теорий, были отнюдь не новыми. Сходные опасения (а также советы беречь обоняние и не злоупотреблять острой и пахучей пищей) можно обнаружить в медицинских трудах второй половины XVIII века⁵⁰⁹. Новшеством был перевод представлений о здоровой и нездоровой пище на современный «гигиенический» язык и популяризация этих представлений средствами санитарно-гигиенической пропаганды.

Важность ольфакторных нюансов при оценке качества провизии теперь подчеркивалась во всех специализированных изданиях. Поначалу это были переводы и компиляции из западных авторов, со временем стали выходить и оригинальные издания⁵¹⁰. Первые описания запахов в таких изданиях ограничивались попытками указать на их специфичность, на тесную взаимосвязь между продуктом и его ольфакторной характеристикой. Для этой цели использовались прилагательные «особенный», «характеристический», «специфический», «свойственный тому или иному продукту», наряду с прилагательными, выражающими оценку, — «хороший», «приятный», «нежный», «дурной», «противный», уже привычными при описаниях провизии и предметов, воспринимаемых органами чувств. Дополнительные различия вносились постепенно, с помощью указания на ассоциативные свойства и связи,

⁵⁰⁸ Летеби Г. Вопросы питания. С. 187. Выбирать продукты с резким пряным запахом, считать сильный запах специй достоинством и не видеть дурного в суррогатах было свойственно тем, кто разделял устаревшие представления, — т. е. тем, до кого еще не добрались советы гигиенистов. Так, в «Бесприданнице» А. Н. Островского (1878) тетка Карандышева считает хорошим дешевое поддельное вино, раз оно ароматизировано специями, что удостоверяет не только ее бережливость и ограниченность, но и ее социальную принадлежность: «Опять вино хотел было дорогое покупать в рубль и больше, да купец честный человек попался; берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим какие прикажете!... Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется!» (*Островский А. Н. Пьесы*. Л.: Лениздат, 1977. С. 582).

⁵⁰⁹ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Вып. 1. С. 231-232, 1923-1924; Сумароков П. П. Источник здоровья. С. 29, 220; Рихтер Г.-Г. Полная диететика. М.: Университетская типография, 1790. О диетическом значении тех или иных блюд рассуждали еще античные авторы, а французские повара второй половины XVIII-первой половины XIX века снабжали свои рецепты пометами *facile à digérer* («легко переваривается»), *difficile à digérer* («трудно переваривается»), *échauffante* («горячит») (*Cardelli P. [Duval H.] Manuel du cuisinier et de la cuisinière, à l'usage de la ville et de la campagne*. Paris: Roret, 1833).

⁵¹⁰ См.: Ходнев А. И. Химическая часть товароведения; Наумов А. М. О питательных веществах и о важнейших способах рационального их приготовления, сбережения и открытия в них примесей. СПб.: Торговый дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859; Ильенков П. А. Курс химической технологии. В 2 вып. СПб.: В. А. Исаков, 1861; Молеишотт Я. Учение о пище. СПб.: Серно-Соловьевич, 1863; Уле О. Химия кухни; Наке А. Судебная химия. М.: Редакция «Природы», 1874; Медикус Л. Судебно-медицинское исследование пищевых и вкусовых средств. СПб.: [Б. и.], 1881; Флюгге К. Руководство к гигиеническим способам исследования. В 4 вып. СПб.: Типография Б. Н. Янпольского, 1881-1882; Альмединген А. Н. Домашний определитель подделок.

устанавливаемые посредством запахов: «сырой», «землистый», «острый», «кисловатый», «сивушный», «сальный», «сально-свечной», «запах, напоминающий пригорелый сахар», «запах клейстера», даже «запах, похожий на запах соленых сельдей» и «запах сернистого водорода»⁵¹¹. Ср.: «Пробуемую водку перегоняют в стеклянной реторте, положив в ее горло несколько кусочков свежепрокаленного древесного угля; сивушное масло поглощается углем, и потом *по запаху* его может быть решено, происходит ли оно из ржи или картофеля; в первом случае имеет оно хотя и *острый, но не совсем противный запах*, тогда как во втором оно *пахнет отвратительно*; но во всяком случае, для *верного заключения, надобно быть уже знакомым с запахом того и другого масла* <...> Если вино приготовлено из затхлой ржи, то сивушное масло получает *особенный, несколько отличный от обыкновенного запах, напоминающий толченый горький миндаль* (курсив мой. — М. П.)»⁵¹². Примечательно, что процесс перенесения терминов и методов естественных наук (ботаники, химии, минералогии) в сферу повседневности шел в обратном направлении по сравнению с процессом формирования ранней химической терминологии⁵¹³.

Тем не менее, процессы распространения научного знания и сциентификации повседневности были очень медленными. Например, между публикацией на русском языке работы Р. Вирхова о трихинах⁵¹⁴ и введением обязательного ветеринарного освидетельствования всей мясной продукции прошло около 20 лет. Врачебный устав 1866 года содержал статьи «об охране безвредности съестных припасов» — они подразумевали штрафы за несоблюдение чистоты и опрятности при торговле съестным,

⁵¹¹ Ходнев А. И. Химическая часть товароведения.

⁵¹² Там же. С. 236.

⁵¹³ Термины для различных веществ, бывшие в ходу до реформы номенклатуры, предпринятой А.-Л. Лавуазье, Л.-Б. Гитонем де Морво, А.-Ф. де Фуркруа и К.-Л. Бертолле в 1787 году, подчеркивали физическое сходство, а не устанавливали химическую индивидуальность вещества. Зачастую они были заимствованы из кулинарии (другими существенными источниками были металлургия и ювелирное искусство) и зачастую основывались на данных, доставляемых зрением (цвет вещества), вкусом (так возникло понятие «соли», задолго до его рационализации в эпоху позднего Возрождения; вкус служил критерием для различения солей натрия и солей кальция) и обонянием (при описании минеральных руд и газов, активное исследование которых началось в середине XVIII века), реже — слухом (например, звук того или иного металла) и осязанием (текстура) (см.: *Crosland M. P. Historical Studies in the Language of Chemistry*. P. 65-70, 77-78).

⁵¹⁴ Вирхов Р. Изложение учения о трихинах. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1864. Ср. упоминание открытия Вирхова в «Преступлении и наказании» (1866): «Ему грезилося в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме немногих избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей» (*Достоевский Ф. М. Собр. соч.* Т. 5. С. 516).

приготовление для продажи и торговлю испортившимися или вредными для здоровья продуктами, обман в количестве или качестве товара, ненадлежащее устройство боев, прогон скота и незаконную охоту и рыболовство⁵¹⁵. Тем не менее, наличие соответствующих статей в Уставе не означало, что они исполнялись надлежащим образом, ни, тем более, что знания, необходимые для этого исполнения, были массово усвоены обществом.

Массовые кулинарные и хозяйственные издания также демонстрировали высокую степень инерции — впитывая информацию нового типа, они сохраняли и старую, несмотря на противоречия между ними⁵¹⁶. Например, в поваренной книге 1871 года, наряду с современными рекомендациями по распознаванию подделок, был напечатан рецепт, восходящий к XVIII веку и содержащий рефлекс гуморальной теории⁵¹⁷. В поваренной книге Е. И. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам», впервые вышедшей в Курске в 1861 году и выдержавшей до революции 29 переизданий, сохранялся раздел «Сбережение, исправление, соленье, сушение, маринование и копчение рыб, дичи и домашних птиц» (там, к примеру, имелся совет «отсвежать испортившиеся рябчики»). С другой стороны, и издания нового, научного типа поначалу могли совмещать стратегии дезинфекции и дезодорации.

Тем не менее, видимо, ориентацией на научный дискурс, разъясняющий смысл органолептического анализа, и «просачиванием» специальной, научной информации в массовые издания и объясняется рост числа сравнительных описаний запахов в кулинарных и хозяйственных книгах. В изданиях 1850-1860-х годов число ольфакторных дескрипций такого типа в массовых кулинарных и хозяйственных книгах было еще невелико; появлялись

⁵¹⁵ *Войно И. К.* Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений Правительства для врачей, фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов. В 3 Ч. Киев: Типография Е. Я. Федорова, 1871. С. 216. Регламентация торговли съестным восходит к петровскому времени: так, 18 сентября 1713 года был принят сенатский указ «О непродаже худого мяса»; указ «О наблюдении порядка... за продажей мяса в рядах и в других местах» от 18 июня 1718 года запрещал продажу «нездорового съестного харча и мертвечины» под страхом битья кнутом, каторги и — для рецидивистов — смертной казни. По указу 1722 года следовало «несвежее мясо бросать собакам или велеть закапывать в землю в особливых местах, а ежели у кого для продажи явится какая мертвечина и за то таковых бит кнутом и, вырезав ноздри, ссылат на каторгу на урочные годы». Обязанности по надзору должна была выполнять полиция; в компетенцию медиков этот вопрос вошел только в 1868 году. Однако критериев для определения свежести или несвежести продуктов сформулировано не было.

⁵¹⁶ О противоречивости рекомендательной литературы последней трети XIX века см., в частности: *Kelly C.* *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin.* Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 228-229.

⁵¹⁷ *Соболевич.* Поваренное и кондитерское руководство молодым хозяйкам. В 4 Ч. М.: Типография М. П. Погодина, 1871. С. 17.

они преимущественно в беллетризованных изданиях⁵¹⁸. Два десятилетия спустя, в процессе медиализации повседневности, они стали нормой⁵¹⁹. Запах пищи осмыслялся как медицинский симптом — такой же, как запах тела человека или животного⁵²⁰, и его следовало максимально точно описать и сделать общеизвестным фактом. Понимаемый таким образом, запах принадлежал как к сфере семиотики, медицинской науки о симптомах, так и к сфере криминалистики и судебной медицины, которые реконструировали симптом как улику. Характерно, что по мере увеличения числа подобных дескрипций начинает уменьшаться количество рекомендаций по исправлению испорченных съестных припасов и резко сокращается количество рецептов-«обманок». Если еще в 1870-е годы публиковались «средство из конопляного масла делать подобие прованского» и «экономические» рецепты искусственного бургундского вина, суррогатного кофе и дешевого сливочного масла из картофеля, то в 1890-е эти рекомендации воспринимаются как неподобающие⁵²¹.

Во второй половине XIX века общественная гигиена, прикладная химия, судебно-медицинская экспертиза и кулинария объединились в попытках формализовать частное знание о том, как должен выглядеть и пахнуть тот или иной товар, какой привкус свидетельствует о том или ином состоянии продукта, какие шаги следует предпринять и какие чувства в себе воспитать, чтобы сделать свою жизнь более здоровой и безопасной. Из

⁵¹⁸ Кухня, искусство есть здорово, вкусно и дешево. М.: Типография В. Грачева и К^о, 1864. С. 6.

⁵¹⁹ Например: «Хорошая, свежая колбаса имеет приятный запах. Если же сосиски или печеночные и кровяные колбасы пахнут кислым, то это значит, что они испорчены» (*Клима М.* Азбука домоводства и домашней гигиены. С. 122); «Бергамотное масло. <...> Подмеси померанцевого масла можно узнать также непосредственно по запаху, если капнуть бергамотное масло на ладонь и растереть его, а потом хорошенько внюхаться» (*Альмединген А. Н.* Домашний определитель подделок. С. 20); «Испытуемое (сливочное) масло нагревается в металлической чашке или ложке на пламени спиртовой лампы возможно сильнее. Чистое масло распространяет сначала запах топленого коровьего масла, а затем запах горелого масла. Примесь растительных масел (подсолнечного, хлопчатникового и т. п.) узнается по распространяющемуся запаху дымящей масляной лампы. Если получается запах, напоминающий чад от плохо горящей керосиновой лампы, то это укажет на присутствие вазелина и других жиров нефтяного происхождения» (там же, С. 63); «...Корюшка, подобно наваге, имеет особый, многим нравящийся привкус железа и специфический запах...так как караси более или менее отзываются тиной, то их обыкновенно жарят в сметане, которая почти заглушает запах травы, весьма заметный при обыкновенном способе жарения...» (*Домашний стол.* М.: А. А. Левенсон, 1894. С. 358, 367); «Масло, которое при кипячении на огне распространяет *запах прогорклого сала*, несомненно включает примесь так называемого маргарина, приготовленного из сала различных домашних животных» (там же. С. 18).

⁵²⁰ Ср. описание симптомов холеры у домашних животных: «Замечателен был при том запах выдыхаемого воздуха, который многие сравнивали с запахом гнилой капусты, а Геринг — с запахом углекислого газа. Запах этот был почти всегда первым явлением заболевания животного и с развитием болезни постепенно усиливался» (*Равич И. И.* Руководство к изучению патологии и терапии. С. 61).

⁵²¹ *Никольский Д. П.* Первая всероссийская гигиеническая выставка // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1893. Т. 20. №1. С. 122.

области навыка повседневное знание начало переводиться в область науки, а санитарно-гигиеническая модель — конструируемый врачами-гигиенистами бытовой идеал — распространяться на новые сферы жизни. Постулируемая возможность по нюансам запаха установить «диагноз» и, следовательно, вынести полицейский вердикт предъявляла новые требования не только к врачам-экспертам или носителям власти, но и ко всякому читателю хозяйственных книг.

Научная операционализация чувствительности провоцировала обывателя быть внимательнее к бытовым и пищевым запахам, к их оттенкам и нюансам. Стремясь к максимальной точности, составители хозяйственных книг и пособий по технологической химии прибегали к ассоциациям и разветвленным референциям: так появляются одобренные медиками сведения о том, что караси пахнут тиной, корюшка — огурцом (и имеет «интересный привкус железа»), баранина — мускусом, ягнятина — овечьим молоком, хорошая мука — сдобой, поддельная — мелом, пылью, крахмалом, ржавчиной. Так даются советы по домашнему органолептическому тестированию припасов и товаров. Вместо относительных характеристик (приятные и неприятные, хорошие и дурные) повседневные запахи начинают приобретать характеристики специфические. Словарь запахов и ароматов существенно расширился и начал переключиваться из специальных сфер в повседневный узус. Таким образом, прикладное направление в естественных науках, «остраняя» действительность, побуждало обывателя обнаруживать прежде незаметные запахи и по-новому называть их в процессе поиска соответствий между книжной информацией и личным опытом.

2. 3. Эпидемии и санитарно-ольфакторная инспекция Российской империи (на примере Ветлянской чумы 1878-1879 годов)⁵²²

На протяжении всей европейской истории «повальные и заразительные болезни» играли первостепенную роль в медицине, подталкивая врачей и ученых к новым теориям патогенеза и новым методам лечения и становясь движущей силой для популяризации новейших

⁵²² В основу этого раздела легла следующая статья автора: *Пироговская М. М.* Ветлянская чума 1878-1879 гг.: Санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // Антропологический Форум. 2012. №17. С. 198-229.

медицинских теорий⁵²³. В XIX веке многочисленные эпидемии и, прежде всего, холера, регулярно опустошавшая европейские государства, оказали сильнейшее влияние на формирование таких понятий, как «санитария» и «гигиена», и способствовали как распространению санитарно-гигиенического контроля, так и интериоризации навыков самоконтроля, т. е. переключению внешних ограничений в режим самоограничения. Как из ряда вон выходящее событие, холера привлекала внимание к общественному здоровью и инициировала реформы, тогда как более привычные эндемические болезни и статистика заболеваемости и смертности были не всегда способны нарушить инерцию и навести на обывателей ужас, необходимый для интериоризации различных мер предосторожности⁵²⁴. В конечном счете, именно эпидемии привели к смене всего концептуального аппарата в естественных науках и становлению таких дисциплин, как бактериология и микробиология.

В Европе эпидемии всегда играли важную роль в институционализации медицины и реформировании медицинской администрации. Еще в XVIII веке эпидемия в Пскове стала поводом к введению в крупных российских городах должности городского врача⁵²⁵. В XIX веке особое политическое и социальное значение имела холера, с середины столетия осознававшаяся как общеевропейская угроза и побуждавшая к поиску таких контрэпидемических мер, которые не причиняли бы ущерба международной торговле. Именно пандемия холеры 1841-1850 годов, во время которой в одной только Франции погибло 110 000 человек, стала причиной проведения первой в Европе международной санитарной конференции (Париж, 1851) и первой же конференции по гигиене (Брюссель, 1852)⁵²⁶. Способы предупреждения и лечения холеры, тифа, чумы, малярии были предметами обсуждения на последующих конференциях⁵²⁷. Во второй половине XIX века каждая новая

⁵²³ *Meйер-Штейнег Т., Зудгоф К.* История медицины. С. 239. В классической работе по экономической истории М. К. Буэр отмечала: «Подобно чуме, холера наделала много шума. Она расшевелила ограниченную местечковость середины XIX века с той же неизбежностью, с какой чума разбудила коррумпированную бюрократию века XVIII-ого» (*Buer M. C. Health, Wealth and Population in the Early Days of Industrial Revolution.* London: G. Routledge & Sons, 1926. P. 230; цит. по: *Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century.* P. 85).

⁵²⁴ *Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century.* P. 85.

⁵²⁵ *Карпов Л. Н.* Земская санитарная организация в России. С. 3.

⁵²⁶ *Bunle H., Lévy C.* Histoire et chronologie des réunions et congrès internationaux sur la population // *Population.* 1954. No. 1. P. 34-35.

⁵²⁷ *Bynum W. F.* Policing Hearts of Darkness: Aspects of the International Sanitary Conferences // *History and Philosophy of the Life Sciences.* 1993. No. 15. P. 421-434.

эпидемия актуализировала и дискуссии об урбанизме, социальном порядке и публичной гигиене, в ходе которых менялись представления о полномочиях чиновников и врачей, создавались новые общественные институты и новые должности. «...Подобно тому, как пожары украшают города, можно сказать, что эпидемии оздоравливают их», — писал в 1909 году сотрудник Института экспериментальной медицины гигиенист В. П. Кашкадамов, подводя итог полувековой борьбе за «народное здравие»⁵²⁸. В Европе холерные пандемии оказывались своеобразной проверкой на прочность и эффективность для местных административных структур, беспощадно выявляя политические, социальные и моральные слабые места⁵²⁹.

Начиная с 1820-х годов и до самого конца XIX века в Российской империи не было и нескольких лет без «повальных и заразительных болезней». За столетие классификации и очертания этих болезней неоднократно менялись: в результате научных открытий и медицинских споров симптомы подвергались пересмотру, уточнялись и перегруппировывались. К уже известным болезням добавлялись новые⁵³⁰. Самыми частыми и страшными в Российской империи были эпидемии холеры (1823, 1829-1833, 1847-1848, 1852; 1853-1854, 1859, 1865-1866, 1871-1873, 1892-1895). Всего с 1823 по 1914 в России было 44 холерных года, во время которых погибло более 2 млн человек (при этом 326 968 человек умерло во время холерных эпидемий 1865-1874 годов)⁵³¹. На втором по частоте месте были различные тифы (брюшной, сыпной, возвратный), за ними шли дифтерит, дизентерия, скарлатина, оспа, желтая лихорадка (или желтая горячка, что приблизительно соответствует

⁵²⁸ *Кашкадамов В. П.* Санитарное состояние города Санкт-Петербурга. С. 54.

⁵²⁹ *Briggs A.* Cholera and Society in the Nineteenth Century. P. 76.

⁵³⁰ По Карантинному уставу 1866 года в их перечень входили чума, желтая горячка, азиатская холера «и некоторые другие особенно опасные по своей заразительности болезни» (ПСЗ. II. Т. 41. Ч. 1. №43061 (1 марта 1866). С. 193-218). В этом отношении устав 1866 года был шире, чем предыдущий, описывавший борьбу с бубонной чумой, но предусматриваемые им контрэпидемические меры были мягче и не предполагали жестких карантинных, в отличие от антихолерных инструкций 1841 года (*Henze Ch. E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 21).

⁵³¹ *Olzscha R.* Die Epidemiologie und Epidemiographie der Cholera in Russland. Ein Betrag zur Geomedizin // *Zeitschrift fuer Hygiene und Infektionskrankheiten.* 1939. Vol. 121. No. 1. S. 1-26 (приведено в: *Henze Ch. E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 11, 160); *Серебренников П. Н.* Краткий очерк холерных эпидемий в России, Пермской губернии и г. Перми. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1892. С. 3.

современному диагнозу «малярия»), перемежающаяся лихорадка⁵³² и, наконец, чума (1803, 1812, 1829, 1837, 1878-1879). Помимо эпидемий, регулярно случались эпизоотии (чума крупного рогатого скота, сибирская язва, сар), которые не только наносили огромный экономический ущерб, но и порой представляли угрозу для человеческой жизни. Как и другие экстремальные ситуации, эпидемии, во время которых отношения доверия и кооперации между разными группами «натягивались» до предела, оказывались своеобразными тестами на социальную связность⁵³³. Каждая из эпидемий вызвала страх и панику у городского и крестьянского населения, смятение властей и ожесточенные споры между приверженцами двух разных теорий патогенеза — «миазматиками» и «контагионистами».

«Повальные и заразительные болезни» пугали не только огромной смертностью по отношению к заболеваемости и низкой эффективностью лечения, но и загадочными механизмами зарождения и передачи болезни. С 1860-х годов, когда проблемы здоровья, гигиены и городского планирования начали широко обсуждаться в публичных дискуссиях, а теория миазмов из специализированного медицинского знания сделалась общественным знанием, каждая из эпидемий еще и побуждала обывателей к ольфакторной бдительности и напряжению чувств. Для этого было необязательно столкнуться с болезнью в своем квартале или даже своем городе: убеждение, что зараза в виде дурных испарений или веяний с легкостью передается по воздуху, впитывается в вещи и товары, прячется в чужом теле, разделялось все большим числом обывателей. В своей книге о формировании дачного пространства вокруг Петербурга О. Ю. Малинова-Тзиафета сравнивает медицинские топографии второй половины XIX века с различными путеводителями по дачным местностям и показывает их дискурсивное сходство (при всей интенциональной и

⁵³² Термины «горячка» и «лихорадка» во второй половине XIX века стали применяться более узко по сравнению с концом XVIII-началом XIX вв., когда так называли практически любое заболевание, сопровождавшееся высокой температурой. С современной точки зрения, они покрывали симптомы, характерные для малярии, воспаления легких, заражения крови, туберкулеза и ряда других. Ср.: «Лихорадка (*febris*) есть общее название болезням, в коих главное отличие озноб, жар и скорый пульс, сопутствующие общим изнеможиванием сил, жаждой, сухостью в ротовой полости, а иногда и зеванием или потяготой» (Руководство к врачебной науке. Кон. XVIII-начало XIX века. ОР РНБ. Q. VI. 19. Л. 16 об.). Даже чума могла трактоваться как вид острой лихорадки (Рюбель И.-Ф. Полный и всеобщий лечебник. С. 261-262). До середины XIX века была важна природа болезни — причины, симптомы и последствия для различных органов, а представления о заболевании как особом целом были неустойчивы и нетипичны (Rofort M.-F. Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle. P. 360-361).

⁵³³ Morris R. J. Cholera, 1832: The Social Response to an Epidemic. London: Croom Helm, 1976. P. 17.

практической разнице оба жанра предполагали анализ ландшафта с точки зрения его воздействия на здоровье). Это сходство свидетельствует о высокой степени вовлеченности дачников даже самого скромного состояния в проблемы гигиены и здравоохранения, о единстве «патографического» словаря, которым оперировали врачи-гигиенисты, общественные деятели, журналисты и читающие горожане⁵³⁴.

Наиболее страшной и регулярной из эпидемических болезней XIX века была холера, которой посвящена обширная исследовательская литература⁵³⁵. Холерные пандемии не только вызывали страх обывателей и способствовали активизации медицинской администрации, но и пробуждали ольфакторную бдительность, пусть и на какое-то время. Однако сходным эффектом обладали и другие эпидемические болезни, даже если их причина не связывалась с миазмами непосредственно, — тиф, дифтерит, малярия. Хорошим примером для демонстрации того, какие дискурсы и реакции инициировали эпидемии, может служить чума, разразившаяся в 1878-1879 годах далеко на юге Российской империи, близ «воображаемой» границы Европы и Азии⁵³⁶. На ее материале я постараюсь показать, какими механизмами регулярно пробуждалась ольфакторная бдительность, и попробую описать конфликты между различными общественными силами, которые были характерны и для холерных эпидемий, и для других экстраординарных ситуаций, которые, с точки зрения человека второй половины XIX века, ставили под угрозу его жизнь и здоровье.

Центром эпидемии стала крупная казачья станица Ветлянская (243 двора с населением около 1700 человек), расположенная на правом берегу Волги в Енотаевском уезде Астраханской губернии, на полпути из Астрахани в Царицын. Первые случаи неустановленной смертельной болезни были зафиксированы в начале октября 1878 года, о конце эпидемии и официальном снятии всех карантинных мер было объявлено 27 мая 1879 года. За это время в

⁵³⁴ Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу. С. 93-111.

⁵³⁵ На русском материале см.: Baldwin P. Contagion and the State in Europe; Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia; McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823-1832. Madison: University of Wisconsin Press, 1965; Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели.

⁵³⁶ Подробный очерк см. в: Минх Г. Н. Отчет об Астраханской эпидемии. Отдел I. Ветлянская эпидемия. М.: Типография М. П. Щепкина, 1881; Минх Г. Н. Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–79 г.). В 2 Ч. Ч. 1. Киев: Типография П. Барского, 1898; Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России: Материалы и очерки. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. С. 226-246; Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы: В 2 Т. Т. 1. Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. С. 349–385.

станции заболело 446 человек, умерло 364; чума распространилась и на соседние села. Однако известия об эпидемии появились в прессе лишь через два месяца, в конце декабря 1878 года⁵³⁷; до этого местные власти пытались замолчать массовый характер болезни⁵³⁸. После официального подтверждения новость за несколько дней переместилась из отделов внутренней хроники на первые полосы, в газетах стали публиковаться регулярные отчеты о числе заболевших и умерших и данные о погоде и температуре. Либеральная газета «Голос» призывала власти действовать, «пока морозы не дают распространиться заразе и держат по домам весь рабочий люд... Настанет оттепель и природа перейдет на сторону врага»⁵³⁹.

Согласно общим представлениям, выработавшимся во время эпидемий предыдущих десятилетий, низкие температуры «консервировали» заразу, не давая ей распространяться, тогда как оттепель способствовала «гнилостным явлениям» и распространению миазмов. В частности, причиной заболеваемости в зимние месяцы, когда «мороз сковал верхние слои почвы и ограничил миазматические испарения с поверхности мостовых», считались ядовитые эманации жилища и запертых в этом жилище людей⁵⁴⁰. С этим же представлением связаны старинные рекомендации чистить выгребные ямы и нужники «середь зимы в самую глухую полночь и в самые жестокие и трескучие морозы»⁵⁴¹, чтобы ограничить распространение дурных запахов и тем самым снизить риск заражения. Импликациями миазматической теории объясняется возникший в конце XVIII века интерес к метеорологии⁵⁴², а также устойчивая боязнь весны и особенного весеннего запаха, который воспринимался как опасный и болезнетворный⁵⁴³. Квинтэссенцию этого сложного страха

⁵³⁷ Правительственный вестник. 1878, 16 декабря. №281.

⁵³⁸ Астраханские губернские ведомости. 1878, 20 декабря. №101. С. 1.

⁵³⁹ Голос. 1878, 28 декабря (9 января 1879). №357. С. 3.

⁵⁴⁰ [С наступлением ноября...] // Здоровье. 1874. Т. 1. №3. С. 47-48.

⁵⁴¹ *Ляликов И.* Городской и деревенский эконо. В 2 Ч. Ч. 1. М.: Типография И. Зеленникова, 1796. С. 122. Исторически это представление восходит к античной медицине. Ср., например: «...Холодное и лед притупляют вкусовые свойства и уничтожают запахи. Ибо охлаждение и замерзание жидкости уничтожают тепло, приводящее в движение и производящее (действие)» (*Аристотель.* Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. С. 120).

⁵⁴² Например, в 1870-1871 годах к «Архиву судебной медицины и общественной гигиены», официальному журналу Медицинского департамента Министерства внутренних дел, прилагался «Эпидемиологический листок», где описывались погода и состояние атмосферы в Петербурге.

⁵⁴³ О влиянии весны на здоровье человека. СПб.: Типография С. Н. Бекенева, 1861; *Архангельский Г. И.* Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 120; Сезонные болезни в Петербурге // Здоровье. 1883. №15. С. 7; [Фельетон] // Здоровье. 1884. №9. С. 131-132.

можно найти в «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина: «Оттепель — говорю я себе — возрождение природы; оттепель же — обнажение всех навозных куч. Оттепель — с гор ручьи бегут; бегут, по выражению народному, чисто, непорочно; оттепель же — стекаются с задних дворов все нечистоты, все гнусности, которые скрывала зима. Оттепель — воздух наполнен благоуханьем весны, ароматами всех злаков земных, весело восстающих к жизни от полугодового оцепенения; оттепель же — все миазмы, все гнилые испаренья, поднимающиеся от помойных ям... И все это: и миазмы, и благоухания — все это стремится вверх к одному и тому же небу!»⁵⁴⁴.

Слухи о смертельной заразе распространяли панику в соседних городах и уездах. Саратовский корреспондент «Биржевых ведомостей» писал: «Весть о чуме пронеслась по Саратову три дня назад и сразу взволновала все население. В Астраханской губернии чума, умирает 95 человек из 100!.. Вот что повторяется тысячами уст... В Енотаевском уезде умирающие от чумы валяются на улицах, некому погребать, губернатор выехал для устройства карантин...»⁵⁴⁵. Противоречивость симптомов и неопределенность с диагнозом еще больше способствовали панике. Работавшие на месте доктора и столичные медики, пытавшиеся диагностировать болезнь по описаниям симптомов, выдвигали самые разные гипотезы — «пнеймо-тиф», «крупозная пневмония», «малярия», «перемежающаяся лихорадка, осложненная опухолью лимфатических желез»⁵⁴⁶. Неопределенность болезни соответствовала неопределенности причин — таинственных болезнетворных испарений, или миазмов. Контакты с зачумленной местностью, побывавшими там людьми и поступающими оттуда товарами боялись и высланные для санитарных кордонов казаки войска, и высшие военные чины, и жители окрестных уездных городов, и жители Петербурга и Москвы. Жители ближайших к Ветлянке городов старались уехать, кто не мог — пытался запереться от болезни, крестьяне и казаки выставляли самочинные кордоны, чтобы обезопасить себя от беженцев, считавшихся переносчиками заразы⁵⁴⁷. Спрос на товары из Астраханской и Саратовской губерний резко упал, горожане массово запасались дезинфицирующими

⁵⁴⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. М.: Художественная литература, 1965-1977. Т. 2. С. 306.

⁵⁴⁵ Биржевые ведомости. 1878, 23 декабря. №354.

⁵⁴⁶ Минх Г. Н. Отчет об Астраханской эпидемии. С. 41-42, 62-63; Голос. 1878, 26 декабря (7 января 1879). Второе прибавление к №356. С. 1; Голос. 1878, 29 декабря (10 января 1879). №358. С. 2.

⁵⁴⁷ Астраханские губернские ведомости. 1879, 3 января. №1. С. 1; Астраханские губернские ведомости. 1879, 27 января. №8. С. 1.

средствами⁵⁴⁸.

Подтверждение диагноза вызвало новую волну паники: чума считалась побежденной болезнью. Местность вокруг Ветлянки оцепили карантинами, было запрещено движение обозов по Московскому тракту через Енотаевский уезд⁵⁴⁹. Через несколько дней была прекращена работа Ветлянской почтовой станции, начался подвоз дезинфекционных средств — железного купороса, карболовой кислоты, уксуса, поскольку имевшиеся запасы стремительно расходовались⁵⁵⁰. Изоляция пораженных местностей, наряду с окуриванием одежды, утвари, жилищ, обтиранием тела уксусом и вымачиванием в уксусе срочной корреспонденции, документов и денег были основными мерами против «повальных и заразительных болезней»⁵⁵¹. Они же были применены в 1829-1832 годах во время первой пандемии новой, прежде неизвестной болезни, столь же смертельной, как и чума, — *Cholera morbus*⁵⁵². В 1879 году курения по-прежнему оставались в ходу, несмотря на заявления врачей об их бесполезности, что свидетельствует о высокой инерции миазматической модели патогенеза⁵⁵³. Немедленно появились десятки популярных статей и брошюр с разъяснениями

⁵⁴⁸ Современные известия. 1879, 8 января. №7. С. 2.

⁵⁴⁹ Астраханские губернские ведомости. 1878, 27 декабря. №103. С. 1.

⁵⁵⁰ Астраханские губернские ведомости. 1878, 30 декабря. №104. С. 1.

⁵⁵¹ По мере развития химии арсенал средств пополнялся новыми веществами. С конца 1820-х годов, после опытов французского химика А.-Ж. Лабаррака с хлорной известью, к курениям добавились производные хлора. Появление чумы в Одессе и холеры в Астрахани в 1829 году побудило Вольное экономическое общество к изданию двух брошюр о хлоридах на основе французского руководства (*Chevalier A. L'art de préparer les chlorures de chaux, de soude et de potasse. Paris, 1829*): *Щеглов Н. П.* Наставление о приготовлении хлористых соединений и употреблении оных для очищения от заразительных веществ и беления. СПб.: Издано иждивением Вольного экономического общества, 1829; *Щеглов Н. П.* Краткое наставление о употреблении хлористых соединений.

⁵⁵² См., например, список с циркулярного предписания штаб-доктора гражданской части от 29 октября 1831 года: О составе и употреблении элексира <sic!> в болезни эпидемической холеры употребляемого. ОР РНБ. Q. VI. 18.

⁵⁵³ Выступление А. П. Доброславина // Протокол Первого Санкт-Петербургского губернского санитарного съезда. 29 января-6 февраля 1875 года. СПб.: [Б. и.], 1875. С. 34-38.

этиологии чумы и мер предохранения от нее⁵⁵⁴ — не считая диссертаций, монографий и заметок в научных изданиях⁵⁵⁵. Задним числом были переqualificированы недавние эпидемии на Кавказе⁵⁵⁶; в Петербурге наделал шума случай дворника Наума Прокофьева, у которого С. П. Боткин, личный врач императора и крупнейший авторитет в русской медицинской науке, ошибочно диагностировал чуму вместо сифилиса⁵⁵⁷. В попытках объяснить этиологию чумы в ход шли все возможные научные концепции, включая «почвенную теорию» М. фон Петтенкофера. Сформулированная для объяснения этиологии холеры (Петтенкофер полагал, что холера может распространяться, но не заразна без сочетания ряда факторов — индивидуальной предрасположенности, климатических условий, благоприятных для распространения возбудителя, и особенностей почвы), «почвенная теория» скорее противоречила эмпирическим данным из Ветлянки, однако сама попытка приложить к известной, но «забытой» болезни модели и практики, выработанные во время столь же опасной актуальной болезни, в высшей степени примечательна.

⁵⁵⁴ См., например: *Андреевский И. Е.* О мерах против чумы, которые могут быть приняты правительством и обществом // *Здоровье*. 1879. Т. 5. №105. С. 42-45; *Илинский П. А.* Что такое чума, чем спастись от нее и других повальных болезней? СПб.: Редакция «Врачебных ведомостей», 1879; *Святловский В. В.* О чуме у человека и о мерах против этой болезни. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1879; *Чудновский Ю. Т.* Предохранительные меры от чумы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1879; Что такое чума и чем нам спастись. Наставление народное и общедоступное. СПб.: [Б. и.], 1879; История и современные понятия о чуме человека. Протокол заседания общества русских врачей в Санкт-Петербурге 11 января 1879 года. СПб.: Типография Я. Трея, 1879; *Марковников В. В., Отрадинский П. М.* Появление чумы в России и средства предохранительные от нее с кратким указанием способов обеззараживания (дезинфекции). М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1879; Чума и предохранительные меры против нее. Для народного чтения. Кострома: Типография Андроникова, 1879.

⁵⁵⁵ *Рейтлингер Л. Р.* К истории эпидемии в Ветлянке // Протоколы заседания общества русских врачей в Санкт-Петербурге. 1879-1880. №11. СПб.: Типография Я. Трея. 1879. С. 403-454; Сборник статей о чуме. В 2 вып. Казань: Типография Казанского Университета, 1879; *Архангельский Г. И.* Амбулантная форма чумы (*Pestis ambulans*) и ее значение в эпидемиологии // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 1. С. 132-193; *Рафалович А. А.* Три статьи о чуме. Одесса: Франко-русская типография Л. Даникана, 1879; *Минх Г. Н.* Отчет об Астраханской эпидемии; *Щепотьев Н. К.* Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии. Казань: Типография Казанского университета, 1884; *Галанин М. И.* Бубонная чума, ее историко-географическое распространение, этиология, симптоматология и профилактика. СПб.: Н. П. Петров, 1897; *Минх Г. Н.* Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878-79 г.); *Подъяпольский П. П.* Чума в России. Саратов: Типография губернского земства, 1898; *Страхович И. В.* Чума Астраханского края, ее эпидемиология и обзор мероприятий СПб.: Типография Морского министерства, 1906. См. также: *Zuber C.* La peste du gouvernement d'Astrakhan en 1878-1879 // *Recueil des travaux. Comité consultatif d'hygiène publique de France*. Vol. 9. Paris, 1880. P. 87-167.

⁵⁵⁶ Указано в: *Галанин М. И.* Бубонная чума. С. 69-70. О тифозных эпидемиях на Кавказе и их этиологии в связи с временем года см.: *Рейтлингер Л. Р.* О тифозной эпидемии в Кавказской армии в 1877 и 1878 годах. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1879.

⁵⁵⁷ *Черепнин Н. П.* Чума в СПб в 1879 году // *Исторический вестник*. 1904. Т. 95. №3. С. 935-945.

И медлительность русского правительства, тянувшего с сообщением об эпидемии⁵⁵⁸, и ошибка Боткина, и неуверенность врачей, затруднявшихся с диагнозом, нуждаются в объяснениях. Хотя европеизированное русское общество, как утверждала пресса, позабыло о чуме, о ней хорошо помнили европейские и русские военные доктора, досконально знакомые с клинической картиной болезни. В 1860-х-1870-х годах специалисты из петербургской Медико-хирургической академии работали с эндемичной чумой в Азии и регулярно присылали в Медицинский департамент рапорты о ее симптомах и течении⁵⁵⁹. Растерянность русского медицинского сообщества перед Ветлянской эпидемией наводит на мысль, что врачи были не готовы обнаружить чуму в европейской части России.

В 1874 году известный ветеринар, профессор Медико-хирургической академии И. И. Равич заявил в лекции: «В настоящее время русскому человеку надо быть рогатой скотиной или свиньей, чтобы заболеть чумой; *Homo sapiens* благодаря современной культуре совсем потерял способность заражаться чумой»⁵⁶⁰. Равич имел в виду не только чуму скота (ему, вне всякого сомнения, было известно, что эта другая болезнь), но и определенный гигиенический стандарт, уровень бытовой культуры, который защищает человека от средневековой болезни. В европейской культурной модели, в рамках которой мыслила себя Россия, чуме не было места⁵⁶¹. Несмотря на то, что в 1830-1840-е гг. эпидемии чумы случались на Кавказе, а в 1876-1877 годах чума разразилась в Персии, неподалеку от южной границы России, и о возможности проникновения ее на территорию европейской России предупреждали немецкий эпидемиолог А. Гирш и французский гигиенист А. Пруст, ни русское правительство, ни русское общество не могли принять мысль о близкой опасности.

⁵⁵⁸ Чума и наши нравы // Вестник Европы. 1879. Кн. 3. С. 373-376.

⁵⁵⁹ Кузьминский Н. Чума на Востоке // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1876. Т. 2. С. 1-4; Сведения о чумных эпидемиях в Персии и азиатской Турции с 1863 по февраль 1878 г., по официальным источникам // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 1. С. 194-212.

⁵⁶⁰ Цит. по: Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. С. 389–390.

⁵⁶¹ Так, еще в 1834 году автор медицинской топографии пишет: «Столетний опыт доказал, что в Петербурге не бывает ни чумы, ни желтой лихорадки. Физическое положение сего города и принимаемые везде карантинные противу сих болезней меры, служат нам порукой, что в Петербург никакая зараза и впредь проникнуть не может» (Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. С. 81-82).

Тревожные прогнозы были немедленно переведены на русский язык⁵⁶², но никаких институциональных последствий не получил. Когда военным врачам перед отъездом в действующую армию в 1876-1877 годах читался курс лекций об эпидемических болезнях, чума в программу курса не вошла⁵⁶³.

Другой причиной растерянности, уже на государственном уровне, оказывались серьезные экономические и политические последствия, которые влекло за собой признание эпидемии и о которых русское правительство было прекрасно осведомлено: в соответствии с общеевропейской программой противочумных мер, не менявшейся с середины XVIII века, соседние страны наложили эмбарго на ряд русских товаров и потребовали ввести систему медицинского освидетельствования, дезинфекцию багажа и верхнего платья парами серной кислоты и 20-дневный карантин для путешественников из России. Еще сильнее были репутационные издержки: если холера была общеевропейским бедствием, то чума считалась болезнью отсталых восточных государств, побежденной и забытой в Европе, о чем России не преминули напомнить европейские дипломаты⁵⁶⁴.

Признание чумной эпидемии отбрасывало Россию в средневековье, свидетельствуя о недостатке цивилизованности и ставя под сомнение ее претензии на культурность. Это мгновенно поняли и либералы, и консерваторы. Первые, в соответствии с концепцией санитарного локализма, писали о местном происхождении болезни и подчеркивали необходимость немедленных санитарных и социальных реформ. Вторые пытались преуменьшить масштабы бедствия и говорили о внешнем враге. Так, редактор «Московских ведомостей», влиятельный журналист М. Н. Катков, сознавая наступившую в связи с чумой уязвимость России в глазах Европы, в своих передовицах настаивал на заносном характере болезни, преуменьшал число умерших и даже старался избегать самого слова «чума», хотя

⁵⁶² *Гириш А.* Чего опасаться Европе в ближайшем будущем от восточной чумы? // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1876. Т. 3. С. 70-89; Новейшие исследования и научная хроника гигиены // Здоровье. Т. 4. 1878. №79. С. 16.

⁵⁶³ *Галанин М. И.* Бубонная чума. С. 69.

⁵⁶⁴ *Heilbronner H.* The Russian Plague of 1878-79 // *Slavic Review*. 1962. Vol. 21. No. 1. P. 89-112.

прежде приветствовал меры к оздоровлению русских городов, вызванные эпидемией⁵⁶⁵.

Главной стратегией российского правительства в чрезвычайных ситуациях были принятие экстренных мер и наделение неограниченными полномочиями высокопоставленных чиновников: в 1830 году бороться с холерной пандемией был отправлен граф А. А. Закревский, с голодом, тифом и холерой 1891-1892 годов был призван справляться С. Ю. Витте⁵⁶⁶. По замечанию Ш. Хенце, предпринимаемые ими меры были масштабными, но краткосрочными и, с точки зрения адептов санитарно-гигиенического подхода, недостаточными для оздоровления империи⁵⁶⁷. Такой же была реакция правительства на эпидемию чумы в Ветлянке: временным генерал-губернатором Астраханской, Саратовской и Самарской губерний с неограниченными полномочиями был назначен генерал от кавалерии М. Т. Лорис-Меликов, известный своими административными талантами. Основной стратегией Лорис-Меликова было использование кордонов и санитарная инспекция станицы и ближайших к ней населенных пунктов с последующей дезинфекцией или сожжением зараженных домов. Кроме того, он приказал подготовить отчет о санитарном состоянии Астрахани, ближайшего к очагу заразы крупного города (это решение было в русле медико-топографической программы Медицинского департамента Министерства внутренних дел). Сопоставив данные о рождаемости и смертности за 20 лет и исследовав характер местности и городских построек, работавший над отчетом известный врач-гигиенист А. П. Доброславин пришел к выводу, что «Астрахань... должна быть причислена к городам весьма нездоровым, находящимся в крайне ненормальном положении, требующем немедленных улучшений»⁵⁶⁸. Но едва ли выводы Доброславина могли удивить знакомых с вопросом медиков или чиновников: помимо недавней чумы, Астраханская губерния также занимала второе место в Российской империи (после Петербургской губернии) по числу холерных эпидемий, а это

⁵⁶⁵ Московские ведомости. 1879, 22 января. №19; там же. 1879, 23 января. №20; там же. 1879, 26 января. №23; там же. 1879, 13 февраля. №37; там же. 1879, 15 февраля. №39. Ср. реакцию либеральных изданий на риторику «Московских ведомостей»: Картинки общественной жизни // Дело. 1879. №2. С. 179-180.

⁵⁶⁶ *Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia.* P. 49.

⁵⁶⁷ *Ibid.* P. 49-50.

⁵⁶⁸ *Доброславин А. П. О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани.* С. 3. Многие параграфы в отчете Доброславина перекликаются с рапортом 1760 года, когда Астрахань впервые прошла санитарное освидетельствование. Тогда штаб-лекарь Х. Эллерт доносил, что «по городским улицам валяются дохлые собаки, кошки и всякая мертвечина, а при церквях зарываются тела умерших в весьма мелкие ямы <...> от чего духота в городе и даже может быть опасность» (приведено в: *Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России.* С. 548).

значит, что работавшие там врачи регулярно составляли санитарные описания городов и уездов и неоднократно указывали на причины болезненности и смертности населения. В своем отчете Доброславин называл причиной эпидемий дурное санитарное состояние города, болотистый характер местности, загнивание питьевой воды, скученность населения и отсутствие привычки к гигиене⁵⁶⁹. По всем этим пунктам губернское начальство собиралось принять решительные меры.

Выбирая из наличного арсенала контрэпидемических мер, государство пыталось соединить стратегию жесткого карантинизма (первичные меры) и санитарно-гигиенической гармонизации среды обитания (вторичные меры). Нельзя сказать, что причина выбора карантинных мер на первом этапе заключалась в жесткости и авторитарности политического строя (что подтверждает мысль П. Болдуина). Скорее направление причинности было иным: предпочтение на государственном уровне карантинных, а не санитарно-гигиенических мер было в равной мере обусловлено состоянием общеевропейского научного знания, которое в середине 1870-х годов начинало вновь склоняться к карантинизму (чему способствовали как работы Пастера, так и обнаружившаяся недостаточность санитарных мер в эпоху повышения мобильности людей и товаров), и общими медико- и геополитическими обязанностями, которые империя, находившаяся на стыке Европы и Азии, должна была принять на себя. Избранная русским правительством стратегия — ограничение перемещений, дезинфекция и санитарное освидетельствование местности — пыталась примирить два подхода и создавала специфическую новую конфигурацию контрэпидемических мер.

Однако либерально настроенная часть общества действия правительства интерпретировала по-другому. Врачи и публицисты, точку зрения которых транслировала либеральная пресса, подчеркивали необходимость борьбы не со следствием — чумной эпидемией, а с причинами — нуждой, скученностью, отсутствием представлений о гигиене и санитарной безграмотностью масс. С этих позиций правительственные меры выглядели устаревшими и консервативными, а политика властей по отношению к жертвам эпидемии — бесчеловечной:

⁵⁶⁹ Доброславин А. П. О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. С. 25. Сходную картину рисует Н. К. Щепотьев при исследовании перемежающейся лихорадки (*Щепотьев Н. К.* Материал для изучения астраханской лихорадки. Читано в заседании Казанского Общества врачей 28 марта 1883 года. Казань: Типография Казанского университета, 1883. С. 1-2).

чиновники, игнорируя социальную природу болезни, предпочитали запереть людей в карантине, а не улучшать их жизненные условия, высвобождая из плена болезнетворных миазмов. Под сомнение ставилась и эффективность карантинных мер — поскольку не было «фактической возможности оцепить даже уезд такой бдительной цепью людей, которые могли бы преградить всякое сообщение местности заразной с здоровой». При этом карантинные меры приводили к повышению «цен на все внутри оцепленного района и к одному бедствию прибавляют другое — дороговизну, на которую так резко не отзывавшаяся, как на бедном классе»⁵⁷⁰. С этой же точки зрения чума (подобно холере, тифу, дифтериту, желтой лихорадке и некоторым неэпидемическим болезням — прежде всего, сифилису) в России превращалась из медицинского диагноза в социальный, становясь приговором обществу, которое претендовало на звание цивилизованного, но оказывалось неспособно защитить своих членов от «варварской» болезни.

Одним из устойчивых мотивов «чумного» санитарного дискурса оказывается мотив нецивилизованности, и прежде артикулировавшийся представителями русского научного сообщества, когда им было важно подчеркнуть свою просветительскую миссию. Чума обладала мощнейшим символическим смыслом и предоставляла богатые возможности для отстаивания прав медицины. Даже в рутинных отчетах городских и земских врачей отмечалась «средневековая» санитарная организация обихода. Очерки, написанные во время эпидемии или сразу после нее, подчеркивают антитезу европейской чистоты и азиатской грязи, свидетельствующей об отсталости России. Профессор Казанского университета А. Я. Щербаков писал: «Недаром же в Европе почти вовсе забыли о чуме, не предполагая возможности ее появления при настоящем строе цивилизации, где гигиена наконец вступила в свои права. Как прежде, так и теперь, мы смешали себя с Европой; и не зная гигиены, не желая при том признавать за ней какое-либо значение, мы только и делаем, что обкладываемся нечистотами, — но, подобно Европе, тоже позабыли про чуму»⁵⁷¹.

Анализируя течение и последствия Ветлянской эпидемии, и врачи, и представители власти, и публицисты видели причину заболевания в санитарном состоянии станицы, т. е. исходили из

⁵⁷⁰ Меры против чумы // *Здоровье*. 1879. Т. 5. №104. С. 25.

⁵⁷¹ *Щербаков А. Я.* О значении дезинфекции и некоторых дезинфицирующих средств // *Сборник статей о чуме*. Вып. 2. С. 41. См. также: *Современные известия*. 1879, 18 января. №17. С. 2-3.

принятого миазматической теорией положения о решающем влиянии среды на возникновение болезни⁵⁷². Не видя в этом смысле существенных различий между Ветлянкой и крупными городами вроде Нижнего Новгорода или Москвы, они делали вывод, что зараза (уточнение — «чумное начало», «чумный яд» — в текстах встречается далеко не всегда) может гнездиться буквально всюду. Единственным способом спастись от нынешней эпидемии и избежать ее повторения в будущем было резко повысить санитарную бдительность, и здесь на помощь против невидимой, но ощущаемой заразы могли прийти только обоняние и повышенная брезгливость. Дурные запахи воспринимались как симптомы: все локусы, источающие зловоние, рассматривались как источники патогенеза. Эпидемия становилась поводом к пристальной санитарно-ольфакторной инспекции всей Российской империи.

В свете грозящей опасности требования к чистоте становились максимально высокими, что на дискурсивном уровне выражалось в гиперболизации и нагромождении пугающих подробностей, которые должны были пробудить гигиеническую сознательность обывателя. Прочитую письмо корреспондента газеты «Голос» с заседания Кишиневского общества врачей 6 февраля 1879 года: «...Все мы, кишиневские жители, знали, что живем в нечистом болоте; но когда в заседании общества начали появляться, одно за другим, сообщения о частных фактах санитарного безобразия в разных частях города, когда из этих частных фактов стала развертываться картина безобразия общего, то «страшно стало за человека» [цитата из «Гамлета» в вольном переводе Н. А. Полевого (1837) — *М. П.*] и невольно приходило на ум: неужели есть возможность копошиться в этой отвратительной клоаке, постоянно дышать гниющим воздухом, питаться разлагающимся трупом и оставаться живым, не будучи ни трупным червем, ни одним из тех гнездящихся в помойных ямах гадов, один вид которых внушает отвращение?»⁵⁷³. Подобная репрезентация окружающей среды как нездоровой, исключительно опасной, должной вызывать у разумного человека брезгливость и отвращение была нацелена не только на представление действительности медикализированным образом, но

⁵⁷² Мизантропов Н. Калейдоскоп: литературные и общественные заметки // Дело. 1879. №3. С. 129.

⁵⁷³ Голос. 1879, 26 февраля (10 марта). №57. С. 3.

и обладала сильным суггестивным эффектом⁵⁷⁴. Прочитанный текст, отмеченный высокой степенью риторичности, прямо увязывает ольфакторную чувствительность и степень цивилизованности, брезгливость и право именоваться *Homo sapiens*.

Сквозь призму медиализации опасность виделась всюду. Каждая новая эпидемия привлекала внимание к санитарному состоянию русских городов, и ни один из них не выдерживал теста на «европейскость». Не стала исключением и Ветлянская эпидемия чумы⁵⁷⁵. Москвичам, писал журналист, «...остается только желать, чтоб скорей, возможно скорей приступили к главному — к очищению домов, дворов, улиц, площадей всей Москвы, насквозь протухшей, начиная с Охотного ряда, Смоленского рынка и кончая этой ужасной толкучкой [Хитров рынок — М. П.]»⁵⁷⁶. Кострома «... представляет собой в санитарном отношении «мерзость запустения». Нечистоты, грязь, навоз отравляют воздух... страшный могильный запах стоит весною и летом... Вообще грязь кругом ужасная, и если к нам заглянет чума, то она найдет обильную для себя пищу»⁵⁷⁷. В таком же плохом санитарном состоянии находился Симферополь: «Ни один из множества губернских городов не представляет столь благоприятных естественных условий — и, вероятно, ни один из них не представляет собой такого неряшливого грязного вида, как он»⁵⁷⁸. В Уфе «сами обыватели своей неряшливостью, халатностью ухитрились благоприятные естественные условия изменить в дурную сторону и создать искусственные источники для развития болезней»⁵⁷⁹. В Екатеринославе «...бойни настолько дурны, что санитарная комиссия не могла пробыть в них и нескольких минут»⁵⁸⁰.

Даже города запада Российской империи, в других контекстах восхваляемые за чистоту и

⁵⁷⁴ Примечательно, что психофизиологи, изучающие природу обоняния, делают вывод о склонности человека преувеличивать осязательность запахов и считать запахи, воспринимаемые как неприятные или опасные, более сильными (*Eggen T. Odor, Sensation and Memory. Praeger: NY, 1991. P. 114*).

⁵⁷⁵ Сводный обзор столичной и провинциальной корреспонденции см. в: О гигиенической обстановке наших городов // *Здоровье*. 1879. Т. 5. №112. С. 193-195.

⁵⁷⁶ *Голос*. 1879, 29 января (10 февраля). №29. С. 3.

⁵⁷⁷ *Картинки общественной жизни* // *Дело*. 1879. №2. С. 169.

⁵⁷⁸ *Голос*. 1879, 26 февраля (10 марта). №57. С. 3.

⁵⁷⁹ *Голос*. 1879, 6 (18) февраля. №37. С. 3.

⁵⁸⁰ *Голос*. 1879, 9 (21) марта. №68. С. 3.

опрятность⁵⁸¹, в свете грозящей опасности описывались как рассадники болезней, которые обостренная эпидемией чувствительность обнаруживала повсюду. Например, выяснилось, что в Варшаве, считавшейся одним из самых чистых и европеизированных городов империи, «проводимая из Вислы вода не фильтруется, водостоки заключаются в открытых канавах по сторонам улицы, издающих ужасное зловоние, мостовые не очищаются, — об очистке дворов и отхожих мест никто не думает»⁵⁸². Тем самым граница «европейского» и «азиатского», «цивилизованного» и «отсталого» проблематизировалась, как ставилась под вопрос сама возможность реформировать чувствительность и привить населению новые гигиенические привычки.

Подобной санитарно-ольфакторной инспекции Российской империи и проблематизации границ «европейского» и «азиатского» способствовала каждая эпидемия. Вспышки заболеваемости актуализировали материал, с конца 1860-х годов публиковавшийся провинциальными врачами по земской программе сбора сведений о здоровье населения. Тем самым при каждой следующей эпидемии в распоряжении прессы и читающей публики оказывались подробные описания, которые легко могли быть истолкованы как предупреждения экспертов легкомысленному обществу. Медико-топографические сведения, регулярно печатавшиеся в протоколах губернских и уездных обществ врачей, и санитарные отчеты столичных гигиенистов, издававшиеся как в профессиональных, так и в массовых изданиях, создавали постоянный информационный фон, игнорировать который образованному читателю было невозможно⁵⁸³.

Рассуждая о срочных противочумных мерах, профессор Казанского университета А. Я. Щербаков проводит своего рода санитарную экскурсию по родной ему Казани: «Город наш

⁵⁸¹ Временные меры ассенизации Петербурга // Здоровье. 1876. Т. 2. №39. С. 212.

⁵⁸² Новое время. 1879, 22 февраля (6 марта). №1072. С. 5.

⁵⁸³ Ср., например, письмо гигиениста Ю. Ю. Гюбнера, командированного из Петербурга в Феодосию для санитарного осмотра: «... Я нашел в Москве жестокий холод при сильном северном ветре. Однако, несмотря на холод и ветер, вздымавший тучи пыли, улицы Москвы, не исключая лучших, были заражены таким зловонием, какое не всегда встретишь на задворках Сенной площади. <...> На одной из улиц, ведущих на Красную площадь, поливка асфальтовой мостовой производится водой из ручного насоса, на многих же других улицах мостовые поливаются попросту, из ведер, помоями, с остатками картофеля, арбузными корками и другими кухонными отбросами. <...> Пребывание в Харькове летом должно быть невыносимо, так как кроме удушающей пыли распространено сильное зловоние. [В Мелитополе] <...> люди живут в полном согласии со свиньями, для которых на улицах и дворах изготовляется потребное количество нечистот...» (Гюбнер Ю. Ю. Корреспонденция из Феодосии. С. 21-22).

кругом завален нечистотами самого разнообразного свойства; на Арском и Прилуцком поле, тотчас за чертой города, а иногда и в самом городе, как, например, в задней Ямской улице, мы встречаем поразительные груды человеческих извержений; где нет таких, там их заменяют невообразимо отвратительные бойни с громадным количеством гниющих остатков; где нет боен, там сплошь находится привилегированный наш любимец — навоз. В самом городе тот же навоз, и притом в поражающем количестве: навозом выравнивают площади, засыпают овраги, строят навозные мосты; целые десятки домов, чуть не целые улицы построены на навозе; словом, везде навоз и навоз. В черте города поселились наши ассенизаторы, и нетрудно узнать их приют по отвратительной вони, слышимой буквально за несколько кварталов. Но не одно это. Стоит заглянуть чуть ли не на любой двор, чтобы увидеть прекрасно содержимые выгребные ямы и помойные ямы и т. п. Прелести, так хорошо знакомые каждому»⁵⁸⁴. Риторическими приемами здесь конструируется картина санитарного ада, сравнимая с описанием летнего Петербурга в «Преступлении и наказании» Достоевского⁵⁸⁵ — ада, круги которого сужаются от городской периферии к дому и двору и который воспринимается в первую очередь обонянием.

До 1870-х годов запах навоза был привычен любому городскому и деревенскому жителю и потому едва обращал на себя внимание — до середины XIX века мы почти не находим упоминаний о нем даже в специализированной литературе по медицине и домашнему хозяйству. Но, благодаря санитарно-гигиеническому дискурсу, он начал ассоциироваться с эпидемиями и опасностями, тем самым остроясь и выходя из автоматического режима восприятия. Газета «Одесский вестник» описывала антисанитарное состояние Миргорода, «изображающего собой грандиозную навозную кучу», и напоминала читателям слова М. фон Петтенкофера: «Если у меня в комнате будет сложена навозная куча, заражая собою воздух, то благоразумнее будет удалить навоз, чем заводить усовершенствованную вентиляцию комнаты»⁵⁸⁶. В заметке 1875 года, опубликованной в журнале «Здоровье», одна петербургская жительница с возмущением писала, что парголовские немцы удобряют поля летом, заставляя

⁵⁸⁴ Щербаков А. Я. О значении дезинфекции и некоторых дезинфицирующих средств // Сборник статей о чуме. Вып. 2. С. 40-41.

⁵⁸⁵ Rindisbacher H. J. The Smell of Books. P. 126-129. Важность ольфакторных характеристик для Достоевского отметил еще И. Ф. Анненский, назвавший «Преступление и наказание» «романом знойного запаха известки и олифы» (Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 182).

⁵⁸⁶ Приведено в: Известия и заметки // Здоровье. 1877. Т. 3. №70. С. 347.

дачников дышать экскрементами, и призывала санитарные власти «запретить колонистам отравлять воздух в дачное время, за которое они получают такие большие деньги»⁵⁸⁷. К 1880-м годам навоз, грязь и зараза становятся синонимами; навоз и нечистоты как источники болезней упоминаются чуть ли не в каждой публикации на санитарно-гигиеническую тему. Запах навоза становился ольфакторным эквивалентом царящей в российских городах антисанитарии и неопрятности, по выражению одного корреспондента, «бросавшейся в глаза и нос»⁵⁸⁸: «...Если б Царицын предоставить себе самому, то, судя по тому, что теперь в нем происходит, можно смело утверждать, что он навсегда, на веки вечные остался бы в своем навозе и чем далее, тем более покрывался бы им, пока, наконец, окончательно не был им завален, представив собою, таким образом, новую Помпею, в чисто русском вкусе»⁵⁸⁹. В городах из-за скученности и большого количества лошадей этот запах представлял собой ощущаемый ежедневно аргумент в пользу «нездоровости» города⁵⁹⁰, но чтобы стать таковым, он должен был быть замечен и описан гигиенистами⁵⁹¹. Чем интенсивнее он был, тем более опасным для здоровья считалось место, будь то извозчичья биржа, конский или скотный рынок, конюшни или пригородные поля орошения⁵⁹². В деревне он свидетельствовал о чудовищном социальном и гигиеническом положении крестьянства⁵⁹³, в городе — о плачевном состоянии публичных мест. Таким образом, прежде незамечаемый или терпимый, запах навоза ныне относился к категории болезнетворных миазмов, с которыми следовало решительно бороться. По принципу метонимического переноса, в последние десятилетия XIX века горожан начал раздражать запах собственно лошадей, прежде считавшийся

⁵⁸⁷ *Кративина С. М.* Заметка о дачной жизни // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №23. С. 470.

⁵⁸⁸ *Молотов А.* Гигиенические условия Киева // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №24. С. 490.

⁵⁸⁹ *Внутреннее обозрение // Отечественные записки*. 1879. Т. ССXLIII. №3-4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 139.

⁵⁹⁰ Так, к началу XX века в Петербурге насчитывалось около 60 000 лошадей (*Юхнева Е. Д.* Петербургские доходные дома. С. 114).

⁵⁹¹ Ассоциация этой ольфакторной черты с городским пейзажем эксплицируется в санитарном дискурсе и становится столь сильной, что проникает даже в ностальгические тексты. Мемуарист вспоминал о Петербурге Серебряного века: «Петербург моей юности и благоухал на всех своих улицах, особенно в жаркие сухие дни, высушенным на солнце, растолченным в порошок, вздымаемым даже легким ветерком в пыльные желтые вихри, лошадиным навозом» (*Успенский Л. В.* Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 102).

⁵⁹² Например, одесские газеты жаловались, что «в дождливое время в конюшнях (конно-железной дороги) стоит такое зловоние, что все служащие страдают головокружением и насморком, несмотря на зиму, что же будет весной при подобных испарениях? Ведь они могут вызвать не только эпизоотии, но и эпидемии между служащими» (*Новороссийский телеграф*. 1880, 2 (14) декабря. №1758. С. 1).

⁵⁹³ *Скворцов И. П.* Основные вопросы народной гигиены. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1877. С. 17.

нейтральным или даже приятным в силу престижа обладания собственным выездом⁵⁹⁴.

Способы нейтрализации навозного духа обсуждались в прессе; врачи с симпатией писали об английской практике примешивать к навозу дезодорирующие вещества⁵⁹⁵.

Как и во время эпидемий холеры, в зону общественного внимания в гигиеническом ракурсе попала ритуальная сфера, что не могло не восприниматься как кощунство значительной частью общества. Наряду с сообщениями о героическом поведении ветлянского священника, который ухаживал за больными, исповедовал и причащал умирающих и в конце концов заразился и погиб вместе со своей семьей, в газетах появились и другие новости. Из Царицына писали, что местное духовенство не поддерживает санитарную комиссию в вопросе об эпидемическом кладбище⁵⁹⁶. Ходили слухи, что заразиться чумой можно через лжицу для причащения и епитрахиль — во время исповеди, а воздухи, которыми во время отпевания покрывали умерших, накапливали смертельные миазмы, даже если труп полностью был закрыт саваном⁵⁹⁷. Врачи требовали при малейших подозрениях отказаться от похоронного обряда и захоранивать тела без гробов и саванов под слоем негашеной извести.

Подобные предложения вызывали яростные протесты крестьян и шок у образованных слоев — но они же распространяли режим повышенной чувствительности на область, применительно к которой санитарно-гигиенический подход прежде воспринимался как неприемлемый (за несколько лет до описываемых событий предложение врачей, из гигиенических соображений, заменить кладбища колумбариями вызвало сильнейший общественный протест⁵⁹⁸). Год спустя на одном из съездов земских врачей был прочитан доклад, автор которого видел причину распространения дифтерита в том, что «в Германии можно все дезинфицировать, а у нас посуду, иконы, утварь дезинфицировать население не

⁵⁹⁴ Мелкие нужды петербуржцев // *Здоровье*. 1884. №37. С. 461.

⁵⁹⁵ *Смоленский П. О.* Письма из-за границы. С. 22.

⁵⁹⁶ *Современные известия*. 1879, 6 января. №5. С. 2.

⁵⁹⁷ *Современные известия*. 1879, 2 февраля. №32. С. 2.

⁵⁹⁸ *Шмелев М. Н.* О сожигании трупов // *Здоровье*. 1875. Т. 1. № 12. С. 255–262. Дискуссия эпидемиологов о кладбищах велась с середины XIX века, после холерной эпидемии 1853-1854 годов (см.: *Гюбнер Ю. Ю.* Современное состояние вопроса о кладбищах // *Архив судебной медицины и общественной гигиены*. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 100-112; там же. Кн. 4. Отд. III. С. 32-107).

дает»⁵⁹⁹. Медики задавались вопросами, которые остальным группам населения казались попросту кощунственными: например, как сильный запах ладана действует на здоровье и влияет ли традиция целовать Евангелие и иконы на распространение болезнетворных микроорганизмов⁶⁰⁰. Кроме того, во время вспышек болезней врачи регулярно рекомендовали воздержаться и от любых массовых мероприятий, начиная с ярмарок и заканчивая церковными службами и религиозными процессиями, что шло вразрез с общепринятой практикой крестных ходов и молебнов, в которых видели спасение от эпидемий, интерпретировавшихся как проявление Божьего гнева.

Для русского медицинского сообщества эпидемия стала поводом не только в очередной раз выступить с доводами в пользу контагиозной или миазматической природы чумы, не только резко раскритиковать существующие уставы — медико-полицейский и карантинный, но и предъявить *urbi et orbi* решительные требования по изменению как частных и общественных гигиенических привычек, так и социального порядка в целом, что логически ставило под вопрос эффективность существующего государственного строя⁶⁰¹. Подобные выводы не были случайными или единичными: санитарно-гигиенический взгляд проверял на соответствие общим гигиеническим нормам жизненный обиход каждой социальной группы. Еще в 1871 году журнал «Архив судебной медицины и общественной гигиены», созданный

⁵⁹⁹ Протоколы съезда земских врачей Таврической губернии 1873-1880 гг. Симферополь: Типография Спири, 1881. С. 6. См. также: Прохоров П. Н. О противугиенических обрядах при праздновании дня Пасконеи-Пятницы в селе Ильяши, Ямбургского уезда Петербургской губернии // Здоровье. 1883. №41. С. 3-4.

⁶⁰⁰ Трусколявский Ц. Ф. К вопросу о загрязнении скорбных листов и книг в больницах микроорганизмами. Дис. д. мед. СПб.: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1894. С. 6. Подобные исследования опирались на работы Пастера, обнаружившего способность бактерий жить в бумаге (книгах, документах, письмах). К ним, в свою очередь, апеллировали санитарные врачи, которые видели причину распространения туберкулеза в привычке слюнить пальцы и плевать в общественных местах (см.: Кунките М. И. К вопросу о борьбе со слюнявливанием пальцев и плеванием в общественных местах: по материалам специализированной прессы руб. XIX-XX вв. Доклад, прочитанный на семинаре «История медицины, здравоохранения и благотворительности» 4 октября 2012 года, Российская национальная библиотека, Музей истории сестринского дела в Петербурге).

⁶⁰¹ Требования нового социального порядка были характерны для деятельности европейских гигиенистов изначально (*La Berge A. F. Mission and Method: The Early Nineteenth-Century Public Health Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992). Но в России они звучали особенно резко и воспринимались как угроза самодержавному режиму. В начинаниях врачей-гигиенистов государство не без оснований усматривало проявление либеральных взглядов. И. Д. Страшун приводит документы, затребованные Главным управлением по делам печати после того, как профессор гигиены А. П. Доброславин ходатайствовал о разрешении ему издавать журнал «Здоровье»: в их число вошло донесение агентов охранного отделения. Основанием для сбора сведений о личности профессора стало то, что «журнал... будет касаться такой специальности, по которой весьма возможно проявление вредного направления в разработке различных щекотливых вопросов, входящих в обширный круг предметов, обнимаемых гигиеной» (*Страшун И. Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907-1917 гг.* С. 15-16).

по образцу французского органа *Annales d'hygiène publique et de médecine légale*, был вынужден сменить редакцию (главный редактор С. П. Ловцов оставил свой пост, а цензор получил выговор) из-за публикации о жизни рабочих в Западной Европе, которая была сочтена пропагандой социалистических взглядов⁶⁰².

В публичной дискуссии о гигиене очищенный, освобожденный от «санитарных безобразий» российский город представлял метафорой социальной революции⁶⁰³. Рассуждая о необходимых мерах, фельетонист либеральной газеты «Голос» в первую очередь называл помощь низшим классам и резюмировал: «Дело, следовательно, забирается под самый корень, где гнездится основа всякой заразы — народная нужда»⁶⁰⁴. Переключаясь из профессионального медицинского регистра в общественный социальный, врачи и публицисты сосредотачивали внимание на группах риска, соприкасавшихся с дурнопахнущими сторонами жизни (кладбища, бойни, золотарное дело, фабричные производства — кожевенное, красильное, бумагоделательное, бойни, рыбные промыслы, городские свалки и ночлежные дома и т.п.) и, следовательно, способных «воздушным» путем разнести заразу среди других слоев общества.

Традиционная для предыдущих эпидемий риторика, обвинявшая в распространении болезни внешнего врага⁶⁰⁵, уступала место поиску внутренних виновников социальной катастрофы⁶⁰⁶. Прочитую фельетониста «Современных известий»: «Ветлянка, утверждают капитаны пароходов, десятки раз проходившие мимо нее, такое смрадное место, что пассажиры, минуя эту станицу, принуждены бывают затыкать нос от зловония. Может быть, даже и самая зараза, полагают иные, не занесена в Ветлянку, а народилась и будет нарождаться там от сырости при работах в ватагах, т. е. амбарах, где вялят бешенку и другую рыбу, от дурного помещения, пропитанного смрадом гнилой рыбы, от дурного питания — только рыбой. При

⁶⁰² Зайцев В. А., Якоби П. И. О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 3. Отд. III. С. 160-216. Этот обзор основывался на книге В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869) и впервые по-русски цитировал «Капитал» К. Маркса.

⁶⁰³ Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 130.

⁶⁰⁴ Голос. 1879, 13 (25) февраля. №44. С. 3.

⁶⁰⁵ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. С. 360, 369.

⁶⁰⁶ Голос. 1879, 30 января (11 февраля). №30. С. 1-2.

дороговизне дров рабочие в сырых помещениях согреваются там самоваром и собственным теплом... Зараза <...> для теперешней России может пахнуть миллионами жизней, при густоте населения и частых сношениях, и миллиардами рублей, при необходимости внутренних и внешних карантин, остановке торговли и всякого производства»⁶⁰⁷.

Журналистам вторили врачи: «...В настоящее время стало уже общеизвестной истиной то, что всякого рода заразы легче всего прививаются в среде бедного населения, живущего в дурных гигиенических условиях. Поэтому естественно было, в виду чумы, озаботиться об улучшении этих условий»⁶⁰⁸. Тем самым медики все решительнее претендовали на авторитет и власть в сферах, традиционно находившихся в ведении государства и церкви; эпидемия и общий страх предоставляли им повод требовать расширения полномочий.

Многие городские управы (Петербурга, Москвы, Варшавы, Харькова, Одессы, Кишинева, Саратова, Каменец-Подольска, Казани и др.) предприняли разделение городов на санитарные участки. К этому добавились низовые инициативы: например, в Василеостровской части Петербурга было организовано частное санитарное общество, с целью осматривать торговые помещения и трактиры, выявлять санитарные беспорядки и привлекать к ответственности через полицию виновных в порче воздуха и нарушении гигиены⁶⁰⁹. В Москве губернской санитарной комиссии под предлогом эпидемии впервые удалось получить разрешение на осмотр фабрик и заводов, для исследования качества атмосферы и условий труда⁶¹⁰. Среди городского населения распространялись следующие рекомендации: «Задача же каждого частного лица, каждого домохозяина должна состоять в том, чтобы помещение, занимаемое им, было содержимо в наивозможной чистоте, было часто и разумно проветриваемо и очищаемо, равно как и воздух, заключенный в нем <...>; чтобы дворы, отхожие места и помойные ямы вычищались чаще и дезинфицировались»⁶¹¹.

⁶⁰⁷ Современные известия. 1879, 10 января. №9. С. 2.

⁶⁰⁸ *Скворцов И. П.* Ветлянская эпидемия и вызванные ею санитарно-медицинские меры // Сборник статей о чуме. Вып. 2. С. 169.

⁶⁰⁹ Новое время. 1879, 12 (21) марта. №1090. С. 3.

⁶¹⁰ *Карпов Л. Н.* Земская санитарная организация в России. С. 67-68.

⁶¹¹ Чума и предохранительные меры против нее. С. 6.

Об опасности, как и прежде, сигнализировали запахи — их следовало тщательно изучить и по результатам инспекции принять меры. Провинциальная пресса сообщала: «В Саратове... тоже взялись за ум и начали внимательно осматривать и обнюхивать всю ту мерзость, от которой привычные носы перестали даже и отворачиваться»⁶¹². Пристальное внимание временной санитарной и медицинской администрации привлекали бойни, рынки, кладбища, ночлежные дома, постоянные двory, свалки, промышленные заведения и бани, отчет о которых начинался с фиксации дурных запахов⁶¹³. Появление в этом ряду бань не должно вызывать удивления: и с точки зрения теории миазмов, и с точки зрения «почвенной теории» Петтенкофера в банях концентрировались дурные эманации человеческого тела и грязного белья⁶¹⁴. Одесская городская дума, после того, как «в Думе было заявлено, что недавно 12 нижних чинов упали в обморок в бане, где производилась стирка белья»⁶¹⁵, выпустила постановление, запрещающее стирку. Все эти локусы вызывали двойной страх: запах свидетельствовал о таившейся в них заразе, но доступные меры по их очищению лишь усиливали и распространяли зловоние, тем самым повышая в глазах обывателей опасность заражения. Например, в Екатеринодаре санитарная комиссия встретила «возражения со стороны радетелей родного навоза, который если, дескать, тронуть, то усилятся болезни»⁶¹⁶. В качестве альтернативы было предложено покрыть отбросы «непроницаемой корою карболовой кислоты», т. е. изолировать дурные запахи с помощью дезинфектанта и тем избежать заражения воздуха. Сходный вопрос дебатировался и в Петербурге: Общество практических врачей «большинством признало, что одновременное поднятие громадного количества нечистот может вредно повлиять на здоровье населения»⁶¹⁷.

Пресса между тем без устали напоминала, что полагаться только на работу санитарных

⁶¹² *Мизантропов Н.* Калейдоскоп: литературные и общественные заметки // Дело. 1879. №3. С. 136.

⁶¹³ Заметки участкового санитарного попечителя // Здоровье. 1879. Т. 5. №121. С. 359-361; там же. 1879. Т. 5. №122. С. 380-382.

⁶¹⁴ «Говоря о банях, мы должны заметить, что большинство из них служит уже большим тормозом оздоровлению городов, вследствие крайне антисанитарного устройства их, при котором вся грязная вода уходит не в отводную трубу, а прямо под почву, где скопившаяся грязь развивает миазмы и заражает воздух» (Гигиено-экономический словарь практических познаний, необходимых каждому для сохранения и продления жизни в хозяйстве и экономии / Под ред. И. Кустаревского. В 2 т. Т.1. М.: С. И. Мухин, 1888. С. 145-148).

⁶¹⁵ Голос. 1879, 5 (17) февраля. №36. С. 3.

⁶¹⁶ Новое время. 1879, 18 (30) марта. №1096. С. 4.

⁶¹⁷ Новое время. 1879, 9 (21) марта. №1087. С. 3.

комиссий не следовало — их было куда меньше, чем нужно, и нерадивым домовладельцам было легко ввести надзирателей в заблуждение. Более того, не следовало доверять и тем, кто чистосердечно был готов к сотрудничеству с санитарными комиссиями. Предполагая, что хозяева домов часто гораздо невежественнее — и, следовательно, нечистоплотнее своих квартирантов, газеты предлагали образованным жильцам, в целях обеспечения собственной безопасности, взять ответственность за среду обитания на себя и наблюдать как за хозяевами домов, так и за собственными соседями по дому и двору. В этом вопросе журналисты следовали за врачами, которые с 1860-х годов настойчиво писали о связи между состоянием жилища и здоровьем человека и клеймили домовладельцев за небрежное отношение к чистоте и нарушение элементарных санитарных правил⁶¹⁸. Так, гигиенист Г. И. Архангельский писал: «Некоторые домовладельцы в умственном образовании стоят до сих пор не выше Коробочки Гоголя, а в менее аристократических участках города мы имеем полное право предполагать едва ли большинство таких домовладельцев. ... Ждать ли когда уровень образования всех домовладельцев повысится или спасти здоровье жильцов?»⁶¹⁹.

В свою очередь, домовладельцы старались избегать невыгодных для них санитарных мер: при отсутствии центральной канализации и водопровода для содержания домов и дворов в таком состоянии, которое удовлетворило бы санитарных врачей и инспекторов, им бы пришлось прибегать к услугам ассенизаторов и водовозов в несколько раз чаще. Поэтому они предпочитали периодически платить штрафы, а не регулярно тратить деньги на поддержание домовой инфраструктуры и чистоты воздуха. Санитарные врачи не обладали достаточной властью, чтобы превратить санитарно-гигиенические меры из рекомендованных в обязательные, муниципальные власти не считали профилактику своей задачей, а полицейские чины не видели необходимости следить за выполнением мер, которые с точки зрения действующего врачебного устава могли восприниматься как избыточные. С похожими трудностями при попытках распространения санитарно-гигиенического знания и институционализации санитарно-гигиенического контроля сталкивались и в европейских странах. Например, в Бельгии врачи и представители муниципальных властей неоднократно

⁶¹⁸ См., например: Известия и заметки // Здоровье. 1877. Т. 3. №67. С. 298; также: *Кувайцев Н. Г.* Из Екатеринослава // Здоровье. 1877. Т. 3. №77. С. 493-494.

⁶¹⁹ *Архангельский Г. И.* Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 103.

пытались призвать к ответу домовладельцев, уклонявшихся от требований содержать принадлежащие им здания и дворы в чистоте, но даже показательные аресты и высокие штрафы не приводили к желаемому результату⁶²⁰.

Чтобы обойти эти трудности или по крайней мере сделать их предметом общественного обсуждения, приверженцам санитарно-гигиенической повестки следовало привлечь на свою сторону жильцов, непосредственно страдавших от неопрятности и нездоровости своих обиталищ. Некоторые издания прямо обращались к читателям с просьбой присылать в редакцию жалобы на конкретные «санитарные безобразия», обещая публиковать самые вопиющие случаи и следить за принятыми мерами. Приведу две жалобы из газеты «Современные известия»: «Пусть члены комиссии энергично примутся за осмотр состояния домов, причем каждый из квартирующих может рекомендовать комиссии свой, как например, я — дом г. Шелапутина в Черкасском переулке и его же другой на Волхонке; при 100 тыс. дохода, в центре города, с массой живущих, здесь полнейшее отсутствие необходимых принадлежностей, а наоборот, царство зловония, духоты и испарений! Из 10 домов, взятых наугад, 9 представляют сохранныю казну заразительных болезней!»⁶²¹. «Другая сторона обитаемого мною дома выходит на улицу (в переулочек у Никитских ворот), но и оттуда я выехал прошлым летом, потому что не мог отворить окна, по той же причине (вонь); о чем и заявил в свой квартал, прося принять меры к очищению дворов, откуда неслись отвратительные запахи (с другой стороны улицы)... Полиция приняла меры и стало на некоторое время лучше: вонь уменьшилась, но не надолго; опять эти люди, умеющие только поглощать, зарядили так, что я предпочел оставить их соседство, а именно — какое-то экипажное заведение, модистки и т. п. сброд. <...> Все эти дома наполнены чернорабочими, трактирами, мясными и рыбными лавками и другими лавчонками, даже тут есть булочная (Челнокова). Но что же тут везде за мерзость, что за невыразимое зловоние! Говорю как честный человек: я сам в этом сто раз убедился, видел и нюхал сам, и теперь по той стороне, где эти дома, не хожу и не пойду, пока их не уничтожат»⁶²².

⁶²⁰ *Oris M.* Hygiène publique et médicalisation dans une cité industrielle. P. 987-988.

⁶²¹ Современные известия. 1879, 13 января. №12. С. 2.

⁶²² Современные известия. 1879, 27 января. №26. С. 2.

Всего за январь-февраль 1879 года в «Современных известиях» было напечатано около 40 подобных жалоб, в которых речь шла о жилых домах, лавках, рынках, конюшнях и мастерских, ночлежках и трактирах. Тем самым частный случай выносился на суд общества, становясь из единичного казуса примером царящего всюду хаоса и беспорядка, о котором общество должно было быть поставлено в известность⁶²³. В санитарных жалобах патология и зараза очевидно получали социальное измерение: в первую очередь ответственность за «санитарные безобразия» авторы жалоб возлагали на представителей других социальных групп, от купцов и мещан до ремесленников, разнорабочих и нищих.

В Петербурге практика санитарных жалоб была обязана своим появлением холерной эпидемии 1871 года, во время которой санитарные комиссии и полиция не справлялись с осмотром всех подозрительных мест, и массовая газета «Петербургский листок» обратилась за помощью к своим читателям. Сведения о гниющем мусоре, невычищенном дворе, неубранном снеге, дурном запахе из лавки публиковались и после окончания эпидемии; санитарная жалоба как жанр проникла и в специализированный медицинский журнал «Здоровье», и в провинциальные газеты, вроде «Астраханских губернских ведомостей». Примечательно, однако, что в изданиях для высших слоев общества жалоб не было: «Это был способ борьбы небогатых квартиросъемщиков с недобросовестными домовладельцами ради соблюдения обязательств по договору и поддержания условий, необходимых для здоровья и безопасности жизни»⁶²⁴. Таким образом с помощью «малой прессы» информация о гигиенических стандартах и возможных санитарных мерах распространялась среди различных социальных слоев. Читатели популярных медицинских изданий даже могли обнаружить в них образцы контрактов для найма квартиры, в которых оговаривались чистота мостовой, запахи из швейцарской и с черных лестниц, наличие вентиляции на кухне и своевременная очистка выгребных ям: хозяин дома должен был позаботиться о том, чтобы «ни в обыкновенное время, ни во время очистки выгребов не будет заметно ни малейшего

⁶²³ Об эффекте прессы, превращавшей толпу — в публику, слухи и толки — в общественное мнение, а локальное событие в дело общественной важности, рассуждал Г. Тард: «Пресса, раз дошедшая до фазиса газеты, делает национальным, европейским, космическим все местное, все, что в прежние времена, каково бы ни было его внутреннее значение, оставалось бы неизвестным за пределами весьма ограниченного района» (Тард Г. Общественное мнение и толпа. С. 65). Благодаря прессе Ветлянская эпидемия, разразившаяся в далекой станице с 1700 жителей, сделалась общероссийской катастрофой.

⁶²⁴ Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу. С. 82-83.

запах»⁶²⁵. В последующие десятилетия, по мере усиления административной власти санитарных врачей, жалобы стали достаточно эффективным инструментом для борьбы с грязью и дурными запахами, а также — для постоянного напоминания о важности этой борьбы⁶²⁶.

Дополнительное напряжение создавалось за счет «вертикального» членения городского пространства, характерного для Петербурга и Москвы второй половины XIX века, когда разные этажи одного дома занимали представители различных социальных страт, т. е. в городе индустриальной эпохи сохранялась структура прединдустриального типа⁶²⁷. Даже в престижных городских кварталах элиты жили бок о бок с представителями низших социальных слоев⁶²⁸. Кроме того, в Петербурге, где с 1763 года дома строились вплотную к друг другу, без разрывов⁶²⁹, центр города представлял собой каменные коридоры с каменными же дворами, в которых находились общие выгребные и помойные ямы, дровяные склады и службы. Пользовались ими все жильцы, и все они с легкостью могли стать жертвами дурных испарений. Впрочем, в других русских городах, где социальные различия все же имели «горизонтальное», пространственное выражение, расстояние между особняками обеспеченных горожан и жилищами мелких торговцев и поденщиков было невелико и измерялось пространством квартала или двора⁶³⁰. Благодаря популяризации миазматической теории невозможность отгородиться от запахов, их вездесущность не просто привлекали внимание к опасному соседству, но и делали потенциальными жертвами — и, следовательно, заинтересованными наблюдателями и надзирателями — огромное число людей.

⁶²⁵ Желательный, но далеко не идеальный контракт для найма квартиры // *Здоровье*. 1883. №32. С. 2-7. См. также: *Юхнева Е. Д.* Петербургские доходные дома. С. 14.

⁶²⁶ *Верекундов С. П.* Санитарное состояние Киева в 1887-1889 гг. С. 13-15.

⁶²⁷ *Bater J. H.* St. Petersburg: Industrialization and Change. London: Arnold, 1976. P. 402-403.

⁶²⁸ В качестве примера такого вертикального социального среза можно привести дом Мурузи (Литейный просп., 24/27), находившийся в одном из самых фешенебельных кварталов города — 3-м участке Литейной части. Сдававшиеся внаем квартиры с бельэтажа до четвертого этажа в конце XIX века занимали графиня Ламсдорф, князь Голицын, баронесса Врангель, член Военного совета, генерал от инфантерии Зверев, над ними жили дочь действительного статского советника девица Фревилль и доктор Попов, еще выше — портной Ямпси (Весь Петербург: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1899 год / Ред. Н. И. Игнатов. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1898).

⁶²⁹ *Кириченко Е. И.* Жилая застройка Санкт-Петербурга эпохи классицизма и ее влияние на развитие архитектуры // *Архитектурное наследие*. 1967. №16. С. 81-95.

⁶³⁰ *Brower D. R.* The Russian City between Tradition and Modernity. P. 142.

Отдельное внимание было обращено на пищевые запахи. Пик публикаций о Ветлянской чуме совпал с масленичной неделей и началом Великого поста — периодом, когда одним из главных продуктов в европейской России становилась волжская рыба. Страх перед заразой привел к тому, что икра, свежая и соленая рыба немедленно упали в цене: в них подозревали источник чумного яда и число покупателей резко сократилось⁶³¹. После рыбы пришел черед санитарного исследования и остальных продуктов — хлеба, кондитерских изделий, бакалеи, мяса, овощей. Повышение гигиенической сознательности отзывалось вниманием прежде всего к запахам — гнилых овощей, затхлой муки, лежалого мяса, которые недобросовестные продавцы стремились замаскировать, тем самым подвергая покупателей смертельной опасности⁶³². В январе 1879 года в одном только Царицыне было сожжено 3500 пудов гнилой рыбы; далее эта практика распространилась по всему Поволжью⁶³³. А. П. Доброславин приводит случай, когда ватаги (рыбные склады) даже после дезинфекции хлорной известью пахли гнилой рыбой и поэтому были сочтены заразными и немедленно назначены на снос⁶³⁴.

Репортажи, повествующие о работе санитарных комиссий, фиксировали насмешки и ругательства, сыпавшиеся в адрес проверяющих, но «среди хохота, брани, насмешек и даже угроз, горсть людей — санитарная комиссия от зари до зари блуждает по городу, залезает во все подвалы, чердаки и трущобы, убеждает, требует, настаивает и грозит относительно содержания в чистоте, арестовывает негодную провизию десятками тысяч пудов и сжигает»⁶³⁵. Основным инструментом для определения источника опасности – и, соответственно, для предотвращения болезни или отравления — оказывалось тонкое обоняние. Врачи и ученые признавали, что такой способ ненадежен, но не могли предложить другого. Тот же казанский врач И. П. Скворцов замечал: «...Предприняв всеобщее освидетельствование рыбы, у нас не было никаких твердо установленных критериев ее годности, кроме того — воняет она или нет. А так как чувство это слишком субъективно, то и

⁶³¹ Современные известия. 1879, 28 января. №27. С. 2.

⁶³² Новое время. 1879, 17 (29) февраля. №1067. С. 3. В этом же номере описан скандал вокруг московских калачей, которые «пекутся на нечистой жидкости и с величайшим неряшеством».

⁶³³ Современные известия. 1879, 12 января. №11. С. 2; Современные известия. 1879, 17 января. №16. С. 1-2.

⁶³⁴ Доброславин А. П. О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. С. 30.

⁶³⁵ Голос. 1879, 7 (19) февраля. №38. С. 1.

случалось нередко разногласие в приговоре экспертов, как было и у нас в Казани»⁶³⁶. Были предприняты попытки формализовать принцип принятия решений. Так, астраханская санитарная комиссия от 12 февраля 1879 года постановила, что тузлук и жировая соль, применяющиеся в рыбных промыслах, не могут употребляться «более года в теплых лабазах» — период, после которого запах становился совершенно невыносимым⁶³⁷. Однако разнообразие обстоятельств было слишком велико и единой программы действий выработать не удавалось.

Едко критикуя рыбопромышленников, пытавшихся протестовать против разорительных мер предосторожности, фельетонист «Голоса» пишет: «...Десятки лет ведем торговлю, и только теперь узнаем, что такое негодная селедка, несвежий малосол. Так уж спокон веку заведено, что рыбка с душком, особливо соленькая — самый первый сорт. У нас на этот душок смотрели как на душок в сырах и рябчиках. Нарочно делали засол рыбки так, чтоб была с душком-с. Да и стерлядка с душком — это первый сорт: и букетец, и мягкость, знаете, нежность...»⁶³⁸. В приведенной цитате примечательно социальное расхождение в оценках сомнительного запаха: непросвещенное купечество не хочет признавать или попросту не понимает указываемой ему опасности и бездумно считает резкий запах («с душком») признаком всякого деликатеса. Этот конфликт интересов — купца, который ориентировался на «старомодный» гастрономический стандарт и считал повышенную ольфакторную щепетильность делом затратным и нерациональным, и санитарного врача, который отождествлял селедочный «душок» с заразой и требовал пожертвовать частной выгодой ради выгоды общественной, — будет возникать раз за разом как конфликт гигиенистов и общества, подлежащего гигиенизации. Столкновение происходило всякий раз, когда требования санитарных врачей входили в противоречие с интересами других групп: крестьян, не желающих тратить время на «излишнюю» чистоту и портить утварь дезинфекцией с помощью карболки; домовладельцев, предпочитавших разовый штраф регулярным расходам на ассенизацию; тряпичников, чье существование поддерживалось сбором зараженной и вонючей ветоши, и др. Для безоговорочной победы гигиенисты не

⁶³⁶ Скворцов И. П. Ветлянская эпидемия и вызванные ею санитарно-медицинские меры. С. 140.

⁶³⁷ Астраханские губернские ведомости. 1879, 24 марта. №24. С. 1-2.

⁶³⁸ Голос. 1879, 7 (19) февраля. №38. С. 1.

только были недостаточно убедительными, но и не обладали необходимой административной властью: их полномочия, как правило, ограничивались кризисными периодами.

Отметим, что в осуждении рыбопромышленников не последнюю роль играла глубоко укоренная сословная враждебность к купечеству, которая объединяла дворян и крестьян. В традиционных обществах, к которым принадлежала и дореформенная Россия, торговля, как правило, воспринималась как предосудительное занятие. Как отмечает Э. Хаген, «в деревнях почти всех традиционных обществ очень высоко ставятся сплоченность и обязанность помогать друг другу. Это чувство взаимопомощи распространяется и на вышестоящих; существует чувство взаимозависимости и взаимных обязательств между простыми людьми и вышестоящими группами элит. <...> Купцы-финансисты не принимают в расчет этих взаимных обязательств. Они являются одинокими волками, или, если угодно, первыми представителями *homo oeconomicus*, которым выгодно совсем не то же самое, что другим членам общества, и которых все остальные в обществе рассматривают как людей аморальных и антиобщественных»⁶³⁹. Астраханские купцы становились объектом критики и насмешек не только из-за консерватизма и патриархальности быта, которые приписывались всему купеческому сословию, но и из-за своего нежелания приносить жертвы ради предположительного общественного блага. Соответственно, главным врагом санитарной реформы оказывался не «темный» крестьянин, ежедневно борющийся за жизнь, а вполне благополучный купец, с его «допетровскими» обычаями и антиобщественными взглядами, расхвалившимися с либеральными представлениями о социальной ответственности. Представители обоих этих сословий, однако, нуждались в воспитании гигиенической сознательности и ольфакторной бдительности.

С высшими социальными стратами тоже не все обстояло благополучно. В обзоре последствий Ветлянской чумы автор «Отечественных записок» отмечал: «Мы вот все обвиняем в грязи и нечистоплотности мужика, а чума показала, что и все благородные российские люди равно склонны к этому и что в этом случае ни наука, ни образование, ни высокость рода, ничто не помогает русскому человеку отрешиться от грязи и

⁶³⁹ Hagen E. E. On the Theory of Social Change. Homewood, 1962. P. 60-61. Цит. по: Беккер С. Миф о русском дворянстве. С. 98.

нечистоплотности»⁶⁴⁰. Нарушителями санитарных норм оказывались и журналисты, и аристократы. В том же номере приводилась выписка из акта полицейско-санитарного осмотра, который был произведен в Английском клубе в Петербурге (Невский просп., 84-86) после многочисленных жалоб домовладельцу — князю Н. Б. Юсупову. Обозреватель отмечал, что картина открывшихся безобразий «могла бы занять видное место в романе французской натуральной школы» (отметим эту риторическую апелляцию к золаистской поэтике). В 1871 году в прессе подробно освещалось дело «Вяземской лавры»: в принадлежащих князю А. Е. Вяземскому домах с дешевыми номерами и углами трубы от отхожих мест были частично подсоединены к городскому водозаборнику, а частично и вовсе выходили прямо в Фонтанку, откуда жители ближайших кварталов брали воду для питья и стирки⁶⁴¹.

Ольфакторное беспокойство, страх и отвращение, порождаемые риторикой санитарного дискурса, оказывались действенным средством пробуждения санитарной бдительности. Либеральные издания регулярно публиковали материалы, полные шокирующих подробностей. В пропаганде гигиены к ним присоединялись и консерваторы. Даже в ультраправых «Московских ведомостях» появилась статья доктора О. Маркевича, члена московской санитарной экспедиции в Астраханскую губернию, с устрашающим описанием процесса засолки волжской рыбы: «Кошки, собаки, свиньи, крысы оступаются в лари, тонут. Я не могу и представить себе тузлук, в приправу коего не входили бы то в разное время и по одному, то одновременно все вышеупомянутые звери. Насколько присутствие трупов этих зверей в ларях есть явление привычное, мало беспокоящее владельцев ватаг, можете убедиться из того, что даже трупам людей, попавших в лари и утонувших или утопленных там, дают залеживаться в ларях до тех пор, пока кожа и мясо их не растворятся в тузлуке»⁶⁴². Подобные материалы выходили после каждой крупной эпидемии: например, астраханский врачебный инспектор опубликовал результаты санитарного освидетельствования рыбных

⁶⁴⁰ Со ссылкой на «Смоленский вестник» приведено в: Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. Т. ССXLIII. №3-4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 140-143.

⁶⁴¹ Эрисман Ф. Ф. Настоящее состояние в санитарном отношении домов кн. Вяземского в Петербурге в марте 1871 г. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. III. С. 45-78; Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1871, 19 марта. №64; там же. 1871, 20 марта. №65; там же. 1871, 21 марта. №66.

⁶⁴² Московские ведомости. 1879, 10 марта. №60.

промыслов во время холерной эпидемии 1871 года⁶⁴³.

И либеральная пресса, и профессиональное сообщество отмечали благотворное влияние, оказанное эпидемией на представления о гигиене⁶⁴⁴. Рассуждая о бытовых последствиях эпидемии, профессор Казанского университета И. П. Скворцов отмечал: «Чума и сделанные по ее поводу открытия того, что издавна у всех перед глазами, заставили, как известно, воспрянуть всех. У всех на языке теперь «гигиена», «санитарные меры», «оздоровление», «дезинфекция» и т. д. — словом, то, что было до сих пор забыто и служило темой разговоров в ограниченных кружках, теперь сразу приобрело повсеместное распространение, приняло своего рода характер эпидемии»⁶⁴⁵. Таким же эффектом обладали и другие эпидемии: каждая из них производила сильную, пусть и кратковременную встряску общества⁶⁴⁶.

Благодаря мощной дискурсивной поддержке и политическим последствиям, некоторые санитарно-гигиенические практики, вызванные к жизни Ветлянской эпидемией, переросли формат временных и предупредительных мер и институционализировались. Министерство внутренних дел издало циркуляр об улучшении санитарного быта русских городов. На государственном уровне одним из важнейших следствий стал пересмотр Карантинного и Медико-полицейского устава⁶⁴⁷; на уровне губернском — создание временных медицинских комиссий для изучения чумы, комитетов общественного здоровья и санитарных комиссий — для принятия срочных мер безопасности. Такие комиссии, состоявшие, как правило, из представителей городских и земских управ и уважаемых горожан, наделялись полномочиями надзирать за гигиеной не только общественных мест, но и частного пространства (например, в Тамбове санитарные попечители получали право беспрепятственно «входить в дома и дворы для наблюдения за чистотой во всякое время»).

⁶⁴³ Чорбин С. Т. Рыбные ватаги Астраханской губернии в промысловом и гигиеническом отношении // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. III. С. 1-16.

⁶⁴⁴ См., в частности: Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. Т. ССXLIII. №3-4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 138.

⁶⁴⁵ Скворцов И. П. О заразных болезнях вообще и о чуме в частности с этиологической и санитарной точек зрения // Сборник статей о чуме. Вып. 1. С. 131.

⁶⁴⁶ См., например, об инфлюэнце 1889 года: Гигиена и хлеб насущный: Из записок столичного обывателя. СПб.: Типография А. Лашинского, 1889.

⁶⁴⁷ Доброславин А. П. Чума Ветлянки и наш карантинный устав с медико-полицейской точки зрения. СПб.: [Б. и.], 1887.

Однако санитарные комиссии все еще практически не включали врачей — их присутствие считалось факультативным и не было оговорено в правилах. Для наблюдения за чистотой казался достаточным частный опыт образованных и уважаемых граждан, для призывов к соблюдению европеизированного гигиенического стандарта еще требовалась «порядочность», а не профессиональная экспертиза. Врачи на тот момент не обладали правом решающего голоса в вопросах общественного здоровья: процесс изменения их профессионального статуса только начинался. Перелом наступил лишь во время следующей серьезной эпидемии — общеевропейской холеры 1892-1893 годов⁶⁴⁸.

В ситуации невидимой, но осязаемой и вездесущей опасности тонкое обоняние, внимание к мелочам и повышенная брезгливость оказывались необходимыми союзниками человека. Фельетонист «Голоса» патетически писал: «Не чума страшна, а то чумное ослепление, которое целые века заставляет нас спустя рукава глядеть <sic!> на систематическую порчу воздуха, воды, почвы и жилищ в наших городах. От этой беспечности ежегодно, ежедневно уносится гораздо больше жертв, нежели от Ветлянской эпидемии. Все эти пневмотифы, холеры, дифтериты, оспы только потому и опасны, что наше обычное невнимание к гигиеническим условиям жизни создает для них богатую почву»⁶⁴⁹. Риторика санитарного дискурса доводила ситуацию до экстремума, укрупняя «санитарные безобразия», распространяя режим опасности на каждое поселение, каждый город, от казачьей станицы на юге России до доходного дома в Москве и Петербурге — тем самым выводя повседневность из «автоматического» режима и провоцируя общество на решительные действия.

Чистоплотность и чувствительность становились знаками европейской цивилизованности и новой буржуазной нормы, а изощрение обоняния и повышение брезгливости — необходимым условием не только в выборе между «культурностью» и варварством, но и в деле обеспечения личной безопасности. Так во второй половине XIX века каждая из эпидемий влияла на формирование новых гигиенических и цивилизационных норм и косвенно способствовала созданию новых представлений о субъективности. «В войне с

⁶⁴⁸ Frieden N. M. The Russian Cholera Epidemic, 1892-1893, and Medical Professionalization. P. 538-559.

⁶⁴⁹ Голос. 1879, 18 февраля (2 марта). №49. С. 1.

невидимым врагом требуется принимать еще более предосторожностей разного рода, чем в войне с врагом видимым, и, конечно, чем враг, например, чума, опаснее, тем более это справедливо», — пишет врач-гигиенист в заметках о противочумных санитарных мерах⁶⁵⁰. Важную роль в этом реформировании чувствительности сыграла и Ветлянская чума, разразившаяся в России накануне усвоения бактериологических открытий Пастера и Коха.

2. 4. Гигиенические выставки и санитарно-бактериологический синтез

Еще одним инструментом, благодаря которому во второй половине XIX века новая санитарно-гигиеническая модель повседневности распространялась в обществе, способствуя реконфигурации чувствительности, выдвигению обоняния в социальное пространство и воспитанию *homo hygienicus*, были гигиенические выставки. В отличие от специализированных санитарно-гигиенических конгрессов и конференций, регулярно проводившихся в Европе с 1851 года и собиравших, с одной стороны, политиков и дипломатов и, с другой, специалистов — эпидемиологов, химиков, медиков, демографов для выработки единой системы мер при эпидемиях холеры, тифа, оспы, гриппа/инflюэнцы⁶⁵¹, гигиенические выставки имели другие задачи — дидактические и просветительские. Впервые в Западной Европе такая выставка (*Exposition d'hygiène et de sauvetage*, в тогдашнем русском переводе — «выставка гигиены и спасения погибающих») прошла в Брюсселе в 1876 году, что положило начало традиции, державшейся до конца 1930-х годов.

Устроенная по образцу популярных художественно-промышленных выставок, первая Международная гигиеническая выставка предназначалась для широкой аудитории и репрезентировалась как масштабный просветительский проект, способный, благодаря обмену идеями и новшествами, объединить пространство западноевропейской культуры на почве общего стремления к прогрессу. Прогресс в данном случае понимался и очень широко (светлое будущее для человечества), и очень узко (его источник виделся в торжестве

⁶⁵⁰ Скворцов И. П. О заразных болезнях вообще и о чуме в частности с этиологической и санитарной точек зрения. С. 90.

⁶⁵¹ Howard-Jones N. The Scientific Background of the International Sanitary Conferences, 1851-1938. Geneva: World Health Organization, 1975. P. 9.

урбанизма и гигиены)⁶⁵². Экономические и политические цели маскировались и отодвигались на задний план, а просвещение ради будущего блага всего человечества объявлялось основной задачей. Впервые эту стратегию еще в 1851 году использовали организаторы лондонской Промышленной выставки⁶⁵³. Тем же прогрессистским и дидактическим пафосом были проникнуты и последующие массовые гигиенические выставки, как международные, так и национальные.

Российскую коллекцию для Брюссельской гигиенической выставки готовил оргкомитет, состоявший из видных медиков, под почетным председательством наследника престола⁶⁵⁴. По его распоряжению для устройства русского павильона в Брюсселе было выделено 10 000 франков⁶⁵⁵. Коллекцию из 154 экспонатов, которая была приписана к специально созданному гигиеническому филиалу Педагогического музея военно-учебных заведений, курировал профессор Медико-хирургической академии, известный врач-гигиенист А. П. Доброславин. Зрителям предлагалось опробовать или потрогать выставленные предметы или принять участие в научных экспериментах и демонстрациях⁶⁵⁶. После возвращения коллекции из Бельгии было решено организовать для нее стационарный музей, где с экспонатами, составлявшими два тематических стенда — «Гигиенический кабинет» и «Образцовая классная комната» — могли бы ознакомиться все желающие. Музеефикация выставочных коллекций была принятой практикой: музеи гигиены такого типа были созданы в Берлине, Дрездене и Лондоне.

Еще более важным институциональным следствием стало учреждение в 1877 году Русского общества охранения народного здоровья (его почетным председателем стал великий князь

⁶⁵² Как отмечает Б. Бенедикт, циклопические выставки XIX века конструировали образ идеального города потребления, демонстрируя очищенный мир без бедности, войн, социальных проблем и почти без природы (*Benedict B. The Anthropology of World's Fairs // The Anthropology of World's Fairs: San-Francisco's Panama-Pacific International Exposition. Ed. by B. Benedict. Berkeley: Lowie Museum of Anthropology; London: Scholar Press, 1983. P. 5*).

⁶⁵³ *Greenhalgh P. Ephemeral Vistas: The Expositions Universelles, Great Exhibitions and World's Fairs, 1851-1939. Manchester: Manchester University Press, 1991. P. 17.*

⁶⁵⁴ Международная гигиеническая выставка. Брюссель. 1876. Правила для русских экспонентов. СПб.: [Б.и.], 1875.

⁶⁵⁵ *Лелина Е. И. Русский отдел на Первой международной гигиенической выставке 1876 года в Брюсселе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2006. № 4. С. 103.*

⁶⁵⁶ *Коховский В. П. Общий обзор педагогической части Международной выставки гигиены и спасения погибающих в Брюсселе, в 1876 г. Ч. I. Бельгия // Педагогический сборник. 1877. Кн. 1. С. 5.*

Павел Александрович, председателем — профессор медицины Н. Ф. Здекауэр). Общество получило право издания специализированного журнала, посвященного вопросам медицины и гигиены⁶⁵⁷. Тогда же начались разговоры о необходимости организации национальной выставки сходного масштаба. Престиж гигиены, ассоциировавшейся в России с европеизацией, цивилизованностью и прогрессом, был очень велик, к тому же выставка, как показали первые опыты, оказывалась исключительно эффективным инструментом популяризации новых санитарно-гигиенических стандартов. Первую гигиеническую выставку в Германии (Берлин, 1883⁶⁵⁸) посетило 844 997 человек; первую в Великобритании (Лондон, 1884) — 4 167 000. За ними последовали выставки в Австро-Венгрии (Вена, 1887), Франции (Париж, 1889) и в Российской империи (Варшава, 1887; Санкт-Петербург, 1893).

Первая Всероссийская гигиеническая выставка открылась в Петербурге на территории Михайловского манежа (3918 кв. саж.) и шла полгода, с 21 мая по 10 октября 1893 года (подобные сроки были нормой для таких мероприятий). На торжественном открытии выставки 21 мая 1893 года присутствовали министр народного просвещения И. Д. Делянов, министр внутренних дел П. Н. Дурново, военный министр П. С. Ванновский, управляющий морским министерством Н. М. Чихачев, управляющий министерством земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, начальник Главного морского штаба О. К. Кремер, директор Института экспериментальной медицины Э. Ф. Шперк и председатели российских обществ Красного креста и Спасения на водах. Через полтора месяца выставку посетил император Александр III с семьей, свитой и министрами — этот визит освещался в газетах, а затем был подробно описан в специальной брошюре.

Проект еще в 1887 году подготовили Русское общество охранения народного здоровья и Медицинский департамент Министерства внутренних дел, а в организации приняли участие крупные научно-исследовательские центры (Военно-Медицинская академия, Институт экспериментальной медицины, Московский и Казанский университеты) и учрежденные к

⁶⁵⁷ До 1882 года печатным органом Общества охранения народного здоровья был журнал «Здоровье» (основан в 1874 году, с 1878 по 1882 год издавался Обществом), в 1884 году был основан новый журнал — «Труды Русского общества охранения народного здоровья» (1884-1890, в 1891 году переименован в «Журнал Русского общества охранения народного здоровья», с 1914 по 1917 год издавался под названием «Гигиена и санитария»).

⁶⁵⁸ Берлинская выставка должна была открыться двумя годами раньше, но склады с экспонатами были уничтожены пожаром.

этому времени специализированные санитарные и врачебные комиссии при городских управах. Реализация проекта несколько раз откладывалась — сперва из-за нехватки средств, затем — из-за ходатайства Общества русских врачей, желавшего приурочить выставку к своему V съезду в Петербурге и потому просившего об отсрочке⁶⁵⁹. Сам масштаб мероприятия — 542 участника и более 40 000 экспонатов, распределенных по 8 разделам⁶⁶⁰, — требовал значительных совместных усилий научного сообщества, промышленников и правительства, а государственное финансирование выставка получила благодаря ходатайству великого князя Павла Александровича. Главными задачами объявлялись санитарная инспекция Российской империи и знакомство масс с новыми гигиеническими веяниями⁶⁶¹.

Все гигиенические выставки, и западноевропейские, и российские, подобно уже широко распространенным к тому времени выставкам художественно-промышленным, или универсальным (*expositions universelles*), декларировали сугубо идеальные цели, увязанные с представлениями о техническом прогрессе, — просвещение, благотворительность, развитие промышленности на благо всего человечества⁶⁶². Первая Всероссийская гигиеническая выставка не была исключением. Широкий тематический охват должен был продемонстрировать важность внедрения гигиены во все мыслимые области промышленности и человеческого общежития и подтвердить для внешнего наблюдателя успехи Российской империи в науке и промышленности — постольку, поскольку гигиена воспринималась как один из синонимов прогресса и цивилизованности. Общественные деятели подчеркивали, что усвоение новых цивилизационных норм и санитарно-гигиенических стандартов было тем более необходимо, что обещало счастливое будущее молодой Российской империи. На торжественном открытии выставки заведующий антропологической секцией профессор Э. Ю. Петри заявил: «Выставке суждено сыграть

⁶⁵⁹ Положение о Всероссийской гигиенической выставке, устраиваемой с высочайшего соизволения Русским обществом охранения народного здоровья // Журнал Русского общества охранения народного здоровья. 1891. №1. С. 46-48.

⁶⁶⁰ Биологический, отдел медицинской статистики, медицинской географии и эпидемиологии, отдел гигиены общественной и частной, отдел школьной (детской) гигиены, отдел климатологии и бальнеологии, больничный, железнодорожный и гигиенической литературы.

⁶⁶¹ Иллюстрированное описание Первой Всероссийской гигиенической выставки в Санкт-Петербурге. В 12 вып. СПб.: Типография С. Ф. Яздовского и К°, 1893. Вып. 1. С. 4-5.

⁶⁶² П. Гриналг приводит в пример приурочивание выставок к санитарно-гигиеническим конгрессам или каким-либо важным для национального самосознания и национального строительства праздникам, оправдывающее пышность затеи (*Greenhalgh P. Ephemeral Vistas*. P. 10-13). Тем самым внимание публики привлекалось к общественному здоровью или к национальной идее.

крупную роль в деле изучения родной страны. С антропологической точки зрения русскому народу предстоит великая будущность. Другие народы уже изживают свои силы, склоняясь к старости. Русский же народ таит еще в себе громадный запас молодых сил, и необходимо освободить великую силу от врагов его; но с этими врагами нужно сражаться не оружием, а культурными средствами, одно из которых представляет и настоящая выставка, наглядно показывающая живую связь науки с жизнью»⁶⁶³.

За полгода выставку посетило почти полмиллиона человек; из них заплатили за вход 73 699 человек, 2000 были розданы именные билеты, 500 — разовые входные билеты; бесплатный вход был организован для учащихся Петербурга и окрестностей, персонала санитарных учреждений и нижних чинов воинских частей⁶⁶⁴. По сравнению с успехом выставки в Лондоне (4 167 000 посетителей) эта цифра была совсем скромной. Впрочем, организаторы предпочитали сравнение с выставкой в Берлине (844 997 посетителей), которая, в отличие от лондонской, считалась менее коммерческой⁶⁶⁵, и подчеркивали научную и просветительскую стороны мероприятия: «Цель гигиенической выставки <...> заключается в том, чтобы представить вниманию русского общества образцы новейших изобретений и усовершенствований, способствующих охранению народного здоровья и делу оказания помощи страждущим, пострадавшим в несчастных случаях и т. д., и, кроме того, выяснить существующие в наше время недостатки и слабые стороны санитарного дела в России»⁶⁶⁶. Рецензируя выставку, обозреватель «Вестника общественной гигиены, судебной и практической медицины» доктор Д. П. Никольский первостепенной задачей называл санитарную ревизию империи и признавал, что, в целом, она выполнена⁶⁶⁷.

Гигиенические выставки принято рассматривать как одну из форм «превентивного» санитарного подхода. Я предполагаю, что в случае с российской выставкой картина была

⁶⁶³ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки / Журнал Общества охранения народного здоровья. 1893. №6-7 / Приложение. СПб.: Типография Шредера, 1893. С. 12.

⁶⁶⁴ Первая Всероссийская гигиеническая выставка. Краткий очерк. СПб.: [Б. и.], 1894. С. 19.

⁶⁶⁵ Помимо дохода от продажи билетов, лондонская выставка получала прибыль от двух десятков кафе и ресторанов, платных концертов и вечерней иллюминации (*Поляк И.* Гигиеническая выставка в Лондоне. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1885).

⁶⁶⁶ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки.

⁶⁶⁷ *Никольский Д. П.* Первая Всероссийская гигиеническая выставка. С. 30.

более сложной и эклектичной, и именно благодаря этой эклектичности она имела ряд последствий, существенных для изменения конфигураций чувствительности. В отличие от первых гигиенических выставок в Европе, Всероссийская выставка проводилась в эпоху «санитарно-бактериологического синтеза», когда санитарно-гигиенический взгляд на действительность, сформированный теорией миазмов, соединялся с новейшими открытиями в области бактериологии и микробиологии⁶⁶⁸. При общем изучении материалов российских гигиенических выставок выявляются две основные стратегии, которые использовались организаторами и участниками выставки, — 1) расширение гигиены на весь окружающий мир, ее тотализация и 2) ее максимальная спецификация. В совокупности эти стратегии способствовали нарушению равновесия между терпимостью городского населения и повседневным ольфакторным опытом. Сверхзадача, которая стояла перед гигиенистами, — по-новому сформировать режимы чувствительности и изменить ожидания общества. Опыт эпидемий должен был внушить публике необходимость новых санитарно-гигиенических правил — ведь администрирование санитарного дела шло крайне медленно⁶⁶⁹. В обстановке всеобщего напряжения и страха, порожденного эпидемиями, выставки предлагали наглядную и осязаемую положительную программу.

Рубрикация и наполнение отделов выставки демонстрировали как значительный объем понятия «гигиена», так и его популяризацию в последние десятилетия XIX века. В 1876 году, готовясь к международной гигиенической выставке в Брюсселе, организаторы приводили список экспонатов и распределяли их по 10 классам в соответствии с бельгийской программой⁶⁷⁰. Однако подавляющее большинство российских экспонатов (154 единицы) попадало в категории предметов, применявшихся для предотвращения или ликвидации последствий каких-либо несчастий, эксцессов и катастроф. Российская промышленность, как и российское правительство, непосредственно участвовавшее в формировании павильона, понимали гигиену достаточно узко и приписывали ей скорее репрессивную, чем профилактическую функцию. Модель западноевропейских гигиенических выставок, на

⁶⁶⁸ Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth century Struggle against Filth and Germs; Латуш Б. Пастер: война и мир микробов. Р. 83-97.

⁶⁶⁹ К 1910 году санитарные бюро существовали в 28 губернских городах (из 71), канализация существовала в 52 российских городах (в 994 городах ее не было), в 14 губернских городах не было ни одного врача (Ульянов Ф. А. Города на Всероссийской гигиенической выставке. Минск: Типография И. Каплана, 1913. С. 2-4).

⁶⁷⁰ Международная гигиеническая выставка. С. 6.

которую ориентировались организаторы, в свою очередь, во многом опиралась на структуру универсальных художественно-промышленных выставок, определявшуюся четырьмя факторами — массовым производством, урбанизацией, массовыми коммуникациями и производством полуфабрикатов⁶⁷¹. Попытка ее скопировать оказывалась малоуспешной из-за нерелевантности или неоформленности этих факторов в российских условиях.

Полтора десятилетия спустя гигиена была на слуху у большей части городского населения — прежде всего благодаря просветительской работе врачей-гигиенистов и общественных деятелей. Российские общественные деятели искали и находили идеальную модель, по которой должен развиваться российский город, на Западе, а врачи регулярно публиковали отчеты о своем посещении различных общественно-полезных учреждений (школ, больниц, тюрем, рынков, боен, водоочистных сооружений и т.п.) и гигиенических выставок в западноевропейских городах и писали о необходимости перенесения самых удачных образцов на российскую почву⁶⁷².

Впервые гигиена была включена в тематику неспециализированной выставки в 1882 году: гигиенический отдел был организован на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве⁶⁷³. Характерно, что по первоначальному плану 1879 года такого отдела не предполагалось⁶⁷⁴, но после Ветлянской чумной эпидемии и общественной реакции на нее императив гигиены уже был слишком силен, чтобы его можно было игнорировать. В отчетах о выставке открыто высказывалось обещание создать в России город нового, западного типа

⁶⁷¹ *Greenhalgh P. Ephemeral Vistas. P. 142.*

⁶⁷² *Скворцов И. П. Санитарный быт западноевропейских городов и Международная гигиеническая выставка в Брюсселе. С. 96-154; Ковальковский К. П. Санитарные учреждения Берлина, Лондона и Парижа // Журнал Общества охранения народного здоровья. 1892. №1. С. 17-28; там же. 1892. №2. С. 99-110; там же. 1892. №5. С. 417-429.*

⁶⁷³ Попытки анализировать промышленные выставки с санитарно-гигиенической точки зрения предпринимались и до этого. См., например: *Гюбнер Ю. Ю. Всероссийская мануфактурная выставка 1870 г. в общественно-гигиеническом отношении // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 3. Отд. III. С. 231-242; там же. 1871. Кн. 1. Отд. III. С. 143-157.*

⁶⁷⁴ Гигиена в особый класс или группу не выделялась, отдельные экспонаты разнесены в группы научно-учебных произведений (модели устройства школ и школьной мебели, физические и химические приборы, медицинские инструменты), произведений заводской обработки (благовонные воды, туалетные мыла, духи, помады, уксусы, курительные порошки, душистая пудра, румяна), машин, аппаратов, строительных материалов и работ (Положение о Всероссийской гигиенической выставке. С. 46-48).

соответственно представленной на выставке идеальной модели⁶⁷⁵. Тем не менее, набор экспонатов гигиенического раздела, который назывался «Предметы подаяния помощи страждущим», ограничивался предметами «репрессивной» санитарии⁶⁷⁶. Это противоречило основному тезису западноевропейской медицинской науки, настаивавшей в первую очередь на превентивных мерах, и потому вызывало неодобрение российских специалистов⁶⁷⁷. Но уже на следующей, специализированной выставке в Варшаве 1887 года картина изменилась.

Варшавская выставка была организована редакцией польского журнала *Zdrowie* под покровительством графини А. Потоцкой. Главный редактор журнала, врач И. Поляк писал в выставочном проспекте: «В настоящее время уже нет сомнения, что гигиена понижает общую смертность и смертность детей, уменьшает число заболеваний и предупреждает эпидемии <...> мы в состоянии ослабить эти бедствия, и заботы об этом составляют нашу личную, семейную и общественную обязанность»⁶⁷⁸. При значительном, для Царства Польского, числе участников (289) организаторы сумели обеспечить широкий тематический охват и научную базу⁶⁷⁹. Гигиена представала антитезой «санитарным безобразиям», грязи и неряшеству и приравнивалась к здоровью, цивилизованности и прогрессу.

Организаторы варшавской выставки транслировали характерный для западноевропейской медицины 1850-1880-х годов «тотальный» санитарный подход, который утверждал приоритет предупредительных мер, возводя всевозможные болезни к некоему инварианту (*contagium*, горячка, лихорадка), возникающему в результате дисбаланса, нарушения

⁶⁷⁵ Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года. В 6 Т. СПб.: [Б. и.], 1883-1884. Т. 6. С. 7.

⁶⁷⁶ В этом отделе были выставлены «предметы по переноске и перевозке больных, для оказания первой помощи на полк сражений, образцы палаток и барачков, предметы госпитального снабжения, дезинфекционные средства, протезы, средства предупреждения гибели людей и судов, спасательные суда, спасательные приборы, принадлежности и учреждения» (там же. Т. 1. С. 34-35).

⁶⁷⁷ *Скворцов И. П.* Гигиена на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года в Москве. Варшава: [Б. и.], 1883.

⁶⁷⁸ Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1887. С. 1.

⁶⁷⁹ Из 289 участников 100 значилось по ведомству биологического комитета (физико-химическое отделение и отделение чужеродных, т. е. паразитов), 51 — строительного-архитектурного, 54 — педагогического (гигиена младенцев, детей и молодежи, гигиена школьных помещений), 51 — больничного (среди прочего был выставлен электрический аппарат для уничтожения бактерий в воздухе), 18 — промышленного и 15 — статистического.

гармонии⁶⁸⁰. Таким образом, предупреждение болезни напрямую зависело от человека: умеренность, пристальное внимание к чистоте окружающей среды и душевное равновесие обеспечивали защиту от заразы⁶⁸¹. Однако для полного успеха санации должно было подвергнуться все общество сверху донизу: санитарный подход начинался с императива личной чистоты и заканчивался требованием этой чистоты для каждого члена общества и каждого фрагмента публичного пространства. Таким образом, санитария прямо или косвенно апеллировала к социалистической утопии⁶⁸². Как утверждает Б. Латур, сама расплывчатость и широта понятия «гигиена» обеспечивала врачам-гигиенистам возможность выражать интересы всех слоев общества: в коммуникативном смысле именно некая абстрактная гигиена была адресантом сообщений, транслировавших универсальный конфликт между здоровьем и благосостоянием⁶⁸³.

На варшавской выставке тотальный санитарный подход выразался, во-первых, в создании особого выставочного пространства, моделирующего безопасный, здоровый, дезодорированный и рационально устроенный город будущего. Пространство выставки напоминало регулярный парк XVIII века, где дорожки и улицы носили говорящие названия в просветительском духе: площадь Гигиены, площадь Здравия, площадь Темпераментов, улица Гиппократ⁶⁸⁴. «Гигеополь», как варшавскую выставку окрестила пресса, иллюстрировал мечты гигиенистов о городе, построенном с соблюдением всех санитарных стандартов. Во-вторых, идеальный санированный мир будущего проступал за планами строений, схемами устройств и образцами товаров, изготовленных в соответствии с новейшими научными

⁶⁸⁰ *Baldwin P.* Contagion and the State in Europe. P. 128 et passim.

⁶⁸¹ Как сформулировал в своей речи на открытии Всероссийской гигиенической выставки граф П. О. Сюзор, «если здоровый дух может находиться только в здоровом теле, то здоровое тело — в здоровом жилище, а здоровое жилище — в здоровом городе» (Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки. С. 11).

⁶⁸² Публикации, окрашенные социальным пафосом, регулярно появлялись на страницах специализированных медицинских изданий, см., например: *Никольский Д. П.* Жилые помещения для рабочих на уральских золотых приисках и рудниках // Журнал Общества охранения народного здоровья. 1892. №5. С. 470-473; *Гурин Е. Г.* О крытых помещениях для рабочих и биржах для чернорабочих рынков // Журнал Общества охранения народного здоровья. 1892. №6-7. С. 619-620. Подробнее см.: *Brower D. R.* The Russian City between Tradition and Modernity. P. 130.

⁶⁸³ *Латур Б.* Пастер: война и мир микробов. С. 51-55.

⁶⁸⁴ Следующая гигиеническая выставка в Варшаве 1896 года открыто отсылала к «гигеополью» — проекту идеального города. О просветительских и утопических аллюзиях свидетельствует, например, тот факт, что в выставочном каталоге была опубликована инструкция, в каком порядке надлежит осматривать выставку (Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1896. С. XX), напоминающая о знаменитой инструкции Людовика XIV по осмотру Версаля.

достижениями и санитарными требованиями врачей и ученых. Так, в строительном архитектурном отделе демонстрировались планы «здорового жилища» с пояснением: «Мы считаем идеалом жилой дом на одно или два семейства, окруженный садиком и отдаленный от тротуара на целую ширину улицы, а в таких домах в Варшаве чувствуется огромный недостаток»⁶⁸⁵.

Еще сильнее эта тенденция к санитарно-гигиеническому моделированию проявилась на Первой Всероссийской гигиенической выставке 1893 года. Помимо планов и схем, выражавших урбанистические идеалы гигиенистов, само пространство выставки означало и изображало конкретное пространство империи, преобразованное средствами прогресса, — со стендами губерний и городов, с особыми отделами Царства Польского и Великого княжества Финляндского. Последнее было представлено своеобразной выставкой внутри выставки, повторяющей все ее отделы и дополненной рядом новых, что в каком-то смысле соответствовало положению Финляндии в составе Российской империи⁶⁸⁶. Высокую структурированность создаваемого выставкой мира, его идеальность и образцовость подчеркивал в своей речи и председатель бюро выставки граф П. О. Сюзор⁶⁸⁷.

Радикального социализма, свойственного, к примеру, британским врачам-гигиенистам, на российской выставке тщательно избегали. Демонстрируемые образцы диверсифицировались в зависимости от социальных классов: свои примеры гигиенически приемлемого жилья, одежды, пищи, утвари, промышленных товаров предлагались для достаточного городского населения, для рабочих, для крестьян и даже для бездомных. Однако, при значительных социальных отличиях, продвигаемые выставкой санитарные нормы объединялись общими императивами чистоты, безопасности для здоровья и дезодорированности (или, по крайней мере, ольфакторной стандартизации публичной и приватной сфер). Особой санитарной регламентации подвергались пекарни, кондитерские, сыроварни и другие предприятия, производившие съестное, а также производства, которые издавна считались нездоровыми.

⁶⁸⁵ Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1887. С. 50.

⁶⁸⁶ Всероссийская гигиеническая выставка: Санкт-Петербург / Отдел Великого княжества Финляндского / Каталог. Гельсингфорс: [Б. и.], 1893.

⁶⁸⁷ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки. С. 11.

Примечательно, что владельцы заводов и фабрик, занимавшихся опасными в санитарном отношении товарами, считали необходимым продемонстрировать на выставке не свой товар, а гигиеничность и современность условий труда. О гигиене рабочих и борьбе с дурнопахнущими отбросами повествовали брошюры и стенды текстильной фабрики братьев Морозовых, Рижской писчебумажной фабрики, Роменской бумагопрядильни, казанского завода Крестовниковых и пермского завода Любимовых — переработчиков каменного угля и соды. Никольская мануфактура Морозовых, где в 1885 году из-за тяжелых условий работы и снижения заработной платы разразилась многотысячная забастовка — знаменитая «Морозовская стачка», демонстрировала не ситцы и сатины, а отчеты о вакцинации против оспы, чертежи родильного и детского приюта, барака для хирургических больных, барака для хронических больных, аптеки и приемной, казармы для семейных рабочих, артельной казармы, дома для служащих, бани, больницы и артезианского колодца⁶⁸⁸. Убедившись, что фабрика устроена в соответствии с современными требованиями прогресса и гигиены, посетитель должен был сделать вывод и о безопасности и качестве производимого ею товара⁶⁸⁹. К концу XIX века понятие «гигиеничность», тесно связанное с понятием «прогресс», будет в том числе подразумевать автоматическое, механизированное производство товаров. Страх перед болезнями выражался в том числе в требовании, чтобы производимых товаров не касались чужие руки, чтобы в вещи и продукты не впитывались эманации чужого тела⁶⁹⁰.

Ощутимый общественный спрос на гигиену вызвал к жизни новую рекламную стратегию: производители и продавцы стали добавлять к названию товара или услуги прилагательное «гигиенический». В 1887 году «гигиеническими» именовались: мыло, гимнастика, игры, одежда («чулки, кофточки, костюмы, одеяльца, предохраняющие от простуды (все из трико)»); в 1893 году — лампы для занятий, губки, мостовые («водонепроницаемые, бесшумные, нескользкие»), выгребы, печи с вентиляционным устройством, ледяные шкафы, плевательницы; в 1896 году — бакалейные товары, сетчатые фуфайки, хозяйственные

⁶⁸⁸ Поткина И. В. Социальная политика Морозовых: Никольская мануфактура (60-е гг. XIX — начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 25-61.

⁶⁸⁹ Журнал Общества охранения народного здравия. 1893. №12. С. 936.

⁶⁹⁰ Ср. обратное требование, оформившееся в начале 2000-х, когда здоровым и естественным начинает считаться в первую очередь то, что произведено вручную.

постройки (конюшня, коровник, скотобойня), курительные трубки, обувь, колодцы, аппараты для доения коров, сельские бани.

Как видно из этих примеров, прилагательное «гигиенический» служило синонимом понятиям «безопасный», «безвредный», «чистый»/«очищенный», «полезный для здоровья», «устроенный в соответствии с последними требованиями санитарии и гигиены». В понятие «гигиены» включались такие предметы заботы и беспокойства врачей-гигиенистов, как качество воды и воздуха, безопасность жилья и места работы, безвредность одежды и обуви, полезность пищи (включая ее приготовление и хранение). Общая проблема предупреждения болезней и безопасности частного и публичного пространства для жизни и здоровья выводила в сферу общественного внимания массу новых предметов и явлений, которые прежде с вопросами гигиены и санитарии не ассоциировались. Соответственно, все, что оставалось вне очищающего воздействия прогресса и не было снабжено удостоверением «гигиеничности», могло представлять опасность, угрозу здоровью и благополучию. Выставочные стенды, каталоги и рекламные объявления, утверждавшие, что любой товар может (и должен) быть гигиеническим, исподволь утверждали и обратное — повсеместность заразы.

На фоне санитарно-гигиенической утопии современные несовершенства и насущные опасности становились еще конкретнее и осязаемее. На выставках зло (болезнь, зараза, дурные санитарные условия) облекалось в наглядную форму фотографий, рисунков, схем, медицинских отчетов, статистических графиков, содержащих сведения о количестве умерших и заболевших, масштабах эпизоотий, объемах нечистот и т. п. На варшавской выставке таблицы сведений о болезнях населения, анализы проб воды, воздуха, земли, взятых как в самой Варшаве, так и в различных уездах Царства Польского, напоминали посетителям выставки о заключенной в повседневности угрозе. Об этом же говорилось в многочисленных лекциях и докладах; например, доктор П. Раковский прочитал сообщение о здоровой и испорченной атмосфере, с демонстрацией состава воздуха в разных местностях и зданиях Варшавы. На Первой Всероссийской гигиенической выставке демонстрировались диаграммы школьного воздуха (в них указывалось количество вдыхаемых детьми вредных микроорганизмов) и сравнительные анализы ключных и дренажных вод с точки зрения

цвета, мутности, осадка и запаха⁶⁹¹. Посетитель легко мог сравнить положительные примеры с отрицательными — например, с анализами воды из российских рек, демонстрировавшимися по соседству, и прийти в ужас. Со временем статистические материалы стали дополняться экспериментальными данными и научными иллюстрациями.

Наряду с универсальным, социально ориентированным подходом к гигиене и здоровью, выставка 1893 года демонстрировала спецификаторский подход, обязанный своим происхождением лабораторной и полевой бактериологии. Опыты Пастера и Коха дали возможность изолировать возбудитель и выявлять причину той или иной болезни с помощью экспериментов⁶⁹². Приняв предположение, что у каждой инфекционной болезни есть своя специфическая причина, врачи пришли к новой стратегии, а труды по общественной гигиене стали включать не только общие проекты реформирования жилищ и очищения улиц, но и результаты конкретных экспериментов, и описания методов дезинфекции, эффективность которых подтверждалась в лаборатории. Тем самым в сфере повседневного опыта образованного горожанина возник новый, прежде неосознаваемый актер, — микробы и бактерии⁶⁹³. На протяжении XIX века эпидемиология колебалась между миазматическим и контагионистским подходом, между санитарией и карантинизмом. Новая бактериологическая наука во многом наследовала теориям контагионистов. Но если карантинный подход пытался контролировать человека, а санитарный — среду обитания, то бактериология не проводила различий между первым и вторым, поскольку была нацелена на поиск, фиксацию и контроль внечеловеческого — невидимых обычному глазу микробов и бактерий.

На Первой Всероссийской гигиенической выставке спецификаторский подход практиковали профессиональные медики и бактериологи⁶⁹⁴, показывавшие рисунки паразита болотной лихорадки, фотограммы *Bacilla asiaticus* из извержений холерного больного, препараты из

⁶⁹¹ Никольский Д. П. Первая Всероссийская гигиеническая выставка. С. 99-103.

⁶⁹² Evans R. J. Death in Hamburg. P. 490-497, 502-507.

⁶⁹³ Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the 19th century Struggle against Filth and Germs; Tomes N. The Private Side of Public Health: Sanitary Science, Domestic Hygiene, and Germ Theory, 1870-1900 // Bulletin of the History of Medicine. 1990. Vol. 64. No. 4. P. 509-539.

⁶⁹⁴ Свои стенды были у Патологоанатомического музея и Зоологического кабинета Военно-Медицинской Академии, Института экспериментальной медицины, анатомических кабинетов Марининской и Обуховской больниц, Кронштадтского морского госпиталя, клиничко-бактериологической лаборатории Клинического института великой княгини Елены Павловны.

крови здоровых и зараженных холерой животных — их каждый желающий мог рассмотреть под микроскопом⁶⁹⁵. Отдел общей микробиологии демонстрировал фотографии почвенных микроорганизмов на бумаге и стекле; биологический — «образцы животных, полезных или вредных для человека в медицинском и гигиеническом отношении» — в их число попали ядовитые животные, насекомые, портящие припасы, и наружные и внутренние паразиты. Экспонаты — спиртовые препараты, восковые модели и рисунки — должны были познакомить посетителей выставки со всем разнообразием «чужеядных», как тогда называли бактерий и паразитов⁶⁹⁶. Отдел Военного министерства, наряду с таблицами санитарного состояния русской армии за 1887-1893 гг., поместил среди экспонатов микрофотограммы болезнетворных микроорганизмов из бактериологической лаборатории Главного военно-медицинского управления. Самая обширная коллекция — 127 образцов — принадлежала отделу патогенной бактериологии. Чтобы каждый посетитель мог убедиться в существовании бактерий, в пробирках с питательными средами были выведены «чистые разводки» — колонии, видимые невооруженным глазом, а всем желающим выдавались увеличительные стекла.

В отличие от миазматической теории, бактериологическое знание о патогенезе генерировало не общее беспокойство по поводу запахов и миазмов, а сильнейший страх перед чужим — от чужой телесности до невидимых «чужеядных». Говоря о пастеровской революции, французский историк медицины Ф. Дагонье замечает: «Взрослому человеку свойственно страшиться микробов, так как он не в состоянии их увидеть, удалить их, отделить их от себя... Микробиология влечет за собой фобии; хотя, с одной стороны, как утверждает, пастеровский подход успокаивает больного [зараженного, *l'infecté* — М. П.], поскольку снимает с него чувство вины — ведь зло приходит извне; с другой стороны, он населяет привычный мир скрытыми и вездесущими врагами. В воображаемом он замещает бесконечное ипохондрическое самоедство навязчивым страхом перед грязью»⁶⁹⁷. Этот страх породил постоянную бдительность и реализовывался в неослабном контроле над функционированием как отдельного человека, так и общества в целом. Один из самых

⁶⁹⁵ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки. С. 26.

⁶⁹⁶ Журнал Русского Общества охранения народного здравия. 1893. №10. С. 690.

⁶⁹⁷ *Dagognet F.* La raison et les remèdes. Essai sur l'imaginaire et le réel dans la thérapeutique contemporaine. Paris: Presses universitaires de France, 1964. P. 184-186.

известных примеров — повышенная бытовая брезгливость В. Маяковского, которую отмечали все знавшие его люди и которую он самим своим примером вольно или невольно в них возвращал: «Наивсегдашняя <...> повышенная осторожность, переходящая зачастую в мнительность, особенно за последние годы. В парикмахерской требовал полной генеральной и безусловной дезинфекции всего инвентаря перед своей стрижкой. Брался за ручку открываемой двери, устроив между пальцами и ею полу пиджака, — чтоб не голой рукой. Приучил и меня к этой мнительности, которая стала привычкой. В кармане одно время носил маленькую мыльницу, чтоб мыть руки мылом, до которого не прикасались другие»⁶⁹⁸. Мемуарист вспоминает 1920-е годы, но уже в 1890-е годы фельетоны ежедневных газет рисовали образ обывателя, маниакально одержимого и миазмами, и чистотой: так санитарно-бактериологический синтез функционировал в массовом сознании.

Важнейшим способом визуализации заразы становились описания, лабораторные фотографии и рисунки, которые печатались в прессе, появлялись в рекламе и демонстрировались в научных и прикладных секциях гигиенических выставок. Но не вооруженный микроскопом глаз утрачивал свое значение объективирующего инструмента наблюдения; он показывал свою крайнюю ненадежность в деле обеспечения безопасности жизни⁶⁹⁹. Напряженный поиск заразы сопровождался интериоризацией страхов: пристальное вглядывание оказывалось безрезультатным, ведь «чистые разводки» бактерий не встречались в повседневной жизни, и потому не приносило успокоения. Беспокойство переносилось в другие сенсорные режимы — обонятельный и осязательный, в зону «низких чувств». Многие исследователи отмечают двойственные последствия повышенного внимания к телесности на рубеже XIX и XX веков. С одной стороны, собственное тело начинает осознаваться более активно и внимательно, его границы укрепляются⁷⁰⁰. С другой стороны, это внимание способствует воспитанию брезгливости и страха перед чужим телом (социально чуждым, стигматизированным — поскольку гигиенические представления и отношения к телесности отражают градации социальных различий, слишком близким). Автор каталога Варшавской гигиенической выставки сравнивал смерть дома со смертью в больнице и категорично делал

⁶⁹⁸ *Асеев Н.* Володя маленький и Володя большой // Красная новь. 1930. № 6. С. 177.

⁶⁹⁹ *Smith M. M.* Sensing the Past. P. 32-34.

⁷⁰⁰ *Hau M.* The Cult of Health and Beauty in Germany: A Social History, 1890-1930. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. P. 3-4.

вывод о заразности первой, когда труп заражает своими эманациями домашнюю обстановку, и безопасности второй⁷⁰¹.

Впрочем, кое-что все-таки можно было увидеть и, следовательно, предотвратить опасность — следовало лишь научиться обращать на нее внимание, по-новому распределять его в бесконечно опасном мире. Например, среди экспонатов Первой Всероссийской гигиенической выставки оказалась коллекция затычек для молочных сосудов, выставленная гигиенической лабораторией Ф. Ф. Эрисмана. Вот как описывает этот стенд рецензент: «Этот продукт (молоко) едва ли не более всего фальсифицируется у нас и загрязняется. Интересный в этом отношении экспонат находится в отделе Московского Гигиенического Института, выставивший (sic!) затычки молочных сосудов, в которых продается молоко на московских рынках. От одного вида этих затычек охватывает ужас и отвращение: пожалуй, готов навсегда отказаться от молока. Тут вы видите комки соломы, обрывки грязной бумаги, обмотанные тряпками, оторванными от старого изношенного платка или рубах, старого голенища и т.п. В молоке найдено грязи от 0,006 до 0,0056 грамм на литр»⁷⁰². В данном описании апелляция к эмоциональному и чувственному опыту сочетается с сугубо научной, «объективной» фиксацией: медикализация эксплицирует и усиливает уже сконструированное культурой отвращение.

На рубеже веков санкция эксперта — отсылка к лабораторной проверке или врачебному опыту, призванному гарантировать безопасность того или иного товара, становится все более распространенной практикой. В рекламных объявлениях появляются фразы вроде «фабрика <...> рекомендует сифонные головки <...> утвержденные Врачебною управою за №786 в 1894 году как вполне соответствующие условиям гигиены и состоящие из 92,53% олова», ссылки на авторитет профессоров медицины или сведения о полученных на гигиенических выставках медалях. Например, реклама воздухоочистительной ждановской жидкости содержала информацию о медали Брюссельской санитарной выставки и ссылалась на авторитет «профессоров Зинина, Пирогова и Платонова», реклама винного негоцианта подчеркивала «многократный анализ для констатирования их [вин — *М. П.*] абсолютной

⁷⁰¹ Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава, 1887. С. 33-34. Там же со ссылкой на медико-полицейский устав говорится недопустимости обычая перевоза тел умерших детей в каретах.

⁷⁰² *Никольский Д. П.* Первая Всероссийская гигиеническая выставка. С. 121.

чистоты и неподдельности».

Таким образом, гигиена, какой она представала на гигиенических выставках, оказывалась производной двух подходов — санитарного, нацеленного на дезинфекцию, облагораживание и очищение среды обитания, и экспериментального бактериологического, нацеленного на выявление причинно-следственных связей между невидимыми возбудителями и различными заболеваниями. Основанные на разных теоретических предпосылках, санитария и бактериология совмещались в массовом сознании, образуя специфический санитарно-бактериологический комплекс, формировали представления городских жителей о здоровом и нездоровом, опасном и безвредном, свои и чужом. Сообща они способствовали реконфигурации чувствительности, выдвигая в социальное пространство обоняние и осязание, создавая новые фобии и изменяя границы телесности и самоощущения.

ГЛАВА 3. НОРМЫ: ЧУВСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ И ОЛЬФАКТОРНЫЕ СОЦИОЛЕКТЫ

3. 1. Запахи в социальной перспективе

Благодаря культурной вестернизации, начатой в эпоху правления Петра I, русский дворянин был вынужден взглянуть на себя со стороны и осознать, как его или ее присутствие ощущается окружающими. Необходимость осознанного реформирования собственного поведения и собственной телесности проблематизировала жизненный уклад и вызвала к жизни учебники, объясняющие, как вести себя по-европейски. Ю. М. Лотман в статье «Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века» подчеркивал: «Та область, которая обычно отводится бессознательному, «естественному» поведению, сделалась сферой обучения. <...> весь сложившийся в этой области уклад был отвергнут как неправильный и заменен «правильным» — европейским»⁷⁰³. Во второй трети XVIII века европеизация быта начала распространяться на партикулярное дворянство и провинциально-помещичьи круги, в первую очередь благодаря расцвету переводов и книгоиздания в вольных типографиях⁷⁰⁴. Как отмечает Д. Б. Захарьин, уже в екатерининское время требования внешнего «порядка» и благопристойного поведения, составляющие дворянский поведенческий стандарт, включали и требования определенного ольфакторного облика (оговоримся, что речь идет о правилах и представлениях, содержащихся в источниках разного типа — от рекомендательной литературы до исторических анекдотов). К концу XVIII века европеизированные манеры аристократии начали свой путь в круги провинциального дворянства⁷⁰⁵.

Светский регламент, запрещавший, среди прочего, «дышать так, чтобы другим дух из носа или изо рта был чувствителен»⁷⁰⁶, не только персонифицировал нормы учтивости, но и вводил понятие «другого», с присутствием которого воспитанный человек должен был считаться и из-за которого следовало, по возможности, умерять свое телесное присутствие,

⁷⁰³ Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 249.

⁷⁰⁴ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 44, 50-51.

⁷⁰⁵ Kelly C. Refining Russia. P. 7.

⁷⁰⁶ Правила учтивости. СПб.: Типография Морского шляхетского кадетского корпуса, 1779. С. 9.

считаясь с чувствами визави, в том числе — с его обонянием⁷⁰⁷. Мотивировкой для более утонченных правил светского поведения служили в том числе медицинские соображения. В руководствах по этикету и медицинских справочниках ощутимые телесные запахи — неприятное дыхание или чесночный запах изо рта, запах ног, запах подмышек и связанные с ними несвежие запахи одежды и обуви — отмечались не только как неуместные в светском обращении, но и как свидетельствующие о неопрятности или нездоровье и потому потенциально опасные⁷⁰⁸. Причину дурных телесных эманаций видели в недостаточной личной гигиене (выражавшейся прежде всего в редкой смене белья и дурной чистке платья), в действии страстей и в неправильной диете, уклонившейся от идеала умеренности и сбалансированности.

Неумение управлять своими страстями могло привести к расстройству чувствительности (как в сторону «притупления» чувств, так и в сторону их чрезмерной возбудимости и изнеженности). Запахи и ароматы при этом осмыслялись двояко: в зависимости от своей природы они могли умирять страсти, улучшать работу органов чувств и возвращать взбудораженную чувствительность к «естественному состоянию» — и, напротив, оглушать органы чувств и усиливать болезненное действие страстей. Пищу и напитки следовало подбирать сообразно темпераменту, избегая слишком сильных, выраженных вкусов и запахов, которые могли бы нарушить равновесие жизненных соков (особо оговаривалось качество грудного молока и пищи, предназначенной для младенцев)⁷⁰⁹. В противном случае гуморальный баланс расстраивался, а чувства теряли свою отзывчивость к внешним раздражителям. Составитель «Сельского лечебника» М. Д. Чулков писал: «Когда поднебень и нос беспрестанно раздражаются пищею, имеющей весьма острый вкус или запах очень сильный, то сии чувства скоро теряют способность подробно различать сладость и запахи. Человек в естественном состоянии должен, кажется, иметь органы сии толико же нежными и чувствительными, каковы они у других животных»⁷¹⁰. В этом примере примечателен

⁷⁰⁷ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 294-295.

⁷⁰⁸ «Обоняние есть верный служитель, от которого ничто не скрывается; оно есть бодрствующий спутник <sic>, отвращающий опасности, он приумножает приятность вкуса. Мы посредством его отвращаемся того, что нам неприятно <...> разумные люди привели в такое совершенство сие чувство, какое только можно себе представить» (Гулен Ж., Журден А.-Л.-Б. Дамский врач. С. 125, 127).

⁷⁰⁹ Аммон Ф.-А. Первые обязанности матери и первое попечение о новорожденных. С. 112-117; Жиро Ж. Карманная книжка для чадолюбивых матерей. М.: Типография С. Селивановского, 1794. С. 14.

⁷¹⁰ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Вып. 7. С. 1923-1924.

руссоистский оборот «человек в естественном состоянии»⁷¹¹. В конце XVIII века его употребление в сугубо позитивном смысле бесспорно; более того, подспудно проводится мысль, что болезнь является отходом от естественного состояния, а цивилизация (в данном случае принявшая вид поварского искусства) извращает чувствительность, данную человеку от природы. При этом за образец берется «благородный дикарь», но уже крестьянин, изначально, возможно, и обладавший «нежными и чувствительными органами», утрачивает их чуткость из-за неопрятности, дурной диеты и неправильного режима дня.

Как и в случае с одеждой, социальная и культурная функция запахов заключается в коммуникации, в передаче смыслов. В ситуации взаимодействия всегда есть те, кто источает запахи, и те, кто их вдыхает, распознает и оценивает: как вредные или полезные, как опасные и очищающие, как притягательные или отталкивающие⁷¹². Тем не менее негласными правилами коммуникации, выработанными в российском обществе к концу XVIII-началу XIX века, непосредственное обсуждение и оценка телесных запахов не поощрялась, за исключением асимметричной коммуникации с представителями низших социальных групп и профессиональной дискуссии медиков. Дворянин мог попенять крестьянину или мещанину на исходящий от того «дух» (об этом пойдет речь ниже); врач мог высказать мнение о телесном запахе больного или качестве «надышанного» воздуха в комнатах. Таким образом, право на ольфакторную экспертизу увязывалось с повышенной чувствительностью и профессиональным вниманием и распределялось между медиками и представителями высших сословий, наделявшихся (и наделявших себя) более тонкими «фибрами» и более изощренным обонянием, чем представители низов. Тонкие чувства, в первую очередь обоняние, посредством которого человек мог оценивать безопасность окружающей среды и качество воздуха — а также определять место любого встречного в Табели о рангах или на социальной лестнице в целом, оказались зарезервированы за привилегированными группами.

Первоначально определенные ольфакторные ожидания предъявлялись лишь к равным или, по крайней мере, представителям своего сословия. Но в последние десятилетия XVIII века

⁷¹¹ Характерно, что «Рассуждение о человеке» Руссо Чулков приводит в списке обязательного чтения в «Наставлении к малолетнему сыну моему, вступающему в службу».

⁷¹² Briot E. *De l'Eau Impériale aux Violettes du Czar: Le jeu social des élégances olfactives dans le Paris du XIXe siècle* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2008. Vol. 55. No. 1. P. 29.

требования опрятности и телесной гигиены, выражаемые в различных терминах, в том числе — ольфакторных, начинают предъявляться к стоящим ниже по социальной лестнице⁷¹³.

Стандартов, принятых к тому времени в дворянской среде, постепенно распространяются и на круг ближней прислуги, вхожей в «чистые», т. е. господские покои, — камердинеров, лакеев, горничных (которые, в свою очередь, начинают подражать манерам и привычкам господ). Подобные требования могли подкрепляться и страхом перед миазмами, «повальными и заразительными болезнями». Однако достаточно сильным — и эксплицированным — этот страх сделался лишь после первых холерных эпидемий. Чтобы сделать его всеобщим, понадобилось несколько десятилетий совместных усилий врачей, журналистов и общественных деятелей.

С врачебной точки зрения телесные эманации конституировали симптомы — как медицинские, так и социальные. Формируемое миазматической теорией внимание к запахам простиралось не только на среду обитания и ландшафт, но и на тело человека. Собственно, тела рассматривались как не только как элементы ольфакторного ландшафта, но и как акторы (воспользуемся в данном случае термином Б. Латура), вносящие свой вклад в миазматическую картину, которую врачам предстояло описать, расшифровать и поставить под контроль. Тела, занимавшие разные позиции на социальной лестнице, обладали качественными различиями, заболели разными болезнями и по-разному пахли. Эти обстоятельства побуждали врачей к конструированию своеобразной шкалы, на которой телесные запахи коррелировали с уровнем личной гигиены, склонностью к тем или иным болезням, средствами, необходимыми для лечения и дезодорации и привычками, свойственными той или иной социальной группе.

Одним из первых примеров такого рода может служить популярная переводная брошюра об употреблении хлористых соединений, изданная в 1830 году Вольным экономическим

⁷¹³ Ср., например, наставления дворецкому и прислуге буфетной и передней: «Всегда у стола, когда господа сядут кушать, быть безотлучно и смотреть, чтобы разночинцы или официанты и лакеи за столом были в порядке одеты, убраны и напудрены и выбриты, в галстуках и манжетах, лакеи в ливрее, а официанты в своем разночинском платье, в приличной и порядочной обуви, состоящей из сапогов и башмаков. <...> У буфета и в передней чтобы люди наблюдали всякую благопристойность, имели бы глубокий страх и почтение к господам своим, к их детям, фамилии и к гостям, не шумели, не хохотали, не ввали, не говорили б противных сквернословий, не искусно не харкали бы, иметь на то ящики с песком, сморкали б не голоую рукою, а в платок» (*Ляликов И.* Городской и деревенский эконом. Ч. 1. С. 56, 88).

обществом в виду холерной эпидемии в Одессе и южных областях России. Советы, в ней содержащиеся, эксплицировали соотношение между социальными характеристиками и уровнем миазматической опасности⁷¹⁴. Так, в прихожих, людских, кухнях и прочих местах, «куда входит часто простой народ, наиболее по неопрятности и неосторожности своей распространяющий прилипчивые болезни», надлежало ставить по 1-2 тарелки с хлорной известью, чтобы был «ощутительный запах хлора». В приемных, куда «входят многие сторонние люди» (но уже не вхожи социальные низы), дозу уменьшали до такой степени, чтоб чувствовался лишь «слабый запах хлора», в залах и гостиных, «куда входят немногие сторонние, опрятно ведущие себя люди», можно было обойтись одной тарелкой с небольшим количеством извести. В спальнях и кабинетах автор советовал пользоваться хлорным курением и прибегать к раствору хлорной извести для омовения рук и ополаскивания вещей и писем, прибывших из неблагополучных мест⁷¹⁵.

Во-первых, степень интенсивности телесного запаха прямо увязывалась с социальным статусом — чем сильнее был запах, тем ниже на социальной лестнице располагался его носитель и тем более мощные средства требовались для его нейтрализации. Во-вторых, эффективность дезодорирующего вещества также измерялась силой его запаха; необходимое количество можно было отмерить, опираясь на субъективное впечатление. В данном случае речь идет о маркированной ситуации, когда близость эпидемии оказывала существенное влияние на режимы внимания и бытовую чувствительность к миазмам и неприятным запахам. Однако сам факт четкого конструирования ольфакторного эквивалента социальной лестницы в высшей степени примечателен. Он свидетельствует об изменениях, которые затронули осознанность, отрефлексированность запахов, готовность (или неготовность) мириться с некоторыми из них. Телесные запахи простонародья, склонного «к неопрятности и неосторожности», в данной инструкции открыто противопоставлены эманациям «опрятно ведущих себя» верхов.

Благодаря физиологическому очерку, в 1830-1840-е годы заимствовавшему из медицины навык «объективного описания» с помощью субъективных ощущений, ольфакторное

⁷¹⁴ Эта брошюра была издана огромным по тем временам тиражом в 12 000 экземпляров (не считая 3600 экземпляров, допечатанных впоследствии).

⁷¹⁵ Щеглов Н. П. Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. С. 31-32.

противопоставление верхов и низов постепенно набирало популярность, наряду с медицинской антитезой наблюдателя и наблюдаемого. В частности, физиологические очерки демонстрировали читателям череду социальных типов, описанных в соответствии с естественнонаучными правилами: внешний облик, повадки, среда обитания и т. п., включая органолептические характеристики объекта. Как и медицина, «патографическая» литература переводила тело в систему знаков, конструируя на основе той или иной характеристики определенный социальный симптом. Социально чуждый запах тщательно фиксировался — то как «вредный» миазм, заключающий в себе болезнетворное начало, то как комичное или отвратительное свидетельство иной социальной принадлежности, нарушенных правил приличия или устаревших манер⁷¹⁶.

Первые примеры подобной медиализации социального можно найти в классическом сборнике «Физиология Петербурга» (1845). В очерке «Петербургские углы» Н. А. Некрасов классифицирует человеческие типы по оттенкам телесного запаха и устанавливает принадлежность встретившегося ему экземпляра (спившегося учителя) к одному из них: «Между людьми, которых зовут пьющими, и настоящими пьяницами — огромная разница. От первых несет вином только в известных случаях, и запах бывает сносный, даже для некоторых не чуждый приятности: такие люди, будучи большею частью тонкими политиками, знают испытанные средства к отвращению смрадной резкости винного духа и не забывают ими пользоваться. Употребительнейшие из таких средств: гвоздика, чай (в нормальном состоянии), гофмановы капли, пеперменты [мята перечная — *М. П.*], фиалковый корень [корень ириса — *М. П.*], наконец, лук, чеснок. От вторых несет постоянно, хоть бы они неделю не брали в рот капли вина, и запах бывает особенный, даже, если хотите, не запах — как будто вам под нос подставят бочку из-под вина, которая долго была заткнута, и вдруг ототкнут. Такой запах распространился при появлении зеленого господина — я понял, что он принадлежит ко второму разряду»⁷¹⁷. В физиологических очерках И. С. Генслера

⁷¹⁶ В своих мемуарах С. Т. Аксаков рассказывает, как родители оставили его с сестрой у родственников. Мальчик, воспитанный матерью в стиле «новой чувствительности», остро воспринимал непривычные порядки, звуки и запахи провинциального и патриархального дворянского дома: «Дедушка хотел нас кормить разными своими кушаньями, но бабушка остановила его, сказав, что Софья Николаевна ничего такого детям не дает и что для них приготовлен суп. Дедушка поморщился и сказал: «Ну, так пусть отец кормит их как знает». <...> Запах постного масла бросился мне в нос, и я сказал: «Как нехорошо пахнет!» Отец дернул меня за рукав и опять шепнул мне, чтоб я не смел этого говорить, но дедушка слышал мои слова и сказал: «Эге, брат, какой ты неженка» (*Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. С. 57*).

⁷¹⁷ *Некрасов Н. А. Петербургские углы // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. С. 101-102.*

(1860) столь же последовательно с ольфакторной точки зрения охарактеризованы обитатели Галерной Гавани, захолустной окраины Петербурга: бытописатель отмечает телесные запахи, специфические запахи чистоты, покушения на ольфакторную элегантность, распределение запахов во времени и в пространстве и т. д.⁷¹⁸. Запахи удостоверяли социальную принадлежность и транслировали то, что не видно глазу: что их обладатель ел на обед, как часто мылся, какими гигиеническими средствами пользовался, каким делом или ремеслом был занят.

С той же медицинской точностью наблюдатель — литератор или врач — отмечал и попытки замаскировать низкие, непрестижные запахи престижными — ароматами одеколона, лавандовой воды, помады для волос. Для обладателя тонкого обоняния (и ольфакторного экспертного знания) подобные гигиенические практики приравнивались к социальной мимикрии, к попыткам скрыть свое истинное место в социальной иерархии. Попытки затушевать социальную дистанцию разоблачались обладателями более искушенных носов, а запахи использовались для подчеркивания сословных, имущественных, образовательных различий, выраженных на нематериальном языке телесных эманаций. Тем самым сословное деление приобретало ольфакторное измерение. Так, в «Детстве» Толстого мальчик-дворянин с раздражением отмечает запах сала от волос дворни (очевидно, что сама челядь имитировала барскую манеру помадить волосы)⁷¹⁹, а сам Толстой называет «клоповоняющим господином» чуждого ему сословно разночинца Чернышевского⁷²⁰.

⁷¹⁸ «Вы видите две комнаты с особенными входами в каждую и с круглым ходом, необходимым для того, чтоб мог свободно разгуливать дым, выбиваемый ветром из трубы, и чад от жаримых кофе или цикория, которым прокопчены гаванские заборы и вицмундиры, несмотря даже на то, что тамошние служащие, подражая своим прелестным повелительницам, прыскают себя по воскресеньям и праздничным дням одеколоном, лоделавандом и амброю, приготовления французско-московских парфюмеров, Парамона Кирилловича Дюбуа-Нащокина и Авксентия Максимовича Лепелетье-Петухова и др... Наши патриотические русские запахи, действующие на обоняние входящего в любой гаванский дом, можно разделить на двухнедельные, возобновляющиеся чрез каждые две недели, это — кроме упомянутых [запахи стирки — *М. П.*] — запах от только что испеченного черного хлеба; далее, на запахи воскресные; это запах от домашних сдобных булок и от больших пирогов <...>; потом, тамошние запахи еще можно разделить на запахи скоромные и постные, горячих и жарких; еще потом можно разделить их на запахи ежедневные, от шей и от матушки нашей гречневой каши <...> Наконец, запахи, дающие вам в гаванских домах толчок по носу, можно разделить на запахи, приятно и не слишком-то букетно щекочащие ваши обонятельные нервы» (*Генслер И.* Гаванские чиновники в домашнем быту. СПб.: В. И. Губинский, 1904. С. 36-37, 51-52).

⁷¹⁹ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. Т. 1. С. 50.

⁷²⁰ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. В 100 Т. М.: Наука, 2000— Т. 60. С. 74-75. Та же характеристика Чернышевского повторяется у другого писателя-аристократа, Тургенева, тем самым подчеркивающего ольфакторную дистанцию между высокой литературной традицией и беллетристической разночинцев (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 Т. Письма в 18 Т. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 42-43).

Сходная иерархия конструировалась и тогда, когда речь шла о запахах-артефактах или запахах, призванных замаскировать другие запахи. Дезодорирующие вещества делились на грубые, дешевые и доступные (порох, уксус, можжевельные щепки) и более изысканные, предназначавшиеся для порядочного обихода (ароматические масла и одеколоны). В отзыве о Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года врач Ю. Ю. Гюбнер саркастически описывал дезинфицирующий порошок, формы выпуска которого учитывали «сословные потребности»: «1-й сорт кабинетный, душистый в склянках; 2-й сорт несколько менее душистый, укупoren в бочонках и 3-й сорт порошка вовсе без душистых веществ, может быть употребляем людьми небогатыми»⁷²¹. Состоятельные люди, покупая ароматизированный и, следовательно, более дорогой курительный порошок, подтверждали не только свой социальный статус, свою образованность и умение оценить степень «душистости» запаха⁷²², но и утонченность своей натуры: их фибры и нервы считались слишком нежными и от грубых запахов могли прийти в расстройство. Такими, например, были последствия посещения второстепенных театров, где публика менее рачительна и опрятна, чем аристократические посетители театров первоклассных, и потому скорее портит воздух своими испарениями⁷²³.

Во второй половине XIX века, по мере популяризации санитарно-гигиенической повестки, социальная лестница запахов преобразовалась в соответствии с новой программой. Сильные телесные запахи, как и повышенная душистость используемых парфюмерно-косметических средств, наводили на мысль о недостаточной гигиене⁷²⁴. Парфюмерия становилась более дешевой и доступной, что ослабляло связь между достатком и наличием приятного запаха. Зато усиливалась связь между образованием, достатком и новой гигиеной, соблюдение которой также требовало существенных вложений, как материальных, так и временных. Все это приводило к поляризации тех, кто внимал требованиям врачей-гигиенистов чаще мыть голову, переменять белье, чистить платье, вывозить отбросы, и тех, для кого основным

⁷²¹ Гюбнер Ю. Ю. Всероссийская мануфактурная выставка 1870 года в общественно-гигиеническом отношении // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 1. Отд. III. С. 151.

⁷²² Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. P. 38-40.

⁷²³ Обер Э. Гигиена нервных женщин. М.: А. И. Манухин, 1869. С. 158.

⁷²⁴ Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. С. 93.

ритуалом очищения служила дискредитированная гигиенистами русская баня⁷²⁵, а домашний обиход сохранял старинный облик. Главными признаками устаревшего и негигиеничного быта служили разделение комнат на жилые и парадные, свечное освещение, русская печь вместо плиты на кухне, отсутствие водопровода, отхожие места во дворах и на черных лестницах вместо ватерклозета⁷²⁶. Далеко не случайно, что первым делом гигиенисты порицали гигиенические привычки купцов: в отличие от крестьян, купцы обладали необходимыми для очищения своих жилищ финансовыми ресурсами, но не обладали необходимым образованием и социальной ответственностью. «Миллионы какого-нибудь купца не дают ему никакого понятия о том, что такое воздух и как нужно о нем заботиться; никакое богатство не заставит понять вреда близкого соседства отхожего места и колодца и т. д.», — писал земский врач М. Я. Капустин в журнале «Здоровье»⁷²⁷. Ему вторил обозреватель из Самары: «Нечистота в купеческой среде заходит и того далее. Любовь «маменек» и «тятенек» к «потению» за чаем, в пуховиках и даже на печке — все это несомненно способствует загрязнению тела, не говоря уже о других вредных последствиях. К тому же белье меняется редко, не более раза в неделю, без смены днем и ночью... найдутся сотни мелочей, указывающих на антигигиеничность жилья большинства купцов, нередко богатых, с сотысячным капиталом»⁷²⁸.

Санитарно-гигиеническая пресса конструировала новую социальную иерархию, основанием которой служила «цивилизованность» — образование, стремление к прогрессу и чистота, по-новому понимаемая как отсутствие подозрительных или слишком сильных запахов, дезинфекция, вентиляция, одобренная врачами домашняя обстановка (что, соответственно, переопределяло понятие «грязи»)⁷²⁹. На вершине находились сами гигиенисты, озабоченные

⁷²⁵ См. публиковавшиеся в газете «Врач» статьи В. И. Чугина об антисанитарии в русских банях (Врач. 1880, 28 августа. №35. С. 577-578; Врач. 1880, 4 сентября. №36. С. 585-587).

⁷²⁶ Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 294.

⁷²⁷ Капустин М. Я. Очерки земской медицины // Здоровье. 1876. Т. 2. №35. С. 118; ср. также: Современные известия. 1879, 25 января. №24. С. 2.

⁷²⁸ Кувайцев Н. Г. Голос из Самары // Здоровье. 1878. Т. 4. №100. С. 458.

⁷²⁹ Обер Э. Гигиена нервных женщин. С. 158-159.

тотальным очищением среды обитания и интериоризировавшие новый подход к здоровью⁷³⁰. Затем шли представители «интеллигентного класса», имевшие возможность контролировать чистоту собственных квартир, но вынужденные терпеть антисанитарию инфраструктуры в целом — дома, двора, улицы, города, — они-то и составляли большинство жалобщиков. За ними шли мелкие чиновники и купцы, для которых чистота составляла своего рода престижную вывеску, предназначенную для внешнего потребления⁷³¹. У них парадные и жилые комнаты, уличная и домашняя одежда, верхнее платье и белье разительно отличались друг от друга: наружная чистота оказывалась маской для скрытой грязи⁷³². Еще ниже находились ремесленники, обиталища которых сравнивались со «свиным логовищем», поденные рабочие, озабоченные лишь пропитанием, и крестьяне: «Здесь... понятие о здоровье сводится лишь только на то, чтоб быть сытому; об остальном — и в ум не приходит»⁷³³.

Благодаря переосмыслению социальной иерархии в санитарно-ольфакторном ключе низшим классам присваивались не только те или иные запахи, но и ответственность за них⁷³⁴. По мере распространения санитарно-гигиенической пропаганды испарения, миазмы и болезни низов выходили на первый план. И гигиенисты пользовались каждой возможностью для напоминания о том, что избежать контактов с опасными низами невозможно: миазмы подстерегали в самых неожиданных местах⁷³⁵. Врачи, желавшие привлечь к проблеме общественное внимание, подчеркивали альтруистические мотивы санитарного просвещения;

⁷³⁰ Ср.: «Личное удобство — первый признак цивилизации. Человек необразованный игнорирует его совершенно, полуобразованный понимает его как нечто внешнее, в виде покойных сапогов, покойного кресла и т.п. и при этом никогда не поинтересуется узнать, что он пьет, чем он дышит — разве только то или другое *очень уж сильно в нос ударит* (курсив мой. — М. П.); образованный... впрочем, таких у нас еще слишком мало...» (*Лихачев*. Известия и заметки // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №40. С. 255).

⁷³¹ *Скворцов И. П.* Материалы для гигиены в России. В 3 Ч. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1884. С. 25.

⁷³² Ср. описание купчих-посетительниц Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 года, обращавших на себя внимание сочетанием бриллиантов и несвежего платья (Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация». В 32 вып. Вып. 4. М.: «Всемирная иллюстрация», 1882. С. 55).

⁷³³ *Кувайцев Н. Г.* Голос из Самары // *Здоровье*. 1878. Т. 4. №100. С. 459. См. также: Картинки общественной жизни // *Дело*. 1879. №2. С. 176-177.

⁷³⁴ Например, рассуждая о «свойственном прислуге пренебрежении к порядку», публицист «Здоровья» предлагает ввести штрафы за нечистоплотность и порчу атмосферы, уже опробованные за границей и в Варшаве (Временные меры ассенизации Петербурга // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №39. С. 212).

⁷³⁵ Ср.: «Неимущий класс населения особенно должен обращать на себя внимание общества, как почва, наиболее способная к размножению заразного яда, который, умножаясь и накапливаясь, становится более и более опасным и для самых высших и самых достаточных классов» (Меры против чумы // *Здоровье*. 1879. Т. 5. №104. С. 26).

журналисты говорили об эгоистической выгоде — прислуга, извозчики, дворники, разносчики, уличные торговцы хлебом и лимонадом представляли непосредственную опасность для «чистой публики»⁷³⁶. При размывании сословий границы между группами создавались на новых основаниях: низы осознавались как потенциально заразные, дурнопахнущие или попросту пахнущие — так, в «Петербургских очерках» В. Авсеенко представительница нового среднего класса жалуется, что «на лестнице сторожами пахнет»⁷³⁷.

Более того, по мере усиления позиций бактериологии видимая чистота более не могла гарантировать безопасности, если ее не удостоверяли обоняние и медицинский осмотр: санитарно-гигиеническая пропаганда, вступив в союз с пастерианством, требовала глубинного очищения⁷³⁸. Врачи требовали ввести обязательный медицинский надзор над прислугой, который позволил бы выявить скрытые болезни, в первую очередь сифилис⁷³⁹. И в объявлениях о найме, и в фельетонах встречаются пожелания, чтобы горничная «держала себя чисто», лакей мылся не менее тщательно, чем барин, а от кухарки не пахло кухней⁷⁴⁰ (в противном случае ее могли обвинить в распространении заразной болезни, включая чуму и холеру⁷⁴¹).

⁷³⁶ Например, опубликованная в «Петербургском листке» заметка рассказывала, как каждая ступенька социальной лестницы наделяет хлеб и выпечку новой порцией миазмов и невидимой заразы: рано утром разносчик начинал свой путь с квартир рабочих и трущоб, затем продавал булки кухаркам, горничным богатых домов и трактирной прислуге (Гигиена и хлеб насущный).

⁷³⁷ Цит. по: Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 293.

⁷³⁸ «Петербург ... напоминает купеческую квартиру средней руки. Парадные комнаты чисты, прибраны, хорошо меблированы, а рядом, в спальне, детской, людских и кладовых — грязь, мириады насекомых, вонь от спертого воздуха и киснувших нужных и ненужных кухонных запасов. Мелкий приказчик или чиновник, надевая на грязную рубашку манишку из чистого голландского полотна, думает убедить других, что он постоянно носит чистое и тонкое белье, тогда как на самом деле он меняет его раз в неделю, от бани до бани <...> смрад, выходящий отсюда [со дворов — М. П.] густым столбом, растворяется в воздухе, застаивается на дворе, проникает в окна жилых помещений, разносится по улицам и придает петербургской атмосфере тот специфический промозгло-душливый характер, который так резко поражает обоняние всякого, вновь прибывшего в город. В этой зловредной примеси кроются зачатки многих заразительных болезней... От этого врага... нельзя уберечься ничем. Как бы вы чисто не содержали свои комнаты, как бы не вентилировали их, какие бы карантинные не предпринимали, зараза попадет к вам со двора, с улицы, через скважины дверей и окон, через стены домов, так как защитить себя от носящего миазму внешнего воздуха невозможно. Остается, следовательно, единственное, простое и радикальное средство — уничтожить самые источники миазмы» (В. Ф. Петербургские задворки // Здоровье. 1874. Т. 1. №2. С. 30-31).

⁷³⁹ Крапивина С. М. Как нам быть с прислугой? // Здоровье. 1880. Т. 6. №146. С. 381-382; см. также: О необходимости санитарного надзора за прислугой // Здоровье. 1883. №46. С. 2-3.

⁷⁴⁰ Щигровская Г. М. [Бурнашева С. П.] Наставление о том, как мыть, чистить и вообще содержать белье и разные другие предметы женского гардероба и туалета. СПб.: Типография Главного штаба по военно-учебным заведениям, 1859. С. 263-265.

⁷⁴¹ Способ мгновенного уничтожения на кухне вредного зловонного запаха, а равно чистка посуды и вообще уничтожение всякой заразы. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1881. С. 2-3, 7.

3. 2. Медикализация бедности и запах «другого»

Во второй половине XIX века медицинский взгляд проникал в бытовые сферы и постепенно менял восприятие людей, обращая их внимание на явления и признаки, прежде не рефлексировавшиеся. Значимым был и широкий охват санитарно-гигиенической пропаганды, которой было дело до всех аспектов человеческого существования. Импульсом для медикализации был санитарно-локалистский подход, обусловленный теорией миазмов, который и способствовал переключению внимания на социальную обстановку человека⁷⁴². Социальная среда понималась врачами-гигиенистами достаточно широко — и как ближайшее окружение человека, создаваемое семейными и профессиональными связями, и как среда обитания, и как условия местности.

Во второй половине XIX века происходило постепенное смещение фокуса санитарного контроля с публичных зон на приватное пространство тех, кто попадал, с точки зрения гигиенистов, в группу повышенного риска. Наряду с утверждениями о демократической природе миазмов и связанных с ними эпидемических болезней⁷⁴³, врачи постулировали, что возвратная горячка (или тиф, или лихорадка, или чума) — это, в первую очередь, «болезнь бедного слоя общества»⁷⁴⁴; быт высших слоев общества, как правило, в достаточной мере следовал модным гигиеническим веяниям и в глубинном очищении не нуждался⁷⁴⁵. Ш. Хенце справедливо интерпретирует пересмотр отношения к беднякам как переход от православных представлений о бедности-несчастье к медицинскому взгляду на бедность как на источник заразы, угрозу политической стабильности, общественному порядку и экономическому прогрессу⁷⁴⁶. Но начинается эта медикализация бедности не в 1890-е годы, а двумя десятилетиями раньше, с оформлением движения гигиенистов; к концу века она

⁷⁴² П-ов В. Причины болезней. С. 6.

⁷⁴³ П. П. Демократка // Здоровье. 1884. №35. С. 424-426.

⁷⁴⁴ П-ов В. Причины болезней. С. 19.

⁷⁴⁵ Несмотря на общее порицание роскоши и излишеств, которые могли привести к утомлению организма и нервному расстройству и тем самым сделать человека более подверженным болезням, гигиенисты обратили внимание на быт состоятельных слоев лишь в 1880-е годы, с распространением бактериологической теории и победой дезинфекции над дезодорацией. Тогда пришло понимание того, что то, что выглядит чистым, не обязательно является чистым (Tomes N. The Private Side of Public Health. P. 510).

⁷⁴⁶ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 108.

получает институционализированные формы — дома трудолюбия, кухонные школы, ремесленные училища, народные лектории и народные дома, общества трезвости.

На основе медико-топографических описаний и санитарных отчетов гигиенисты критиковали принятые стратегии борьбы с эпидемиями и требовали повсеместного внедрения своей программы — устройства больниц, регулярной инспекции и радикального очищения жилищ, обучения масс основам санитарии и гигиены. Санитарно-локалистский подход видел спасение в профилактике, а не в карантинах. Однако общая картина была более сложной и противоречивой. Ущерб торговле, насильственная госпитализация и ограничение перемещений действительно сильно ухудшали положение крестьян, фабричных, разнорабочих, бродячих торговцев; с другой стороны, карантинные меры применялись к представителям всех сословий, оказавшихся в опасной зоне, невзирая на лица, и нередко служили спасением для социально незащищенных групп⁷⁴⁷.

Освобождение крестьян стало причиной резкого роста трудовой миграции (отходничества), повлиявшей на экономическое и эпидемиологическое состояние российских городов⁷⁴⁸. Именно сезонных рабочих часто считали виновниками санитарных безобразий и упрекали в преступном пренебрежении гигиеной и — буквально — порче воздуха⁷⁴⁹. В основе претензий, предъявлявшихся к трудовым мигрантам, лежал страх перед миазмами, эпидемическими болезнями и порождавшей их скученностью⁷⁵⁰, ответственность за которую, парадоксальным образом, зачастую переносилась на самих рабочих. Менее удивительным было обвинение в распространении болезней — маршруты сезонных рабочих совпадали с путями распространения инфекций⁷⁵¹; главными очагами оказывались ярмарки.

В городе и деревне частное пространство и гигиенические практики бедняков стали

⁷⁴⁷ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 538-541.

⁷⁴⁸ Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 40-42; Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 75-91.

⁷⁴⁹ «Пришельцы-рабочие ... считая себя временными жителями столицы, весьма мало заботятся о своей гигиенической обстановке и по причине своего невежества не придают даже никакого значения соблюдению гигиенических правил» (Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 43).

⁷⁵⁰ Соловьев Н. И. Москва и Петербург в санитарном отношении. С. 168.

⁷⁵¹ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 217.

предметом наблюдения и изучения. Внимание медиков привлекали затхлые запахи съемных углов, чердаков и подвалов, спертый воздух мастерских и фабрик, невыносимая вонь ночлежных домов и крестьянских изб⁷⁵², кучи навоза в крестьянских дворах и запах животных, которые содержались в крестьянских и мещанских домах в зимнее время⁷⁵³. Все непривычное, вызывавшее отторжение и брезгливость образованного горожанина, описывалось в соответствии с медицинской риторикой, которая сплавляла воедино термины и эмоции⁷⁵⁴: «Духота и грязь в избах доходят до ужасающих размеров, особенно зимой, когда в избе же помещаются и мелкие животные! Обыкновенно сернистый водород, углекислота, аммиачные газы и гнилой органический пар сообщают воздуху крестьянских изб тот удушливый, захватывающий дыхание запах, который так характерен для помещений четвероногих»⁷⁵⁵. Все, что так или иначе связывалось с порождением дурных запахов, — от планировки крестьянского двора⁷⁵⁶ до дешевой снеди вроде соленых огурцов или капусты — объявлялось, во-первых, противным гигиене и прогрессу и, во-вторых, неприличным для современного общества⁷⁵⁷.

В борьбе с миазмами гигиенисты надеялись на поддержку низов, которые, как ожидалось, должны были рано или поздно признать преимущества очищения⁷⁵⁸. Но и равнодушные или откровенная враждебность масс, с которыми сталкивались все реформаторы, от народников до земских врачей, получали объяснение в санитарно-гигиенических терминах: дурные

⁷⁵² «Изба полна смрадом и стопами этого замученного хозяйственностью люда. У мужика есть, кроме избы, и «чистая» горница, но она не топится, ради сбережения дров, и вообще в ней даже летом редко живут; она существует напоказ и открывается только в праздники. Хорошо еще, что жилая изба топится «по-черному»; утром, чуть свет, затопит хозяйка печку, и дым поглотит скопившиеся в избе миазмы» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. Т. 16. С. 50*).

⁷⁵³ *Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. С. 85; Грязнов П. И. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. Дис. д. мед. СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского и К°, 1880. Такие же наблюдения можно обнаружить и в конце XVIII века (см., например: Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений. С. 168), но тогда они не сопровождались требованием реформ.*

⁷⁵⁴ *Frykman J., Löfgren O. Culture Builders. P. 160.*

⁷⁵⁵ *Распопов В. Санитарное состояние Великолуцкого уезда (Псковской губернии) // Здоровье. 1879. Т. 5. №109. С. 135. Ср. сходный пример из врачебных записок 1900-х годов (Рудинский Н. Д. Записки земского врача. СПб.: Типолитография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1910. С. 43-44).*

⁷⁵⁶ *Врач. 1880, 26 июня. №26. С. 437-438.*

⁷⁵⁷ Например, поваренная книга того времени не рекомендует готовить что-либо вместе с капустой, пахнущей низшими сословиями: «Мясо, пропитанное запахом капусты, уже нельзя подать под каким-либо соусом, вторым блюдом, и оно потребляется без всякого удовольствия» (*Кухня, кондитерская и погреб. М.: Типография П. А. Глушкова, 1870. С. LXV*).

⁷⁵⁸ *Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 539.*

жизненные условия, смрад и грязь отрицательно влияли на нравственность и сознательность. Так обосновывалась необходимость масштабного очищения и социальных реформ, так оправдывалось патерналистское отношение к низам, которые нуждались в помощи, перевоспитании и грамотном руководстве. В целом попытки гигиенистов и земских врачей привить массам новые гигиенические привычки, научить брезгливости и распространить на их обиталища режим ольфакторной и санитарной безопасности можно трактовать не только как процесс распространения цивилизованности (в понимании Н. Элиаса), но и как попытку социального контроля над теми группами, которые создавали эпидемическую угрозу для всего социума⁷⁵⁹. Конфликты возникали в том числе потому, что в российском обществе у обеих сторон недоставало ресурсов: низы не имели физической или финансовой возможности выполнять новые требования, а образованным слоям не хватало властных полномочий для создания соответствующих муниципальных структур и осуществления контроля.

Многие гигиенисты и общественные деятели осознавали, что у низших слоев общества нет ресурсов для надлежащей гигиенизации их повседневности. Совет переехать из квартиры, расположенной рядом с выгребной или помойной ямой (такие квартиры были самыми дешевыми), или очистить крестьянский двор от навоза⁷⁶⁰ не имел практического смысла для тех, чьих средств хватало только на такую квартиру и чей урожай зависел от количества собранного навоза. Отказ от проветривания нередко был связан с не только с боязнью внешних атмосферных влияний, но и с невозможностью купить дрова: впустить в комнату свежий воздух значило выпустить из нее тепло⁷⁶¹. Частое проветривание комнат и регулярное мытье означало увеличение расходов, которого обитатели «углов», погребов и подвалов не могли себе позволить. Поддержание требуемой гигиенистами стерильной, лишенной запахов чистоты для крестьян означало непроизводительную трату сил и времени. Все это также служило аргументом для требования перемены социального порядка. Только так можно было

⁷⁵⁹ О связи обеззараживания с усмирением беспокойных групп населения см.: *Csergo J. Liberté, Égalité, Propreté: La morale de l'hygiène au XIXe siècle.* Paris: Albin Michel, 1988. P. 34-50. Неслучайно беднейшие классы, обитавшие в сырых грязных подвалах, сравнивались публицистами с пороховой бочкой (О ночлежных приютах // Здоровье. 1880. Т. 6. №137. С. 217-218).

⁷⁶⁰ *Архангельский Г. И.* Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 127.

⁷⁶¹ Эту особенность жилищ неимущих отмечали еще авторы первых медико-топографических описаний. См.: *Гун О.* Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений. С. 80-81.

снизить смертность и, следовательно, увеличить благосостояние государства: «Там, где человек ест один черствый кусок хлеба пополам с песком и мякиной, запивая его каким-то крайне двусмысленным квасом, там, где в его жилье отводится ему 105 кубических футов воздуха, пропитанного продуктами дыхания, кожной перспирации и продуктами разложения различных сорных отбросков, и там, где он, несмотря на такие неблагоприятные условия, работает в сутки до 20, а иногда и более часов, там, говорю я, не место думать о смертности в 2, 3%!»⁷⁶².

Улучшение гигиенических стандартов должно было привести к уничтожению миазмов, уменьшить болезненность, вызвать рост самосознания и усиление нравственного начала. Резюмируя положения, выработанные Первой международной санитарно-гигиенической конференцией в Париже в 1851 году, П. Болдуин отмечает: «С помощью пристойных жилищных условий, которые влекли за собой улучшение поведения, одежды, мебели, вкусов и нравственного облика рабочего класса, гигиена сулила улучшение общественной нравственности. По ироническому замечанию французов в адрес британцев, гигиена и была истинной цивилизацией»⁷⁶³. Российские гигиенисты были далеки от того, чтобы иронизировать, и проводили параллели между уровнем гигиенического просвещения и нравственностью серьезно и последовательно⁷⁶⁴. Миазмы и дурные запахи назывались причиной равнодушия, аморальности и различных преступлений⁷⁶⁵. Даже моральная экономика крестьянства по отношению к детям — когда родители отказывались покупать дорогие лекарства или везти заболевшего ребенка к земскому врачу — объяснялась дымом, угаром и смрадом курных изб, влияющих на нравственное чувство⁷⁶⁶.

В попытках найти объяснение отсутствию брезгливости, иным понятиям о чистоте и грязи,

⁷⁶² Фавр В. В. Кое-что из санитарной обстановки крестьян Боровичского уезда Новгородской губернии // Здоровье. 1878. Т. 4. №91. С. 263.

⁷⁶³ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 128.

⁷⁶⁴ Скворцов И. П. Гигиена и цивилизация. Речь, читанная 27 августа 1873 года // Труды IV съезда русских естествоиспытателей в Казани, 20-30 августа 1873 года. Казань: [Б. и.], 1874-1875. С. 83-92.

⁷⁶⁵ Бертенсон И. В. Гигиеническая сторона крестьянского вопроса. М.: Типография Каткова и К^о, 1858. С. 7-8, 20, 34-37; Скворцов И. П. Общепонятная гигиена. С. 329-330.

⁷⁶⁶ Крапивина С. М. Болезненность детей в окрестностях Вильны // Здоровье. 1878. Т. 4. №84. С. 117.

терпимости к запахам, которые с позиций новой гигиены казались невыносимыми⁷⁶⁷, врачи и публицисты прибегали и к физиологической аргументации. «Притупленное обоняние городского жителя» мотивировалось воздействием агрессивной городской среды. Некоторые врачи вообще полагали своей первоочередной задачей оздоровление города, утверждая, что «деревенский житель, окруженный природой, охранен от всего того, что именно губит горожан в их тесных улицах и домах»⁷⁶⁸. Однако другие возражали: крестьяне не умеют пользоваться благами природы и по собственной глупости и невежеству создают вокруг себя нездоровую атмосферу. Тем самым санитарно-гигиеническая риторика транслировала представления вековой давности. Врачи конца XVIII-начала XIX века полагали, что конституция человека и сложность его болезней зависит от многообразия болезнетворных факторов, которых больше в городе, чем в деревне. Поэтому крестьянам приписывалось обладание более устойчивыми гуморами и более толстыми и грубыми «фибрами» (мышечными и нервными волокнами), а болезни, которыми они страдали, считались проще и примитивнее, чем у городских жителей⁷⁶⁹.

Причины крестьянских болезней видели прежде всего в неумеренности и неосторожности, т. е. в неумении управлять собой⁷⁷⁰. Этими свойствами, якобы имманентно присущими простонародью, объяснялись царившие в деревнях грязь, вонь и беспорядок⁷⁷¹. Поскольку, в

⁷⁶⁷ Ср.: «(У крестьян) ... самое понятие о чистоте весьма неразвито или лучше сказать извращено; так, если крестьянин или крестьянка приносят в аптеку чистую по их мнению склянку, то в большинстве случаев она с вашей точки зрения будет совершенно грязна; если вам подадут чашку или стакан для питья, то вам приходится удивлять своей брезгливостью, прося тщательно вымыть эту посуду... Понятного чувства брезгливости, выработанного имущими классами, в ограждение своей личности от всякой заразы и нечистоты, в крестьянской среде почти не встречается» (*Капустин М. Я. Очерки земской медицины // Здоровье. 1876. Т. 2. №35. С. 118*).

⁷⁶⁸ *Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина. С. 151.*

⁷⁶⁹ *Вицман А. О болезнях богатых и светских людей. С. 2, 6; Луц И. [Люце И.-В.-Л.] Друг здоровья. СПб.: Типография Медицинской коллегии, 1800. С. 7.* Автор последней брошюры служил штаб-лекарем лейб-гвардии Гренадерского полка; написанный им по-немецки лечебник был переведен на русский язык по заказу Медицинской коллегии. Ср. также: «Всякому известно, что городской житель здоровьем своим не может равняться с деревенским. Даже самые болезни у сего последнего бывают гораздо менее сложны, нежели у жителя городского» (*Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. С. 51*). Сходную риторику С.-О. Тиссо анализирует М. Фуко (*Фуко М. Рождение клиники. С. 42-43*).

⁷⁷⁰ *Рост Х. Деревенский врачевник. С. 7, 25, 28, 36.*

⁷⁷¹ Ср.: «Крестьяне не перестанут быть крестьянами, суть такие неопрятные и чистоты собственно для себя ненаблюдающие крестьяне, что умирающих в летнее время телят, овец, свиней, собак и других тому подобных вытаскивают или рано поутру или поздно ввечеру из своих домов, бросают их на выпусках, улицах, переулках, около городьбы, а иные невежды кидают в воду, и от таких публично лежащих стерв и мерзостей делается нестерпимая вонь, так что заражается воздух» (*Ляликов И. Городской и деревенский эконо. Ч. 2. С. 99*).

силу привычки, крестьяне не могли этого почувствовать, указывать им на нездоровую атмосферу, советовать «антимефитические» средства и в случае необходимости активно принуждать к соблюдению чистоты предписывалось даже не врачу, а сельскому священнику или образованному помещику, как единственным носителям рационального знания в глуши⁷⁷². Подавляющее большинство врачей были заняты на государственной службе в губернских и уездных городах или крепостях⁷⁷³. Медицинская помощь была платной и труднодоступной, а все остальные (неформальные, традиционные) способы справляться с болезнями, эксцессами, опасностями, рассматривались как проявление невежества и суеверия⁷⁷⁴, за редкими исключениями⁷⁷⁵. Поэтому моральная философия и рекомендательная литература рисовали образ идеального помещика, наставляющего крестьян в различных вопросах, включая профилактику и лечение болезней⁷⁷⁶.

Характерные для XVIII века представления о физической грубости и сниженной чувствительности низов сохранялись вплоть до конца XIX века⁷⁷⁷. В литературе и периодике мы находим рассуждения о том, что прислуга не чувствует запаха угара и способна без ущерба для здоровья съесть испортившуюся провизию⁷⁷⁸, а обитатели крестьянских изб и ночлежных домов без ущерба для себя дышат воздухом, в котором любой свежий человек

⁷⁷² *Рост И. А.* Слово о вредном воздухе в жилищах особливо простого народа примечаемом: и о средствах удобных к поправлению онаго. М.: Типография Императорского Московского университета, 1772.

⁷⁷³ *Renner A.* Progress through Power? P. 36-38. Согласно первому «Российскому медицинскому списку», в 1809 году в сорокамиллионной России насчитывалось всего 2508 врачей, находившихся на военной и гражданской службе, не считая дантистов и окулистов (указано в: *Громбах С. М.* Русская медицинская литература XVIII века. С. 17).

⁷⁷⁴ Не следует забывать, что лечением занимались не только врачи, получившие университетскую или клиническую подготовку. Медицинские услуги оказывали носители различных типов знания — священники, аптекари, повитухи, коновалы, знахари и знахарки, цирюльники и бродячие торговцы, мельники и пасечники и др. Хозяйственные записи конца XVIII-первой половины XIX века свидетельствуют о популярности самодиагностики и самолечения. Одобренные врачами методы лечения и профилактики из медицинских справочников могли использоваться одновременно с семейными рецептами (см., например: Выписки из лечебника. Вторая половина XVIII века. ОР РНБ. Q. VI. 21).

⁷⁷⁵ С 1721 года в России была запрещена любая неофициальная медицинская помощь, хотя народные методы лечения продолжали интересовать врачей (см., например: *Воинов И. П.* Слово о главной цели народной медицины и важности оной. М.: Университетская типография, 1807).

⁷⁷⁶ В частности, написанный для простонародья справочник «Деревенское зеркало» (1798-1799) содержал иллюстрацию, на которой просвещенный помещик «Правдинин рассказывает на сходьбище крестьянам причины болезней и охраняющие от них средства» (приведено в: *Громбах С. М.* Русская медицинская литература XVIII века. С. 183-184). В том же издании описывается устройство деревенской больницы, где функции врача исполняет помещик.

⁷⁷⁷ Сходные наблюдения на материале французской литературы второй половины XIX века делает Ж.-Л. Кабанес (*Cabanès J.-L.* Le corps et la maladie dans les récits réalistes (1856-1893). Vol. 1. P. 73-75).

⁷⁷⁸ *Радаков А. Н.* Влияние на здоровье нечистого воздуха. С. 7; Гигиено-экономический словарь практических познаний. Т. 1. С. 97.

задохнется и заболеет. Чувства нижестоящих по социальной лестнице объявлялись одновременно грубыми и ненадежными⁷⁷⁹. Однако постепенно акценты менялись: с 1870-1880-х годов ослабленная чувствительность масс начинает объясняться не природой, а болезненной привычкой и отсутствием образования, мешавшими представителям низов осознать запах своего тела и своего жилища и проникнуться к ним отвращением⁷⁸⁰. На тех же основаниях врачи предлагали ввести санитарный надзор за ремесленниками и рабочими⁷⁸¹, которые в силу привычки не могли адекватно оценить свои запахи и качество вдыхаемого воздуха и потому могли нанести ущерб собственному здоровью и здоровью окружающих. В обязанности таких санитарных надзирателей, которые действительно появились на некоторых фабриках, входили надзор за чистотой на фабрике и в бараках, проветривание помещений и даже контроль за умыванием рабочих⁷⁸².

Само присутствие человека из низов отныне безошибочно опознавалось по запаху: его статус «другого» получил ольфакторное измерение, воспринимавшееся не только специалистами, но и любым носителем новой гигиенической сознательности. Если для гигиенистов запахи низов подтверждали необходимость реформ, то для образованных горожан они служили источником беспокойства и страха. Популярны брошюры рекомендовали «избегать всех мест, где воздух отравлен испарением нечистоплотной или бедной толпы, например,

⁷⁷⁹ Осмысление социальной иерархии в чувственных категориях известно и в других культурах. Например, в средневековом Китае крестьянам было отказано в способности как следует видеть и слышать, в отличие от элиты, претендовавшей на тонкий слух и острое зрение (*Geaney J. On the Epistemology of the Senses in Early Chinese Thought. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. P. 50-57; приведено в: Smith M. M. Sensing the Past. P. 29-30*).

⁷⁸⁰ Новороссийский телеграф. 1880, 19 (31) декабря. №1774. С. 2; *Эйдам В. Сохранение здоровья: Общая гигиена в применении к обыденной жизни. СПб.: Типография И. Г. Салова, 1891. С. 17. Ср. также очерк А. А. Фета «Бедные люди» (1868): «И на охоте, и во время кочевой военной службы мне привелось перебивать от хаты крестьянина-молдована и спиртуозного помещения польского еврея-голяка до замечательно неопрятных хижин прибалтийских чухонцев, поэтому крестьянская изба для меня явление несколько не новое. <...> Но на этот раз только нежелание оскорбить хозяев заставило меня войти в избу и поклониться сидевшей под окном с шерстяным чулком хозяйке. Трудно передать колочую остроту поразивших меня миазмов! Садясь у самой двери крошечной избы на лавку, я поспешно достал и закурил сигару, но и это средство не помогало» (*Фет А. А. Из деревни // Литературная библиотека. 1868. № 2. С. 90-124. Цит. по электронной публикации. Режим доступа: http://dugward.ru/library/fet/fet_iz_derevni_1868.html*).*

⁷⁸¹ *Зеленский М. С. Наши тряпичники: Исследование одного из главных источников заразы // Вестник Европы. 1885. Кн. 6. С. 836-847; Песков П. А. Фабричный быт Владимирской губернии: Отчет за 1882-1883 годы. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1884; Смоленский П. О. О тряпичном промысле в санитарном отношении. СПб.: Яблонский и Перотт, 1890.*

⁷⁸² Описание экспонатов Компании писчебумажных фабрик в Лигате на Первой Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге 1893 г. Рига: [Б. и.], 1893. С. 8-10; Раменская бумагопрядильная и ткацкая фабрика промышленного и торгового товарищества П. Малютина сыновей. М.: Типография И. Н. Кушнерева и Ко, 1893.

трактиров, ресторанов, тесных почтовых и торговых контор, магазинов, театров, разных общественных зал, и т. п.»⁷⁸³. Поход на рынок, где в платье незаметно впитываются «миазматические яды», прогулка по бульвару, визит в парикмахерскую, канцелярию, к мировому судье или в церковь, — всюду дыхание и испарения незнакомых с гигиеной масс могли заразить чистую публику⁷⁸⁴.

Для носителя новых гигиенических норм, которые предписывали подавлять и искоренять подозрительные запахи и разделять бытовые запахи по функциональным сферам, чужие, непривычные, неприятные эманации тела, личных вещей, жилья манифестировали отличие в степени цивилизованности. Так, привычка низов — крестьян и городских поденщиков — менять белье раз в 2-3 недели давала повод сравнивать их с дикарями: «Утверждают, что негры нестерпимо воняют; думаем, что простой русский люд немногим уступит в этом отношении неграм»⁷⁸⁵. В ольфакторных и гигиенических терминах рационализировались антисемитские настроения; запах, царящий в жилище кочевника⁷⁸⁶, служил призывом к исправлению, очищению и европеизации «азиатского дикаря», погрязшего в антисанитарии и зловонии⁷⁸⁷. Образ «другого» раз за разом конструировался с помощью ольфакторного кода. Речь могла идти об азиатских кочевниках, лопарях⁷⁸⁸, представителях коренных народов Сибири и Дальнего Востока⁷⁸⁹, местечковых евреях⁷⁹⁰, крестьянах, обитателях ночлежных домов: в каждом случае «инаковость» выражалась посредством иных ольфакторных и

⁷⁸³ *Гурин Е. Г.* Чахотка: Природа, припадки, распознавание и предупреждение ее. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1898. С. 26.

⁷⁸⁴ Петербургский листок. 1864, 23 мая; *Архангельский Г. И.* Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 105; Одесский вестник. 1877, 7 июня. №121. С. 3 (письмо в редакцию); Новороссийский телеграф. 1880, 9 (21) января. №1448. С. 3; Новороссийский телеграф. 1880, 6 (18) декабря. №1762. С. 2.

⁷⁸⁵ *Португалов В. О.* Вопросы общественной гигиены. С. 92-93.

⁷⁸⁶ *Бентковский И.* Жилище и пища калмыков Большедербетского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Отд. 1. Ставрополь: Типография губернского правления, 1868. С. 89-90, 103-104.

⁷⁸⁷ Ср.: *Харузин А. Н.* Степные очерки. С. 70-71; Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад: Паровая типография К. М. Федорова, 1897. С. 199.

⁷⁸⁸ *Львов-Кочетов Е. Л.* По студеному морю: Поездка на Север. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. С. 196-197.

⁷⁸⁹ Гилякская деревня // Здоровье. 1877. Т. 3. №60. С. 131.

⁷⁹⁰ Новороссийский телеграф. 1880, 1 (13) марта. №1498. С. 3; Новороссийский телеграф. 1880, 5 (17) июня. №1587. С. 2; Новороссийский телеграф. 1880, 16 (28) июля. №1625. С. 2; Новороссийский телеграф. 1880, 30 октября (11 ноября). №1726. С. 5.

гигиенических стандартов, не совпадающих с воображаемыми европейскими нормами⁷⁹¹.

Эти представления влияли и на лечебную практику: чем менее цивилизованным считался человек, тем более мощные меры следовало применять — только они были способны подействовать на «грубые натуры». В этом аспекте санитарный подход смыкался с карантинным, проповедующим жесткие и репрессивные практики. Характерный пример мы находим в записках о Туркестане генерал-лейтенанта М. А. Терентьева: «Я убедился на деле, что такому непосредственному человеку, как киргиз [так до начала XX века в России называли казахов — *М. П.*], кураmineц и даже сарт [имеются в виду оседлые группы населения Средней Азии — *М. П.*], больше всего внушают доверие «чувствительные» средства: горькая хина, выжимающий слезы нашатырный спирт, обжигающий паршу раствор едкого кали, несмываемый ничем адский камень [ляпис, нитрат серебра — *М. П.*], моментально действующие рвотные, слабительные и проч. Когда действие лекарства скоро и заметно — дикому человеку лучше ничего и не надо. Он доволен будет даже и одним впечатлением вкуса, обоняния, осязания: горько, воняет, щиплет — вот это и лекарство!»⁷⁹².

Эти данные согласуются с многочисленными этнографическими материалами о стереотипном восприятии «другого»: настороженность, страх или отвращение по отношению к непохожему меньшинству нередко сопровождаются упреками в нечистоплотности, аморальности, глупости. Например, в славянских культурах неприятные или просто странные запахи отмечали чужаков (немцев, евреев, цыган, турок), которые не считались людьми в полной мере⁷⁹³. Далее подвергаемая остракизму группа может выводиться за пределы социальных норм и расчеловечиваться, что позволяет большинству не только сохранить привычную картину мира, но и иметь предлог для репрессивных мер⁷⁹⁴. Парадокс

⁷⁹¹ Обзор Сыр-Дарьинской области за 1887 г.: Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора. Ташкент: Сыр-Дарьинский областной статистический комитет, 1889. С. 161, 167-169.

⁷⁹² *Терентьев М. А.* Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. Кн. 10. С. 503.

⁷⁹³ *Белова О. В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян. С. 53-57; *Кабакова Г. И.* Запах. С. 269; *Трахтенберг Д.* Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М., Иерусалим: Гешарим, 1998. С. 44-47. Основанному на тех же стереотипах восприятию кочевников как не вполне людей русскими поселенцами посвящена статья *Е. В. Лярской (Лярская Е. В.* «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундровиках // Антропологический форум. 2006. №5. С. 242-258, особенно С. 249).

⁷⁹⁴ *Livingstone-Smith D.* Less Than Human: Why We Demean, Enslave and Exterminate Others. New York: St. Martin's Press, 2011.

гигиенического движения, если не всего модернизационного проекта, заключался в том, что «другими» оказывалось не меньшинство, а большинство. Задачей горстки гигиенистов, поначалу даже не обладавших полноценной поддержкой государства, были гигиенизация и очищение всего немалого пространства и огромного населения Российской империи.

3. 3. Смешение запахов и ольфакторный нейтралитет

Миазматическая теория считала одним из источников опасных эманаций смешение запахов — природных и антропогенных, запахов тела и пищи, запахов сладкого и кислого, запахов съедобного и несъедобного, запахов животных и промышленных материалов⁷⁹⁵. Соединение различных по природе запахов приводило к брожению и гниению, отравляло воздух и порождало болезни, делая просто дурной воздух невыносимым и ядовитым⁷⁹⁶. С распространением санитарно-гигиенической программы смешанные запахи превратились в индикатор санитарного и социального неблагополучия, а одним из требований гигиенистов стало разделение запахов по функциональным сферам. Этим принципом руководствовались санитарные врачи и инспекторы при проверке общественных мест на соответствие гигиеническим нормам⁷⁹⁷. В первую очередь внимание привлекали рынки, склады, фабрики и мастерские, где рабочие трудились, ели и спали в одном помещении, жилища бедняков, ютившихся в одной комнате или во одном углу со всем своим скарбом, а также мелочные лавки, торговавшие разнокалиберными товарами, трактиры и меблированные комнаты⁷⁹⁸.

⁷⁹⁵ Ср.: «Улицы этого местечка представляют собой склад навозу, мусору и всякой гнили — твердой и жидкой. Мясо продается на базаре на столиках, под открытым небом, причем обрезки не убираются и беспрепятственно проходят все степени разложения. Тут же разлагаются целыми горами наваленные арбузы, дыни и копченая рыба. В результате получается сонм ароматов, в полном смысле отравляющих существование» (Заметки и известия // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №28. С. 605).

⁷⁹⁶ Курятный ряд в Одессе // *Здоровье*. 1877. Т. 3. №62. С. 180; *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии. С. 52-53, 83.

⁷⁹⁷ *Верекундов С. П.* Санитарное состояние Киева в 1887-1889 гг. С. 1-2, 10.

⁷⁹⁸ Ср. у Н. Г. Помяловского характерное описание бурсаков, делящих домашние гостинцы: «Сюда стекалось все училище; ученики толпами переходили от одной кровати к другой; из под кроватей, числом до двухсот в этих номерах, выдвигались сундуки, наполненные, кроме книг, разными съестными припасами. С дома, особенно с деревень, привозились в запас огромные белые хлеба, масло, толокно, грибы в сметане, моченые яблоки. От этих припасов отделялись особого рода запахи и наполняли собою воздух; с этими запахами мешались нецензурные миазмы; от стен, промерзавших зимою в сильные морозы насквозь, несла сырость, сальные свечи в шандалах делали атмосферу горькою и едкою, и ко всему этому надо прибавить, что в углу у дверей стоял огромный ушат, наполненный до половины какою-то жидкостью и заменявший место нечистот. К такой ядовитой атмосфере должен был привыкать ученик, и поверит ли кто, что большинство, живя в зараженном воздухе, утрачивало наконец способность чувствовать отвращение к нему!» (*Помяловский Н. Г.* Полн. собр. соч. В 2 Т. СПб.: Просвещение, 1903-1904. Т. 2. С. 57-58).

С 1870-х годов смешение запахов начало восприниматься как сигнал об опасности и как знак принадлежности к социальным низам, не знающим о вреде миазмов и не умеющих преобразовать свой домашний обиход так, чтобы сферы личной гигиены, приготовления и приема пищи, ремесла и производства, сна и труда не соприкасались между собой. На практике это означало, что гигиенически правильное жилище должно было напоминать квартиру образованного горожанина с достатком выше среднего, имевшего возможность принимать ванну, отдавать белье в прачечную, покупать хлеб в дорогой булочной, регулярно покупать свежие припасы и т. п. Неслучайно проекты жилья для рабочих, демонстрировавшиеся на гигиенических выставках, предполагали новую, функциональную планировку и включали в состав фабричного квартала центральную пекарню и общую прачечную, поскольку «печенье хлеба дома почти всегда перегревало бы температуру, а мытье грязного белья портило бы воздух»⁷⁹⁹. Прачечные, пекарни и мелочные лавки в подвалах считались большим злом, поскольку отравляли атмосферу расположенных над ними квартир.

Еще в первых медико-топографических описаниях запах мелочных лавок вызывал настороженность врачей: «Исходящие из мелочных лавочек разнородные испарения нимало не исправляют воздуха и для живущих над ними бывают довольно ощутительны. Кислая капуста и другие пахучие или в брожение приходящие вещества <...> делают воздух не только для обоняния тягостным, но и для дыхания вредным»⁸⁰⁰. В эпоху санитарно-гигиенической пропаганды картина не изменилась. Старший брат А. П. Чехова, Александр, в мемуарах так описывал атмосферу отцовской бакалейной лавки в Таганроге: «Рядом с дорогим прованским маслом и дорогими же духами «Эсс-Букет» продавались маслины, винные ягоды, мраморная бумага для оклейки книг, керосин, макароны, слабительный александрийский лист, рис, арабийский кофе и сальные свечи. Рядом с настоящим чаем продавался и спитой чай, собранный евреями в трактирах и гостиницах, высушенный и подкрашенный. Конфеты, пряники и мармелад помещались по соседству с ваксою, сардинами, сандалом, селедками и жестянками для керосина или конопляного масла. Мука, мыло, гречневая крупа, табак-махорка, нашатырь, проволочные мышеловки, камфара,

⁷⁹⁹ Описание экспонатов Компании писчебумажных фабрик в Лигате. С. 14-15.

⁸⁰⁰ Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. С. 24-25.

лавровый лист, сигары «Лео Виссора в Риге», веники, серные спички, изюм и даже стрихнин (кучелаба) уживались в самом мирном соседстве. Казанское мыло, душистый кардамон, гвоздика и крымская крупная соль лежали в одном углу с лимонами, копченой рыбой и ременными поясами. <...> В лавке, несмотря на постоянно открытые двери на улицу, стоял смешанный запах с преобладающим букетом деревянного масла, казанского мыла, керосина и селедок, а иногда и сивухи. И в этой атмосфере хранился чай — продукт, как известно, очень чуткий и восприимчивый к посторонним запахам»⁸⁰¹.

Покупатели Чехова-отца, как сообщает мемуарист, не жаловались; тем не менее врачи-гигиенисты прилагали все усилия, чтобы искоренить миазмы подобных заведений. Мелочная лавка, в которой делали покупки исключительно представители низших сословий, служила эпонимом всего, что описывалось гигиенистами как грязь и антисанитария и что следовало очистить, дезинфицировать и упорядочить. С наведения чистоты и порядка, дезодорации и дезинфекции лавок, рюмочных, трактиров, рынков и мастерских гигиенисты предполагали начать свой проект очищения и воспитания масс. И, наоборот, таким образом осуществлялся перевод частных гигиенических норм в публичное пространство: телесная чистота достаточной публики требовала очищения города, а этого следовало навязать представителям всех социальных групп новые понятия о чистоте — своеобразный «ольфакторный нейтралитет»⁸⁰².

Вместе с новыми гигиеническими и ольфакторными стандартами, которые насаждались врачами, началось массовое распространение средств гигиены. Усиление санитарно-гигиенической озабоченности запахами происходило на фоне бурного роста парфюмерно-косметической промышленности, которая активно ориентировалась на новые социальные группы. Если в начале 1860-х годов производство парфюмерных и гигиенических товаров было еще относительно невелико и законодательно не выделялось в отдельную отрасль (в основном такие товары изготавливали в аптеках), то через два десятилетия производители

⁸⁰¹ *Чехов Ал. П.* Из детских лет А. П. Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1960. С. 34-35.

⁸⁰² *Fernandez A.* Des villes sans odeurs? Représentations de l'urbanité au XXème siècle // Odeurs et parfums. Actes du 121e congrès national des sociétés historiques et scientifiques, Nice, 1996 / Sous la dir. de D. Musset, C. Fabre-Vassas. Paris: Editions du CTHS, 1999. P. 24-28.

мыла, помады и одеколонов были выделены в особое ведомство.

В исследовательской литературе встречаются утверждения, что до первой трети XIX века в России практически не знали мыла⁸⁰³. Это не так: первые документы и косвенные свидетельства о выработке различной мыловаренной продукции относятся к XIV веку, а к середине XVII века уже существовало множество средних и мелких мыловаренных производств⁸⁰⁴. К концу XVIII века в России продавались твердое и жидкое хозяйственное мыло, «мыло холщевое» (для стирки), туалетное мыло («с духами»), мыльная эссенция и дегтярное мыло, «для скотских их хворостей весьма целебное», отечественного и импортного производства⁸⁰⁵. В переводных и компилятивных изданиях по домоводству XVIII-начала XIX века обнаруживаются рецепты различных моющих и гигиенических средств на основе покупного мыла и советы по превращению простого мыла в туалетное (умывальное)⁸⁰⁶.

Специфическим было скорее употребление, необычайно широкое с современной точки зрения: мыло использовалось для смазки инструментов, стирки одежды, отбеливания пряжи, в составе красок, лекарств и даже курений⁸⁰⁷. В меньшей степени мыло использовалось для личной гигиены. В аристократической среде с петровского времени основным умывальным средством служили разбавляемые водой туалетные уксусы и одеколоны (эта практика была в ходу вплоть до 1840-х годов⁸⁰⁸), крестьяне и мещане пользовались щелоком или отрубями. И, что еще важнее для данного исследования, это мыло, сваренное, в основном, из животных

⁸⁰³ Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 208-210.

⁸⁰⁴ Ключевич А. С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России: Моющие средства, переработка жиров с древнейших времен по 1917 год. Казань: Издательство Казанского университета, 1971. С. 49, 53-56, 108-131.

⁸⁰⁵ Там же. С. 178-183. См. анонимную рекламу, опубликованную в Санкт-Петербургских Ведомостях (Санкт-Петербургские Ведомости. Прибавление к №25 от 26 марта 1779 года. С. 370). Адрес указывает на подателя объявления — химика и техника Д. М. Ладыгина, владельца мыловаренного предприятия в Петербурге (приведено в: Ключевич А. С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. С. 180).

⁸⁰⁶ Осипов Н. П. Старинная русская хозяйка, ключница истряпуха. С. 125-126.

⁸⁰⁷ Ладыгин Д. М. Новое приспорье всякому домоводству на Руси. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1778. С. 35-37; Собрание некоторых экономических записок, нужных для домашнего употребления. М.: Типография А. Анненкова, 1787. С. 47; Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений. С. 180, 185.

⁸⁰⁸ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. С. 165.

жиров (сливочного масла, говяжьего сала, бычьего мозга, ворвани, рыбьего жира) обладало выраженным неприятным запахом, который, впрочем, не был предметом особого беспокойства вплоть до второй половины XIX века. Запах терпели, если мыло использовалось в промышленных или хозяйственных целях, или маскировали душистыми добавками, если оно предназначалось для личного обихода (но это было необязательно). В любом случае, на запах практически не обращалось дискурсивное внимание⁸⁰⁹.

Изменения начались в 1850-х-1860-х годах, когда количество мыловаренных предприятий начало резко расти, а органолептические характеристики гигиенических средств — меняться вместе с контурами терпимости к запахам⁸¹⁰. На популяризацию различных гигиенических средств влияли и санитарно-гигиеническая пропаганда, и престиж городского образа жизни, и бытовые стандарты средних и высших социальных групп. Со своей стороны, гигиенисты видели в мыле и других средствах личной гигиены символ нового быта, устроенного в соответствии с последними научными достижениями, и активно продвигали в массы новые стандарты чистоты — с помощью брошюр, чтений и лекций для народа, непосредственных разговоров с пациентами (чему в большой степени способствовала система земской медицины). В 1865 году секретарь Вольного экономического общества, химик и экономист А. И. Ходнев писал: «Гигиена и промышленность прославляют пользу мыла и нуждаются в нем»⁸¹¹. Благодаря новым технологиям, которые позволяли получать душистые вещества более дешевым способом, мыло, помада для волос, одеколон, разнообразные туалетные воды

⁸⁰⁹ Например, русский химик-мыловар Ладыгин отмечал эту особенность хозяйственного мыла, но указывал, что неприятный запах ощущают только «нежные люди» (*Ладыгин Д. М.* Новое приспореье всякому домоводству на Руси. С. 20). Учеными и корреспондентами Вольного экономического общества высказывались пожелания, чтобы «все же люди на Руси умывались и мыли... чистым и не мертвечинным мылом», имевшим отвратительный запах (*Собрание некоторых экономических записок.* С. 53). В редких случаях составители хозяйственных сборников давали рекомендации, как «отнять» неприятный запах у мыла. Первые признаки беспокойства из-за дурного запаха средств, призванных обеспечивать чистоту, мы обнаруживаем в 1830-х-1840-х годах. С усилением ольфакторной рефлексии осознаются и социальные импликации запахов. Так, в мемуарах Е. Н. Водовозовой приводится беседа институтки с классной дамой-модницей, которая заставляет девочку покупать дорогое мыло, а не то, от которого «несет салом» (*Водовозова Е. Н.* На заре жизни. Т. 1. С. 405).

⁸¹⁰ К началу 1860-х в России насчитывалось около 20 центров мыловарения; в европейской части России производилось около 797 тысяч пудов мыла, в Петербургской губернии работало 8 заводов с выработкой мыла в 74, 6 тысяч пудов (*Ключевич А. С.* Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. С. 270-271, 274). Значительный объем составляли промышленное и хозяйственное мыло, но и спрос на туалетное мыло для личной гигиены также начал расти.

⁸¹¹ *Ходнев А. И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. С. 352.

и уксусы в 1830-е годы стали доступнее для широкой публики⁸¹². Следующим технологическим прорывом стало создание синтетических веществ, которое еще более удешевило парфюмерное сырье и сделало душистое мыло предметом массового спроса.

Благодаря санитарно-гигиенической пропаганде спрос на товары гигиенического спектра расширялся, и производители туалетного мыла и других парфюмерно-косметических средств получали новую покупательскую аудиторию. Производство дешевого туалетного мыла началось на рубеже 1860-х и 1870-х годов⁸¹³. В частности, этим объясняется успех мыловаренной компании Г. Брокара, основанной в 1864 году. Хотя официальная история компании подчеркивала наличие клиентов из аристократических кругов, основными покупателями брокаровских товаров были крестьяне, небогатые купцы и мещане. В конце 1860-х годов Брокер выпустил для крестьянской аудитории пятикопеечное мыло, затем — мыла «Народное» и «Сельское» ценой в одну копейку, которые продавались на базарах и ярмарках. Известно, что с середины XIX века в некоторых крестьянских общинах кусок мыла, как престижный городской товар, входил в перечень свадебных подарков жениха невесте⁸¹⁴. На мелких чиновников, младших военных чинов и разночинцев средней руки были рассчитаны доступные парфюмерные наборы, выпускавшиеся с 1878 года, и цветочные одеколоны, разработанные для Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 года⁸¹⁵. Рост парфюмерно-косметической индустрии едва ли способствовал «обезвониванию» общества и достижению желаемого ольфакторного нейтралитета. В результате одни запахи замещались или дополнялись другими, телесные эманации исчезали под напором

⁸¹² *Вайнштейн О. Б.* Историческая ароматика: одеколон и пачули. С. 440-441.

⁸¹³ Отчет о Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. в Санкт-Петербурге. СПб.: [Б. и.], 1871. С. 38; Казанская ремесленная и сельскохозяйственная выставка 1886 г. Казань: Типография Губернского правления, 1888. С. 79. Оборот Санкт-Петербургской химической лаборатории, специализировавшейся на мыле и туалетной воде, за 22 года достиг 1 млн рублей в год (Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. Вып. 14. С. 106). К концу XIX века в России работали крупные мыловаренные заводы Ширмера, Бонакера, косметические заводы Брокара, Ралле, Сиу, Лемерсье, Тассара, Анонимного русско-французского гигиенического общества, Р. Кёлера (одним из его директоров был крупный химик В. В. Марковников).

⁸¹⁴ *Максимов С. В.* Год на Севере. М.: П. К. Прянишников, 1890. С. 362, 371. Во время русско-турецкой войны Брокер выпускал «патриотические» мыла «Русское» и «Военное» и помаду «Букет Плевны».

⁸¹⁵ Золотой юбилей: К 50-летию со дня основания товарищества Брокер и К°. М.: [Б. и.], 1915. Примечательно, что рекламный ход, которым фабрикант привлек внимание прессы и публики к одеколону «Цветочный» на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве 1882 года, совпадает с описанным в «Дамском счастье» Э. Золя (1883): на стенде компании был установлен фонтан с одеколоном, в котором все желающие смачивали носовые платки, веера и даже сюртуки. Скорее всего, Г. Брокару и Э. Золя был знаком один и тот же парижский прототип.

синтетических ароматизаторов, а границы между сословиями/классами получали новое выражение на старом языке запахов: копейное мыло — и одеколон, дешевый парфюм — и французские духи.

3. 4. Понятие «хорошего тона» и феминизация чувствительности

По предположению французского историка А. Корбена, рефлексия по поводу запахов свидетельствует об усилении индивидуализма в общества, о новом типе внимания, направленного на себя, на личные границы и индивидуальные ощущения⁸¹⁶. Первый всплеск осознанного внимания к границам телесности, к ольфакторному впечатлению, производимому на собеседника, в России относится к эпохе петровских реформ. В екатерининское время новые нормы, усвоенные аристократией, начали интериоризироваться в среде мелкопоместного дворянства. Следующий заметный шаг был совершен во второй половине XIX века, с размыванием сословных границ и оформлением новых общностей городских жителей, для бесконфликтного существования нуждавшихся в унификации поведенческих, гигиенических и ольфакторных стандартов. Нормы, которые должны были обеспечить эту унификацию, входили в понятие «хорошего тона» (*du bon ton, du bon goût, du comme il faut*). Проводником норм, качественных и количественных, гендерных и возрастных служила рекомендательная литература, которая начала массово издаваться с 1860-х годов⁸¹⁷. Если прежде сведения о том, как себя вести, как ухаживать за собой, как взаимодействовать с другими адресовались не столь многочисленному образованному сословию, располагавшему как средствами для покупки дорогостоящих гигиенических средств и парфюмерии, так и досугом для чтения книг, то в пореформенный период круг адресатов расширялся — в идеале каждый член общества должен был привести свои привычки и свое телесное поведение в соответствие с правилами хорошего тона.

Проповедуемый гигиенистами идеал умеренности и чистоты подразумевал и ольфакторный «нейтралитет» — не только публичный (нейтралитет среды), но и личный (нейтралитет тела). Лишить тела присущих им запахов означало не только изгнать антропогенные миазмы, но и установить контроль за чувственностью — и тем самым максимально распространить

⁸¹⁶ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 81-85.

⁸¹⁷ Kelly C. Refining Russia. P. 85-155, 156-229.

объективированную, рациональную заботу медицины и гигиены на внутренний мир фибров и нервов. В 1862 году анонимный составитель «Секретного портфеля для мужчин и женщин» уверял, со ссылкой на Монтеня, что «чтобы пахнуть хорошо, надобно ничем не пахнуть»⁸¹⁸. Все телесные эманации и запахи-артефакты становилось предметом тщательного рассмотрения как гигиенистов, так и опиравшихся на их труды — прямо или косвенно — авторов рекомендательной литературы. Так запахи конструировались и интерпретировались в двух смыслах — медицинском и социальном.

В первую очередь строгому регулированию подвергалась интенсивность запаха.

Сформулированное еще в изданиях XVIII века представление, что запахи — это яды или лекарства, силу которых нельзя недооценивать⁸¹⁹, благодаря санитарно-гигиенической пропаганде и общественному влиянию естественных наук получило новое истолкование. Запахи могли содержать в себе заразное начало — в этом случае они становились причиной «повальных и заразительных болезней», запахи могли маскировать вредные эманации, но также запахи, сами по себе полезные или безвредные, при неумеренном или неправильном использовании могли расстроить нежные, тонкие, восприимчивые нервы. Эти соображения служили основанием для пересмотра гигиенических и санитарных практик.

Курения, которые по-прежнему использовались как обеззараживающие средства, стали подпадать под подозрения — не только потому, что маскировали дурные запахи, но и потому, что сами по себе пахли слишком интенсивно, раздражая слабые нервы и деликатные носы⁸²⁰. Из репертуара средств личной гигиены, в состав которых входили душистые вещества и животные жиры, начали исчезать самые пахучие. Например, учебник хорошего тона середины XIX века советовал помадиться не чаще 2-3 раз в неделю, поскольку «запах от головы должен быть приятный, но не сальный»⁸²¹. Через тридцать лет, в руководстве 1877

⁸¹⁸ Секретный портфель для четырех мужчин и женщин, содержащий в себе четыре рода житейских необходимостей. М.: Типография С. Орлова, 1862. С. 45, 65, 69-72.

⁸¹⁹ *Рубель И.-Ф.* Полный и всеобщий лечебник. С. 122; *Гулен Ж., Журден А.-Л.-Б.* Дамский врач. С. 126-127.

⁸²⁰ О преждевременном увядании женской красоты. С. 39. К 1900 годам курения исчезли из «порядочного обихода»; М. Цветаева, упоминая в стихах курение ладаном — «Кудельную расправить бабке нить,/ Да ладаном курить по дому росным,/ Да под руку торжественно проплыть/ Соборной площадью, гремя шелками, с крестным» (*Цветаева М. И.* Собр. соч. в 7 т. Т. 1. С. 265), — рассчитывает на ассоциации с архаическими обычаями купечества, которые должна вызвать у читателя эта практика.

⁸²¹ *Лю-ая В.* Секреты дамского туалета и тайны женского сердца. В 2 Ч. М.: Типография Готье и Монигетти, 1848. С. 35-36.

года запах помады для волос описывается как неприятный — к этому времени основным способом ухода за волосами стало мытье по меньшей мере раз в неделю⁸²². Выраженный запах сам по себе уничтожал возможную пользу, так как был опасен для здоровья: «Помада лишь грязнит голову, парфюмерии лишь заглушают, а не уничтожают те непривлекательные запахи, которые отделяются на коже, и вдобавок они портят воздух; румяна же и белила имеют иногда губительное влияние на здоровье человека»⁸²³. И уже в 1890-х годах помада, представлявшая собой смесь животного жира и пахучих эфирных масел, окончательно превратилась в архаизм. Подобные идеи высказывались еще в медицинских изданиях конца XVIII века, но в поле общественного внимания они попали лишь во второй половине XIX века.

Первоочередным предметом заботы гигиенистов были женские нервы, наиболее подверженные атмосферным и ольфакторным влияниям. В своей книге «Гигиена нервных женщин» (*Hygiène des femmes nerveuses*, 1841, русское издание вышло с почти тридцатилетним опозданием, но отнюдь не было сочтено устаревшим) французский врач Э. Обер подробно объяснял, почему чувствительным особам необходимы спокойствие, умеренный климат, продуманная диета без специй, пряностей, алкоголя, блюд и продуктов с сильными вкусами, одежда, защищающая от переменчивой погоды и образующая футляр, «вторую кожу»⁸²⁴. Не меньшую осторожность следовало проявить и при выборе духов: «Есть различные запахи, делающие женщину попеременно или постоянно: любезною, доверчивою, откровенною и влюбленною, или набожною, печальною, раздражительною, недоверчивою или меланхолическою. Все это происходит от ее нервного состояния и ее особенного сложения. <...> Нервные женщины в особенности займутся разбором тех действий, которые различные духи производят на них: они будут осторожно избегать всякий запах, вредный их деликатным и капризным нервам... Женщины вообще любят духи, но почти все сильно страдают от них, так что можно найти только как исключение некоторые, которые были бы им полезны»⁸²⁵. «Женщины, употребляющие слишком много духов, бледнеют и страдают нервами», — вторил Оберу другой французский врач, книга которого вышла на русском

⁸²² *Мецкерский К. Ю.* Роль современного мужчины. М.: Типография И. И. Смирнова, 1877. С. 21.

⁸²³ *Португалов В. О.* Вопросы общественной гигиены. С. 93-94.

⁸²⁴ *Обер Э.* Гигиена нервных женщин. С. 161.

⁸²⁵ *Обер Э.* Гигиена нервных женщин. С. 161-162.

языке в 1860 году⁸²⁶.

К концу века «нервность» превратилась в массовый диагноз, как женский, так и мужской, объяснявшийся скудостью крови и избытком нервных окончаний в теле современного человека⁸²⁷. Одну из основных причин «нервности» врачи видели в раздражении чувств слишком сильными запахами⁸²⁸. В запущенных случаях дело могло дойти до невротии и морального разложения⁸²⁹. В свою очередь, нервозность и различные болезненные состояния могли вызвать у пациента ненормальные обонятельные ощущения и предпочтения. Так устанавливалась связь между нейтральными, деликатными, незаметными запахами, физическим и душевным здоровьем, приличным поведением и безукоризненным нравственным обликом.

Вредным объявлялось ежедневное обтирание тела одеколорами и туалетными уксусами (его практиковали и женщины, и мужчины): их запах отныне считался слишком раздражающим нервы и потому вредным для здоровья⁸³⁰. Поскольку врачи советовали избегать любых интенсивных запахов, которые ассоциировались с опасностью для здоровья и извращенной чувствительностью, издания по хорошему тону второй половины XIX века начали описывать мигрени от сладких духов, ароматов дыни и земляники, обмороки от шафрана, мускуса, ореховых листьев, нездоровое сексуальное возбуждение от ванили, тимьяна, сандала, розы, общее ослабление здоровья, причиненное благовониями⁸³¹. Справочник по светскому

⁸²⁶ *Макель В.* Гигиенические этюды о здоровье, красоте и счастье женщины. М.: Типография Т. Волкова и К^о, 1860. С. 46. Французское издание: *Maquet V.* Etudes hygiéniques sur la santé, la beauté et le bonheur des femmes. Paris: Desloges, 1858.

⁸²⁷ *Кюллер А.* Нервность и невроты: Гигиена нервных людей. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893. С. 1; оригинал: *Cullère A.* Nervosisme et névroses: Hygiène des énérvés et des névropathes (Paris: Baillière, 1887; первый русский перевод — 1887 год). Из обширной историко-антропологической литературы, посвященной «нервам», «невроту» и «нервности», назовем два исследования: *Gay P.* The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. 5 vols. Vol. 2. P. 330-352; *Cultures of Neurasthenia: From Beard to the First World War.* Ed. by M. Gijswijt-Hofstra, R. Porter. Amsterdam: Rodopi, 2001.

⁸²⁸ «Не говоря уже о сильных духах, например, мускусе и пачули, которых всегда следует избегать, надо также быть очень осторожной в употреблении благовоний, хотя бы очень нежного запаха, потому что многие нервные личности положительно не в состоянии переносить их, и слабо чувствуемый, хотя бы и приятный аромат может легко быть причиной их нездоровья» (Хороший тон: Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной. СПб.: Г. Гоппе, 1885. С. 431).

⁸²⁹ *Кюллер А.* Нервность и невроты. С. 240-241.

⁸³⁰ *Лю-ая В.* Секреты дамского туалета и тайны женского сердца. С. 52.

⁸³¹ *Обер Э.* Гигиена нервных женщин. С. 161; *Монен Э.* Гигиена красоты и косметические средства. СПб.: В. И. Губинский, 1887. С. 159-161 (оригинал: *Monin E.* L'Hygiène de la beauté. Paris: O. Doin, 1886); *Мецерский К. Ю.* Роль современного мужчины. С. 153.

поведению категорично утверждал: «Сильные духи, как, например, мускус, амбра, померанцевые, тубероза и т. п. должны быть изгнаны; следствием их употребления бывают частые мигрени, нервные расстройства и значительное уменьшение румянца. Следует выбрать один из нежных и здоровых запахов, каковы: фиалка, элиотроп, роза, нарцисс и т. п.»⁸³². Пользоваться пахучими субстанциями животного происхождения следовало с величайшей осторожностью, под присмотром врача⁸³³. Примечательно, что рекомендуемые цветочные запахи зачастую имели не меньшую интенсивность, чем прокламируемые животные. Очевидно, что запрет последних основывался главным образом на ассоциациях с животной чувственностью и сексуальностью.

Само по себе избыточное употребление духов с начала XIX века служило признаком холерического темперамента и связывалось с сексуальным возбуждением: так, в анекдоте о ночном визите Пушкина к некоей придворной даме эротическая сцена включает и обливание «всеми духами, какие были в комнате»⁸³⁴. С распространением санитарно-гигиенической программы приемлемая ольфакторная громкость постоянно уменьшалась, а запреты детализировались. Например, девицам, чтобы сохранить физическое и душевное здоровье, не следовало контактировать с сильными запахами; в 1870-е годы был сформулирован запрет душиться до замужества, чтобы не растравлять чувственность⁸³⁵. Институткам даже запрещалось употреблять в пищу продукты с острыми и «специфическими» запахами

⁸³² Секретный портфель для четырех мужчин и женщин. С. 65.

⁸³³ «Мускус <...> есть одно из самых сильных возбуждающих средств; настойка мускуса составляет последнее прибежище в отчаянных случаях болезни» (*Похитонова М.* Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. С. 199). К концу XIX века мускус окончательно выпал из повседневного узуса и превратился в знак утраченного аристократического прошлого; ср. у Апухтина (1892): «Вот широкий двор (*la cour d'honneur*), посыпанный красным песком; вот подъезд, увенчанный гербом графов Ларош-Моденов; вот зала в два света, вот семейная гостиная, увешанная семейными портретами. Даже особенный, специфический запах этой гостиной — какой-то смешанный запах мускуса, плесени и розового дерева — поразил меня как что-то слишком знакомое» (*Апухтин А. Н.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1985. С. 490).

⁸³⁴ *Цявловский М. А.* Пушкин и графиня Д. Фикельмон // *Голос минувшего.* 1922. №2. С. 108-123.

⁸³⁵ В частности, институтский запрет пользоваться духами упоминается в повести А. И. Куприна «Юнкера» (1932): «Какие у вас славные духи, — сказал Александров. Она чуть-чуть обернула к нему смеющееся, раскрасневшееся от танца лицо. — О нет. Никто из нас не душится, у нас даже нет душистых мыл. — Не позволяют? — Совсем не потому. Просто у нас не принято. Считается очень дурным тоном. Наша *tatam* как-то сказала: «Чем крепче барышня надушена, тем она хуже пахнет» (*Куприн А. И.* Юнкера. Роман, повести, рассказы. М.: Эксмо-пресс, 2008. С. 399). В романе О. Форш «Одеты камнем» описывается, как смолянки 1860-х годов, несмотря на запрет, душились мылом: «Наскобили ножом, натерлись — и запахли, как целая лавка сквернейших духов. Душиться ведь нам разрешается только в самых старших классах, и бергамот — неприличнейший запах» (*Форш О. Д.* Одеты камнем. Современники. Л.: Художественная литература, 1983. С. 45). Скорее всего, материал для этого эпизода почерпнут писательницей из неустановленных мемуаров или устных рассказов.

(зеленый сыр, колбасу, селедку): эта еда, считавшаяся слишком грубой и раздражающей для девушек высшего сословия, «конфисковалась в пользу жен швейцаров»⁸³⁶.

Нервность повлияла и на толкование природы обоняния. В отличие от зрения, получившего к этому времени статус интеллектуального чувства, обоняние считалось близким к природе, непосредственно связанным с импульсами и интуицией. Его относили и к высшим чувствам — поскольку оно способствовало работе воображения, и к низшим, поскольку непосредственно с ним связывались инстинкты, та животная природа человека, которая нуждалась в неусыпном контроле⁸³⁷. Чувства осмыслились в соответствии с распространенной идеей рекапитуляции и проецировались на социальное поле, на расу, класс и гендер: более несовершенные определяли поведение людей менее цивилизованных и рациональных. Считалось, что женщины, как существа более эмоциональные, обладают более тонким обонянием, чем рациональные мужчины⁸³⁸. В частности, бытовало мнение, что женщины лучше распознают дурные эманации и примеси в воздухе, но и легче поддаются пагубному влиянию различных запахов и ароматов — как физически (поэтому в удушливой атмосфере они «чахнут», как чижики в «Бедных людях» Достоевского), так и нравственно⁸³⁹.

Важно было не только контролировать интенсивность искусственных запахов, но и тщательно ограничивать их репертуар: вольность и непостоянство в выборе духов ставили под сомнение идеал умеренности и деликатности, которому должна была следовать благородная дама, и намекали на неподконтрольную чувственность кокеток и дам полусвета⁸⁴⁰: «Женщина, меняющая духи согласно моде, есть женщина надушенная. Женщина же, всегда употребляющая одни и те же духи, уподобившая их себе, есть женщина благовонная»⁸⁴¹. Некоторые издания без околичностей приводили перечень духов, «которые

⁸³⁶ Стерлигова А. В. Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 102.

⁸³⁷ Л-д Д. Мужчина и женщина. В 2 Ч. СПб.: Холмушин, 1865. Ч. 2. С. 82.

⁸³⁸ Там же. С. 84-85; см. также: *Smith M. M. Sensing the Past*. P. 65-66; *Classen C. Worlds of Sense*. P. 87-88.

⁸³⁹ *Похитонова М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены*. С. 200.

⁸⁴⁰ Эти ассоциации прослеживаются и в поэтике французского натурализма. Как отмечает А. Корбен, «в мире Золя стратегии соблазна имеют социальную привязку. Удел масс — осязание <...> в буржуазной среде развитием влечений и чувств управляет обоняние» (*Corbin A. The Foul and the Fragrant*. P. 206). См. также: *Cabanès J.-L. Le corps et la maladie dans les récits réalistes (1856-1893)*. Vol. 1. P. 330-385.

⁸⁴¹ Л-д Д. Мужчина и женщина. Ч. 2. С. 152.

может употреблять эlegantная женщина»⁸⁴². Не рекомендовалось использовать несколько ароматов сразу: это предостережение очевидно основывалось на страхе перед смешением запахов.

Те или иные парфюмерные предпочтения могли служить основой для классификации женщин, как, например, в романе популярного беллетриста Н. Э. Гейнце «Герой конца века»: «По выбору тех или других духов можно всегда почти безошибочно, не видя женщины, определить степень ее привлекательности и сознания ее силы, ее обаяния, а также и ее лета. Только очень хорошенькие и молоденькие женщины употребляют духи нежных запахов, ласкающие обоняние и не раздражающие его. Менее красивые, миловидные и грациозные, душатся смесью, составляемую ими из разных запахов, в которой сильные духи парализуются несколько нежными запахами — секрет этой смеси составляет тайну женщин, которую они не выдают даже своей задушевной подруге. К такой же смеси прибегают и очень хорошенькие, но несколько пожившие дамы. Женщины некрасивые или уже чересчур вкусившие от жизни, к числу последних принадлежат и «милые, но погибшие создания», предпочитают сильные запахи, действующие на мужские нервы, распалюющие воображение и таким образом заставляющие не замечать в этих представительницах прекрасного пола недостатков природы и изъянов, нанесенных жизнью и временем»⁸⁴³. Классификационные возможности обоняния задействовались не только в случае необходимости маркировать сословные/классовые границы или отделить цивилизованные народы от диких, но и применялись для описания различных гендерных ролей.

Даже разрешенные врачами духи и ароматизированные средства могли дурно сказаться на собственном здоровье и здоровье окружающих. Поэтому следующим шагом стало требование минимальной ольфакторной «громкости» приемлемых для здоровья ароматов. «Гигиена красоты» французского врача Э. Монена советовала читательницам следить, чтобы «пудра для лица не должна быть слишком надушена, так как при этом легко появляются

⁸⁴² Будуар: Туалетная книга. В 2 т. СПб.: Товарищество художественной печати, 1904. Т. 1. С. 166-168. См. также: *Алексеев Н. Н., Симсон П. Ф.* Парфюмерия и косметика. М.: Типография торгового дома «Мысль», 1912. С. 192-195.

⁸⁴³ *Гейнце Н. Э.* Собр. соч. В 7 т. М.: Терра, 1994. Т. 6. С. 231.

головные боли и нервные припадки»⁸⁴⁴. Для здоровья девушек главную опасность представляло бездействие в «тесном будуаре, надушенном хорошими, но вредными духами»⁸⁴⁵. Заботясь о свежести дыхания, следовало помнить об ольфакторном комфорте окружающих: автор справочника «Хороший тон» разрешал читателям брать с собой в театр освежающие пастилки, но советовал «избегать употребления мятных или других лепешек с сильным запахом, который всегда неприятно действует на окружающих»⁸⁴⁶. Спектр ароматов, приличных замужним дамам, ограничивался несколькими цветочными ароматами-солифлорами (воспроизводящими запах одного цветка)⁸⁴⁷. Таким образом, метафора «женщина-цветок» реализовывалась буквально.

Сомнительными были и некоторые растительные ароматы, например, пачули и жасмин, обладавшие высокой интенсивностью запаха: в этом случае были важны как медицинские, так и социальные основания. В последней трети XIX века эти некогда аристократические ароматы стали широкодоступны и потому утратили социальную респектабельность. Уже в «Москве и москвичах» М. Н. Загоскина (1842-1850) этот вышедший из моды запах в большом свете считается моветоном: «Она очень добрая женщина, но так раздушена этим гнусным пачули, что от нее пахнет за версту аптекой!.. И как могла быть мода на эти отвратительные духи?.. Какой-то запах камфоры, проникнутый мускусом... Фуй, мерзость какая! <...> Человек, раздушенный этой гадостью, походит на чуму; он заражает все своим прикосновением; ему стоит только пожать вашу руку, и вы на целый день получите запах египетской мумии»⁸⁴⁸. Запах пачули обличал парвеню, пытавшегося подражать великосветским франтам: «... Один франт в альмавиве и белой соломенной шляпе <...> шел рука об руку с другим молодым человеком, который, вероятно, также в своем уголку считался записным денди; его бакенбарды сходились на подбородке, волосы были

⁸⁴⁴ Монен Э. Гигиена красоты и косметические средства. С. 79.

⁸⁴⁵ Обер Э. Гигиена нервных женщин. С. 114.

⁸⁴⁶ Хороший тон. С. 470.

⁸⁴⁷ С модой на солифлоры связана традиция номинации духов по названию растения: таковы, например, дореволюционные *Muguet Merveille*, «Персидская сирень», «Ночная красавица», «Нильская лилия» фабрики Г. Брокара, «Махровый ландыш» фабрики А. Ралле и советские «Душистый горошек», «Красный мак», «Маки», «Ландыш серебристый», «Белые цветы», «Красная роза».

⁸⁴⁸ Загоскин М. Н. Москва и москвичи. М.: Московский рабочий, 1988. С. 92. В тургеневском «Дворянском гнезде» (1858) запах пачулей, «весьма противный» главному герою, предвосхищает появление его лицемерной и распутной жены.

острижены в кружок, на манишке блистала стразовая булабочка, по бархатному жилету висела цепочка, вероятно бронзовая; но что более всего изобличало в этих господах самых отчаянных львов своего квартала, так это было то, что от них пахло за версту *пачули* (курсив авт. — *М. П.*) и что они говорили во услышание всем на французском диалекте»⁸⁴⁹.

Руководство 1867 года по составлению «косметиков» в домашних условиях, рассчитанное на аудиторию среднего достатка, отзывается о пачулях как аромате «ныне столь распространенном»⁸⁵⁰. С миграцией из богатого обихода в быт мелких чиновников и мещан аромат приобретает отрицательные коннотации: его описывают как «пошлый», «навязчивый», «претенциозный»⁸⁵¹, «противный» (ср. чеховское «А здесь пачулями пахнет»)⁸⁵². В лучшем случае запах пачулей воспринимался как старомодный⁸⁵³. Требовалось какое-то время, чтобы аромат мог вернуться в число престижных, т. е. чтобы им вновь стали пользоваться представители тех состоятельных слоев общества, для которых была важна ольфакторная мода и высокая символическая стоимость тех или иных парфюмерных товаров.

По сходной траектории развивалась социальная репутация жасмина, который вплоть до 1860-х годов считался гендерно нейтральным ароматом и широко использовался в дворянском обиходе. В середине 1840-х годов В. Ф. Одоевский, описывая свою юношескую влюбленность в кузину, упоминает сильный запах жасмина: «Теперь еще чую, как ее кудри скользят по щекам моим, как одает меня душистым паром девической груди; тогда жасмин был в моде, Наташа любила эти духи»⁸⁵⁴. Ни в 1820-е (время юности Одоевского), ни в 1840-

⁸⁴⁹ Загоскин М. Н. Москва и москвичи. С. 116.

⁸⁵⁰ Андреевский П. А. Новейший химик-парфюмер. С. 19.

⁸⁵¹ Ср.: «Войдя ... в помещение, где царит полумрак, где свет проникает только сквозь тройные занавеси, где воздух пропитан смешанными ароматами ириса и пачули, где невозможно пробраться к предложенному вам сиденью, не задев жардиньерки, не толкнув этажерки, покрытой безделушками, и не боясь уронить какой-нибудь вещицы, можно почти наверное сказать, что богиня, восседающая в этом храме, мрачном и темном, — старая сентиментальная кокетка с претензиями, которая боится света и желает уверить в изысканности своих вкусов, ставящих ее выше остальных смертных» ([Как следует одеваться] // Модный свет. 1875. №30. С. 266).

⁸⁵² См., например: Вайнштейн О. Б. Историческая ароматика: одеколон и пачули. С. 436-437.

⁸⁵³ «На аршине расстояния от матери Антонина Сергеевна почуяла ее духи, отзывающиеся пятидесятью годами, — пачули, от которых ей бывало слегка тошно» (*Боборыкин П. Д.* Сочинения. В 3 т. Т. 2. С. 487). Действие повести происходит в конце 1880-х годов.

⁸⁵⁴ *Одоевский В. Ф.* Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007. С. 438-439.

е годы (время создания текста) употребление жасминовых духов юной девушкой не считалось предосудительным. В «Мертвых душах» им пахнет просто приятная дама («жасмины понесли по всей комнате») ⁸⁵⁵; в тургеневском «Дыме» (1867) — молодые генералы, описанные с изрядной долей иронии ⁸⁵⁶. В 1870-е жасмином благоухают уже персонажи Островского, а в рассказе Чехова «Гина» (1886) приторный аромат жасмина служит ольфакторным эквивалентом нервности, болезненности, физической грязи и нравственной нечистоты и указывает на испорченность героини — еврейки-парвеню ⁸⁵⁷.

Однако дискриминация аромата могла происходить и по другому сценарию: один и тот же запах мог оцениваться позитивно, если использовался представителями аристократии, и негативно, если исходил от выходцев из низов, покушавшихся на более высокий статус. Сильный запах духов мог объявляться «старомодным» (так как свидетельствовал о следовании устаревшей ольфакторной норме) или «вульгарным» (поскольку уже спустился из благородного обихода в массовый) ⁸⁵⁸. Важным фактором в оценке запахов и их обладателей были мода, доступность и стоимость ароматов и ароматизированной косметики. Исследования Э. Брио о французской парфюмерии XIX века показали, что флуктуации моды на те или иные ароматы были связаны в том числе с появлением новых технологий и маркетинговой реакцией на переход от ремесленного изготовления косметики и парфюмерии к промышленному производству ⁸⁵⁹. Французская парфюмерная мода совпадает с датами

⁸⁵⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1937—1952. Т. 6. С. 180.

⁸⁵⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. С. 296.

⁸⁵⁷ «Поручик прошел за ней пять-шесть больших, роскошно убранных комнат, коридор и в конце концов очутился в просторной квадратной комнате, где с первого же шага его поразило изобилие цветущих растений и сладковатый, густой до отвращения запах жасмина <...> И поручику казалось, что приторный жасминный запах идет не от цветов, а от постели и ряда туфель. <...> Вообще к нерусским лицам он питал предубеждение, а тут к тому же нашел, что к черным кудряшкам и густым бровям хозяйки очень не шло белое лицо, своею белизною напоминавшее ему почему-то приторный жасминный запах, что уши и нос были поразительно бледны, как мертвые или вылитые из прозрачного воска. Улыбнувшись, она вместе с зубами показала бледные десны, что тоже ему не понравилось. «Бледная немочь... — подумал он. — Вероятно, нервна, как индюшка» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 362, 363, 366).

⁸⁵⁸ К началу XX века многие ароматы выпускались в разных ценовых регистрах: похожие запахи оказывались доступны аристократии и мещанам. В «Книге о последнем царствовании» Г. Иванов приводит ходившие по Петербургу толки об императрице Александре Федоровне: «Смеются над ее красным бархатным платьем с неизящной берлинской вышивкой. Рассказывают анекдот о горничной, которую княгине Белосельской пришлось прогнать: так дурно от нее пахло трехрублевой «Вербеной» — любимыми духами императрицы» (Иванов Г. В. Собр. соч. В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2. С. 389-390). По принципу нисходящей мобильности моды горничная выбрала аромат, модный среди аристократок; необходимость социального размежевания со вкусами низов должна была подсказать императрице, что духи следует сменить. Этого не произошло, и Александра Федоровна оказалась объектом насмешек своих же придворных.

⁸⁵⁹ Briot E. From Industry to Luxury: French Perfume in the Nineteenth Century. P. 273-294.

патентов на различные синтетические вещества, востребованные в парфюмерном деле (1870-е годы — иланг-иланг, 1880-е — гелиотроп / гелиотропин, 1890-е — фиалка / ионон, ландыш и сирень / терпинеол)⁸⁶⁰. Выявить столь же четкие закономерности в российской рекомендательной литературе и модных журналах нельзя по двум причинам. Во-первых, справочники по красоте и хорошему тону базировались преимущественно на французских изданиях, которые переводились с некоторым запаздыванием; во-вторых, химические новинки зачастую оптом выкупались французскими производителями и попадали на российский рынок не сразу. Тем не менее общий вектор проследить можно: от животных ароматов — к растительным, от сильных — к слабым и деликатным.

Расстояние, на которое мог распространяться очищенный от всего лишнего и телесного аромат, становилось все меньше по мере того, как парфюмированные средства продвигались из сферы лечебно-гигиенических средств в сферу предметов роскоши. Требования скромности и умеренности не поощряли демонстративное поведение, в том числе поведение ольфакторное. Запах духов должен был быть таким, чтобы его можно было бы заметить, «лишь совершенно приблизившись к надушенной особе»⁸⁶¹. Сборник «Хороший тон» 1885 года объявлял образцом безвкусицы темную, заставленную мебелью и надушенную комнату кокетки — предметом порицания при этом оказывалось даже «легкое, неопределенное благоухание»⁸⁶². Сборник «Светская благовоспитанная молодая женщина», в деталях регламентирующий выбор одежды, белья, личный уход и даже походку, подробно комментировал создание ольфакторного силуэта молодой дамы: «Кто душится так, что от него слышно благовоние чуть ли не за десять шагов, тот выказывает этим весьма дурной вкус. <...> Присутствие женщины не должно обнаруживаться ничем поразительным, значит, и не запахом, поражающим обоняние»⁸⁶³.

Требование деликатности оставалось неизменным, но ее границы постоянно ужесточались и переопределялись. Деликатность последовательно приравнивалась к хорошему тону, а

⁸⁶⁰ Briot E. *De l'Eau Impériale aux Violettes du Czar*. P. 38-41.

⁸⁶¹ Светлов О. П. *Светская благовоспитанная молодая женщина*. В 2 Ч. М.: Типография И. Я. Полякова, 1898. С. 41.

⁸⁶² *Хороший тон*. С. 6.

⁸⁶³ Светлов О. П. *Светская благовоспитанная молодая женщина*. С. 40-42.

строгий контроль над телесными эманациями и производимым ольфакторным впечатлением — к благовоспитанности⁸⁶⁴. Соответственно, сильный запах духов свидетельствовал о незнании приличий, о неумении «попасть в тон» (и, следовательно, о выпадении из определенного социального регистра) и выдавал социальное происхождение с той же очевидностью, что и одежда, жесты, позы, походка⁸⁶⁵. В этом случае даже носители и носительницы престижных ароматов сурово порицались⁸⁶⁶.

Умозрительная деликатность и феминизированная чувствительность подавались как эталон, от которого отсчитывались прочие социально приемлемые или нуждающиеся в коррективах варианты. С учетом деликатного обоняния дамы воспитанный мужчина должен был выстраивать свое ольфакторное поведение. В целом в репертуаре мужских запахов вариативность была выше, им разрешалось пользоваться резкими сильными ароматами, поскольку нервы мужчин считались более прочными и устойчивыми к их воздействию⁸⁶⁷. В том числе по этой причине в последней трети XIX века началось разделение гигиенических и парфюмерных товаров на мужские и женские, вскоре поддержанное маркетинговыми соображениями (гендерная спецификация товаров способствовала увеличению рынка). Мужчине разрешалось пользоваться самыми разными парфюмерными средствами — беспокойство по поводу «слишком женственных» (сладких, пряных, цветочных) ароматов возникнет намного позже, когда гендерная дифференциация духов укоренится в культуре.

В обществе мужчине предписывалось лишь умерять свое ольфакторное присутствие: запаху одеколона или духов разрешалось ощущаться постольку, поскольку он не беспокоил других.

⁸⁶⁴ Там же. С. 3.

⁸⁶⁵ *Мецгерский К. Ю.* Роль современного мужчины. С. 11. Примечательно, что, описывая правильную походку, авторы учебников хорошего тона классифицировали отклонения от идеала как проявления мещанства и невоспитанности (*Светлов О. П.* Светская благовоспитанная молодая женщина. С. 16).

⁸⁶⁶ Ср. пример из 1910-х годов: «Курсистки, приглашавшие к себе товарищей и подруг на чашку чая, укутывали электрические лампочки красной кисеей, создавая «интим», и читали стихи, до одури надушившись пронзительным Лориганом Коти или ландышем «Иллюзион-Дралле» (*Вертинский А.* Я артист // Наше наследие. №1. М.: Искусство, 1990. С. 101). В данном случае «правильный» выбор запаха нивелируется его «неправильной» громкостью, реальной или воображаемой.

⁸⁶⁷ Ср. описание туалета Нехлюдова в «Воскресении» Толстого: «Он вздохнул и, бросив выкуренную папироску, хотел достать из серебряного портсигара другую, но раздумал и, спустив с кровати гладкие белые ноги, нашел ими туфли, накинул на полные плечи шелковый халат и, быстро и тяжело ступая, пошел в соседнюю с спальней уборную, всю пропитанную порошковым пломбиром эликсиров, одеколона, фиксатуров, духов. Там он вычистил особенным порошком пломбироманные во многих местах зубы, выполоскал их душистым полосканьем, потом стал со всех сторон мыться и вытираться разными полотенцами» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч. Т. 13. С. 16).

Курильщику следовало выбирать не «вонючие папиросы» и всегда помнить о комфорте ближнего⁸⁶⁸, предаваясь своей привычке «там, где ему некого стесняться, где табачный дым никого не раздражает. <...> Накурившись в отведенной для того комнате, необходимо сполоснуть водой рот и зубы, и только тогда подойти к своей даме»⁸⁶⁹. Злоупотреблять визитами в курительную также не следовало, «чтобы не пропитываться табачным дымом, что для некурящих дам крайне неприятно»⁸⁷⁰. Гендерная специфика подобных требований объясняется не только повышенной чувствительностью женщин, но и специфической социальной дистанцией. В образованной городской среде расстояние между мужчинами при светском общении было достаточно велико, тогда как расстояние между мужчиной и женщиной в некоторых ситуациях — например, на балу, — сокращалось до дистанции личной и интимной. Этим, в частности, объяснялся запрет пить вино тем, кто собирался танцевать («мне, как танцору, пить шампанского не полагалось, чтобы при дыхании не пахло вином», — пояснял свой рассказ о приеме в Зимнем дворце 26 января 1904 года граф А. А. Игнатъев): так проявлялась забота об ольфакторном комфорте визави⁸⁷¹. Мужское право курить почти не оспаривалось врачами, но сам табак во второй половине XIX века имел социальное ранжирование — он мог быть дорогим и дешевым, соответственно, в ольфакторном пейзаже возникают «аромат дорогого табака» и «дым дешевых папирос».

Эти правила предполагали, что курят только мужчины. Женщина, пахнувшая табаком, во второй половине XIX века нарушала существовавший гендерный порядок. Но так было не всегда. Вплоть до середины XIX века дамам из общества пахнуть табаком не возбранялось, гендерную дифференциацию имели лишь формы его употребления: курение было исключительно мужским занятием, а жевание и нюханье считались гендерно нейтральными с

⁸⁶⁸ «В крайнем случае курите в общей комнате за своим столом так, чтобы дым и запах не распространялись далее места, на котором вы сидите» (Житейская мудрость. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. С. 57). См. также: *Светозарская К.* Светский человек, изучивший свод законов общественных и светских приличий. СПб.: [Б. и.], 1880. С. 137.

⁸⁶⁹ *Светлов О. П.* Светский благовоспитанный молодой человек. В 2 Ч. М.: Г. Т. Бриллиантов, 1898. С. 30-32.

⁸⁷⁰ *Мещерский К. Ю.* Роль современного мужчины. С. 108. В первой половине XIX века запах табака не считался оскорбительным для женского обоняния: в руководстве В. П. Бурнашева автор и его приятель курят не просто при даме, а в ее кабинете, «окружая себя нежным облаком благовонного дыма пакитосов» (*Волжин Б. [Бурнашев В.П.]* Энциклопедия молодой русской хозяйки. В 2 Ч. СПб.: Типография А. Воейкова и К°, 1839. С. 244).

⁸⁷¹ *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. С. 138.

середины XVIII века⁸⁷². В 1810-е годы нюханье еще практиковалось барышнями и молодыми дамами из высшего света (к замужней даме обращено пушкинское стихотворение «Красавице, которая нюхала табак» 1814 года⁸⁷³). Мужчины в эту эпоху начали курить трубки и сигары, что привело к выделению для этого занятия особого места (курительные комнаты, кабинеты) и времени (после приема пищи во второй половине дня)⁸⁷⁴.

Запретными для женщин нюханье и жевание табака стали в 1860-е годы, после того, как они спустились вниз по сословной лестнице в мещанский, купеческий и крестьянский обиход⁸⁷⁵. В первую очередь прокламировался запах, а не конкретный способ потребления⁸⁷⁶. Издания по хорошему тону и медицинские справочники утверждали, что табачный запах заглушает собственно «запах женщины» — нежный цветочный аромат⁸⁷⁷, служивший ольфакторным эквивалентом добродетелей, предписанных образованным горожанкам из хорошего общества — скромности, нежности, слабости⁸⁷⁸. Любой запах, выходящий за пределы рекомендованного репертуара, — слишком сильный запах тела, запах табака, запах любого ремесла и т. п. — нарушал гендерные ожидания и лишал женщину женственности. Запах табака оказывался исключительно мужским «аксессуаром», а курение — мужской привычкой. Демонстративное нарушение этих предписаний практиковали те женщины, которые были недовольны актуальными стереотипами феминности, ставили под сомнение

⁸⁷² *Богданов И. А.* Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 89. Популярность табака была такова, что в 1747 году Елизавета II даже выпустила указ «О неупотреблении табаку в церквах во время отправления службы... кавалерам и фрейлинам и прочим...» (*Шарафадина К. И.* Игра «во вкусе гососо». С. 138).

⁸⁷³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10 т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 1. С. 41-42.

⁸⁷⁴ *Булгарин Ф. В.* Хладнокровное путешествие по гостиним // Петербургские очерки Ф. В. Булгарина. СПб.: Петрополис, 2010. С. 130.

⁸⁷⁵ Рецепты домашнего приготовления нюхательного табака — т. е. его ароматизации различными эфирными маслами, травами и пряностями — встречаются в книгах по домоводству вплоть до 1880-х годов. Популярность нюханья табака в чиновничьей и мещанской среде может служить косвенным свидетельством медленного распространения «прогрессивных гигиенических стандартов», предполагавших подозрительность по отношению к чужой телесности. В отличие от более индивидуализированного курения, нюханье как социальный ритуал предполагало активное угощение без разбора чистоты рук: табакерка пускалась по кругу, табаком могли «потчевать» шапочных знакомых, встреченных на улице (*Гиляровский В. А.* Собр. соч. В 4 т. Т. 4. С. 141-143; см. также: *Богданов И. А.* Дым отечества. С. 83-84).

⁸⁷⁶ Запрет на те же практики для мужчин был наложен позже, в последние десятилетия XIX века: мотивировкой служили создаваемые нюханием и жеванием нечистоплотность и неопрятность облика (*Светлов О. П.* Светский благовоспитанный молодой человек. С. 32).

⁸⁷⁷ *Стафф Б.* Что должно знать каждой женщине. М.: Типография В. П. Быкова, 1912. С. 128. Также французская писательница рассуждает о причинах пототделения в терминах гуморальной медицины, связывая неприятный телесный запах с нравственным обликом, эмоциями и поведением (там же. С. 56).

⁸⁷⁸ *Corbin A.* The Foul and the Fragrant. P. 73, 75, 185-188.

мужскую власть и пытались присваивать ее знаки: нигилистки 1860-х годов, курсистки 1870-1890-х годов, декадентки рубежа веков.

3. 5. Запах как эстетический жест

На протяжении XIX века под влиянием медицины внимание к разнообразным запахам росло, а ольфакторный словарь расширялся⁸⁷⁹. Натурализм с его стремлением к медицинской точности описания отвел запахам одно из важнейших мест в своей эстетической программе; наследовавшие ему символисты стали первыми, кто использовал в художественном тексте названия конкретных духов. Х. Риндисбахер, автор исследования о запахах в русской литературе конца XIX века, полагает, что число ольфакторных описаний возросло благодаря двум направлениям — натурализму и декадансу, которые, соответственно, стремились к точности ольфакторного анализа и экспрессивности⁸⁸⁰.

В последние десятилетия XIX века рефлексия по поводу запахов качественно поменялась: место запахов-симптомов, характерных сначала для литературных физиологий, а затем для произведений русского реализма, заняли запахи-артефакты, функционировавшие как своеобразные эстетические жесты. К осмыслению эстетики запахов подталкивали не только учебники хорошего тона, много и подробно писавшие о смысле тех или иных ароматов, но и собственно литературные влияния — проза Э. Золя и Ж.-К. Гюисманса (прежде всего, роман «Наоборот»)⁸⁸¹, поэзия французских символистов и проклятых поэтов. Разговор о запахах, который велся в эстетическом, а не в медицинском, гигиеническом или дидактическом ключе, оказался значимым и плодотворным для декадентского искусства и жизнестроительства,

⁸⁷⁹ Вслед за М. В. Нащокиной (*Нащокина М. В.* Русские усадьбы эпохи символизма // *Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы.* Вып. 4 (20). М.: Жираф, 1998. С. 341) авторы монографии о русском усадебном мифе отмечают, что на рубеже XIX и XX веков в русских усадьбах входят в моду душистые цветы и кустарники (*Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа. С. 358-361). Это наблюдение представляется не совсем точным: как свидетельствуют описания садов и учебники по садовому делу, душистые растения начали сажать в последней трети XVIII века. Но их запахи специально не описывались ни в справочных изданиях, ни в литературных текстах. Также не вполне точной кажется мысль о демократизации садовых запахов в конце XIX века: литературный переход к запахам более простым и резким (черемуха, акация, резеда) происходит не сам по себе, а в рамках реалистической и натуралистической эстетики: укорененные в поэтической традиции роза, мирт, сирень сменяются «реальными» липами, гелиотропом, «укропом и крапивой» (К. Фофанов), «беленой и кокорышем» (Ф. Сологуб).

⁸⁸⁰ *Rindisbacher H. J.* The Smell of Books. P. 116.

⁸⁸¹ *Павлова М. М.* Писатель-Инспектор. С. 158-168.

предполагавшего размывание границ быта и творчества: вещи и другие артефакты, в том числе ольфакторные, находили свое место в бытовом поведении и в художественном тексте.

Во второй половине XIX века, благодаря гигиене и химии, косметика и парфюмерия вышли из сферы фармацевтики и стала восприниматься как специфический вид искусства⁸⁸², неуловимостью гармонии и высокой степенью абстракции родственной музыке⁸⁸³. В эстетике *fin de siècle* духи и другие запахи могли образовывать специфические синестетические единства со звуками и цветами⁸⁸⁴. Рассуждения об аналогии запахов и звуков можно обнаружить в руководствах по поддержанию красоты, учебниках парфюмерии⁸⁸⁵, частной переписке и литературе⁸⁸⁶. Например, Л. Д. Зиновьева-Аннибал в письмах к Вяч. И. Иванову сравнивает духи *Corilopsis*⁸⁸⁷ с арией Далилы из оперы Сен-Санса, а *Trefle Incarnat* парижской фирмы L. T. River (1896) — с романсом Ф. В. Остроги «*Le fenoilles m'ont dit...*»⁸⁸⁸. Ту же стратегию приведения в соответствие запахов и звуков использует Вадим Шершеневич в стихотворении «Парфюмерная интродукция» (1913): «Аккорды запахов... В правой руке фиалки, / А в левой, как басы, тяжелый мускус... / Маленькая раздетая! Мы ужасно жалкие. / Оглушенные музыкой в будуаре узком»⁸⁸⁹.

Высокая степень рефлексии по поводу обоняния объясняет активное использование

⁸⁸² Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 198-199.

⁸⁸³ По мере увеличения репертуара синтетических молекул парфюмерия испытывала все больший интерес к запахам искусственным, абстрактным, которым человеческий нос не сразу находит какое-то объяснение или соответствие в сфере повседневного опыта. О связи *Chanel No. 5* и других работ парфюмера Э. Бо с кубизмом см.: Вайнштейн О. Б. Семиотика Шанель №5 // Ароматы и запахи в культуре. Т. 2. С. 355-360.

⁸⁸⁴ По мысли Ю. М. Лотмана, символизм тяготел к перемещению смысла между естественным языком и «языками отношений», отсюда его пристрастие к музыке и математике (Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Труды по знаковым системам. 1969. Вып. 4. С. 229-230). И, добавлю, к языку запахов, в котором значения образуются на основе отношений и сочетаний «нот» и который способен входить в синестетические комплексы.

⁸⁸⁵ Похитонова М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. С. 192-200.

⁸⁸⁶ Один из самых известных французских примеров такого рода — «сырная симфония» в «Чреве Парижа» Э. Золя (русский перевод романа вышел в свет в 1873 году).

⁸⁸⁷ Вероятнее всего, *Corylopsis du Japon* фирмы L. T. River (1882).

⁸⁸⁸ Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Вяч. Иванову 3-4/16-17 марта 1902 // Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 2. С. 365. См. также: Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Вяч. Иванову 26 декабря 1901 // Там же. С. 65; Письмо Вяч. Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 6/19 марта 1902 // Там же. С. 371-372.

⁸⁸⁹ Примечательно, что соединение ольфакторного кода с музыкальным в этом тексте мотивировано упоминанием *oiseaux de Chypre*, так называемых кипрских птичек — домашних ароматизаторов в форме птиц, сделанных из душистого теста, обклеенных перышками и посаженных в миниатюрные клетки.

естественных и искусственных запахов как средств коммуникации и самовыражения⁸⁹⁰. Это касается не только парфюмерии: природные запахи в эту эпоху «словно обретают аромат духов, сравниваются с духами и воспринимаются как духи»⁸⁹¹. Примеры подобной трансформации можно обнаружить в поэзии И. Ф. Анненского — горожанина и кабинетного ученого, а также читателя и переводчика французских поэтов второй половины XIX века, совмещавшего в стихах конвенциональные цветочные ароматы с запахом фенола или фонарного газа⁸⁹². При этом осознанность запахов, умение ощущать их оттенки, использовать их становились маркерами определенного социального слоя.

Собственно названия духов в литературе рубежа веков служили своего рода паролем или маркерами, сигнализируя посвященным читателям об определенной эстетической программе, в которой запахи-артефакты занимали важное место, намекая на повышенную чувствительность и чувственность автора или лирического героя, вводя в текст быт — и обыгрывая его⁸⁹³. Модные на рубеже веков *Trefle Incarnat* упоминаются в любовном стихотворении А. Лозины-Лозинского: «...Что все ее горе от скуки, / Что просто она холодна, / Но любят ее, ее руки / Духи ее *Trefle Incarnat*»⁸⁹⁴. *Le Trefle Incarnat* принадлежали к так называемому фужеровому типу духов, который вошел в моду после синтеза кумарина (1868) и его освоения парфюмерами (1880-е годы). Кумарин, пахнущий свежескошенной

⁸⁹⁰ Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. P. 40-41.

⁸⁹¹ Дмитриева Е. Е., Кушцова О. Н. Жизнь усадебного мифа. С. 363.

⁸⁹² «Близорукость И. Ф. Анненского обнаруживается себя в обостренном внимании к «обонятельным» образам. Цветочный аромат появляется в стихотворении раньше самого цветка или даже вместо невидимого цветка <...> Цветочные образы Анненского — многозначные, символические, но при этом удивительно достоверные и точные <...> настолько, что иногда по незначительным, казалось бы, деталям можно установить даже сорт цветка» (Куштина О. Б. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. С. 130-131). Приведу несколько примеров: «И вянут космы хризантем / В удушливом дыму»; «Будь ты проклята, левкоем и фенолом / Равнодушно дышащая Дама!»; «Так страстно не разгадана, / В чадре живой, как дым, / Она на волнах ладана / Над куколом твоим»; «Аромат лилеи мне тяжел, / Потому что в нем таится тленье... / Лучше смол дыханье, синих смол, / Если пить его без разделенья...»; «Как мускус мучительный мумий, / Как душный тайник тубероз»; «Так беззвучна, черна и тепла / Резедой напоенная мгла <...> Пока свечи плывут / И левкои живут, / Пока дышит во сне резеда» (само стихотворение называется «Струя резеды в темном вагоне»); «Великолепье небылицы / Там нежно веет резедой»; «Обряд похоронный там шел, / Там свечи пылали и плыли, / И крался дыханьем фенол / В дыханья левкоем и лилий» (Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, 1959. С. 117, 118, 124-125, 130, 149, 152, 211, 215).

⁸⁹³ Исследовательница Н. А. Рогачева видит в этом знак нового осмысления возможностей и границ поэтического слова: слово оказывается бессильно назвать явления жизни или восприятие и вступает в конфликт с вещью, поэтому поэтика текста насыщается бытом (Рогачева Н. А. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха. Автореф. дис. ... д. филол. наук. Екатеринбург, 2011. С. 20-21).

⁸⁹⁴ Лозина-Лозинский А. Противоречия. Собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 47.

травой, в 1880-1900-е годы входил в тройку самых востребованных ароматических компонентов⁸⁹⁵, с ростом популярности постепенно утрачивая высокий статус: этим, в частности, объясняется сравнение «июльского сена» с «плохими духами» у Б. Пильняка⁸⁹⁶. Духи *White Rose* британской фирмы Atkinson (1910) упомянуты в цветаевском цикле «Подруга» и в «Первом свидании» Андрея Белого (1921)⁸⁹⁷: в 1910-е годы роза стала одним из самых модных запахов⁸⁹⁸. Уже позднее стихотворение Северянина посвящено вербеновым духам фирмы Atkinson⁸⁹⁹; аромат вербены обсуждается в переписке Иванова и Зиновьевой-Аннибал. В прозе Белого фигурируют духи *Cœur de Jeanette* (Houbigant, 1899)⁹⁰⁰ и *Fleur Qui Meurt* (Guerlain, 1901), в мемуарах он описывает запахи салона Мережковских⁹⁰¹ и кабинета Ф. Сологуба: «Так глумился, улыбку в усах затаивши, учитель Тетерников, что он писателя пригостишкой сделал, спокойно захватывая то один, то другой из флаконов с духами, стоявших пред ним, потому что он был духонюхатель; нюхая важно притертую пробку, он ждал, ставя терпкий вопрос, им измеренный опытно»⁹⁰².

Сам Сологуб использовал парфюмерию как один из сюжетных двигателей в «Мелком бесе» (1892-1913): контраст между двумя линиями романа (помешательством Передонова и

⁸⁹⁵ Pybus D., *Sell Ch. The Chemistry of Fragrances*. P. 22.

⁸⁹⁶ Указано в: Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа. С. 363-364.

⁸⁹⁷ Белый А. Первое свидание. Пб.: Алконост, 1921. С. 17.

⁸⁹⁸ Алексеев Н. Н., Симсон П. Ф. Парфюмерия и косметика. С. 27.

⁸⁹⁹ «Среди опустевших флаконов / Под пылью чуланного тлена / Нашел я флакон Аткинсона, / В котором когда-то Вербэна... <...> Духи, мои светлые духи, / Иссякшие в скудной дороге! / Флаконы мучительно сухи, / А средства наполнить – убоги... Но память! Она осиянна / Струей упоительно близкой / Любимых духов Мопассана, / Духов Генриетты Английской...» (*Северянин Игорь*. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М.: Наука, 2004. С. 320).

⁹⁰⁰ Духи *Cœur de Jeannette* в начале века были очень популярны. В частности, они фигурируют в одном из очерков А. Ф. Кошко, знаменитого сыщика и заместителя начальника петербургской сыскной полиции (*Кошко А. Ф. Среди убийц и грабителей*. М.: Книжная лавка — РТР, 1997). Они же упоминаются в рассказе З. Гиппиус о бегстве из России: флакон с остатками духов Гиппиус пожертвовала приютившим их с Мережковским польским монахиням: «Мирра у них не было, просто деревянное масло, и я, для этой всеобщей, отдала матери Анатолии, по ее просьбе, последние капли духов *Cœur de Jeanette*» (*Гиппиус З. Н. Живые лица*. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 405).

⁹⁰¹ «...З. Н. Гиппиус тянет душеную лапку с козетки, стреляя душеным дымком папиросочки, вытянутой из коробочки, — лаковой, красной, стоявшей с духами; на этой козетке сидела комочком до трех часов ночи — с трех часов дня: в шерстяном балахонике, напоминающем белую ряску. Запомнился мячик резиновый пырскавшего пульверизатора, пробочка, притертая, от духов «Туберозы-Лубэн», — в красных, ярких обоях и в красно-малиновых креслах, едва озаряемых золотоватыми искрами: взмигивал отблеск на туберкулезной щеке ее» (*Белый А. Начало века*. М.: Художественная литература, 1990. С. 458).

⁹⁰² Белый А. Начало века. С. 484. Ср. с отзывом И. Ф. Анненского о поэзии Сологуба: «Я говорю только о запахе, о нюханье, т. е. о болезненной тоске человека, который осмыслил в себе бывшего зверя и хочет и боится им быть, и знает, что не может не быть» (*Анненский И. Ф. Книги отражений*. С. 351).

любовной историей Людмилы и Саши) выражен в том числе посредством ольфакторного кода⁹⁰³. В мире Передонова господствуют запахи отвратительные, в мире Людмилы и Саши — сладкие и обольстительные⁹⁰⁴. К описаниям природных и бытовых запахов, узаконенным поэтикой натурализма, Сологуб добавляет запахи-артефакты. Рассуждения Передонова о полезном запахе унавоженного поля — это пародия на Базарова, упоминания резеды, оппопонакса и пачули отсылают читателя к низкому мещанскому быту⁹⁰⁵. Вторую линию романа, построенную на контрастном чередовании буржуазных и декадентских ароматов⁹⁰⁶, З. Н. Гиппиус выразительно охарактеризовала как «симфонию духов»⁹⁰⁷. В тексте романа упомянуто десять ароматов, с помощью которых героиня вступает в ольфакторную коммуникацию с окружающими, а автор — со своими читателями⁹⁰⁸. Запахи духов в литературе Серебряного века оказываются нагружены не только художественными, но и коммуникативными смыслами: с их помощью конструируется идентичность, принадлежность к определенному кругу. «Крепкий запах духов» в эпосе М. Горького

⁹⁰³ Тот же прием использовал трехстепенный беллетрист И. А. Новиков в романе «Золотые кресты» (1907): одна из ключевых сцен романа — мистическое обручение — выстроена вокруг флакона духов с «пчелиным» ароматом белой акации, которая воплощает чистоту и самопожертвование героини (*Новиков И. А. Золотые кресты*. Мценск: Мценская городская библиотека им. И. А. Новикова, 2004. С. 175).

⁹⁰⁴ *Кушлина О. Б.* Страстоцвет. С. 111.

⁹⁰⁵ Когда в «Горе от ума» (1824) Молчалин пытается соблазнить Лизу, он предлагает ей престижные, дорогостоящие вещи из барского обихода — туалетное зеркало, вышитую подушечку и набор косметики: «Жемчужинки, растертые в белилы! / Помада есть для губ, и для других причин, / С духами сткляночки: резеда и жасмин» (*Грибоедов А. С. Горе от ума*. М.: Наука, 1987. С. 60). Сходный набор упомянут в Прибавлении к «Московскому телеграфу» (Прибавление // *Московский телеграф*. 1825. №2. С. 17). Шестьдесят лет спустя эти товары стали доступны представителям средних и низших классов и утратили былой престиж. О сходных изменениях французского рынка см.: *Вигарелло Ж.* Искусство привлекательности. С. 223-225.

⁹⁰⁶ Подробный комментарий см. в моей статье: *Пироговская М. М.* Парфюмерный код в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» (опыт комментария) // *Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной конференции, Пушкинский Дом*. СПб.: Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2010. С. 354-369.

⁹⁰⁷ *Гиппиус З.* Слезинка Передонова // *О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки*. СПб.: Шиповник, 1911. С. 74.

⁹⁰⁸ «*Аткинсонова серинга*», *Pao Rosa* (Guerlain, 1873), *Rosiris* (L. T. Piver, 1899), цикламен, *Corylopsis du Japon* (L. T. Piver, 1882), *Extra-muguet* (E. Coudray, 1870), *Funkia du Japon* (Oriza L. Legrand, 1901), травяной (фужерный) аромат, духи с запахом ириса и *Eau de Clématite* (Guerlain, 1895).

«Жизнь Клим Самгина» — характерная телесная черта новой русской интеллигенции⁹⁰⁹.

В последней трети XIX века открытое регулирование ольфакторных силуэтов мужчины и женщины и эксплицитное требование ольфакторной нейтральности в публичном пространстве способствовали «разглаживанию» разнообразия запахов. С другой стороны, ужесточение ольфакторных норм и их гендерная детализация привлекали дополнительное внимание к нарушениям и тем самым усиливали их семиотизацию. Общественное внимание к личным и публичным запахам увеличилось, ольфакторный код стал более нюансированным, социальные нормы и ожидания относительно запахов — более жесткими (несмотря на то, что исполнение любой нормы может варьироваться в пределах некоторого диапазона), а нарушения — более значимыми и заметными. Код вызывающего, эксцентричного поведения возможен лишь на «фоне становления единых тактик общения»⁹¹⁰. В городской культуре второй половины XIX века встречается множество случаев сознательного ольфакторного «антиповедения», в терминологии Б. А. Успенского⁹¹¹. Их принципиальное отличие от традиционных примеров заключается в том, что трансгрессия задействовала социальные нормы и установления без какой бы то ни было теологической или метафизической рефлексии⁹¹².

⁹⁰⁹ Ср.: «Ушла, оставив за собой раздражающий запах крепких духов и легкую усмешку на губах сына»; «Сидела она изломанно скорчившись, от нее исходил одуряющий запах крепких духов»; «Углы комнаты были сглажены драпировками, треть ее отделялась китайской ширмой, из-за ширмы был виден кусок кровати, окно в ногах ее занавешено толстым ковром тускло красного цвета, такой же ковер покрывал пол. Теплый воздух комнаты густо напитан духами»; «Она душилась очень крепкими духами»; «В ее комнате стоял тяжелый запах пудры, духов и от обилия мебели было тесно, как в лавочке старьевщика»; «Сын поцеловал руку, холодную, отшлифованную, точно лайка, пропитанную духами»; «Сквозь драпри цвета бордо на дверях в соседнее помещение в комнату втекает красноватый сумрак и запах духов»; «за нею — широкая кровать, оттуда доносился очень сильный запах духов»; «в комнате очень крепкий запах духов»; «повеяло крепкими духами»; «В комнате было душновато, крепкие духи женщины не могли одолеть запаха пыли, нагретой центральным отоплением»; «Шемякин говорил громко, сдобным голосом, и от него настолько сильно пахло духами, что и слова казались надушенными»; «К нему подошел в облаке крепких духов его противник по судебному процессу Нифонт Ермолов, красавец, богач, холеный, точно женщина, розовощекий, с томным взглядом карих глаз, с ласковой улыбочкой под закрученными усами и над остренькой седой эспаньолкой» (*Горький М.* Собр. соч. В 30 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 19. Цит. по электронной версии книги. Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1927_zhizn_klima_samgina_part_1.shtml).

⁹¹⁰ *Захарьин Д.* Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 294-295.

⁹¹¹ *Успенский Б. А.* Антиповедение в культуре Древней Руси // *Успенский Б. А.* Избранные труды. В 3 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 320.

⁹¹² Именно из-за возведения антиповедения к сакральным основам концепция Успенского подверглась критике С. Е. Юркова, отмечавшего, что в русской культуре позднего Нового времени обнаруживается множество примеров антиповедения, несмотря на явную секуляризацию культуры (*Юрков С. Е.* Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб.: Летний сад, 2003. С. 17-18).

Нарушители проверяли на прочность представления и нормы, сложившиеся внутри своих социальных групп, что делало их поведение своего рода адресным посланием, более точным, но и менее универсальным, вызывавшим реакцию (осуждение или порицание) лишь у определенной социальной группы. В этом случае можно говорить о вписанности различных случаев антиповедения в тот или иной ольфакторный социолект. Например, выстраивание мифа о Черубине де Габриак предполагало столкновение юности и монастырского воспитания с запретным для пансионерки запахом пряных духов⁹¹³. Еще более яркий пример — ольфакторное поведение М. Кузмина, «русского Оскара Уайльда»⁹¹⁴. Современник так описывает его облик начала 1900-х годов: «Кузмин тогда ходил с бородой — чернющая! — в вишневой бархатной поддевке... глаза и без того — у Сомова хорошо это нарисовано! — скосится — ну, конь! а тут еще карандашом слегка, и так смотрит, не то сам фараон Ту-танк-хамен, не то с костра из скитов заволжских, и очень душился розой — от него, как от иконы в праздник»⁹¹⁵. Розовое благоухание — запах новомодных духов *La Rose Jacqueminot* (Coty, 1904) — представляло собой семиотически нагруженный телесный жест, об отрефлексированности которого говорит и запись в дневнике самого Кузмина: «Мой вид. Небольшая выдающаяся борода, стриженные под скобку волосы, красные сапоги с серебряными подковами, парчовые рубашки, армяки из тонкого сукна в соединении с духами (от меня пахло, как от плащаницы), румянами, подведенными глазами, обилие колец с камнями, мои «Александрийские песни», музыка и вкусы — должны были производить ошарашивающее впечатление»⁹¹⁶. Каждый из элементов нарушал нормы буржуазной респектабельности и вносил свой вклад в театрализацию поведения⁹¹⁷: почти маскарадный

⁹¹³ «Впечатление заострялось и почерком, на редкость изящным, и запахом пряных духов, пропитавших бумагу, и засушенными слезами «богородичных травок», которыми были переложены траурные листки» (*Маковский С. К.* Портреты современников. М.: Аграф, 2000. С. 211). О пряных духах, пропитывавших письма Черубины, вспоминала и М. Цветаева: «Помню узкий лиловый конверт с острым почерком и сильным запахом духов, Черубинины конверт и почерк, меня в моей рожденной простоте скорее оттолкнувшие, чем привлечшие» (*Цветаева М. И.* Собр. соч. в 7 т. Т. 4. С. 173).

⁹¹⁴ *Вайнштейн О. Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 516-517. Ср. также свидетельства об экстравагантном внешнем облике и поведении Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (*Кузмин М.* Дневник 1934 года. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007. С. 70-71); А. М. Добролюбова (*Азадовский К. М.* Путь Александра Добролюбова // Ученые записки Тартуского Государственного университета. Вып. 458 (Блоковский сборник. №3). Тарту, 1979. С. 123-128); Паллады — П. О. Богдановой-Бельской (*Иванов Г. В.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3. С. 426-428).

⁹¹⁵ *Ремизов А. М.* Кукха: Розановы письма. Берлин: З. И. Гржебин, 1923. С. 106.

⁹¹⁶ *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года. С. 72.

⁹¹⁷ «В биографии Кузмина сбрита борода, фасон костюма, сорт духов или ресторан, где он завтракал, — факты первостепенные» (*Иванов Г. В.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3. С. 100-101).

костюм, макияж (уже в 1920-е годы подведенные глаза и накрашенные губы Кузмина описывала И. Одоевцева⁹¹⁸), слишком сильный и слишком сладкий запах духов, ассоциировавшийся у современников не только с женской парфюмерией, но и с церковным обиходом (розовым маслом умащивали иконы и реликварии с мощами, оно входило в состав мира, его добавляли в тесто для пасхального кулича⁹¹⁹).

Следует отметить, что сходным механизмом построения конфликтного телесного жеста пользовались и западноевропейские декаденты, на которых, очевидно, и ориентировался Кузмин: ольфакторный код декаданса составляли запахи экзотические, животные или же ситуативно необычные, а также любые запахи высокой интенсивности. Как было сказано выше, дискредитация веществ с сильным ароматом во второй половине XIX века обосновывалась заботой о здоровье и нравственности. И врачи-гигиенисты, и составители учебников хорошего тона запрещали ароматы животного происхождения как излишне возбуждающие, разжигающие страсти, извращающие чувственность. Всем людям хрупкого сложения и деликатного здоровья, подросткам, девушкам и юношам не рекомендовалось употреблять духи вообще и категорически запрещалось душиться мускусом, цибетином, амброй, бобровой струей. Тем не менее, запахи-артефакты этого типа, считавшиеся неприличными в буржуазном обществе, широко использовались как знаки (и признаки) чувственности и подчеркнутого, подчас вульгарного или, напротив, утонченного эротизма⁹²⁰. В эпоху, когда поведенческие нормы навязывали массам незаметные, деликатные запахи, употребление подобных ароматических средств превращалось в шокирующий жест, который мгновенно распознавался и адекватно прочитывался людьми определенного круга.

⁹¹⁸ *Одоевцева И. В.* На берегах Невы. М.: Художественная литература, 1989. С. 101.

⁹¹⁹ *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов: Записки очевидцев. СПб.: Лениздат, 1999. С. 57-58.

⁹²⁰ Сонет Ш. Бодлера «Соответствия» (1855), один из ключевых текстов для европейского декаданса, обыгрывал эти ассоциации, соединяя ароматы богослужения и алькова. Бодлер был внимательно прочитан в России, а трансгрессивный опыт европейских проклятых поэтов и символистов оказался исключительно важным для разных поколений русских модернистов. Ср.: «Погасил я все светила,/ И на ложе я возлег, —/ Благовонный дым кадила/ У моих клубится ног./ Я лежу в дыму курений./ Как бессильный бог» (*Сологуб Ф.* Собрание сочинений Федора Сологуба. В 12 т. СПб.: Шиповник, 1909-1912. Т. 5. СПб., 1910. С. 143). О салоне Мережковских современник вспоминал так: «Дмитрий Сергеич — оранжерейный, утонченный «попик», воздвигший молеленку среди духов туберозы, гаванских сигар; видом — постник: всос щек, строго-выпуклые, водянистые очи; душою — чиновник, а духом — капризник и чувственник» (*Белый А.* Начало века. С. 463). Жданов, в докладе 1946 года о журнале «Звезда» и «Ленинград» назвавший Ахматову «взбесившейся барынькой, мечущейся между будуаром и молеленной», апеллировал именно к этому, уже ставшему стереотипным, представлению о декадансе (прямым источником ждановской реплики была «Литературная энциклопедия» 1930 года, использовавшая формулировку Б. М. Эйхенбаума).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении данного исследования я пыталась ответить на вопрос, как и почему в России второй половины XIX века менялась социальная конфигурация чувствительности и благодаря каким факторам чувство обоняния оказалось выдвинуто в социальное пространство, а различные запахи превратились в социальные факты. Структура исследования была задана такими понятиями, как *медикализация* — конструирование фактов и явлений повседневной жизни в медицинском ключе — и *общественное здоровье*, которое в России возникло как предмет публичной дискуссии благодаря процессам реструктуризации общества во второй половине XIX века.

Чтобы понять, как медикализация и санитарно-гигиенический дискурс влияли на конфигурацию чувствительности, в рамках которой существенная роль была отведена обонянию, было необходимо рассмотреть процесс усвоения российскими элитами и научным сообществом научной теории, устанавливающей непосредственную связь между запахом и болезнью, а также запахом и лечением. Таким образом, первым шагом к изменению чувствительности был научный импорт миазматической теории патогенеза и, параллельно, культурный импорт обусловленных ею представлений об этикете и правилах коммуникации. Естественные науки, с одной стороны, и культура поведения, с другой, способствовали усвоению ольфакторного беспокойства в аристократических кругах — пропуском в светское общество и, одновременно, гарантией личного здоровья оказывалось умение контролировать свои телесные эманации. В екатерининское время это сознательное отношение к запахам было поддержано эстетикой сентиментализма.

Следующий шаг к реконфигурации чувствительности был сделан во второй половине XIX века, когда в России началось формирование общества нового, несловного типа. Для поддержания нормального, безконфликтного существования такому обществу была необходима унификация стандартов поведения и правил коммуникации (что объясняет всплеск популярности массовой рекомендательной литературы в позднеимперский период). Тогда нормы и конвенции дворянского телесного поведения начали распространяться на остальные социальные слои. Нисходящая мобильность ольфакторных норм была обусловлена, во-первых, понятием «хорошего тона», который побуждал представителей

нижестоящих социальных групп подражать более престижной норме, но главной движущей силой для распространения стандартов, принятых у верхов, стали эпидемии и медикализация повседневной жизни. Представители социально активных групп — врачи и общественные деятели — формулировали понятие «общественного здоровья» («народного здравия») в публичных дискуссиях на площадках, которые предоставляла разнообразная пресса. С помощью этого понятия объяснялась необходимость транслировать массам гигиенические и ольфакторные нормы элит: в условиях индустриализации и урбанизации максимальное распространение высоких стандартов оказывалось единственным залогом здоровой жизни для общества в целом. При этом вместе с гигиеническими нормами вниз распространялись и новые представления о телесных границах, об индивидуальном пространстве и приватности, которые наряду с эгоистическими мотивировками задействовали мотивировки альтруистические. Таким образом, сам концепт «общественного здравия» по необходимости подразумевал укрепление личных границ и рефлексии над восприятием тела.

Всеобщий страх перед эпидемиями позволял врачам претендовать на экспертные функции, обосновывая их право на вмешательство, и создавал возможности для широкой санитарно-гигиенической пропаганды, которая доводила основные положения миазматической теории до самых социальных низов. Для этого врачи использовали все возможности, предоставляемые чтением: помимо специализированных медицинских изданий (журналов «Архив судебной медицины и общественной гигиены», «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», «Здоровье», газет «Врач», «Врачебные ведомости» и «Военно-санитарное дело» и др.), материалы по санитарии и гигиене печатались в ежедневных газетах разных направлений («Новое время», «Московские ведомости», «Современные известия», «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Голос»), тонких и толстых журналах («Вестник Европы», «Отечественные записки», «Нива»), извлечения и оттиски отдельных статей и очерков выходили в брошюрах и адаптировались для народного чтения. Увеличение читательской аудитории и рост книгоиздания во второй половине XIX века поддерживали новую для России сферу публичного, а постоянное участие в дискуссии врачей и общественных деятелей, озабоченных «народным здравием», превращало специализированные вопросы санитарии и гигиены в общезначимые. Уверенность врачей в приоритете европейской медицины и санитарии соответствующим

образом перекодировала понятия и топосы, задействованные в санитарном дискурсе. Риторическое соотнесение европейской культуры с очищением и прогрессом, загрязненности и санитарной отсталости — с «азиатчиной» — побуждало публику к предпочтению престижной европейской модели, а проблемы санитарного обеспечения российских городов превращало в вопрос выбора цивилизационного пути. Кроме того, пресса, приглашая читателей присылать жалобы на дурные запахи и ненадлежащее санитарное состояние частных домов и дворов, куда эксперту было не так легко проникнуть, не только обеспечивала публику площадкой для санитарных lamentаций, но и способствовала снижению ольфакторной толерантности и воспитанию навыков самоконтроля и наблюдения.

Благодаря социальному пафосу санитарно-гигиеническая пропаганда охватывала и те сферы, которые изначально находились вне врачебной компетенции. Характерное для медицины восприятие запаха как симптома и улики постепенно проникало в научно-популярные, а затем и в массовые издания, посвященные домашнему хозяйству, — поваренные книги, руководства по домоводству, сборники советов, которые в той или иной форме транслировали медицинский взгляд на повседневность самому широкому кругу читателей (чиновникам, военным, разночинцам, образованным купцам и мещанам). Именно в этих изданиях читающая публика могла почерпнуть навыки органолептического анализа, основанного на восприятии и критическом осмыслении данных, предоставляемых чувствами, и научиться не только фокусировать свое внимание на сенсорных характеристиках вещей и предметов, но и по-новому называть их, устанавливая соответствие между оттенками ощущений и научными терминами. Постепенно представители медицинского и научного сообществ — врачи, химики, биологи — начали говорить с этой аудиторией без посредников, сочиняя или составляя популярные издания по гигиене «предметов вседневной жизни».

Еще более эффективным инструментом, воздействовавшим на конфигурацию чувств, стали гигиенические выставки, в которых Российская империя участвовала за границей и которые проводила у себя дома. В эпоху огромного влияния санитарно-гигиенической пропаганды каждая из выставок служила ревизией санитарного состояния империи, привлекая внимание к идеализированным европейским нормам и их бесчисленным нарушениям. На выставках

воспитанию чувствительности способствовала визуализация: зараза, болезни, чистота и грязь, облеченные в форму цифр, микрофотографий и выставочных образцов побуждали массового зрителя по-новому взглянуть на среду обитания — от комнаты до улицы — и, взглянув на «чистые разводки» бактерий и паразитов сквозь увеличительное стекло, по-новому отнестись к санитарно-гигиеническим императивам.

С формированием новой чувствительности и социальной динамикой гигиенических и ольфакторных норм были связаны изменения в оценке ряда запахов и ароматов. Снижение ольфакторной терпимости и создание очищенной городской среды подразумевало уничтожение миазмов и разделение запахов по функциональным сферам в публичной сфере, а также осуждение «громких» запахов в приватной сфере. Ароматы частной жизни также подверглись качественному и количественному нормированию: вдобавок к подавлению всех телесных эманаций сократился и спектр парфюмов, разрешенных хорошим тоном в повседневной коммуникации. Запахи, поколение назад считавшиеся допустимыми в среде образованных городских жителей, выпадали за пределы социальной нормы, оказываясь признаком малообразованной публики, которая еще не освоила правила «хорошего тона». Дистанция, в пределах которой могли ощущаться духи, становилась все меньше — сфера приватного отделялась от сферы публичного в том числе и в ольфакторном аспекте.

При изучении приватности и публичной сферы в позднеимперской России обычно речь идет о таких факторах, как становление прото-буржуазии, урбанизации и трудовой миграции, выделению досуга и изменении сферы потребления. Санитарно-гигиенический аспект повседневной жизни второй половины XIX века практически не привлекал внимания историков, антропологов или культурологов. Между тем именно в эту эпоху санитарно-гигиеническая пропаганда, отталкиваясь от представлений о здоровых и нездоровых запахах, о заразе и миазмах, способствовала реконфигурации чувств и основывала заботу о здоровье на ольфакторной бдительности, а понятие «порядочности» — на ольфакторной деликатности. Нормы и стандарты телесного присутствия, восходящие к рефлексам миазматической теории, в последние десятилетия XIX века определили тип организации публичного пространства, повлияли на массовые гигиенические практики и оказались проводником приватных ценностей в сфере социального взаимодействия.

Модернизация несводима к одному триумфу зрения над всеми остальными чувствами; напротив, процесс модернизации способствовал перестройке и переосмыслению всей чувственной конфигурации. В разных сферах это происходило по-разному. В частности, в период санитарно-бактериологического синтеза обоняние вступало в альянсы со зрением, вооруженным специальными знаниями и аппаратурой: нетерпимое для носа требовалось исследовать с помощью пробирки и микроскопа. В повседневной сфере обоняние и вкус взаимно усиливали друг друга, когда речь шла о проверке съестных припасов и создании нового, гигиенически безукоризненного быта. В сфере социальных отношений обоняние обуславливало дистанцию взаимодействия и участвовало в культурном конструировании отвращения — тем самым переопределяя границы между социальными группами или создавая их заново.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари и справочные издания

Большая медицинская энциклопедия. В 29 Т. М.: Советская энциклопедия, 1974-1988. Режим доступа: http://big_medicine.academic.ru

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 Т. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1880-1882. Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru>.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010

Картотека Словаря русского языка XVIII века / Словарный отдел ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М.: Издание книгопродавца А. И. Манухина, 1865

Полное собрание законов Российской империи. II Собрание. В 55 Т. 1825-1881

Словарь Академии Российской. В 6 Ч. СПб.: Императорская академия наук, 1789-1794

Словарь русского языка XI-XVII веков. М.: Наука, 1975—.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1— . Л.-СПб.: Наука, 1984—

Словарь русского языка, составленный 2-м отделением Императорской Академии Наук: В 9 т. СПб.-Л.: Типография Императорской Академии наук, Издательство АН СССР, 1891-1930

Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Ф. М.

Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. Режим доступа: http://cfrl.ru/dost_cd0/dostoevski.htm

Газеты

1. Астраханские губернские ведомости. 1878, 20 декабря. №101; 1878, 27 декабря. №103; 1878, 30 декабря. №104; 1879, 3 января. №1; 1879, 27 января. №8; 1879, 24 марта. №24.
2. Биржевые ведомости. 1878, 23 декабря. №354.
3. Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1871, 19 марта. №64; 1871, 20 марта. №65; 1871, 21 марта. №66; 1871, 22 апреля. №88; 1871, 23 апреля. №89; 1871, 24 апреля. №90; 1871, 25 апреля. №91.
4. Врач. 1880, 26 июня. №26; 1880, 28 августа. №35; 1880, 4 сентября. №36.
5. Голос. 1878, 26 декабря (7 января 1879). Второе прибавление к №356; 1878, 28 декабря

- (9 января 1879). №357; Голос. 1878, 29 декабря (10 января 1879). №358; 1879, 29 января (10 февраля). №29; 1879, 30 января (11 февраля). №30; 1879, 5 (17) февраля. №36; 1879, 6 (18) февраля. №37; 1879, 7 (19) февраля. №38; 1879, 13 (25) февраля. №44; 1879, 18 февраля (2 марта). №49; 1879, 26 февраля (10 марта). №57; 1879, 9 (21) марта. №68.
6. Московские ведомости. 1879, 22 января. №19; 1879, 23 января. №20; 1879, 26 января. №23; 1879, 13 февраля. №37; 1879, 15 февраля. №39; 1879, 10 марта. №60.
7. Новое время. 1879, 17 (29) февраля. №1067; 1879, 22 февраля (6 марта). №1072; 1879, 9 (21) марта. №1087; 1879, 12 (21) марта. №1090; 1879, 18 (30) марта. №1096.
8. Новороссийский телеграф. 1880, 9 (21 января). №1448; 1880, 1 (13) марта. №1498; 1880, 27 мая (8 июня). №1579; 1880, 5 (17) июня. №1587; 1880, 16 (28) июля. №1625; 1880, 17 (29) июля. №1626; 1880, 30 октября (11 ноября). №1726; 1880, 2 (14) декабря. №1758; 1880, 6 (18) декабря. №1762; 1880, 19 (31) декабря. №1774.
9. Одесский вестник. 1877, 10 марта. №53; 1877, 7 июня. №121.
10. Петербургский листок. 1864, 29 марта; 1864, 23 мая; 1864, 24 мая; 1864, 5 декабря.
11. Правительственный вестник. 1878, 16 декабря. №281.
12. Современные известия. 1879, 6 января. №5; 1879, 8 января. №7; 1879, 10 января. №9; 1879, 12 января. №11; 1879, 13 января. №12; 1879, 17 января. №16; 1879, 18 января. №17; 1879, 25 января. №24; 1879, 27 января. №26; 1879, 28 января. №27; 1879, 2 февраля. №32.

Рукописные источники

1. Выписки из лечебника. Вторая половина XVIII века. ОР РНБ. Q. VI. 21.
2. [Гурчин Д.] Аптека домовая большая. 1708 г. ОР РНБ. Q. VI. 45.
3. Дело по прошению артиллерии подпоручика Карцова о выдаче ему привилегии на переносную паровую ванну. 1831-1832 гг. РГИА. Ф. 1285. Оп. 4. №86.
4. Картотека Словаря русского языка XVIII века. Словарный отдел ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
5. Краткое показание болезней, нередко случающихся <sic!>, и врачевание оных. Кон. XVIII-первая четверть XIX в. ОР РНБ. Q. VI. 7.
6. Краткое предохранительное познание для избавления от заразительной болезни. 1771

- г. РГИА. Ф. 950. Оп. 1. №439.
7. Лечебник, употребляемый 1813 года <sic!> в Вологодской губернии по случаю прилипчивых болезней от провод пленных французов; дополнение к наставлению, каким образом поступать должно с больными, где нет лекарей, объясняющее причины болезней и средства предохранительные. ОР РНБ. Ф. VI. 10.
 8. О благовонных водах, привезенных для Его Величества из Руана на французском корабле. 1825 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 8. №359.
 9. О доставлении в комнату Государя Императора ящика с духами, привезенного из Руана. 1818 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 2. №528.
 10. О духах, выписываемых из Парижа для Государя Императора. 1823 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 6. №348а.
 11. О заплате фабриканту Рибану за духи для Государя Императора и сведения о вещах, делаемых фабрикантом Валлером. 1816 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 1. №43.
 12. О пользе употребления можжевельника. Не ранее 1758 г. РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. №117.
 13. О сдаче 4 ящиков, привезенных из Руана в Зимний дворец. 1816 г. РГИА. Ф. 519. Оп. 1. №132.
 14. О составе и употреблении элексира <sic!> в болезни эпидемической холеры употребляемого. ОР РНБ. Q. VI. 18.
 15. Руководство к врачебной науке. Кон. XVIII-начало XIX века. ОР РНБ. Q. VI. 19.
 16. Травник. ОР РНБ. Ф. VI. 9-1, 2.
 17. Травник Симона Сирениуса. ОР РНБ. Ф. VI. 5-1, 2.
 18. Травник. ОР РНБ. Q. VI. 33.
 19. Травник. РГБ. Долг. 111.
 20. Травник. ИРЛИ. Оп. 23. № 121.
 21. Травник. БАН. 45. 8. 175.
 22. Травник. ГИМ. Увар. 705.
 23. *Гаевский С. Ф.* О сочинении Страхова о холере. РГИА. Ф. 1294. Оп. 5 (1832). №142.

Опубликованные источники

1. *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука. Л.: Лениздат, 1984
2. *Алексеев И. Л.* Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением

- Туркестанского края // Сб. Русского исторического общества. №5 (153). М., 2002. С. 89-95.
3. *Аллец П.-О.* Новый Альберт. М.: Университетская типография Любия, Гария и Попова, 1804
 4. *Альмединген А. Н.* Домашний определитель подделок питательных, вкусовых, а также и других веществ. СПб.: Ф. Павленков, 1891
 5. *Аммон Ф.-А.* Первые обязанности матери и первое попечение о новорожденных. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861
 6. *Алексеев Н. Н., Симсон П. Ф.* Парфюмерия и косметика. М.: Типография торгового дома «Мысль», 1912
 7. *Андреев П. П.* Домоведение. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1893
 8. *Андреевский И. Е.* Санитарное дело в Англии // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №4. С. 73-76; там же. 1874. Т. 1. №5. С. 94-96; там же. 1874. Т. 1. №6. С. 110-113.
 9. *Андреевский И. Е.* Исторический очерк организации санитарного дела в Санкт-Петербурге // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №7. С. 125-128.
 10. *Андреевский И. Е.* О мерах против чумы, которые могут быть приняты правительством и обществом // *Здоровье*. 1879. Т. 5. №105. С. 42-45.
 11. *Андреевский П. А.* Новейший химик-парфюмер. СПб.: Типография Ю. Штауфа, 1867
 12. *Анненский И. Ф.* Стихотворения и трагедии. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, 1959
 13. *Анненский И. Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979
 14. *Антонов А. А.* Общедоступная гигиена. СПб.: Издательство А. С. Суворина, 1889
 15. *Апухтин А. Н.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1985
 16. *Аристотель.* О душе // *Аристотель.* Сочинения. В 4 Т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369-448.
 17. *Аристотель.* Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004
 18. *Архангельский Г. И.* Жизнь в Петербурге по статистическим данным // *Архив судебной медицины и общественной гигиены*. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 33-85; там же. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 84-143.
 19. *Архангельский Г. И.* Амбулантная форма чумы (*Pestis ambulans*) и ее значение в

- эпидемиологии // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 1. С. 132–193.
20. *Асеев Н.* Володя маленький и Володя большой // Красная новь. 1930. №6. С. 176-184.
21. *Байе К.-С.* Осмотр мяса. Харьков: Типография И. В. Попова, 1882
22. *Бахерахт А. Г., Венечанский С. А.* Собрание разных полезных лекарств на разные болезни с рецептами. СПб.: Сенатская типография, 1779
23. *Белинский В. Г.* Из неизданной переписки Белинского с К. С. Аксаковым, В. П. Боткиным, А. И. Герценом, А. П. Ефремовым и М. Н. Катковым // Литературное наследство. Т. 56. М.: Издательство АН СССР, 1950
24. *Беллин Э. Ф.* Очерк условий деятельности нашей судебно-медицинской экспертизы, причины неудовлетворительности ее и меры к устранению их // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Т. 2. №2. С. 1-24.
25. *Белый А.* Первое свидание. Пб.: Алконост, 1921
26. *Белый А.* Начало века. М.: Художественная литература, 1990
27. *Бентковский И. В.* Жилище и пища калмыков Большедербетского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Отд. 1. Ставрополь: Типография губернского правления, 1868. С. 82-104.
28. *Бертенсон И. В.* Гигиеническая сторона крестьянского вопроса. М.: Типография Каткова и К°, 1858
29. *Бертенсон И. В.* Барачные лазареты в военное и мирное время. СПб.: Общество попечения о раненых и больных воинах, 1871
30. *Боборыкин П. Д.* Сочинения. В 3 Т. М.: Художественная литература, 1993
31. *Богданович П. И.* Правила для соблюдения здоровья. СПб.: Типография П. И. Богдановича (?), 1788
32. *Боткин Я. А.* Заметки и воспоминания врача. Симферополь: Электротипография М. М. Эйдлина, 1909
33. Будуар: Туалетная книга. В 2 Т. СПб.: Товарищество художественной печати, 1904
34. *Булгарин Ф. В.* Очерки русских нравов. СПб.: Типография Э. Праца, 1843
35. *Бухан В. [Бьюкен У.]*. Полный и всеобщий домашний лечебник. В 5 Т. М.: Университетская типография, 1790-1792

36. *В. Ф.* Петербургские задворки // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №2. С. 30-31.
37. *Васильчиков А. И.* О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. В 3 Т. СПб.: Типография В. В. Прагц, 1872
38. *Вениаминов П. Д.* Слово о свойствах и пользе растений. М.: Типография Московского университета, 1767
39. *Вербицкий В.* О проветривании зданий // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №40. С. 241-243.
40. *Верекундов С. П.* Санитарное состояние Киева в 1887-1889 гг. по отчетам Киевской городской санитарной комиссии. СПб.: Типография Э. Арнгольда, 1890
41. *Вертинский А.* Я артист // *Наше наследие*. №6. М.: Искусство, 1989. С. 91-109; окончание: *Наше наследие*. №1. М.: Искусство, 1990. С. 97-117.
42. *Весь Петербург: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1899 год / Ред. Н. И. Игнатов.* СПб.: Типография А. С. Суворина, 1898
43. *Виен И.* Лоймология. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1786
44. *Визнер Ю.* Техническая микроскопия для врачей. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1871
45. *Вилльденов К.-Л.* Ботаника. М.: Театральная типография, 1819
46. *Виль И.* Диететическая поваренная книга для здоровых и больных. Саратов: Д. Д. Котюхов, 1882
47. *Виль И.* Как и из чего готовить кушанья для больных и здоровых: Гигиеническая домашняя кухня. СПб.: Н. Н. Цылов, 1883
48. *Вирхов Р.* Изложение учения о трихинах. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1864
49. *Вицман А.* Правила для желающих наслаждаться долголетней жизнью. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1799
50. *Вицман А.* О болезнях богатых и светских людей. СПб.: Типография Первого Кадетского корпуса, 1805
51. *Вишняков Н. П.* Из купеческой жизни // *Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия*. М.: Правда, 1989. С. 274-311.
52. *Внутреннее обозрение // Здоровье*. 1878. Т. 4. №81. С. 69-71.
53. *Внутреннее обозрение // Отечественные записки*. 1879. Т. ССXLIII. №3-4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 123-146.
54. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. В 2 Т. М.: Художественная литература, 1964

55. *Воинов И. П.* Слово о главной цели народной медицины и важности оной. М.: Университетская типография, 1807
56. *Войно И. К.* Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений Правительства для врачей, фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов. В 3 Ч. Киев: Типография Е. Я. Федорова, 1871
57. *Волжин Б. [Бурнашев В.П.]* Энциклопедия молодой русской хозяйки. В 2 Ч. СПб.: Типография А. Воейкова и К°, 1839
58. Временные меры ассенизации Петербурга // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №39. С. 211-213.
59. Всероссийская гигиеническая выставка: Санкт-Петербург / Отдел Великого княжества Финляндского / Каталог. Гельсингфорс: [Б. и.], 1893
60. Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация». В 32 вып. М.: «Всемирная иллюстрация», 1882
61. Вывоз нечистот из Москвы // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №33. С. 74-75.
62. Высочайше утвержденное положение и правила для Всероссийской промышленно-художественной выставки 1881 года в Москве. СПб.: [Б. и.], 1879
63. Выступление А. П. Доброславина // Протокол Первого Санкт-Петербургского губернского санитарного съезда. 29 января-6 февраля 1875 года. СПб.: [Б. и.], 1875
64. *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. 1813-1877. М.: Захаров, 2003
65. *Гаевский С. Ф.* Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. СПб.: Типография К. Крайя, 1834
66. *Галанин М. И.* Бубонная чума, ее историко-географическое распространение, этиология, симптоматология и профилактика. СПб.: Н. П. Петров, 1897
67. *Гейнце Н. Э.* Собр. соч. В 7 Т. М.: Терра, 1994
68. *Генслер И.* Гаванские чиновники в домашнем быту. СПб.: В. И. Губинский, 1904
69. Гигиена и хлеб насущный: Из записок столичного обывателя. СПб.: Типография А. Лашинского, 1889
70. Гигиено-экономический словарь практических познаний, необходимых каждому для сохранения и продления жизни в хозяйстве и экономии / Под ред. И. Кустаревского. В 2 Т. М.: С. И. Мухин, 1888
71. Гилякская деревня // *Здоровье*. 1877. Т. 3. №60. С. 131.

72. *Гиляровский В. А.* Собр. соч. В 4 Т. М.: Правда, 1989
73. *Гиппиус З.* Слезинка Передонова // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Спб.: Шиповник, 1911. С. 72-78.
74. *Гиппиус З. Н.* Живые лица. М.: Олма-Пресс, 2002
75. *Гиппократ.* Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936
76. *Гириш А.* Чего опасаться Европе в ближайшем будущем от восточной чумы? // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1876. Т. 3. С. 70-89.
77. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. В 14 Т. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1937—1952
78. *Городской и деревенский садовник.* В 4 Ч. М.: Типография Московского университета, 1779
79. *Горький М.* Собр. соч. В 30 Т. М.: ГИХЛ, 1952
80. *Горяинов П. Ф.* Начальные основания ботаники. Спб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1827
81. *Грибоедов А. С.* Горе от ума. М.: Наука, 1987
82. *Гринберг Л. П.* Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон на лат., нем. и рус. яз. В 4 Ч. Берлин, Лейпциг: Г. Реймер, 1840-1841
83. *Грязнов П. И.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. Дис. д. мед. Спб.: Типография Ф. Г. Елеонского и К°, 1880
84. *Гулен Ж., Журден А.-Л.-Б.* Дамский врач. В 3 Ч. М.: Типография А. Решетникова, 1793
85. *Гун О.* Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 году. В 2 Ч. Спб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1803
86. *Гурин Е. Г.* О крытых помещениях для рабочих и биржах для чернорабочих рынков // Журнал Общества охранения народного здоровья. 1892. №6-7. С. 619-620.
87. *Гурин Е. Г.* Чохотка: Природа, припадки, распознавание и предупреждение ее. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1898
88. *Гюбнер Ю. Ю.* Современное состояние вопроса о кладбищах // Архив судебной

- медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 100-112; там же. 1869. Кн. 4. Отд. III. С. 32-107.
89. *Гюбнер Ю. Ю.* Всероссийская мануфактурная выставка 1870 г. в общественно-гигиеническом отношении // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 3. Отд. III. С. 231-242; там же. 1871. Кн. 1. Отд. III. С. 143-157.
90. *Гюбнер Ю. Ю.* Корреспонденция из Феодосии // Здоровье. 1874. Т. 1. №1. С. 21-22; там же. 1871. Т. 1. №2. С. 33-35.
91. *Гюбнер Ю. Ю.* Воздух в Мариинском театре во время спектакля // Здоровье. 1874. Т. 1. №5. С. 97-98.
92. *Д. М.* Петербург — европейский ли город? // Дело. 1877. №1. С. 53-70.
93. *Двигубский И. А.* Изображения растений, преимущественно российских, употребляемых в лекарства, и таких, которые наружным видом с ними сходны и часто за них принимаются, но лекарственных сил не имеют. В 4 Ч. М.: Университетская типография, 1828-1834
94. *Державин Г. Р.* Сочинения Державина. В 7 Т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868-1878
95. *Джонстон Д. Ф.* Химические сведения о различных предметах из вседневной жизни. В 2 Ч. СПб.: Торговый дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1858
96. *Доброславин А. П.* О почве и о болезнях, которые от нее бывают. Чтение для народа. Читано в Санкт-Петербурге в аудитории Соляного городка, в Москве, в народных читальнях комиссии по устройству народных чтений. (Труды комиссии Педагогического музея по составлению чтений для войск и для народа). М.: А. А. Торлецкий, 1878
97. *Доброславин А. П.* О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. Из отчета графу Лорис-Меликову, временному генерал-губернатору Астраханской, Саратовской и Самарской губерний, в 1879 году // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 3. СПб.: Типография М. М. М. Стасюлевича, 1880. С. 119-155.
98. *Доброславин А. П.* Чума Ветлянки и наш карантинный устав с медико-полицейской точки зрения. СПб.: [Б. и.], 1887

99. *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. М.: Наука, 1997
100. *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2 Т. СПб.: Наука, 2004
101. Домашнее сокровище. СПб.: Типография Главного штаба по военно-учебным заведениям, 1857
102. Домашний стол. М.: А. А. Левенсон, 1894
103. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. В 15 Т. Л.: Наука, 1989-1996
104. *Драгендорф Г. Л.* Судебно-химическое открытие ядов в пищевых веществах, воздухе, остатках пищи, частях тела и т. д. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1875
105. *Дрейер А.* Космосоматика. М.: Университетская типография, 1840
106. *Друковцов С. В.* Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1773
107. *Ж.* Политическая и общественная хроника // Дело. 1880. №10. С. 144-177.
108. *Жиро Ж.* Карманная книжка для чадолюбивых матерей. М.: Типография С. Селивановского, 1794
109. Житейская мудрость. СПб.: Печатня В. Головина, 1871
110. *Жуковский В. А.* Собр. соч. В 4 Т. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959-1960
111. *Завадская В.* Литовская хозяйка. Вильно: Издательство О. Завадского, 1884
112. *Загоскин М. Н.* Москва и москвичи. М.: Московский рабочий, 1988
113. *Зайцев В. А., Якоби П. И.* О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 3. Отд. III. С. 160-216.
114. Заметки и известия // Здоровье. 1875. Т. 1. №28. С. 605-606.
115. Заметки участкового санитарного попечителя // Здоровье. 1879. Т. 5. №121. С. 359-361; там же. 1879. Т. 5. №122. С. 380-382.
116. *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов: Записки очевидцев. СПб.: Лениздат, 1999
117. *Здекауэр Н. Ф.* О рыбном яде // Журнал Русского Общества охранения народного здравия. 1892. №1. С. 1-16.

118. *Зеленский М. С.* Наши тряпичники: Исследование одного из главных источников заразы // Вестник Европы. 1885. Кн. 6. С. 836-847.
119. Золотой юбилей: К 50-летию со дня основания товарищества Брокер и К°. М.: [Б. и.], 1915
120. *Зубковский И. П.* Опыт исследований по вопросам санитарного состояния и гигиенической обстановки военно-учебных заведений. Санитарное состояние Полоцкой военной гимназии и гигиеническая ее обстановка. Дис. д. мед. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1879
121. *Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л.* Переписка. В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2009
122. *Иванов Г. В.* Собр. соч. В 3 Т. М.: Согласие, 1994
123. *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Военное издательство, 1988
124. *Игнатъев М. А.* Об убое скота в городских скотобойнях и приспособлениях на них для освидетельствования как состояния здоровья скота, так и доброкачественности мяса // Третий санитарный съезд земских врачей Санкт-Петербургской губернии. 20-29 августа 1882 года. Вып. 2. СПб.: [Б. и.], 1884
125. Из Москвы // Здоровье. 1877. Т. 3. №60. С. 123-124.
126. Известия и заметки // Здоровье. 1877. Т. 3. №67. С. 298.
127. Известия и заметки // Здоровье. 1877. Т. 3. №70. С. 346-347.
128. *Илинский П. А.* Что такое чума, чем спастись от нее и других повальных болезней? СПб.: Редакция «Врачебных ведомостей», 1879
129. Иллюстрированное описание Первой Всероссийской гигиенической выставки в Санкт-Петербурге. В 12 вып. СПб.: Типография С. Ф. Яздовского и К°, 1893
130. *Ильенков П. А.* Курс химической технологии. В 2 вып. СПб.: В. А. Исаков, 1861
131. Инструкция Коллегии Медицинской. СПб.: Сенатская типография, 1763
132. История и современные понятия о чуме человека. Протокол заседания общества русских врачей в Санкт-Петербурге 11 января 1879 года. СПб.: Типография Я. Третья, 1879
133. Казанская ремесленная и сельскохозяйственная выставка 1886 г. Казань: Типография Губернского правления, 1888
134. [Как следует одеваться] // Модный свет. 1875. №30. С. 266.

135. *Каменецкий О. К., Саполович Я. О.* Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами. В 2 Ч. М.: Синодальная типография, 1805
136. *Капустин М. Я.* Очерки земской медицины // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №8. С. 161-165; там же. 1876. Т. 2. №35. С. 115-121.
137. *Капустин М. Я.* Краткий обзор 25-летней деятельности общества // Двадцатипятилетие (1868-1895) Общества врачей при Императорском Казанском университете. Казань: [Б. и.], 1897
138. *Карамзин Н. М.* Сочинения Карамзина. В 7 Т. М.: Типография С. Селивановского, 1803
139. *Карвасовский И. А.* Кулинарная гигиена и практический повар. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1891
140. *Карпинский Н. К.* Российская фармакопея. В 2 Ч. М.: [Б. и.], 1802
141. Картинки общественной жизни // *Дело*. 1878. №2. С. 452-483.
142. Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1887
143. Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1896
144. Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки / Журнал Общества охранения народного здравия. 1893. №6-7 / Приложение. СПб.: Типография Шредера, 1893
145. *Кашкадамов В. П.* Санитарная организация в Англии. СПб.: [Б. и.], 1905
146. *Кашкадамов В. П.* Санитарное состояние города Санкт-Петербурга. СПб.: Санкт-Петербургская городская типография, 1909
147. *Клапитанов П. А.* Краткое наставление народу о том, как предохранять себя от прилипчивых болезней, наиболее от чумы. В 3 Ч. М.: Синодальная типография, 1827
148. *Клима М.* Азбука домоводства и домашней гигиены для самообразования и женских учебных заведений. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1883
149. Книга, глаголемая «Прохладный вертоград» / Сост., предисл., вступ. ст., переводы, коммент. Т. А. Исаченко. М.: Археографический центр, 1997
150. *Ковалевская С. В.* Воспоминания. М.: Аст-Пресс, 2005
151. *Ковальковский К. П.* Санитарные учреждения Берлина, Лондона и Парижа // Журнал Общества охранения народного здравия. 1892. №1. С. 17-28; там же. 1892. №2. С. 99-110; там же. 1892. №5. С. 417-429.

152. *Ковен*. Пилюли из растительных веществ приятного вкуса слабительные и очистительные. Paris: V. Couru, 1873
153. *Комов И. М.* О земледелии. М.: Типография Пономарева, 1788
154. *Коховский В. П.* Общий обзор педагогической части Международной выставки гигиены и спасения погибающих в Брюсселе, в 1876 г. Ч. I. Бельгия // Педагогический сборник. 1877. Кн. 1. С. 1-41; там же. 1877. Кн. 2. С. 115-150; там же. 1877. Кн. 3. С. 223-271; там же. 1877. Кн. 4. С. 331-375; там же. 1877. Кн. 5. С. 461-492.
155. *Кошко А. Ф.* Среди убийц и грабителей. М.: Книжная лавка — РТР, 1997
156. *Крапивина С. М.* Заметка о дачной жизни // Здоровье. 1875. Т. 1. №23. С. 470-471.
157. *Крапивина С. М.* Болезненность детей в окрестностях Вильны // Здоровье. 1878. Т. 4. №84. С. 117-118; там же. 1878. Т. 4. №85. С. 158-159.
158. *Крапивина С. М.* Как нам быть с прислугой? // Здоровье. 1880. Т. 6. №146. С. 381-382.
159. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2 Т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1755
160. *Кувайцев Н. Г.* Голос из Самары // Здоровье. 1878. Т. 4. №100. С. 457-459.
161. *Кувайцев Н. Г.* Из Екатеринослава // Здоровье. 1877. Т. 3. №77. С. 493-494.
162. *Кузмин М.* Дневник 1934 года. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007
163. *Кузьминский Н.* Чума на Востоке // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1876. Т. 2. С. 1-4.
164. *Куприн А. И.* Юнкера. Роман, повести, рассказы. М.: Эксмо-пресс, 2008
165. Курятный ряд в Одессе // Здоровье. 1877. Т. 3. №62. С. 180.
166. Кухня, искусство есть здорово, вкусно и дешево. М.: Типография В. Грачева и К°, 1864
167. Кухня, кондитерская и погреб. М.: Типография П. А. Глушкова, 1870
168. *Кюллер А.* Нервность и неврозы: Гигиена нервных людей. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893
169. *Л.* Заметки и известия // Здоровье. 1876. Т. 2. №32. С. 128.
170. *Л-ъ М.* Темные стороны «латинской кухни» // Дело. 1877. №11. С. 428-442.
171. *Л-д Д.* Мужчина и женщина. В 2 Ч. СПб.: Холмушин, 1865

172. *Ладыгин Д. М.* Новое приспорье всякому домоводству на Руси. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1778
173. *Летеби Г.* Вопросы питания. СПб.: Типография К. Сорванова и К°, 1872
174. *Либоишиц О. Я.* Флора Санкт-Петербургская и Московская. В 4 Ч. СПб.: Морская типография, 1818
175. *Линней К.* Философия ботаники. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1800
176. *Лихачев.* Известия и заметки // Здоровье. 1876. Т. 2. №40. С. 255.
177. *Ловцов С. П.* Об устройстве санитарной части в России // Здоровье. 1874. Т. 1. №4. С. 65-72; там же. 1874. Т. 1. №5. С. 85-90.
178. *Лозина-Лозинский А.* Противоречия. Собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2008
179. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950-1983
180. *Луц И. [Люце И.-В.-Л.]* Друг здоровья. СПб.: Типография Медицинской коллегии, 1800
181. *Львов Н. А.* Избр. соч. СПб.: Пушкинский дом, РХГИ, Акрополь, 1994
182. *Львов-Кочетов Е. Л.* По студеному морю: Поездка на Север. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895
183. *Лю-ая В.* Секреты дамского туалета и тайны женского сердца. В 2 Ч. М.: Типография Готье и Монигетти, 1848
184. *Ляликов И.* Городской и деревенский эконо́м. В 2 Ч. М.: Типография И. Зеленникова, 1796
185. *Майер И.-Ф.* Искусный эконо́м. В 2 Ч. М.: Университетская типография, 1819
186. *Маковский С. К.* Портреты современников. М.: Аграф, 2000
187. *Макель В.* Гигиенические этюды о здоровье, красоте и счастье женщины. М.: Типография Т. Волкова и К°, 1860
188. *Максимович-Амбодик Н. М.* Врачебное веществосло́вие. В 4 Ч. СПб.: Типография Морского кадетского шляхетского корпуса, 1783-1789
189. *Максимович-Амбодик Н. М.* Первоначальные основания ботаники. В 2 Ч. СПб.: Типография Государственной медицинской коллегии, 1796
190. *Марковников В. В.* Несколько слов о санитарных мерах в военное время. М.:

- Университетская типография, 1877
191. *Марковников В. В., Отрадинский П. М.* Появление чумы в России и средства предохранительные от нее с кратким указанием способов обеззараживания (дезинфекции). М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1879
 192. *Мартынов И. И.* Техно-ботанический словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1820
 193. *Матвеевский М. А.* Правила лечения гнойной чахотки легких навозными испарениями и другими домашними средствами. СПб.: Типография Вингебера, 1849
 194. Материалы для истории Гангутской операции. Грамоты, указы и письма Петра Великого 1713—1714 гг. Вып. 1. Ч. 2. Пг.: Архив Морского ведомства, 1914
 195. *Медикус Л.* Судебно-медицинское исследование пищевых и вкусовых средств. СПб.: [Б. и.], 1881
 196. Медицинский отчет Санкт-Петербургской городской временной больницы 1880 года для горячечных / Под ред. Ю. Т. Чудновского. СПб.: [Б. и.], 1881
 197. *Меер К.* Испытание свойств чая и кофе, также и тех прозябений, которые вместо чая и кофе можно с пользою употреблять. СПб.: Императорская типография, 1787
 198. Международная гигиеническая выставка. Брюссель. 1876. Правила для русских экспонентов. СПб.: [Б. и.], 1875
 199. *Мейер А. К.* Ботанический подробный словарь. М.: Типография Н. Новикова, 1781-1783
 200. Мелкие нужды петербуржцев // Здоровье. 1884. №37. С. 461-462.
 201. Меры против чумы // Здоровье. 1879. Т. 5. №104. С. 25-26.
 202. *Мещерский К. Ю.* Роль современного мужчины. М.: Типография И. И. Смирнова, 1877
 203. *Мизантропов Н.* Калейдоскоп: литературные и общественные заметки // Дело. 1879. №3. С. 126-151.
 204. *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Вып. 1-4. Саратов: Типография Губернского земства, 1898-1902
 205. *Минх Г. Н.* Отчет об Астраханской эпидемии. Отдел I. Ветлянская эпидемия. М.: Типография М. П. Щепкина, 1881
 206. *Минх Г. Н.* Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–79 г.). В 2 Ч. Киев:

- Типография П. Барского, 1898
207. *Молешиотт Я.* Учение о пище. СПб.: Серно-Соловьевич, 1863
208. *Молотов А.* Гигиенические условия Киева // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №24. С. 489-490.
209. *Молоховец Е. И.* Подарок молодым хозяйкам. Курск: Типография Губернского правления, 1861
210. *Монен Э.* Гигиена красоты и косметические средства. СПб.: В. И. Губинский, 1887
211. *Московские бойни* // *Здоровье*. 1876. Т. 2. №39. С. 216.
212. *Мудров М. Я.* Краткое наставление о холере и способ, как предохранять себя от оной, как излечивать ее и как останавливать распространение оной. М.: Университетская типография, 1831
213. *Навроцкий И. А.* Новая полная поваренная книга, состоящая из 710 правил. М.: Типография Академии наук, 1786
214. *Наке А.* Судебная химия. М.: Редакция «Природы», 1874
215. *Наумов А. М.* О питательных веществах и о важнейших способах рационального их приготовления, сбережения и открытия в них примесей. СПб.: Торговый дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859
216. *Наумов А. М.* Экономическое значение примесей, вводимых в различного рода съестные припасы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860
217. *Нейдинг И. И.* Медицинские общества в России. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1897
218. *Некрасов Н. А.* Петербургские углы // *Физиология Петербурга*. М.: Наука, 1991. С. 93-111.
219. *Никольский Д. П.* Жилые помещения для рабочих на уральских золотых приисках и рудниках // *Журнал Общества охранения народного здравия*. 1892. №5. С. 470-473.
220. *Никольский Д. П.* Первая всероссийская гигиеническая выставка // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины*. 1893. Т. 20. №3. С. 99-103.
221. *Новейшие исследования и научная хроника гигиены* // *Здоровье*. 1878. Т. 4. №79. С. 16.
222. *Новиков И. А.* Золотые кресты. Мценск: Мценская городская библиотека им. И. А. Новикова, 2004
223. *Новосельский С. А.* О различиях в смертности городского и сельского населения

- Европейской России. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1911
224. О воспитании // Прибавление к «Московским ведомостям». 1783. №40, 43, 46, 50, 53, 56, 59, 60, 66, 70, 72, 74.
225. О влиянии весны на здоровье человека. СПб.: Типография С. Н. Бекенева, 1861
226. О гигиенической обстановке наших городов // Здоровье. 1879. Т. 5. №112. С. 193-195.
227. О необходимости санитарного надзора за прислугою // Здоровье. 1883. №46. С. 2-3.
228. О ночлежных приютах // Здоровье. 1880. Т. 6. №137. С. 217-218.
229. О преждевременном увядании женской красоты. М.: Типография Б. Бахметева, 1859
230. *Обер Э.* Гигиена нервных женщин. М.: А. И. Манухин, 1869
231. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад: Паровая типография К. М. Федорова, 1897
232. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1887 г.: Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора. Ташкент: Сыр-Дарьинский областной статистический комитет, 1889
233. Желательный, но далеко не идеальный контракт для найма квартиры // Здоровье. 1883. №32. С. 2-7.
234. *Одоевский В. Ф.* Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007
235. *Одоевцева И. В.* На берегах Невы. М.: Художественная литература, 1989
236. Описание экспонатов Компании писчебумажных фабрик в Лигате на Первой Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге 1893 г. Рига: [Б. и.], 1893
237. *Осинов Е. А.* Городские взгляды на земскую медицину. М.: Университетская типография, 1874
238. *Осинов Н. П.* Любопытный домоводец. СПб.: Типография Крылова с товарищи, 1792
239. *Осинов Н. П.* Новый и полный российский хозяйственный винокур, пивовар, медовар, водочный мастер, квасник, уксусник и погребщик. В 2 Ч. М.: Типография А. Решетникова, 1796
240. *Осинов Н. П.* Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха. СПб.: Типография Ф. Мейера, 1794
241. *Островский А. Н.* Пьесы. Л.: Лениздат, 1977
242. Отчет Медицинского департамента за 1877 год. СПб.: [Б. и.], 1878

243. Отчет о Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. в Санкт-Петербурге. СПб.: [Б. и.], 1871
244. Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве. В 6 Т. СПб.: [Б. и.], 1883-1884
245. Оценка лекарств. Устав аптекарский. Устав повивальным бабкам. Устав о должной плате медицинским чинам. СПб.: Императорская типография, 1789
246. Очерк III съезда Общества русских врачей // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Т. 2. №2. С. 70-89.
247. *П. П. Демократка* // Здоровье. 1884. №35. С. 424-426.
248. *П-ов В.* Причины болезней // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 1. Отд. III. С. 1-23.
249. *Павловская С.* Скоромный и постный стол. СПб.: [Б. и.], 1876
250. *Паллас П. С.* Описание и изображение российских произрастений. СПб.: Императорская типография, 1786
251. Парнасский щепетильник. СПб: Типография Морского кадетского корпуса, 1770
252. *Папшутин В. В.* Понятие о миазматических и контагиозных началах. Место, занимаемое чумой в ряду других заразных болезней // Сборник статей о чуме. Вып. 1. Казань: Типография Казанского Университета, 1879. С. 123-153.
253. *Пекен М.-Х.* Начальные основания деятельной врачебной науки. Ч. 1. СПб.: Типография Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, 1790
254. *Пекен Х.* Домашний лечебник. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1765
255. Первая Всероссийская гигиеническая выставка. Краткий очерк. СПб.: [Б. и.], 1894
256. *Перро К.* Сокращенный Витрувий. М.: Университетская типография, 1789
257. Петербургские очерки Ф. В. Булгарина. СПб.: Петрополис, 2010
258. *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии: Отчет за 1882-1883 годы. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1884
259. *Петров Я. В.* Начальные основания ботаники для преподаваний. СПб.: Императорская типография, 1815
260. *Пирогов Н. И.* Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и кавказской

- экспедиции. Дрезден: Типография Э. Блохмана и сына, 1866
261. *Пирогов Н. И.* Отчет о посещении военно-санитарных учреждений в Германии, Лотарингии и Эльзасе в 1870 году. СПб.: Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинах, 1871
262. *Пирогов Н. И.* Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877-1878 годов. В 2 Ч. СПб.: Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинах, 1879
263. *Пихлер И.-Ф.-Х.* Наставление сочинять рецепты. М.: Типография Пономарева, 1796
264. *Платон.* Собр. соч. В 4 Т. М.: Мысль, 1990-1994
265. Поваренная книга, содержащая в себе 1039 наставлений, в 15 отделениях, составленная Обществом опытных хозяек. М.: П. А. Ерофеев, 1847
266. Поваренное руководство: Роспись обедов на 7 дней. В 27 вып. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1893-1894
267. Поваренный календарь. В 6 Ч. СПб.: Типография И. Глазунова, 1808
268. *Подъяпольский П. П.* Чума в России. Саратов: Типография губернского земства, 1898
269. Положение о Всероссийской гигиенической выставке, устраиваемой с высочайшего соизволения Русским обществом охранения народного здоровья // Журнал Русского общества охранения народного здоровья. 1891. №1. С. 46-48.
270. *Поляк И.* Гигиеническая выставка в Лондоне. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1885
271. *Помяловский Н. Г.* Полн. собр. соч. В 2 Т. СПб.: Просвещение, 1903-1904
272. *Португалов В. О.* Вопросы общественной гигиены. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1873
273. *Португалов В. О.* Наши калькуттские пещеры // Здоровье. 1875. Т. 1. №29. С. 622-623; там же. 1875. Т. 1. №30. С. 653-655.
274. *Похитонова М.* Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. СПб.: Г. Гоппе, 1893
275. Правила учтивости. СПб.: Типография Морского шляхетского кадетского корпуса, 1779
276. Прибавление // Московский телеграф. 1825. №2.
277. Примечания к «Ведомостям». СПб.: Типография Академии наук, 1728-1742
278. Протоколы IV санитарного съезда земских врачей Санкт-Петербургской губернии

- 3-13 апреля 1885 года. Приложение 2 к протоколу 13 апреля. СПб.: Санкт-Петербургская губернская земская управа, 1885
279. Протоколы съезда земских врачей Таврической губернии 1873-1880 гг. Симферополь: Типография Спиро, 1881
280. *Прохоров П. Н.* О противугиенических обрядах при праздновании дня Прасковей-Пятницы в селе Ильяши, Ямбургского уезда Петербургской губернии // *Здоровье*. 1883. №41. С. 3-4.
281. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 Т. Л.: Наука, 1977-1979
282. *Пэви Ф. В.* Учение о пище в физиологическом и терапевтическом отношениях. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1876
283. *Равич И. И.* Курс учения о повальных и заразительных болезнях домашних животных. СПб.: Типография Я. Трея, 1866-1869
284. *Равич И. И.* Современное учение о заразе и миазме. СПб.: Типография Я. Трея, 1872
285. *Равич И. И.* Руководство к изучению патологии и терапии инфекционных и заразительных болезней домашних животных и ветеринарной полиции. СПб.: Типография Я. Трея, 1873
286. *Радаков А. Н.* Влияние на здоровье нечистого воздуха. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1876
287. *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. В 3 Т. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1938-1954
288. Разные известия // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №4. С. 82.
289. Раменская бумагопрядильная и ткацкая фабрика промышленного и торгового товарищества П. Малютина сыновей. М.: Типография И. Н. Кушнерева и Ко, 1893
290. *Распопов В.* Санитарное состояние Великолуцкого уезда (Псковской губернии) // *Здоровье*. 1879. Т. 5. №109. С. 133-135; там же. 1879. Т. 5. №110. С. 155-157; там же. 1879. Т. 5. №112. С. 201-203.
291. *Рафалович А. А.* Три статьи о чуме. Одесса: Франко-русская типография Л. Даникана, 1879
292. *Ределин М.* Дом и хозяйство. В 2 Т. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1895
293. *Рейс Ф. Ф.* Краткое наставление, как употреблять средство, надежно предохраняющее от прилипчивости горячки, моровой язвы и от всех заразительных болезней, случающихся между людьми и скотом. М.: Университетская типография,

1807

294. *Рейтлингер Л. Р.* К истории эпидемии в Ветлянке // Протоколы заседания общества русских врачей в Санкт-Петербурге. 1879-1880. №11. СПб.: Типография Я. Трея, 1879. С. 403-454.
295. *Рейтлингер Л. Р.* О тифозной эпидемии в Кавказской армии в 1877 и 1878 годах. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1879
296. *Ремизов А. М.* Кукха: Розановы письма. Берлин: З. И. Гржебин, 1923
297. *Рихтер Г.-Г.* Полная диететика. М.: Университетская типография, 1790
298. *Рост И. А.* Слово о вредном воздухе в жилищах особливо простого народа примечаемом: и о средствах удобных к поправлению онаго. М.: Типография Императорского Московского университета, 1772
299. *Рост Х.* Деревенский врачевник. М.: Университетская типография, 1793
300. *Рудинский Н. Д.* Записки земского врача. СПб.: Типолитография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1910
301. *Руссо Ж.-Ж.* Руссовы письма о ботанике. М.: Типография П. Бекетова, 1810
302. *Рюбель И.-Ф.* Полный и всеобщий лечебник. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1791
303. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. В 20 Т. М.: Художественная литература, 1965-1977
304. *Самойлович Д. С.* Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного. СПб.: Типография П. И. Богдановича, 1792
305. [С наступлением ноября...] // *Здоровье*. 1874. Т. 1. №3. С. 47-48.
306. *Сбережение от порчи хлеба, рыб, мяс, плодов и вообще всяких домашних съестных припасов.* М.: Типография И. Смирнова, 1837
307. *Сборник статей о чуме.* В 2 вып. Казань: Типография Казанского Университета, 1879
308. *Сведения о чумных эпидемиях в Персии и азиатской Турции с 1863 по февраль 1878 г., по официальным источникам // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике.* 1879. Т. 1. С. 194-212.
309. *Светлов О. П.* Светская благовоспитанная молодая женщина. В 2 Ч. М.: Типография И. Я. Полякова, 1898

310. *Светлов О. П.* Светский благовоспитанный молодой человек. В 2 Ч. М.: Г. Т. Бриллиантов, 1898
311. *Светозарская К.* Светский человек, изучивший свод законов общественных и светских приличий. СПб.: [Б. и.], 1880
312. *Святловский В. В.* О чуме у человека и о мерах против этой болезни. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1879
313. *Северянин Игорь.* Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М.: Наука, 2004
314. Сезонные болезни в Петербурге // *Здоровье.* 1883. №15. С. 7-8.
315. Секретный портфель для четырех мужчин и женщин, содержащий в себе четыре рода житейских потребностей. М.: Типография С. Орлова, 1862
316. *Семенов Д. Д.* Отечественное. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т. VI. Туркестанский край. М.: Книжный магазин наследников братьев Салаевых, 1887
317. *Серебренников А. Г.* Туркестанский край: Сб. материалов для истории его завоевания. В 22 Т. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1912-1915
318. *Серебренников П. Н.* Краткий очерк холерных эпидемий в России, Пермской губернии и г. Перми. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1892
319. *Симанский В. К.* Петербургские дачные местности в отношении их здоровости. СПб.: Типография В. В. Комарова, 1881
320. *Симоненко П. Ф.* Образцовая кухня. М.: И. Д. Сытин и К°, 1892
321. *Скворцов И. П.* Гигиена и цивилизация. Речь, читанная 27 августа 1873 года // Труды IV съезда русских естествоиспытателей в Казани, 20-30 августа 1873 года. Казань: [Б. и.], 1874-1875. С. 83-92.
322. *Скворцов И. П.* Обзор способов удаления из населенных мест нечистот // *Здоровье.* 1875. Т. 1. №15. С. 313-316; там же. 1875. Т. 1. №16. С. 331-336; там же. 1875. Т. 1. №17. С. 347-353.
323. *Скворцов И. П.* Основные вопросы народной гигиены. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1877
324. *Скворцов И. П.* Санитарный быт западноевропейских городов и Международная гигиеническая выставка в Брюсселе. Краткий отчет по заграничной поездке //

- Известия Императорского Казанского университета за 1877 год. Казань: [Б. и.], 1877. С. 96-154.
325. *Скворцов И. П.* Ветлянская эпидемия и вызванные ею санитарно-медицинские меры // Сборник статей о чуме. В 2 вып. Вып. 2. Казань: Типография Казанского Университета, 1879. С. 117–181.
326. *Скворцов И. П.* О заразных болезнях вообще и о чуме в частности с этиологической и санитарной точек зрения // Сборник статей о чуме. В 2 вып. Вып. 1. Казань: Типография Казанского Университета, 1879. С. 77-108.
327. *Скворцов И. П.* Очерк санитарных мер в виду и во время эпидемии // Сборник статей о чуме. В 2 вып. Вып. 2. Казань: Типография Казанского Университета, 1879. С. 15-30.
328. *Скворцов И. П.* Взгляды Н. И. Пирогова на гигиену и военно-санитарное дело. Казань: Типография Казанского Университета, 1881
329. *Скворцов И. П.* Общепонятная гигиена. СПб.: К. Риккер, 1881
330. *Скворцов И. П.* Гигиена на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года в Москве. Варшава: [Б. и.], 1883
331. *Скворцов И. П.* Материалы для гигиены в России. В 3 Ч. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1884
332. *Слюнин Н.* Разные известия // Здоровье. 1882. Т. 9. №171. С. 280-293.
333. *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989
334. *Смоленский П. О.* Об угольной кислоте почвенного воздуха. Материалы для гигиены Красносельского лагеря. Дис. д. мед. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880
335. *Смоленский П. О.* Исследование воздуха одного караульного домика близ Санкт-Петербурга / Сообщено в Русском Обществе охранения народного здравия. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1882
336. *Смоленский П. О.* Письма из-за границы. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1882
337. *Смоленский П. О.* О задачах и деятельности санитарных обществ Англии и Франции, в особенности по популяризации гигиены. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1883
338. *Смоленский П. О.* Краткие заметки о дезинфекции. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1889
339. *Смоленский П. О.* О тряпичном промысле в санитарном отношении. СПб.: Яблонский и Перотт, 1890

340. *Смоленский П. О.* Простейшие и общедоступные способы исследования и оценки доброкачественности съестных припасов, напитков, воздуха, воды, жилищ и проч. СПб.: Типография Э. Арнольда, 1892
341. *Соболевич.* Поваренное и кондитерское руководство для молодых хозяек. В 4 Ч. М.: Типография М. П. Погодина, 1871
342. [Советы, рецепты и указания] // *Здоровье.* 1884. №24. С. 301-302.
343. *Соловьев Н. И.* Москва и Петербург в санитарном отношении // *Русский вестник.* 1871. Март. С. 153-179.
344. *Сологуб Ф.* Собрание сочинений Федора Сологуба. В 12 Т. СПб.: Шиповник, 1909-1912
345. *Соломон О.* Замечания о холере, поразившей Астрахань в июле 1830 года. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1830
346. [Сообщение санитарного врача Туркестанской области] // *Здоровье.* Т. 2. 1876. №37. С. 162.
347. Способ мгновенного уничтожения на кухне вредного зловонного запаха, а равно чистка посуды и вообще уничтожение всякой заразы. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1881
348. *Стабровский И. С.* К вопросу о санитарном состоянии Астраханских рыбных промыслов // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины.* 1889. Т. 4. №3. С. 125-148.
349. *Стафф Б.* Что должно знать каждой женщине. М.: Типография В. П. Быкова, 1912
350. *Степанов Г.* Семейная общепонятная поваренная, кондитерская и хозяйственная книга. В 5 Ч. М.: Типография Ведомства московской городской полиции, 1857
351. *Стерлигова А. В.* Воспоминания // *Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц.* М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 69-126.
352. *Столыпин П. А.* Речь о необходимости издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы, произнесенная в Государственной Думе 11 января 1911 года // *Столыпин П. А. Избранное: Речи. Записки. Письма.* М.: РОССПЭН, 2010
353. *Страхович И. В.* Чума Астраханского края, ее эпидемиология и обзор мероприятий СПб.: Типография Морского министерства, 1906
354. *Суков Г.-А.* Экономическая ботаника. СПб.: Императорская Академия наук, 1804

355. *Сумароков П. П.* Источник здоровья. М.: Университетская типография, 1800
356. *Т. К.* Санитарное положение Воронежа // *Здоровье*. 1875. Т. 1. №18. С. 361-362; там же. 1875. Т. 1. №19. С. 379-382.
357. *Терентьев М. А.* Туркестан и туркестанцы // *Вестник Европы*. 1875. Кн. 9. С. 65-112; там же. 1875. Кн. 10. С. 499-529; там же. 1875. Кн. 11. С. 142-172.
358. *Тереховский М. М.* Польза, которую растения смертным приносят. СПб.: Типография Государственной медицинской коллегии, 1796
359. *Теряев А. М.* Начальные основания ботанической философии. СПб.: Императорская Академия наук, 1809
360. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 22 Т. М.: Художественная литература, 1978-1985
361. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. В 100 Т. М.: Наука, 2000—
362. Торговая полиция у нас и за границей // *Здоровье*. 1877. Т. 3. №59. С. 107.
363. *Третьяковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами так и прозой Василья Третьяковского. В 2 Т. СПб.: Императорская Академия наук, 1752
364. *Трусколявский Ц. Ф.* К вопросу о загрязнении скорбных листов и книг в больницах микроорганизмами. Дис. д. мед. СПб.: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1894
365. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 Т. М.: Наука, 1978-1986
366. *Уле О.* Химия кухни. В 3 Ч. СПб.: Ковалевский, 1865-1867
367. *Ульянов Ф. А.* Города на Всероссийской гигиенической выставке. Минск: Типография И. Каплана, 1913
368. *Успенский Л. В.* Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970
369. Устав для фармацевтов, материалистов и купцов; для аптек, складов и лавок с аптечными материалами и красками. В 3 Ч. Варшава: Б. Москва, 1839
370. *Фавр В. В.* Кое-что из санитарной обстановки крестьян Боровичского уезда Новгородской губернии // *Здоровье*. 1878. Т. 4. №87. С. 186-188; там же. 1878. Т. 4. №88. С. 205-207; там же. 1878. Т. 4. №89. С. 224-226; там же. 1878. Т. 4. №90. С. 248-251; там же. 1878. Т. 4. №91. С. 262-263.
371. *Фавр В. В.* Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении. Харьков: Печатня С. П. Яковлева, 1903
372. [Фельетон] // *Здоровье*. 1884. №9. С. 130-132.
373. *Феофраст.* Исследование о растениях. М.: Издательство АН СССР, 1951

374. *Фет А. А.* Из деревни // Литературная библиотека. 1868. № 2. С. 90-124. Режим доступа: http://dugward.ru/library/fet/fet_iz_derevni_1868.html
375. *Флюгге К.* Руководство к гигиеническим способам исследования. В 4 вып. СПб.: Типография Б. Н. Янпольского, 1881-1882
376. *Форш О. Д.* Одеты камнем. Современники. Л.: Художественная литература, 1983
377. *Фракасторо Дж.* О контагии, контагиозных болезнях и лечении. М.: Издательство АН СССР, 1951
378. *Харузин А. Н.* Степные очерки. М.: А. А. Левенсон, 1888
379. *Харузина В. Н.* Прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 1999
380. *Ходасевич В. Ф.* Избранная проза. В 2 Т. Нью-Йорк: Серебряный век, 1980
381. *Ходнев А. И.* Химическая часть товароведения. Напитки и съестные припасы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1859
382. *Ходнев А. И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1865
383. *Ходнев Л.* Власть человека над болезнями. М.: Ф. К. Иогансон, 1877
384. Хороший тон: Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной. СПб.: Г. Гоппе, 1885
385. *Цветаева М. И.* Собр. соч. в 7 Т. М.: Эллис Лак, 1994
386. *Цылов Н. Н.* О выборе дачных местностей // Здоровье. 1883. №16. С. 3-5; там же. 1883. №18. С. 4-7; там же. 1883. №19. С. 5-7; там же. 1883. №22. С. 5-8; там же. 1883. №23. С. 5-6; там же. 1883. №24. С. 5-7; там же. №25. С. 4-5.
387. *Черепнин Н. П.* Чума в СПб в 1879 году // Исторический вестник. 1904. Т. 95. №3. С. 935-945.
388. *Чехов Ал. П.* Из детских лет А. П. Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1960. С. 29-75.
389. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 Т. М.: Наука, 1974-1983
390. *Чорбин С. Т.* Рыбные ватаги Астраханской губернии в промысловом и гигиеническом отношениях // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. III. С. 1-16.
391. Что такое чума и чем нам спастись. Наставление народное и общедоступное. СПб.: [Б. и.], 1879

392. *Чудновский Ю. Т.* Предохранительные меры от чумы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1879
393. *Чулков М. Д.* Сельский лечебник. В 7 вып. М.: Типография Пономарева, 1789-1805
394. Чума и наши нравы // Вестник Европы. 1879. Кн. 3. С. 373-376.
395. Чума и предохранительные меры против нее. Для народного чтения. Кострома: Типография Андроникова, 1879
396. *Шмелев М. Н.* О сожигании трупов // Здоровье. 1875. Т. 1. № 12. С. 255–262.
397. *Шрейбер И.-Ф.* Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних. В 2 Ч. СПб.: Типография Морского кадетского шляхетского корпуса, 1781
398. *Щеглов Н. П.* Хозяйственная ботаника. В 2 Ч. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1828
399. *Щеглов Н. П.* Наставление о приготовлении хлористых соединений и употреблении оных для очищения от заразительных веществ и беления. СПб.: Издано иждивением Вольного экономического общества, 1829
400. *Щеглов Н. П.* Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. СПб.: Издано иждивением Вольного экономического общества, 1830
401. *Щербаков А. Я.* О значении дезинфекции и некоторых дезинфицирующих средств // Сборник статей о чуме. В 2 вып. Вып. 2. Казань: Типография Казанского Университета, 1879. С. 31-53.
402. *Щепотьев Н. К.* Материал для изучения астраханской лихорадки. Читано в заседании Казанского Общества врачей 28 марта 1883 года. Казань: Типография Казанского университета, 1883
403. *Щепотьев Н. К.* Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии. Казань: Типография Казанского университета, 1884
404. *Щигровская Г. М. [Бурнашева С. П.]* Наставление о том, как мыть, чистить и вообще содержать белье и разные другие предметы женского гардероба и туалета. СПб.: Типография Главного штаба по военно-учебным заведениям, 1859
405. *Эйдам В.* Сохранение здоровья: Общая гигиена в применении к обыденной жизни. СПб.: Типография И. Г. Салова, 1891
406. *Эрисман Ф. Ф.* Настоящее состояние в санитарном отношении домов кн. Вяземского

- в Петербурге в марте 1871 г. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. III. С. 45-78.
407. *Эрисман Ф. Ф.* Подвальные жилища в Петербурге // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 3. Отд. III. С. 37-85; там же. Кн. 4. Отд. III. С. 1-56.
408. *Эрисман Ф. Ф.* Курс гигиены. В 3 Т. М.: Типография А. А. Карцева, 1887-1888
409. *Юрьев, Владимирский.* Правила светской жизни и этикета. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1889
410. *Яценков Н. М.* Новейшая и полная поваренная книга. В 2 Ч. (с прибавлением Ч. 3). М.: Университетская типография В. Огорокова, 1790-1791
411. *Bacheracht H.* Pharmacopoea navalis Rossica. Petropoli: S. n., 1784
412. *Bauhin C.* Catalogus plantarum circa Basileam sponte nascentium. Basilea: typis Johan. Jacobi Genathii, 1622
413. *Bell J.* The Analysis and Adulteration of Foods. London: Chapman and Hall, 1881
414. *Bulliard J.-F.-P.* Flora Parisiensis. 6 Т. Paris: Didot le Jeune, 1776-1780
415. *Bulliard J.-F.-P.* Herbarium de la France. 9 Т. Paris: Didot le Jeune, 1780-1793
416. *Cardelli P. [Duval H.]* Manuel du cuisinier et de la cuisinière, à l'usage de la ville et de la campagne. Paris: Roret, 1833
417. Choléra morbus // Archives générales de médecine. 1831. Vol. 25. P. 570-571.
418. *Furetière A.* Dictionnaire universel. 2 vols. Vol. 1. La Haye, Rotterdam: Arnout & Reinier Leers, 1690
419. *Gacon-Dufour M.-A.-J.* Manuel du parfumeur. Paris: Roret, 1825
420. *Hawkins B. F.* History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia. London: John Murray, 1831
421. *Lamarck J.-B.-P.-A.* Philosophia zoologiae. 2 Т. Paris: Dentu, 1809
422. *Linnaeus C.* Systema naturae per regna tria naturae. Ed. XII. Holmiae: Laurentii Salvii, 1767
423. Nouveau Dictionnaire de l'Académie Française. 2 vols. Paris: Jean-Baptiste Coignard, 1718
424. *Oesterlen F.* Die Seuchen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung. Tübingen: Laupp, 1873
425. Pharmacopoea castrensis. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1765, 1779

426. Pharmacopoea Rossica. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1778, 1782, 1798
427. *Plaigne Chevalier de*. L' art d'améliorer et de conserver les vins. Paris: Lamy, 1781
428. *Stahl G. E.* Zymotechnia fundamentalis theoria generalis. Halle: Typis&sumptibus Christoph. Salfeldii, 1697
429. *Syreński S.* Zielnik Herbarzem z ięzyka Łacinskiego zowią. Kraków: S. n., 1613
430. *Tardieu A.* Etude médico-légale sur les maladies produites accidentellement ou involontairement par imprudence, négligence ou transmission contagieuse. Paris: J.-B. Baillière et fils, 1879
431. *Tournefort J. P.* Institutiones rei herbariae. 2 T. Parisiis: E Typographia Regia, 1700
432. *Tournefort J. P.* Histoire des plantes qui naissent aux environs de Paris, avec leur usage dans la médecine. 2 vols. Paris: S. n., 1725
433. *Walker*. Report on the Cholera in Russia, addressed to the British Government // *Hawkins B. F.* History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia. London: John Murray, 1831. P. 247-256.
434. *Zuber C.* La peste du gouvernement d'Astrakhan en 1878-1879 // Recueil des travaux. Comité consultatif d'hygiène publique de France. Vol. 9. Paris, 1880. P. 87–167.

Исследования

1. *Азадовский К. М.* Путь Александра Добролюбова // Ученые записки Тартуского Государственного университета. Вып. 458 (Блоковский сборник. №3). Тарту, 1979. С. 121-146.
2. *Арутюнов Ю. А.* Земская медицина в Московской губернии во второй половине XIX-начале XX в. : Автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2000
3. *Афанасьева А. Э.* История медицины как междисциплинарное исследовательское поле // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. Сб. ст. / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 419-437.
4. *Афанасьева А. Э.* «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // *Ab Imperio*. 2008. №4. С. 113-150.
5. *Баренбаум И. Е.* Французская переводная книга в России в XVIII веке. М.: Наука, 2006
6. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода

- императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004
7. *Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII-середины XIX веков. СПб.: Алетейя, 2010
 8. *Белова О. В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). Дис. ... д. филол. н. М., 2006
 9. *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972
 10. *Блок М.* Феодалное общество. М.: Издательство Сабашниковых, 2003
 11. *Богданов И. А.* Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007
 12. *Богданов К. А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001
 13. *Богданов К. А.* «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века: (анти)эстетика как мораль // Ароматы и запахи в культуре: В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 101-133.
 14. *Богданов К. А.* Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII-XIX веков. М.: ОГИ, 2005
 15. *Богданов К. А.* Преждевременные похороны: филантропы, беллетристы, визионеры // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М.: Новое издательство, 2006. С. 55-80.
 16. *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI-XVII вв.: Источники для изучения истории русской медицины. М.: Медгиз, 1960
 17. *Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбама, М. Хагнера, И. Сироткиной.* СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2008
 18. *Брысина Е. В.* Карта ЛСЛ 130. Общее название душистой травы / Пробные карты лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования — 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 436-444.
 19. *Вайндрах Г. М.* Подвиги русских врачей. Из истории борьбы с заразными болезнями. М.: Издательство АН СССР, 1959
 20. *Вайнштейн О. Б.* Историческая ароматика: одеколон и пачули // Ароматы и запахи в

- культуре. В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 1. С.437-462.
21. *Вайнштейн О. Б.* Семиотика Шанель №5 // Ароматы и запахи в культуре. В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 352-366.
 22. *Вайнштейн О. Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006
 23. *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России: Материалы и очерки. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960
 24. *Велижев М. Б.* Цивилизация и средний класс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 Т. / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 249-293.
 25. *Вигарелло Ж.* Искусство привлекательности: История телесной красоты от Ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013
 26. *Визе В. Ю.* Моря российской Арктики. В 2 Т. М.: Paulsen; Европейские издания, 2008
 27. *Вишленкова Е. А.* Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России 1830-1840-х годов // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 170-200.
 28. *Вишленкова Е. А.* Рождение профессии: социальная история российской медицины XIX века. Доклад, прочитанный на совместном семинаре ИГИТИ имени А. В. Полетаева и Школы исторических наук НИУ ВШЭ, 2 сентября 2015 года. Режим доступа: <http://igiti.hse.ru/news/157558280.html>.
 29. *Вишленкова Е. А., Ильина К. А.* Об ученых степенях, и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. Т. 122. № 4. С. 84-107.
 30. *Вишленкова Е. А., Гатина З. С.* «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 154-169.
 31. *Волков В. В.* Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской Империи. Дис. ... канд. соц. н. Кембридж, 1995
 32. *Гаспаров М. Л.* Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 307-315.
 33. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис, 2011
 34. *Голицына О. Ю.* Медицина в культуре России XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист.

- н. Волгоград, 2009
35. *Громбах С. М.* Русская медицинская литература XVIII века. М.: Издательство АМН СССР, 1953
 36. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993
 37. *Давлетшин А. И.* Как должна была пахнуть женщина? Еще один широко распространенный мифологический мотив // Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня. Сб. ст. в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С. 63-68.
 38. *Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: Новое литературное обозрение, 2003
 39. *Долинин А. А.* Гибель Запада: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис», 2010. С. 26-76.
 40. *Дуглас М.* Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс, 2000
 41. *Жирицкая Е.* Легкое дыхание: Запах как культурная репрессия в российском обществе 1917-1930-х гг. // Ароматы и запахи в культуре. В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 167-270.
 42. *Заблудовский П. Е.* Учение о заразных болезнях и книга Фракасторо // *Фракасторо Дж.* О контагии, контагиозных болезнях и лечении. М.: Издательство АН СССР, 1951
 43. *Захарьин Д.* Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Россия / Russia. 1999. №3 (11). С. 57-70.
 44. *Захарьин Д.* Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи в культуре: В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 280-308.
 45. *Змеев Л. Ф.* Наши первые карантинные не там, где их искали. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888
 46. *Змеев Л. Ф.* Русские учебники: Исследование в области нашей древней учебной письменности. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1895
 47. *Ипполитова А. Б.* Русские рукописные травники XVII-XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008
 48. *Исаченко Т. М.* Из истории Государевой аптеки (неизвестные автографы

- Холмогорского архиепископа Афанасия) / Доклад, прочитанный на VII Иоанновских чтениях, 1-5 ноября 2005 года, Архангельск-Северодвинск-Новодвинск-Сийский монастырь. Режим доступа: <http://siya.aonb.ru/index.php?num=1852>.
49. *Истомина С. Ю.* Земское здравоохранение в Тамбовской губернии (1864-1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Тамбов, 2003
50. *Итунина А. Л.* Формирование ботанической терминологии в языке русской науки XVIII-первой четверти XIX века. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Смоленск, 1999
51. *Кабакова Г. И.* Запахи в традиционной русской культуре // Живая старина. 1997. №1. С. 36-38.
52. *Кабакова Г. И.* Запах // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 Т. М.: Международные отношения, 1995-2012. Т. 2. М., 1999. С. 266-269.
53. *Кабакова Г. И.* Запах смерти // Славяноведение. 2000. №6. С. 21-25.
54. *Карпов Л. Н.* Земская санитарная организация в России. Л.: Медицина, 1964
55. *Кириченко Е. И.* Жилая застройка Санкт-Петербурга эпохи классицизма и ее влияние на развитие архитектуры // Архитектурное наследство. 1967. №16. С. 81-95.
56. *Курсанова Р. М.* Аромат родного дома и запах счастья // Ароматы и запахи в культуре: В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 270-279.
57. *Клеман М. К.* Эмиль Золя в России // Литературное наследство. Т. 2. М.: Журнально-газетное объединение, 1932. С. 235-248.
58. *Ключевич А. С.* Из истории материальной культуры и народного хозяйства России: Моющие средства, переработка жиров с древнейших времен по 1917 год. Казань: Издательство Казанского университета, 1971
59. *Козубовская Г. П.* Середина века: Миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2008
60. *Кожаринов В. В.* Русская парфюмерия. М.: Советский спорт, 1998
61. *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009
62. *Корсун В. П.* Развитие земской медицины и ветеринарии в конце XIX-начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Иваново, 2007
63. *Кузьмин В. Ю.* Становление и развитие земской медицины во второй половине XIX-начале XX вв (по материалам Среднего Поволжья). Автореф. дис. ... канд. ист. н.

Самара, 1997

64. *Кунките М. И.* К вопросу о борьбе со слюнявливанием пальцев и плеванием в общественных местах: по материалам специализированной прессы руб. XIX-XX вв. Доклад, прочитанный на семинаре «История медицины, здравоохранения и благотворительности» 4 октября 2012 года, Российская национальная библиотека, Музей истории сестринского дела в Петербурге
65. *Куприянов А. В.* Развитие принципов систематики в XVII-XVIII веках. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2005
66. *Кушлина О. Б.* Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001
67. *Лазарев А.* Робер Мандру и судьба исторической психологии Люсьена Февра // *Мандру Р.* Франция раннего Нового времени. 1500-1640. Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010
68. *Латин В. В.* Петербург: запахи и звуки. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007
69. *Латур Б.* Пастер: война и мир микробов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015
70. *Левит М. М.* Становление общественной медицины в России. М.: Медицина, 1974
71. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2007
72. *Лелина Е. И.* Русский отдел на Первой международной гигиенической выставке 1876 года в Брюсселе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2006. №4. С. 103-107.
73. *Лехциер В. Л.* Эффекты медиализации и апология патоса // Топос. 2006. №1 (12). С. 114-126.
74. *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982
75. *Лотман Ю. М.* Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Труды по знаковым системам. 1969. Вып. 4. С. 206-238.
76. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. В 3 Т. Таллин: Александра, 1992
77. *Лотова Е. И.* Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1962

78. *Лярская Е. В.* «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундровиках // Антропологический форум. 2006. №5. С. 242-258.
79. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: Становление человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2003.
80. *Макшейн К., Тарр Д. А.* Роль лошади в американском городе XIX века // Человек и природа: экологическая история / Под ред. Д. А. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. А. Лайус. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 285-324.
81. *Малинова О. Ю.* Образы «Запада» и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX века // Космополис. 2005. № 2 (12). С. 38-59.
82. *Малинова-Тзиафета О. Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860-1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013
83. *Манкевич И. А.* Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. СПб.: Алетейя, 2011
84. *Манкевич И. А.* Повседневный Пушкин. Поэтика обыкновенного в житнетворчестве русского гения. Костюм. Застолье. Ароматы и запахи. СПб.: Алетейя, 2013
85. *Манкевич И. А.* «Русский дух»: репрезентация повседневности в ольфакторных текстах русской культуры. СПб.: Алетейя, 2013
86. *Матич О. Б.* «Рассечение трупов» и «срывание покровов» как культурные метафоры // Новое литературное обозрение. 1993. №6. С. 139-150.
87. Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования / Под ред. Л. А. Булгаковой. СПб.: Нестор-История, 2011
88. *Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К.* История медицины. М.: Госиздат, 1925
89. *Мертен С.* Поэтика медицины: От физиологии к психологии в раннем русском реализме // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М.: Новое издательство, 2006. С. 103-122.
90. *Назаров В. В.* Деятельность земских учреждений в области здравоохранения в 60-е годы XIX-начале XX веков (по материалам Саратовской губернии). Автореф. дис. ...

канд. ист. н. Саратов, 2003

91. *Нащокина М. В.* Русские усадьбы эпохи символизма // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 4 (20). М.: Жираф, 1998. С. 316-345.
92. *Невский С. А., Сычев Е. А., Аганесов Д. Е.* Из истории кадровой работы в полиции в Российской империи в конце XIX-начале XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №2. С. 369-376.
93. *Никитина А. В.* Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX-начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Уфа, 2009
94. *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI-XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008
95. *Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В.* Русская земская медицина: Обзор развития земской медицины в России вообще и отдельно в Московской губернии с кратким статистическим очерком страны и ее санитарного состояния. М.: Правление Общества русских врачей, Печатня С. П. Яковлева, 1899
96. *Павлова М. М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К.Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007
97. *Петров Б. Д.* Медико-топографические описания в России (до 1861 г.) // Советское здравоохранение. 1960. №1. С. 46-52.
98. *Пироговская М. М.* Парфюмерный код в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» (опыт комментария) // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной конференции, Пушкинский Дом. СПб.: Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2010. С. 354-369.
99. *Пироговская М. М.* Ветлянская чума 1878-1879 гг.: Санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // Антропологический Форум. 2012. №17. С. 198-229.
100. *Пироговская М. М.* От *materia medica* до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря // Новое литературное обозрение. 2013. №123. С. 144-164.
101. *Поляков П. В.* Медицинская интеллигенция Тульской губернии (1864-1900 гг.) . Автореф. дис. ... канд. ист. н. Тула, 2005
102. *Поткина И. В.* Социальная политика Морозовых: Никольская мануфактура (60-е гг.

- XIX — начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 25-61.
103. *Портер Р.* Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2008. С. 41-72.
104. *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2009
105. *Рогачева Н. А.* Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010
106. *Рогачева Н. А.* Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха. Автореф. дис. ... д. филол. наук. Екатеринбург, 2011
107. *Романов Н. А.* Русская анатомическая терминология XVIII века. Смоленск: САУ, 1997
108. *Самарин А. Ю.* Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). Дис. ... д. филол. наук. М., 2002
109. *Сергеенко М. Е.* Феофраст и его ботанические сочинения // *Феофраст.* Исследование о растениях. М.: Издательство АН СССР, 1951
110. *Сердюк А. М.* Запах как мотивационный признак названий растений в первичном и вторичном семиозисе // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 239-240.
111. *Серто М. де.* Изобретение повседневности. Т. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013
112. *Сикорская Л. Н.* Синонимические средства выражения в сфере русской ботанической терминологии конца XVIII-первой половины XIX века // Лексическая и синтаксическая синонимия. Смоленск: СГПИ, 1989. С. 33-43.
113. *Соболь С. Л.* История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949
114. *Сокольский И. Н., Цицилин А. Н.* Аптекарский огород госпиталя // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения отечеству. В 2 Т. Т. 1. Кн. 1. М.: Эко-

- Пресс, 2010. С. 117-126.
115. *Сорокин Ю. С.* Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения (Термин растение и его синонимы) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 3. С. 218-225.
116. *Старенченко Ю. Л.* Деятельность земских учреждений Санкт-Петербургской губернии по созданию начал общественной медицины (1857-1880 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. н. СПб., 1997
117. *Страшун И. Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями (1907-1917 гг.). М.: Медицина, 1964
118. *Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С.* Очерки истории чумы: В 2 Т. М.: Вузовская книга, 2006
119. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М.: Издательство Товарищества типографии А. И. Мамонтова, 1902
120. *Трахтенберг Д.* Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М., Иерусалим: Гешарим, 1998
121. *Успенский Б. А.* Антиповедение в культуре Древней Руси // *Успенский Б. А.* Избранные труды. В 3 Т. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 320-332.
122. *Фарино Е.* Запах // *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 333-342.
123. *Февр Л.* Чувствительность и история: как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого // *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 109-125.
124. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994
125. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997
126. *Фуко М.* Рождение клиники: Археология врачебного взгляда. М.: Смысл, 1998
127. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 1999
128. *Хабермас Ю.* Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. №3. С. 37-60.
129. *Хомякова Е. Ю.* Русская химическая терминология XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984
130. Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008

131. *Цявловский М. А.* Пушкин и графиня Д. Фикельмон // *Голос минувшего.* 1922. №2. С. 108-123.
132. *Чистович Я. А.* Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб.: Типография Я. Трея, 1870
133. *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. СПб.: Типография Я. Трея, 1883
134. *Шарафадина К. И.* Игра «во вкусе госо» в мадригале Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814) // *Русская литература.* 2001. №4. С. 118-141.
135. *Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И.* История медицины: актуальные тенденции и перспективы // *Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной.* СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2008. С. 8-40.
136. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.-СПб.: Университетская книга, 2001
137. *Юрков С. Е.* Антиповедение — гротеск — антимир // *Юрков С. Е.* Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб.: Летний сад, 2003. С. 15-35.
138. *Юхнева Е. Д.* Петербургские доходные дома: очерки из истории быта. М.-СПб.: Центрполиграф, 2012
139. *Ackerknecht E. H.* Anticontagionism Between 1821 and 1867 // *Bulletin of the History of Medicine.* 1948. No. 22. P. 562–593.
140. *Afanasyeva A.* Quarantines and Copper Amulets: The Struggle Against Cholera in the Kazakh Steppe in the Nineteenth Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas,* 2013. Vol. 61 (4). P. 489-512.
141. *Almagor U.* The Cycle and Stagnation of Smells: Pastoralists-Fishermen Relationships in an East African Society // *Res: Anthropology and Aesthetics.* 1987. Vol. 13. P. 106-121.
142. *Arnold D.* Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth Century India. Berkeley, London: University of California Press, 1993
143. *Baldwin P.* Contagion and the State in Europe, 1830-1930. Cambridge: Cambridge University Press, 1999
144. *Barnes D. S.* The Great Stink of Paris and the Nineteenth century Struggle against Filth and

- Germes. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006
145. *Bater J. H.* St. Petersburg: Industrialization and Change. London: Arnold, 1976
146. *Bauman Z.* The Sweet Scent of Decomposition // Forget Baudrillard? Ed. by Ch. Rojek, B. S. Turner. London: Routledge, 1993. P. 22-46.
147. *Baxandall M.* Painting and Experience in Fifteenth-Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style. Oxford: Clarendon Press, 1972
148. *Becker E. M.* Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts // Law and History Review. 1999. Vol. 17. No. 1. P. 1-26.
149. *Benedict B.* The Anthropology of World's Fairs // The Anthropology of World's Fairs: San-Francisco's Panama-Pacific International Exposition. Ed. by B. Benedict. Berkeley: Lowie Museum of Anthropology; London: Scolar Press, 1983
150. *Bensaude-Vincent B.* A Geographical History of the 18th century Chemistry // Lavoisier in European Context: Negotiating a New Language for Chemistry. Ed. by B. Bensaude-Vincent, F. Abbri F. Canton, Mass.: Science History Publications, 1995
151. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Identity in late-Imperial Russia. Ed. by E. Clowes, S. Cassow, J. West. Princeton: Princeton University Press, 1991
152. *Blum J.* The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton: Princeton University Press, 1978
153. *Bourdelaïs P.* La construction de la notion de contagion: entre médecine et société // Communications. 1998. No. 66. P. 21-39.
154. *Briggs A.* Cholera and Society in the Nineteenth Century // Past and Present. 1961. No. 19. P. 76-96.
155. *Briot E.* De l'Eau Impériale aux Violettes du Czar: Le jeu social des élégances olfactives dans le Paris du XIXe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2008. Vol. 55. No. 1. P. 28-49.
156. *Briot E.* From Industry to Luxury: French Perfume in the Nineteenth Century // Business History Review. 2011. Vol. 85. No. 2. P. 273-294.
157. *Brower D. R.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850-1900. Berkeley: University of California Press, 1990
158. *Bunle H., Lévy C.* Histoire et chronologie des réunions et congrès internationaux sur la population // Population. 1954. No. 1. P. 34-35.

159. *Burke P.* What is Cultural History? Cambridge: Polity Press, 2008
160. *Burnett J.* Plenty and Want: A Social History of Diet in England from 1815 to the Present Day. Harmondsworth: Penguin, 1968
161. *Bynum W. F.* Policing Hearts of Darkness: Aspects of the International Sanitary Conferences // History and Philosophy of the Life Sciences. 1993. No. 15. P. 421-434.
162. *Cabanès J.-L.* Le corps et la maladie dans les récits réalistes (1856-1893). 2 vols. Paris: Klincksieck, 1991
163. *Canguilhem G.* Essai sur quelques problèmes concernant le normal et le pathologique. Paris: Les Belles Lettres, 1950
164. *Classen C.* Sweet Colors, Fragrant Songs: Sensory Models of the Andes and the Amazon // American Ethnologist. 1990. Vol. 17. No. 4. P. 722-735.
165. *Classen C.* Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures. London, NY: Routledge, 1993
166. *Classen C.* Foundations for an Anthropology of the Senses // International Social Science Journal. 1997. Vol. 49. No. 153. P. 401-412.
167. *Classen C., Howes D., Synnott A.* Aroma: The Cultural History of Smell. London, NY: Routledge, 2004
168. *Cockayne E.* Hubbub: Filth, Noise and Stench in England, 1600-1770. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2007
169. *Collart M.* Climat et Maladies: les Tables Nîmoises du Docteur Razoux. Доклад, прочитанный на XIV международном конгрессе по исследованию XVIII века 27 июля 2015 года, Университет Эразма, Роттердам. Режим доступа: <https://isecs2015.files.wordpress.com/2014/10/150726-isecs2015-1-abstracts-monday1.pdf>.
170. *Conrad P., Schneider J. W.* Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness. St. Louis: Mosby, 1980
171. *Corbin A.* Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Aubier Montaigne, 1982
172. *Corbin A.* The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986
173. *Corbin A.* Histoire et anthropologie sensorielle // Anthropologie et Sociétés. 1990. Vol. 14. No. 2. P. 13-24.

174. *Craik F. I. M., Lockhart R. S.* Levels of Processing: A Framework for Memory Research // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1972. Vol. 11. No. 6. P. 671-684.
175. *Crosland M. P.* Historical Studies in the Language of Chemistry. London: Heinemann, 1962
176. *Csergo J.* Liberté, Égalité, Propreté: La morale de l'hygiène au XIXe siècle. Paris: Albin Michel, 1988
177. Cultures of Neurasthenia: From Beard to the First World War. Ed. by M. Gijswijt-Hofstra, R. Porter. Amsterdam: Rodopi, 2001
178. *Curtis V.* Don't Look, Don't Touch, Don't Eat: The Science behind Revulsion. Oxford: Oxford University Press, 2013
179. *Dagognet F.* La raison et les remèdes. Essai sur l'imaginaire et le réel dans la thérapeutique contemporaine. Paris: Presses universitaires de France, 1964
180. *Dhombres J., Dhombres N.* Naissance d'un pouvoir : sciences et savants en France, 1793-1824. Paris: Payot, 1989
181. *Dobson M. J.* Contours of Death and Disease in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1997
182. *Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. London: Routledge & Kegan Paul, 1970
183. *Douglas M., Isherwood B.* The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption. London, New York: Routledge, 2002
184. *Ducos J.* L'air corrompu dans les traités de peste // Air, miasmes et contagion: Les épidémies dans l'Antiquité et au Moyen Âge. / Sous la dir. de S. Bazu-Tacchella, D. Quérueil, É. Samama. Langres: Dominique Guéniot, 2001. P. 87-104.
185. *Dupire M.* Des goûts et des odeurs: classifications et universaux // L'Homme. 1987. Vol. 27. No. 104. P. 5-25.
186. *Eggen T.* Odor, Sensation and Memory. Praeger: NY, 1991
187. *Evans R. J.* Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830-1910. Oxford: Clarendon Press, 1987
188. *Febvre L.* Le Problème de l'incroyance au XVIe: La religion de Rabelais. Paris: Albin Michel, 1942
189. *Febvre L.* The Problem of Unbelief in the Sixteenth Century: The Religion of Rabelais.

- Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985
190. *Feld S.* Sound as a Symbolic System: The Kaluli Drum // *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses*. Ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 79-99.
191. *Fernandez A.* Des villes sans odeurs? Représentations de l'urbanité au XXème siècle // *Odeurs et parfums. Actes du 121e congrès national des sociétés historiques et scientifiques, Nice, 1996 / Sous la dir. de D. Musset, C. Fabre-Vassas*. Paris: Editions du CTHS, 1999. P. 21-28.
192. *Fichman M.* French Stahlism and Chemical Studies of Air // *Ambix*. 1971. Vol. 18. P. 94-122.
193. *Findlen P.* Possessing Nature: Museums, Collecting, and Scientific Culture in Early Modern Italy. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1994
194. *Framing Disease: Studies in Cultural History*. Ed. by Ch. E. Rosenberg, J. L. Golden. New Brunswick: Rutgers University Press, 1992
195. *Freeze G. L.* The *Soslovie* (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91. No. 1. P. 11-36.
196. *Frieden N. M.* The Russian Cholera Epidemic, 1892-1893, and Medical Professionalization // *Journal of Social History*. 1977. Vol. 10. No. 4. P. 538-559.
197. *Frieden N. M.* Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton: Princeton University Press, 1981
198. *Frieden N. M.* The Politics of Zemstvo Medicine // *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*. Ed. by T. Emmons, W. S. Vucinich. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1982. P. 315-342.
199. *Frykman J., Löfgren O.* Culture Builders: A Historical Anthropology of Middle-Class Life. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987
200. *Gade D. W.* Redolence and Land Use on Nosy Be, Madagascar // *Journal of Cultural Geography*. 1984. Vol. 4. No. 2. P. 29-40.
201. *Gaukroger S.* The Collapse of Mechanism and the Rise of Sensibility: Science and the Shaping of Modernity, 1680-1760. Oxford: Clarendon Press, 2010
202. *Gay P.* The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. 5 vols. Vol. 1. Education of Senses. New York, London: Norton, 1984-1998

203. *Gell A.* Magic, Perfume, Dream // Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism. Ed. by I. Lewis. London, NY, San Francisco: New York Press, 1977. P. 25-38.
204. *Gilbert P. K.* Cholera and Nation: Doctoring the Social Body in Victorian England. Albany: State University of New York Press, 2008
205. *Gilman S. L.* Inscribing the Other. Lincoln: University of Nebraska Press, 1991
206. *Goody J.* The Anthropology of the Senses and Sensations // *La Ricerca Folklorica*. 2002. No. 45: Antropologia delle sensazioni. P. 17-28.
207. *Goody J., Watt I.* The Consequences of Literacy // *Comparative Studies in Society and History*. 1963. Vol. 5. No. 3. P. 304-345.
208. *Gossen G.* Chamulas in the World of the Sun. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974
209. *Greenhalgh P.* Ephemeral Vistas: The Expositions Universelles, Great Exhibitions and World's Fairs, 1851-1939. Manchester: Manchester University Press, 1991
210. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991
211. *Hall E. T.* The Hidden Dimension. NY: Doubleday, 1966
212. *Hall E. T.* Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder & Jahr, 1983
213. *Halliday S.* Great Stink of London: Sir Joseph Bazalgette and the Cleansing of the Victorian Metropolis. Stroud: Sutton Publishing, 2001
214. *Hamlin Ch.* Public Health and Social Justice in the Age of Chadwick: Britain, 1800-1854. Cambridge: Cambridge University Press, 1998
215. *Hamlin Ch.* Cholera: The Biography. Oxford: Oxford University Press, 2009
216. *Hannaway C.* Environment and Miasmata // *Companion Encyclopedia of the History of Medicine*. Ed. by W. F. Bynum, R. Porter. London: Routledge, 1993. P. 292-308.
217. *Hardy A.* The Epidemic Streets: Infectious Disease and the Rise of Preventive Medicine (1856–1900). Oxford: Clarendon Press, 1993
218. *Hardy A.* Salmonella Infections, Networks of Knowledge, and Public Health in Britain, 1880-1975. Oxford: Oxford University Press, 2014
219. *Harris N. E.* The Idea of Lapidary Medicine: Its Circulation and Practical Applications in Medieval and Early Modern England, 1000-1750. PhD dissertation, Rutgers University,

New Brunswick, 2009

220. *Hau M.* The Cult of Health and Beauty in Germany: A Social History, 1890-1930. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2003
221. *Havelock E. A.* The Literate Revolution in Greece and its Cultural Consequences. Princeton: Princeton University Press, 1981
222. *Heilbrunner H.* The Russian Plague of 1878-79 // *Slavic Review*. 1962. Vol. 21. No. 1. P. 89-112.
223. *Henshaw V.* Urban Smellscapes: Understanding and Designing City Smell Environments. London, New York: Routledge, 2013
224. *Henze Ch. E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823-1914. Abingdon, NY: Routledge, 2011
225. *Howard-Jones N.* The Scientific Background of the International Sanitary Conferences, 1851-1938. Geneva: World Health Organization, 1975
226. *Howes D.* Charting the Sensorial Revolution // *The Senses and Society*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 113-128.
227. *Hutchinson J. F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1985. Vol. 40. No. 4. P. 420-439.
228. *Jenner M. S. R.* Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture // *Civil Histories: Essays Presented to Sir Keith Thomas*. Ed. by P. Burke, B. Harrison, P. Slack. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 127-144.
229. *Jordanova L.* The Social Construction of Medical Knowledge // *Social History of Medicine*. 1995. Vol. 8. No. 3. P. 361-381.
230. *Jørgensen D.* The Medieval Sense of Smell, Stench and Sanitation // *Les cinq sens de la ville: Du Moyen Âge à nos jours / Sous la dir. de R. Beck, U. Krampl, E. Retailaud-Bajac*. Tours: Presses universitaires François-Rabelais, 2013. P. 301-313.
231. *Jung D.* *Ethnography of Fragrance: The Perfumery Arts of Adan/Lahj*. Leiden, Boston: Brill, 2011
232. *Kearns G.* Private Property and Public Health Reform in England, 1830-1870 // *Social Science and Medicine*. 1988. Vol. 26. No. 1. P. 187-199.
233. *Kelly C.* *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford: Oxford University Press, 2001

234. *La Berge A. F.* Mission and Method: The Early Nineteenth-Century Public Health Movement. Cambridge: Cambridge University Press, 1992
235. *Labisch A.* The Social Construction of Health: From Early Modern Times to the Beginnings of the Industrialization // The Social Construction of Illness: Illness and Medical Knowledge in Past and Present. Ed. by J. Lachmund, G. Stollberg. Stuttgart: Steiner, 1992. P. 85-101.
236. *Lécuyer B.* Hygiène en France avant Pasteur, 1750-1850 // Pasteur et la révolution pastoriennne / Sous la dir. de C. Salomon-Bayet et B. Lécuyer. Paris: Payot, 1986. P. 67-139.
237. *Leeming H.* Polish and Polish-Latin Medical Terms in Pre-Petrine Russian // The Slavonic and East European Review. 1963. Vol. 42. No. 98. P. 89-109.
238. *Leicester H. M.* The Spread of the Theory of Lavoisier in Russia // Chymia. 1959. Vol. 5. P. 138-144.
239. *Leontieva A. N.* Review: Russia's Carnival: The Smells, Sights, and Sounds of Transition by Christoph Neidhart // The Slavic and East European Journal. 2003. Vol. 47. No. 4. P. 719-721.
240. *Livingstone-Smith D.* Less Than Human: Why We Demean, Enslave and Exterminate Others. New York: St. Martin's Press, 2011
241. *Lowe D. M.* History of Bourgeois Perception. Chicago: The University of Chicago Press, 1982
242. *Mandrou R.* Pour une histoire de la sensibilité // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1959. No. 3. P. 581-588.
243. *McGrew R. E.* Russia and the Cholera, 1823-1832. Madison: University of Wisconsin Press, 1965
244. La médicalisation de la société française 1770-1830 / Sous la dir. de J.-P. Goubert. Waterloo, Ontario: Historical Reflections Press, 1982
245. Medicine and the Five Senses. Ed. by W. F. Bynum, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993
246. *Morris R. J.* Cholera, 1832: The Social Response to an Epidemic. London: Croom Helm, 1976
247. *Moussy H.* Les topographies médicales françaises des années 1770 aux années 1880: essai d'interprétation d'un genre médical. Thèse de doctorat en Histoire, Université Panthéon-

- Sorbonne. Paris, 2003
248. *Neidhart Ch.* Russia's Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition. Oxford: Rowman&Littlefield Publishers, 2003
249. *Nutton V.* Greek Science in the Sixteenth-Century Renaissance // Renaissance and Revolution: Humanists, Scholars, Craftsmen and Natural Philosophers in Early Modern Europe. Ed. by J. V. Field, F. A. J. L. James. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 15-28.
250. *Ong W. J.* Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London, NY: Methuen, 1982
251. *Oris M.* Hygiène publique et médicalisation dans une cité industrielle: Seraing au XIXe et au début du XXe siècle // Revue belge de philologie et d'histoire. 1995. T. 73. No. 4. P. 983-1009.
252. *Porteous J. D.* Smellscape // Progress in Physical Geography. 1985. Vol. 9. No. 3. P. 356-378.
253. *Porter R.* Foreword // *Corbin A.* The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. P. I-XII.
254. *Porter R.* The Rise of Physical Examination // Medicine and the Five Senses. Ed. by W. F. Bynum, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 179-197.
255. *Pybus D.* Buying Fragrance Ingredients and Selling Fragrance Compounds // The Chemistry of Fragrances: From Perfumer to Consumer. Ed. by Ch. Sell. Cambridge: The Royal Society of Chemistry Publishing, 2006. P. 294-301.
256. *Reichardt E.* Health, 'Race' and Empire: Popular-Scientific Spectacles and National Identity in Imperial Germany, 1871-1914. Morrisville, NC: Lulu.com, 2008
257. *Reichel-Dolmatoff G.* Desana Animal Categories, Food Restrictions and the Concept of Color Energies // Journal of Latin American Lore. 1978. Vol. 4. No. 2. P. 243-291.
258. *Reinartz J.* Past Scents: Historical Perspectives on Smell. Chicago: University of Illinois Press, 2014
259. *Renner A.* Progress through Power? Medical Practitioners in Eighteenth-century Russia as an Imperial Elite // Acta Slavica Japonica. 2009. Vol. 27. P. 29-54.
260. *Richmond Ph. A.* American Attitudes toward the Germ Theory of Disease (1860-1880) // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1955. No. 9. P. 428-454.

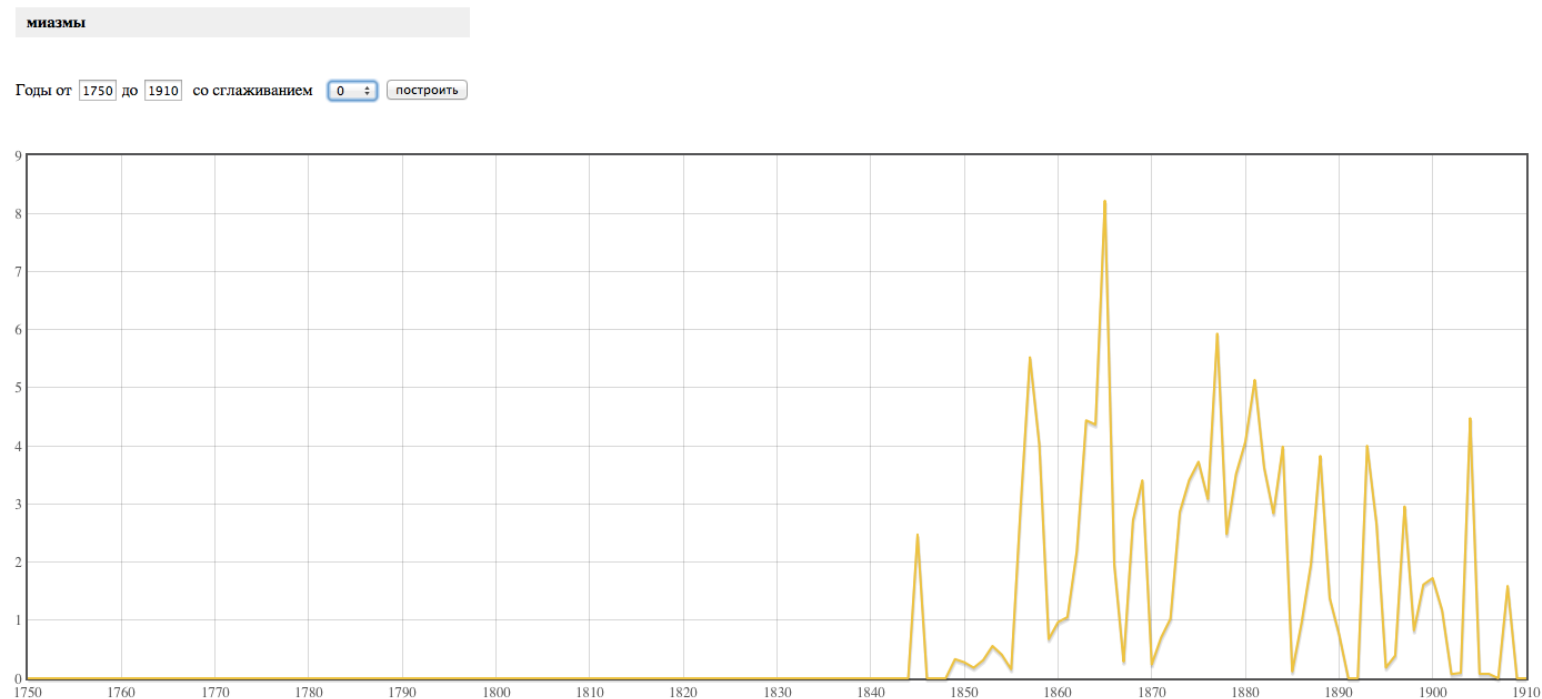
261. *Riese W.* The Impact of Romanticism on the Experimental Method // Studies in Romanticism. 1962. Vol. 2. No. 1. P. 12-22.
262. *Rindisbacher H. J.* The Smell of Books: The Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992
263. *Rofort M.-F.* Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle // Bulletin de l'Association de géographes français. 65e année. 1988. No. 5. P. 357-366.
264. *Roubin L. A.* Le monde des odeurs: Dynamique et fonctions du champ odorant. Paris: Méridiens-Klincksieck, 1989
265. *Rosenberg Ch. E.* Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. Cambridge, New York, Oakleigh: Cambridge University Press, 1992
266. Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices. Ed. by D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Palgrave Macmillan: New York, 2000
267. *Salomon-Bayet C.* L'institution de la science et l'expérience du vivant: Méthode et expérience à l'Académie royale des sciences, 1666–1793. Paris: Flammarion, 1978
268. *Schafer R. M.* The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. Rochester: Inner Traditions/Bear & Co., 1993
269. *Schoenwald R. L.* Training Urban Man: A Hypothesis About the Sanitary Movement // The Victorian City: Images and Realities. Ed. by H. J. Dyos, M. Wolff. 2 vols. London, Boston: Routledge and Kegan Paul, 1973. Vol. 2. P. 669-692.
270. *Schubert U.* Vorgeschichte der Internationale Hygiene-Ausstellung, Dresden 1911// Internationale Hygiene-Ausstellung Dresden 1911 und die Rolle Karl August Lingners. Materialien der Arbeitstagung. 19-29 November 1986. Deutsches Hygiene-Museum in der DDR. Dresden, 1986. S. 14-16.
271. *Seeger A.* Nature and Society in Central Brazil: The Suya Indians of Mato Grosso. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981
272. *Sigerist H. E.* Civilization and Disease. Ithaca: Cornell University Press, 1944
273. *Smith M. M.* Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History. Berkeley: University of California Press, 2007
274. *Snowden F.* Naples in the Time of Cholera, 1884-1911. Cambridge: Cambridge University Press
275. *Stearns P.* The Middle Class: Toward a Precise Definition // Comparative Studies in

- Society and History. 1979. Vol. 21. P. 377-396.
276. *Stevenson L. G.* Science down the Drain: On the Hostility of Certain Sanitarians to Animal Experimentation, Bacteriology and Immunology // *Bulletin of the History of Medicine.* 1955. Vol. 29. No 1. P. 1–26.
277. *Stieb E. W.* Drug Adulteration and Its Detection, in the Writings of Theophrastus, Dioscorides and Pliny // *Journal mondial de pharmacie.* 1958. P. 117-134.
278. *Stoller P.* The Taste of Ethnographic Things: The Senses in Anthropology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989
279. *Taithe B.* Defeated Flesh: Medicine, Welfare, and Warfare in the Making of Modern France. Manchester: Manchester University Press, 1999
280. *Thompson F. M. L.* Victorian England: The Horse-Drawn Society. London: University of London Press, 1970
281. *Tomes N.* The Private Side of Public Health: Sanitary Science, Domestic Hygiene, and Germ Theory, 1870-1900 // *Bulletin of the History of Medicine.* 1990. Vol. 64. No. 4. P. 509-539.
282. *Vigarelli G.* Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France since the Middle Ages. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1988
283. *Wheeler J.* Stench in Sixteenth-Century Venice // *The City and the Senses: Urban Culture since 1500.* Ed. by A. Cowan, J. Steward. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 25-38.
284. *Wickberg D.* What is the History of Sensibilities? On Cultural Histories, Old and New // *The Amercian Historical Review.* 2007. Vol. 112. No. 3. P. 661-684.
285. *Wilson C.* The Invisible World: Early Modern Philosophy and the Invention of the Microscope. Princeton: Princeton University Press, 1995
286. *Wohl A. S.* Endangered Lives: Public Health in Victorian Britain. London: Methuen, 1984
287. *Zakharine D.* Von Angesicht zu Angesicht. Der Wandel direkter Kommunikation in der ost- und westeuropäischen Neuzeit. Konstanz: UVK Verlag, 2005
288. *Zilsel E.* The Genesis of the Concept of Scientific Progress // *Journal of the History of Ideas.* 1945. Vol. 6. No. 3. P. 325-349.

ПРИЛОЖЕНИЕ

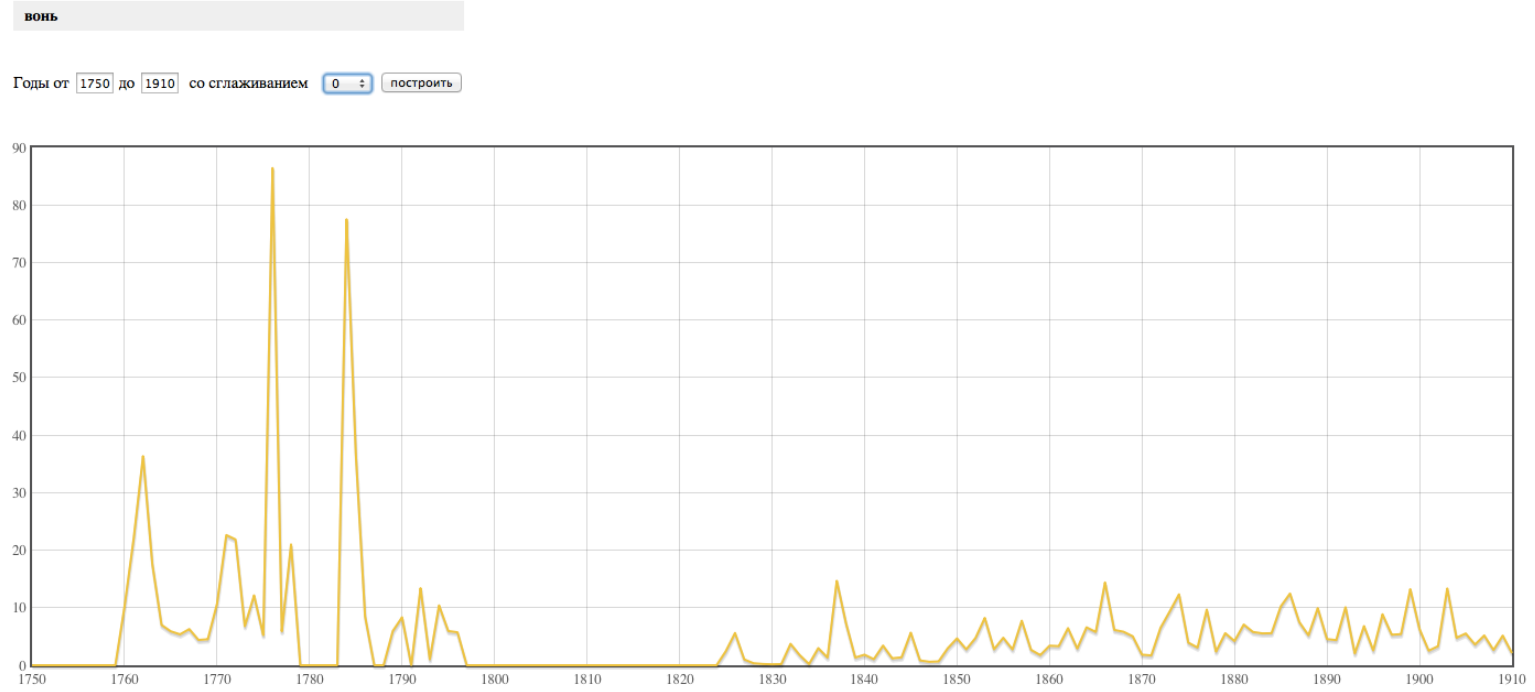
Таб. 1. Распределение частотности употребления слова *миазм* / *миазма* / *миазмы* по годам, по данным Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

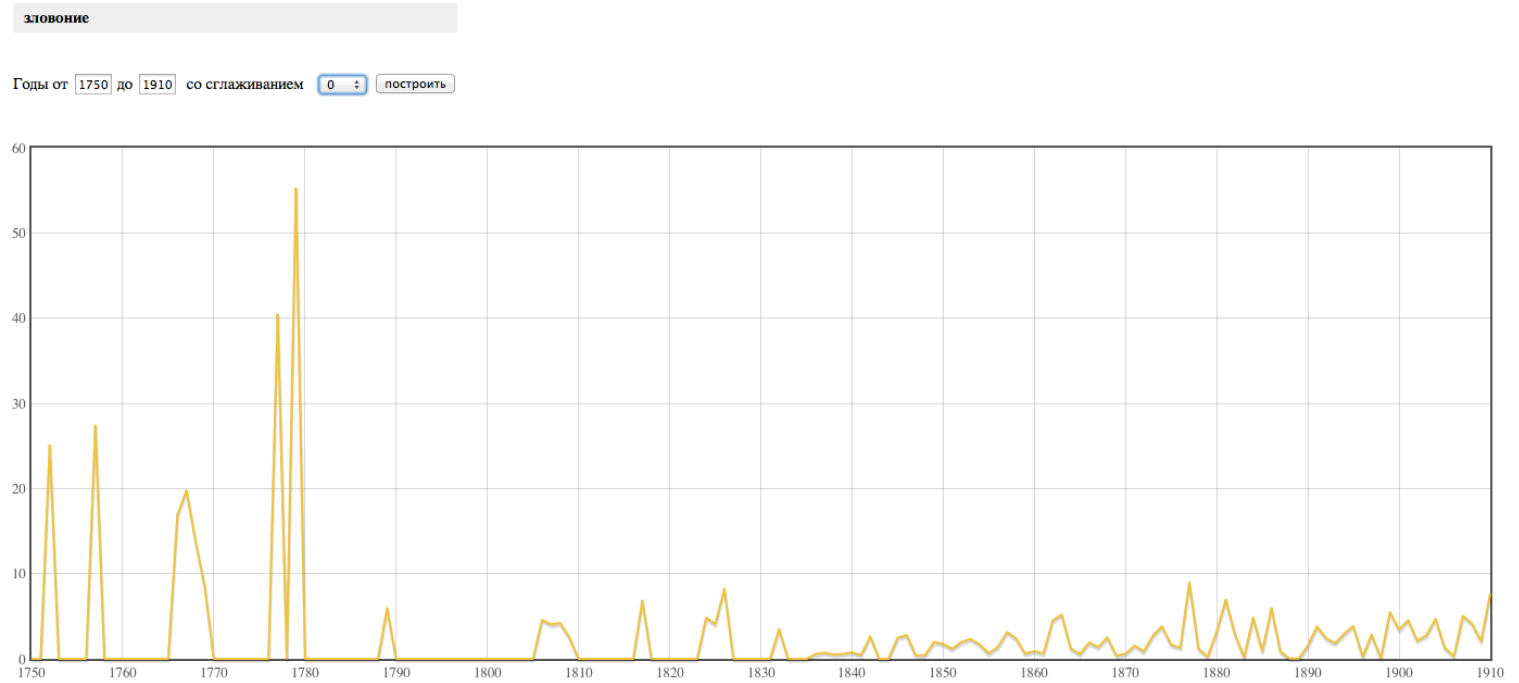
Таб. 2. Распределение частотности употребления слова *вонь* по годам, по данным Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

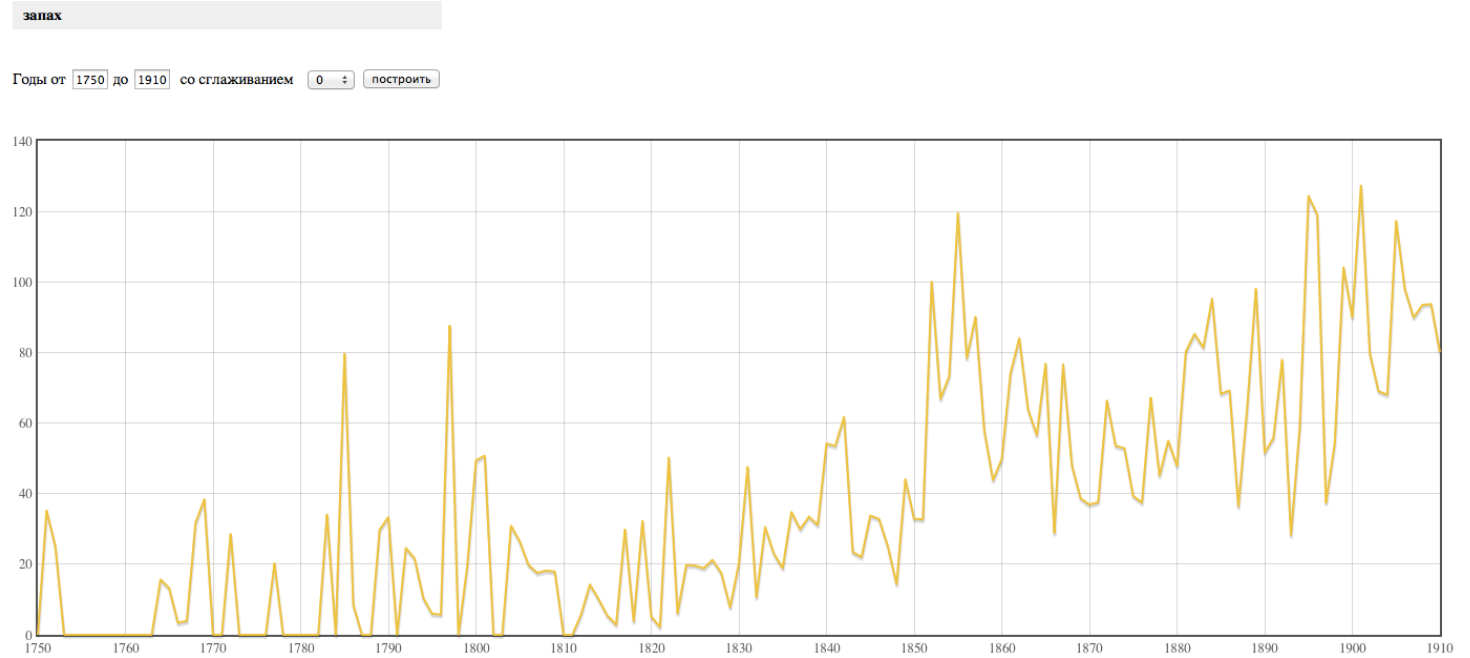
Таб. 3. Распределение частотности употребления слова *зловоние* по годам, по данным Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

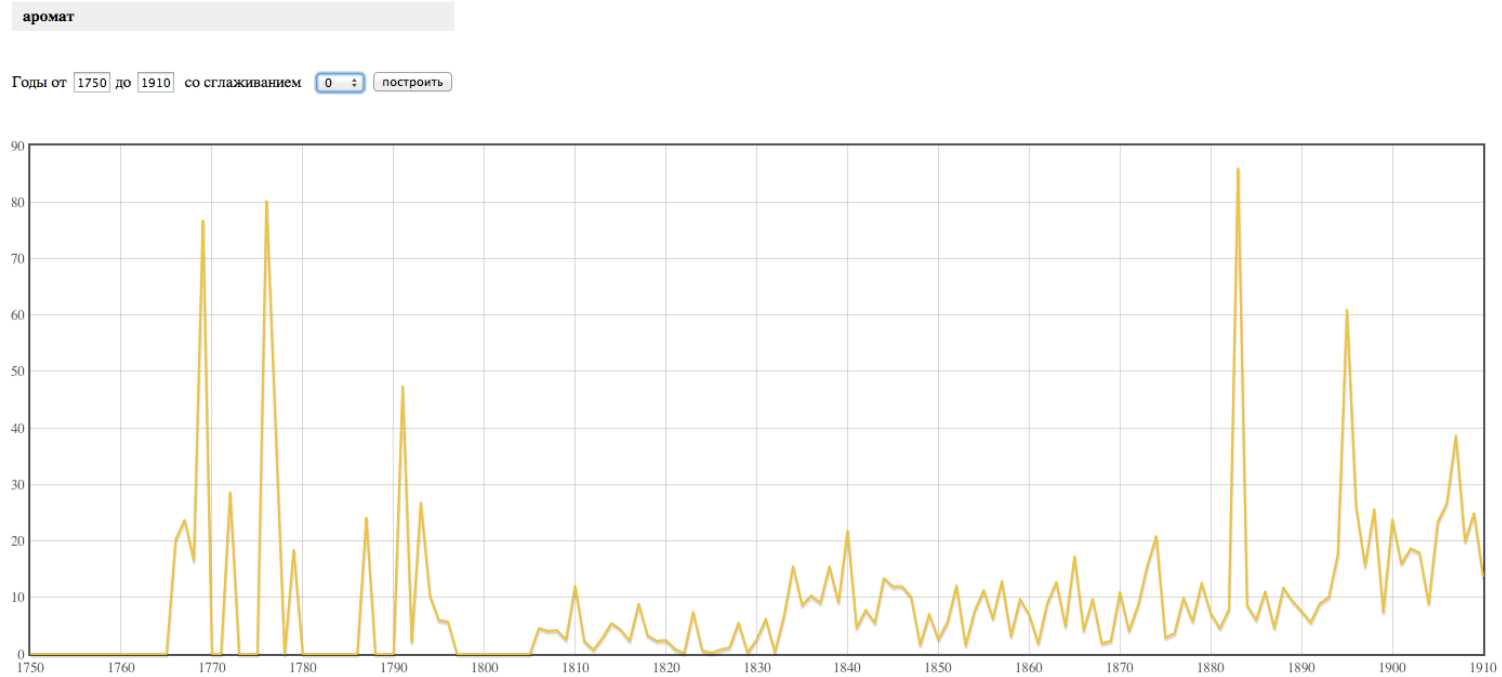
Таб. 4. Распределение частотности употребления слова *запах* по годам, по данным Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Таб. 5. Распределение частотности употребления слова *аромат* по годам, по данным Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Таб. 6. Характеристики запахов в «Российской фармакопее» (1802)

наличие/отсутствие	не имеет запаха (1)
интенсивность	почти неприметный; весьма легкий; слабый; не много пахучий; крепкий; сильный; тяжеловатый; несколько тяжелый; тяжелый; пронизательный; долго отзывающийся; из вещей, в которые проник, весьма долго не выходящий; летучий (13)
тип запаха	весьма благовонный; ароматный; ароматический; несколько ароматический; бальзамический (5)
аффективная характеристика	приятный; сносный; не неприятный; неприятный; пренеприятный; вонючий; несколько отвратительный; отвратительный; прегнусный (9)
характеристика по сходству	похожий на запах стираксы (а также ванили); псинистый; табачный; мышинный; травяной; такой же, как и от мела; совершенно похожий на запах бальзама перувианского, или стираксы, или амбры; похожий на гвоздичный; гвоздичный; камфарный; камфарный как бы с примесью терпентинного запаха; медовый; водянистый; фиалковый; похожий на запах цветка фиалки; на запах майорана похожий; похожий на укропный; чесночный; на запах розмарина похожий; отзывается немного ревенем; винный; коричный; морской; походит на запах коры с дерева рябины; похожий на запах сассафрасса; отзывается немного плесенью; похожий на запах жерухи; часто отзывающийся растениями, с которых мед собирается; похожий на запах желтизны лимонной корки; смоляной; спиртной; хлебный; похожий на запах смирны; на запах волошского укропу похожий; металлический; кислый; похожий на запах лавандовых цветов; похожий на запах солодкового корня или его экстракта; похожий на запах померанцевых цветов; клопами отзывающийся; подобный запаху щелочной летучей соли; как бы масляный; (свой) особенный (43)
характеристика по производимому эффекту	одуряющий; удушающий; чихание производящий; ест в носу и кидается в рот; в носу щиплющий; для головы полезный; горячий; едкий; из глаз слезы вызывающий; ядовитый (10)

Таб. 7. Характеристики запахов в «Техно-ботаническом словаре» Мартынова (1820)⁹²¹

латинский язык	русский язык
<i>acris</i>	острый
<i>alliaceo-foetidus</i>	чесночно-вонючий запах
<i>alliaceus</i>	чесночный, имеющий чесночный запах
<i>ambrosiacus</i>	амброзический, запах амброзический, который не имеет приятности и отличен от запаха мускатного (<i>moschatus</i>)
<i>aromaticus</i>	ароматный, ароматический, сим именем называют все растения, имеющие сильный и в то же время приятный запах
<i>balsamicus</i>	бальзамический, говорится о растениях и частях их, которые врачебною наукою признаны состоящими из водянистых, жирных и селитренных начал
<i>balsamoideus</i>	бальзамовидный; <i>odor balsamoideus</i> отличается от запаха бальзамического тем, что не имеет крепости сего последнего
<i>camphoratus</i>	камфорный, весьма известный и заметный запах
<i>caprinus</i>	козий, также имеющий козий запах
<i>cimicinus</i>	клоповый, имеющий вонючий запах клопов
<i>foetens, foetidus</i>	вонючий, смрадный, вонючий, смрадный; говорится о всякой части растения, издающей сильный и весьма неприятный запах
<i>foetidissimus</i>	превонючий
<i>fragrans</i>	пахучий, издающий пронизательное благовоние
<i>fragrantissimus</i>	препахучий, издающий пресильное благовоние
<i>hircinus, hircosus</i>	козлиный, воняющий козлом
<i>moschatus</i>	мушкатный, пахнувший мускусом
<i>myrrhiceus</i>	мирровый
<i>nauseabundus, nauseosus, nauseus</i>	отвратительный, позывающий на рвоту, производящий рвоту или тошноту
<i>odorans, odoratus, odorus</i>	пахучий, душистый
<i>odoratissimus</i>	препахучий, предушистый
<i>potaceus</i>	яблочный
<i>resinosus</i>	смолистый
<i>violaceus</i>	фиалковый

⁹²¹ Мартынов И. И. Техно-ботанический словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1820.